Российское КИТАЕВЕДЕНИЕ

1/1/2022

Декабрь 2022

Журнал издаётся Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) и основан в 2022 г., продолжая традиции академических журналов «Проблемы Китая» (1929 –1935) и «Советское китаеведение» (1958 –1959).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

- Бабаев К.В., и.о. директора ИКСА РАН, д.ф.н., проф. (председатель)
- Агафонов Д.В., заместитель начальника Управления Президента РФ по внешней политике
- Дацышен В.Г., профессор Кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, д.и.н.
- Денисов А.И., заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, к.э.н.
- Зиновьев Г.В., директор Первого департамента Азии МИД РФ, к.и.н.
- Карнеев А.Н., директор Школы востоковедения НИУ ВШЭ, к.и.н.
- Кашин В.Б., директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, к.п.н.
- Ларин В.Л., заведующий Центром глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, д.и.н., проф., академик РАН
- Ломанов А.В., руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, главный научный сотрудник ИКСА РАН, д.и.н., проф. РАН
- Лукин А.В., и.о. научного руководителя ИКСА РАН, руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД РФ, д.и.н., проф.
- Малявин В.В., главный научный сотрудник ИКСА РАН, д.и.н., проф.
- Моргулов И.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР
- Мясников В.С., главный научный сотрудник ИКСА РАН, академик РАН
- Панцов А.В., профессор Capitol University, США, д.и.н.
- Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей РАН, чл.-корр. РАН
- Самойлов Н.А., заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, директор Центра изучения Китая СПбГУ, д.и.н., проф.
- Торкунов А.В., ректор МГИМО МИД РФ, академик РАН
- Цыплаков С.С., профессор департамента международных отношений НИУ ВШЭ, к.э.н.

Иностранные члены Редакционного совета:

- Алимов Р.К., профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.п.н
- Вилсон Дж., почетный профессор Уитон-колледжа, США
- Гао Фэй, проректор Дипломатического университета МИД КНР
- Идэ К., Университет Васэда, Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), Япония
- Ли Цзинцзе, академик Китайской Академии общественных наук, КНР
- Ли Чжицян, декан Школы международных отношений Сычуаньского университета, КНР
- Ма Цзянган, директор Центра международных исследований Оборонного научно-технического университета, Чанша, КНР
- Фэн Юйцзюнь, заместитель директора Института международных исследований Фуданьского университета, КНР
- Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета, КНР

Редакция:
А.В. Лукин (главный редактор), И.Е. Денисов (заместитель главного редактора), И.Ю. Зуенко (ответственный секретарь), Ю.В. Кулинцев (заместитель главного редактора), А.А. Перминова (секретарь редакции).

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32.
+7 499 124 02 17; E-mail: journal@iccaras.ru; URL: http://rusinology.ru

Российское китаеведение
Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-75961 от 24.06.2019
Язык: русский, английский
Периодичность: 4 раза в год
ISSN: 2949-1223

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-75962 от 24.06.2019
Язык: русский, английский
Периодичность: 4 раза в год
ISSN: 2949-1207

Подписано в печать 20.12.2022.
Тираж 300 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Бабаев К.В. Новое «Российское китаеведение». Обращение учредителя 7

Лукин А.В. От Редакции. О новом журнале «Российское китаеведение» 11

ПРИВЕТСТВИЯ

Приветственное слово А.И. Денисова 16

Приветственное слово А.В. Торкунова 17

Приветственное слово В.С. Мясникова 18

Приветственное слово В.Л. Ларина 19

Приветственное слово Чжан Ханьхуэя 20

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Зуенко И.Ю. «И вечный бой...»: реформирование административного аппарата в современном Китае 22

Карнеев А.Н. Китайские ученые о конфуцианских ценностях в борьбе с эпидемией коронавируса 38

Ломанов А.В. «Камень с чужой горы»: российское китаеведение в китайском зеркале 49

Сазонов С.Л. Китайский и мировой автопром пытается оторваться от земли 65

Коробова А.Н. Историко-культурная самобытность Тяньцзиня в прозе Фэн Цзицая 81

Малявин В.В. О китайской цивилизации 95

Виногродская В.Б. «Оживление древних книг» в современном информационном пространстве 112

Кварталова Н.Л. Логика в Китае. Основные этапы становления 128

Дацышен В.Г. Цинский Китай как евразийское государство. К проблеме изучения истории Китая в России 141

Самойлов Н.А. Канси и Петр Великий: китайский взгляд на двух императоров 155

Башкеев В.В. Развитие политического процесса в империи Западная Хань во II—I вв. до н.э.: этапы противостояния старых и новых элит 171

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

Выступления на заседании Общества российско-китайской дружбы, посвященном 73-летию образования КНР

Выступление И.И.Мельникова 185

Выступление Чжан Ханьхуэя 188

Выступление А.И.Денисова: «Россия и Китай: добрые соседи и близкие партнёры (заметки дипломата)» 190

Лукин А.В. Памяти Эзры Вогеля 195

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

Васильев В.П. Китайский прогресс 199

РЕЦЕНЗИИ, БИБЛИОГРАФИЯ

Денисов И.Е. Диаспоральная политика КНР на весах истории и политологии (Рец.: Афонасьева А.В. Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление. М.: ИДВ РАН, 2022. 336 с.) 216

Стеженская Л.В. Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция): к выходу русского перевода А. Ю. Блажкиной (Рец.: Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А.Ю. Блажкиной. М.: ИКСА РАН, 2022. 318 с.) 223

Лукин А.В. Письмо главному редактору журнала «China International Strategy Review» 231

2022 год в российском китаеведении 234

CONTENTS

Babaev K.V. New “Russian China Studies”. Founder's message 7

Lukin A.V. From the editors. About the new journal “Russian China Studies” 11

GREETINGS

Denisov A.I. Welcome remarks 16

Torkunov A.V. Welcome remarks 17

Myasnikov V.S. Welcome remarks 18

Larin V.L. Welcome remarks 19

Zhang Hanhui. Welcome remarks 20

RESEARCH ARTICLES

Zuenko I.Yu. “And endless strife...”: Reforming the Administrative Apparatus in Modern China 22

Karneev A.N. Chinese Scholars on Confucian Values in the Fight against the Coronavirus Epidemic 38

Lomanov A.V. “A Stone from Someone Else’s Mountain”: Russian Sinology in Chinese Mirror 49

Sazonov S.L. The Chinese and Global Automobile Industry is Taking off 65

Korobova A.N. Historical and Cultural Identity of Tianjin in Feng Jicai's prose 81

Maliavin V.V. On Chinese Civilization 95

Vinogrodskaya V.B. “Revival of Ancient Books” in the Current Information Space 112

Kvartalova N.L. The Main Stages of the Formation of Logic in China 128

Datsyshen V.G. Qing China as a Eurasian state: On the Problem of Studying the History of China in Russia 141

Samoylov N.A. Kangxi and Peter the Great: Chinese View on the Two Emperors 155

Bashkeev V.V. The Development of the Political Process in the Western Han Empire in II—I centuries B.C.: Stages of Confrontation between the Old and New Elites 171

ESSAYS, MESSAGES, NOTES

Speeches at a meeting of the Russian-Chinese Friendship Society dedicated to the 73rd anniversary of the founding of the PRC

Melnikov I.I 185

Zhang Hanhui 188

Denisov A.I. Russia and China: Good Neighbors and Close Partners (A Diplomat's Notes) 190

Lukin A.V. In Memory of Ezra Vogel 195

PUBLICATIONS AND TRANSLATIONS

Vasiliev V.P. The Chinese Progress 199

REVIEWS, BIBLIOGRAPHY

Denisov I.E. PRC Diaspora Policy on the Scales of History and Political Science (Review: Afonaseva, A.V. (2022). Diasporal'naya politika KNR: sotsial'no-ekonomicheskoye napravleniye [PRC Diaspora Policy: Socio-Economic Dimension]. Moscow: IFES RAS. (In Russian) 216

Stezhenskaya L.V. Kong-zi jia yu (Speeches of the Confucius School): On the Russian translation by A. Yu. Blazhkina (Review: Kong-zi jia yu (Rechi shkoly Konfutsiya) (2022). Per. s kit., issled. i primech. A. Yu. Blazhkinoy. Moscow: IKSA RAN. 318 pp. (In Russian) 223

Lukin A.V. Letter to the Editor-in-Chief of *China International Strategy Review* 231

2022 in Russian China Studies 234

От учредителя
НОВОЕ «РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ»

Сегодня впервые в российской истории Китай стал важнейшим внешнеполитическим и торгово-экономическим партнёром нашей страны. Отношения стратегического партнёрства, развивающиеся уже более двух десятилетий к настоящему времени достигли своей высшей точки за всю историю. Китай и Россия не только тесно сотрудничают в политической, экономической, военной сферах, активно поддерживают друг друга на международной арене, но и разделяют взгляды на современное мироустройство, принципы международных отношений и базовые социальные ценности. Их взаимодействие формирует основу двух наиболее перспективных международных объединений — ШОС и БРИКС. Столь тесной координации между руководителями двух стран, какую сегодня мы видим между В.В. Путиным и Си Цзиньпином, не было даже в «медовый месяц» советско-китайских отношений в 1950-е годы Можно констатировать, что как Китай для России, так и Российская Федерация для КНР, являются важнейшими партнерами— даже при отсутствии формального союза.

Стремительное укрепление политических связей и быстрый рост товарооборота между двумя евразийскими сверхдержавами — индикаторы «поворота России к Азии», важнейшая составная часть которого — именно расширение взаимодействия с КНР. Однако такой поворот невозможен без научно-исследовательской основы. Сегодня и власть, и бизнес хорошо осознают, что без глубокого знания и понимания Китая, его политического устройства, принципов экономической политики, деловой культуры, норм общения диалог налаживается с большим трудом. Для того, чтобы сотрудничество в любой области — будь то энергетика, военно-техническое или культурное взаимодействие, координация в рамках международных организаций — было успешным и в полной мере обеспечивало интересы России, необходимо изучать, понимать, уметь слышать наших китайских партнёров.

В последние годы много говорилось о том тяжёлом периоде, который переживало российское китаеведение в последние десятилетия. Мы верим, что это время уже позади. Сегодня мы видим две тенденции, которые должны заложить динамичный рост этой отрасли российской науки и образования. С одной стороны, государство уделяет всё больше внимания новым инициативам и проектам, направленным на практическое изучение современного Китая, его экономики, внешней и внутренней политики, социальных процессов в стране, современной китайской культуры. Быстрыми темпами растёт за-

прос на качественную аналитику, экспертизу, практическую информацию о нашем крупнейшем соседе со стороны органов государственной власти, крупных отечественных корпораций. С другой, всё больше молодых людей в России стремятся связать свою карьеру с Китаем и российско-китайскими отношениями. Есть уверенность, что спрос на китаеведческое образование и науку, поддержка их со стороны государства и бизнеса будут расти и далее — прямо пропорционально росту интенсивности российско-китайского сотрудничества.

Новое название нашего института — «Институт Китая и современной Азии РАН» (ИКСА), продолжающего славные традиции Института Дальнего Востока (ИДВ), отражает эту новую эпоху в российском китаеведении. Сегодня мы активно возрождаем тот уровень научных исследований и анализа, который характеризовал ИДВ АН СССР в тот период, когда вместе с ЦК КПСС и МИД СССР институт участвовал в формировании восточной политики страны. Мы сформировали самую мощную в стране команду исследователей современного Китая, объединяющую как выдающихся специалистов старшего поколения, так и динамичных молодых исследователей. Мы ставим себе новые амбициозные цели издания крупных коллективных монографий, разработки образовательных программ для крупнейших федеральных университетов, подготовки качественной аналитики для органов власти.

Однако сегодня монополия на исследования в области китаеведения не может и не должна принадлежать одному научному центру. Напротив, только объединение усилий ведущих профессионалов из различных научных и образовательных центров, дискуссии между ними могут придать нужный импульс развитию китайских исследований в России. Именно поэтому мы заключили соглашения о сотрудничестве с целым рядом ведущих университетов Москвы и других регионов России, запустили совместные научные проекты с академическими институтами.

Весной 2022 г. на базе ИКСА РАН заработал Координационный совет по Китаю, странам Восточной и Юго-Восточной Азии (КСК), созданный при поддержке Администрации Президента, МИД России и Совета Безопасности РФ по инициативе трёх ведущих международных центров — НИУ ВШЭ, МГИМО МИД РФ и ИКСА РАН[1]. Совет проводит различные встречи и мероприятия с участием ведущих китаеведов и руководителей внешнеполитических ведомств, консультирует органы власти и государственные корпорации по вопросам сотрудничества с Китаем, активно взаимодействует с деловыми объединениями. КСК стал пилотной инициативой по объединению китаеведческого сообщества России для формирования государственной политики на восточном направлении.

Журнал «Российское китаеведение» — ещё одна важнейшая объединительная инициатива ИКСА РАН. Журнал, создаваемый в партнёрстве с коллегами из других китаеведческих центров, призван стать первым в России

[1] В России создан научный Координационный совет по Китаю, Восточной и Юго-Восточной Азии. Рамблер, 31.03.2022. URL: https://news.rambler.ru/politics/48402017-v-rossii-sozdan-nauchnyy-koordinatsionnyy-sovet-po-kitayu-vostochnoy-i-yugo-vostochnoy-azii/

академическим научным изданием, целиком посвящённым древнему и новому Китаю, китайской цивилизации. Идея такого журнала была высказана ещё в 2011 г. выдающимся китаеведом А.И. Кобзевым в обращении к Президенту РФ Д.А. Медведеву[1], и она вполне логична. В России сегодня издаётся целый ряд авторитетных востоковедческих научных журналов, где публикуются работы в том числе по Китаю: прежде всего это «Восток» в ИВ РАН и «Проблемы Дальнего Востока» в ИКСА РАН. Однако количество и общий объём исследований растут, их важность также возрастает, так что российскому китаеведческому сообществу нужно собственное научное периодическое издание.

В этом смысле журнал «Российское китаеведение» призван стать продолжателем дела двух своих предшественников прошлого столетия: журнала «Проблемы Китая», издававшегося в 1929—1935 гг. Научно-исследовательским институтом по Китаю при Коммунистической академии[2], и журнала «Советское китаеведение», выходившего в 1958 г. в Институте китаеведения АН СССР и вскоре закрытого по политическим причинам вместе с самим институтом[3]. Оба журнала возникали как издания соответствующих китаеведческих институтов, но печатали работы учёных и из других учреждений, объединяя таким образом китаеведческое сообщество.

«Российское китаеведение» также не будет монополизировано Институтом Китая РАН. Миссия нашего журнала — стать единым периодическим научным изданием сообщества китаеведов России и стран бывшего СССР. В состав Редакционного совета издания приглашены выдающиеся учёные, представляющие все крупнейшие центры отечественных исследований древнего и современного Китая. Это подчёркивает стремление нашего журнала охватить все отрасли китаеведения — от политологии до искусствоведения, привлечь к сотрудничеству учёных из регионов, а также из стран СНГ, где также любят и изучают Китай.

Задача расширения исследований Китая, китайской культуры и цивилизации — задача всецело государственная. В связи с этим журнал «Российское китаеведение» планирует координировать свою деятельность с внешнеполитическим руководством страны, в том числе через его представителей в Редакционном совете, информировать руководство федеральных органов власти о важнейших работах, вышедших в журнале по вопросам, имеющих отношение к внешней и внешнеэкономической политике России.

При наборе портфеля публикаций мы очень рассчитываем на участие молодых российских китаеведов. Для этого в журнале предусмотрен специальный раздел с информацией о защитах кандидатских и докторских диссерта-

[1] Виноградов А.В., Кобзев А.И. Российское китаеведение: современное состояние и основные проблемы// Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 6, 2021. С. 79.

[2] Мясников В.С. Первый в России научно-исследовательский Институт по Китаю. // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 136—155.

[3] Головачёв В.Ц. (отв. ред.). Российское китаеведение — устная история: сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX—XXI вв. Т. 1. М., ИВ РАН, МАКС Пресс, 2018. С. 137.

ций, а также раздел хроники научных мероприятий, в числе которых будут публиковаться и материалы о форумах молодых учёных.

Современный академический журнал невозможен без сотрудничества с зарубежными партнёрами. Мы планируем активно взаимодействовать с нашими коллегами как в Китае, так и в других странах мира, где существуют развитые китаеведческие школы, привлекать зарубежных авторов к публикации статей в «Российском китаеведении», инициировать совместные мероприятия и научные проекты с редакциями зарубежных научных журналов. Мы благодарны иностранным коллегам, откликнувшимся на наше приглашение к участию в работе Редакционного совета. Рассчитываем, что журнал сможет со временем занять в ряду наиболее авторитетных изданий о Китае то место, которого заслуживает современное российское китаеведение, и будем стремиться к индексации в основных международных базах периодических изданий.

Однако наша главная цель остаётся в России: внести вклад в развитие российской китаеведческой науки, поднять на новую высоту престиж отечественного китаеведения, способствовать дальнейшему сближению нашей страны с её великим восточным соседом.

В добрый путь!

К.В. Бабаев, д.ф.н.,
и.о. директора Института Китая и современной Азии РАН

От Редакции
О НОВОМ ЖУРНАЛЕ «РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ»

Дорогие читатели!

Перед Вами — первый номер нового научного журнала «Российское китаеведение». Новые журналы появляются практически постоянно, поэтому позвольте пояснить, почему, по нашему мнению, сегодня нам крайне необходим именно этот.

Во-первых, Китай является крупнейшим российским соседом, важнейшим стратегическим и экономическим партнером и совершенно очевидно, что нам в России его надо хорошо знать. Лучшему знанию других государств способствует расширение политических, экономических, научных и культурных обменов, издание различной литературы о них, рассказы о них в СМИ и проч. Все это в случае с Китаем уже происходит в России. Но важнейшим средством познания являются научные исследования обществ других стран, их политических, экономических и социальных систем, академических, культурных, спортивных и других достижений и неудач.

Тем не менее, несмотря на то что с самого образования современного российского государства в 1991 г. роль и значение Китая в мире неуклонно возрастала, в нашей стране не издавалось ни одного научного журнала, полностью посвященного этой стране. Не было таких журналов и в царской России (тогда такое вообще не было принято), и лишь очень короткое время выходили они в СССР. Между тем в нашей стране издается множество научных журналов, посвященных другим странам. Например, в Институте США и Канады РАН выходит два журнала, посвященных США и американо-российским связям, в Институте Китая и современной Азии выпускаются отдельные журналы по Японии, Корее и Вьетнаму. Есть журналы и по регионам, которые, однако, по значению для России вряд ли можно признать более важными, чем огромный Китай: несколько журналов посвящено проблемам Европы, есть отдельные издания по Латинской Америке и Африке. Конечно, существуют весьма уважаемые журнальные издания, которые частично посвящены китайским проблемам, многие из них издаются еще с советского времени и заслуженно обладают высокой научной репутацией: «Проблемы Дальнего Востока», «Восток (Oriens)», «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право», и другие. Однако в сегодняшней ситуации, когда научные исследования имеют тенденцию к специализации, а ученые-китаеведы сталкиваются с трудностями при публикации результатов своих исследо-

ваний, «Российское китаеведение» будет заполнять важную лакуну, долго существовавшую в российском научном сообществе.

Во-вторых, именно сегодня, в ситуации, когда государства Азии, прежде всего, Китай, становятся ключевыми партнерами России, заменяя страны Запада, нам крайне необходимо придать новый импульс развитию российского китаеведения. Между тем с 90-х годов прошлого века в России доминировало представление о приоритете зарубежной науки над российской во всех сферах и о необходимости подогнать российские научные исследования и систему образования под иностранные стандарты, порой при полном игнорировании собственно российской традиции разных периодов.

Вкупе с недостаточным финансированием научной отрасли этот подход привел к тяжелым, почти катастрофическим последствиям. Характерный для Запада утилитарно-практический подход к гуманитарной науке, распространение различных формально-арифметических методов учета и оценки ее результатов привели к уходу из нее как ряда опытных, так и молодых и активных исследователей, и к серьезному снижению общего уровня научного анализа. Все это, естественно, затронуло и состояние китаеведения. Сегодня положение с финансированием несколько улучшилось, однако проблема восстановления и развития уникальных и плодотворных национальных традиций гуманитарного познания все еще решается довольно трудно. В этом отношении мы считаем своей миссией внести вклад в это важное дело и издавать журнал международного уровня, одновременно продолжающий и углубляющий богатейшие традиции российского китаеведения.

Как видятся нам характерные особенности этой традиции? Во-первых, китаеведение в России всегда сочетало конкретные, современные, насущные задачи с фундаментальными исследованиями. Этому есть простое объяснение: если на Западе в XVIII—XIX веках российские ученые сталкивались в целом со знакомым обществом, где люди говорили на понятных для большинства образованных россиян языках и обсуждали те же проблемы, что занимали и российское общество, то на Востоке они столкнулись с совершенно иными, малопонятными культурами. При этом расширяющаяся Российская империя должна была иметь с ними весьма практические дела. Тут сразу же выяснилось, что адекватное понимание мотивов и позиций новых азиатских партнеров (или оппонентов) невозможно без более глубокого изучения их культуры, традиций, философии и психологии. Таким образом, непосредственное соседство России с азиатскими державами, нараставший азиатский элемент в самой России (например, вхождение в нее народов, близких по языку и культуре к народам соседних азиатских стран) привели к тому, что именно в нашей стране лучше понимали связи фундаментального и практического востоковедения. Характерно, что если европейское китаеведение началось во многом с умозрительных работ направленных в Китай иезуитских миссионеров, преследовавших чисто духовные цели, то в России оно выросло из необходимости готовить переводчиков для обслуживания практических переговоров о границе, торговле и т. п., и даже сотрудники русских духовных миссий в Пекине поначалу занимались не миссионерством, а по большей части дипломатической работой и изучением современного состояния страны.

Разделение между теоретическим и практическим китаеведением сохранилось на Западе и сегодня. Конечно, там существуют весьма солидные исследователи, изучающие классические китайские трактаты и древнюю историю. Однако они почти не связаны с политологами-международниками, которые мало знают о китайской истории и традициях и потому иногда высказывают весьма поверхностные суждения о современной китайской политике и мотивации действий китайского руководство. При этом они порой свысока относятся к фундаментальным исследованиям, считая их заумными и бессмысленными для «практического дела». Вряд ли нам необходимо копировать эту малоконструктивную западную традицию. Стоит, наоборот, развивать собственную, основанную на соединении и взаимном обогащении фундаментальных и практических подходов. Именно на этой основе возможны как более реалистичные оценки нынешнего состояния китайского общества и рекомендации относительно российской политики в отношении Китая, так и более адекватное понимание фундаментальных проблем китаеведения.

Российские исследователи и сегодня обладают целым рядом преимуществ в понимании современного Китая. Например, общая история социалистического периода, тот факт, что как политическая система Китайской Республики (в особенности, партия Гоминьдан), так и КНР, во многом были построены по советскому образцу, дают российским исследователям, хорошо знакомым с подобными системами по собственному опыту, возможность для лучшего понимания механизмов власти и ее идеологической основы в современном Китае.

Все эти традиции российского и советского китаеведения мы намерены продолжать и развивать. При этом мы, естественно, нисколько не умаляем значения научных контактов и сотрудничества с зарубежными коллегами. Хотя национальные школы китаеведения несколько отличаются и каждая имеет свои преимущества и недостатки, само китаеведение, как и любая отрасль науки, не имеет национальных границ. Мы очень рады, что в Редакционный совет нашего журнала согласились войти ряд выдающихся специалистов-китаеведов из Китая, Японии и США, а также большое число известных российских экспертов — как теоретиков, так и практиков. Мы планируем в каждом номере публиковать работы зарубежных коллег по самым различным направлениям китаеведения, а также труды китайских коллег по более широким вопросам, так как они дают важный материал для понимания современного Китая.

В-третьих, китаеведение в России всегда считалось не просто абстрактной научной областью, но и общественным явлением. Китай и отношение к нему у политиков, мыслителей и общественных деятелей часто определялось общефилософскими и общеполитическими взглядами, Китай был символом в дискуссиях о судьбе России и мира. И научные журналы отражали эту реальность, публикуя не только чисто научные статьи, но и отчеты о научных дискуссиях, тексты выступлений известных общественных деятелей и ученых на различных публичных мероприятиях, а также излагающие различные позиции письма, обращения и критические рецензии. Поэтому, сохраняя ядро, состоящее из научных статей, мы будем отводить некоторые разделы публи-

цистическим и дискуссионным материалам, как современным, так и историческим, для того чтобы наши читатели были в курсе дискуссий вокруг Китая и китаеведения. Мы считаем, что подобные материалы не противоречат научному содержанию журнала и могут рассматриваться в качестве источников для исследователей, занимающихся отношением к Китаю в российском обществе.

Исходя из этих соображений, мы и составили первый номер нашего журнала. В блоке научных статей представлены исследования самых различных сторон жизни как современного, так и традиционного Китая. Особенно важно, что авторы представляют научные и образовательные учреждения различных регионов России. Развитые школы китаеведения существуют и успешно работают в разных частях страны: в Москве, Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке (Владивосток, Благовещенск), в Казани, в Бурятии и Калмыкии (в основном исследования буддизма), есть известные исследователи и в других частях страны. Мы надеемся, что наш журнал станет платформой, отражающей китаеведческие достижения всех существующих в стране научных центров. Важно также, что комплексный характер российского китаеведения заключался и в том, что в него всегда входило не только исследование собственно китаеязычной культуры, но также маньчжуроведение, монголоведение (в его китайской части) и тибетоведение, а также исследования национальных меньшинств Китая. Мы приветствуем статьи и по этим направлениям.

В рубрике «Обзоры, сообщения, заметки» мы публикуем наиболее интересные и значительные выступления участников заседания Общества российско-китайской дружбы (ОРКД), посвященного 73-летию образования КНР. ОРКД — наш ценный партнер, на его заседаниях ученые и практические политики из Китая и России часто обсуждают ключевые вопросы взаимодействия наших стран как в прошлом, так и в настоящем. Однако, к сожалению, материалы этих обсуждений пока не в достаточной степени становились достоянием научной общественности. Отдельная заметка рубрики посвящена недавно ушедшему от нас выдающемуся американскому востоковеду, специалисту по Китаю и Японии Эзре Вогелю и вышедшему в его честь сборнику научных трудов. Профессор Вогель был ярким исключением из американской традиции, он обладал обширными познаниями как по истории, так и по современному состоянию Китая, и сочетал научные исследования с практической деятельностью. Сыграл он и большую роль в развитии контактов между американскими и советскими, а позднее — российскими китаеведами.

В рубрике «Публикации и переводы» публикуется статья, принадлежащая перу выдающегося российского китаеведа академика В.П. Васильева (1818—1900). В этом уникальном анализе китайского общества, предназначенном для широкого читателя, автор, отдавая дань критике некоторых аспектов китайского общественного устройства, в то же время фактически предсказывает великое будущее этой страны, ее превращение в мощную в военном, экономическом и культурном отношении державу. Следует иметь в виду, что написана статья в конце XIX века, когда Китай находился в весьма плачевном состоянии, и многие, в том числе и в России, говорили о его близкой смерти или расчленении. Возможно, знакомство с этой публикацией заставит заду-

маться тех, кто сегодня считает возможным игнорировать прогнозы и рекомендации профессиональных китаеведов.

В номер также вошли рецензии и отзывы о недавних публикациях по Китаю и российско-китайским отношениям, а также постоянный раздел кратких новостей о событиях в российском китаеведение, который, по нашему замыслу, должен давать читателю более полную информацию о том, чем занимаются и что обсуждают китаисты.

Надеюсь, что наш журнал будет интересен не только коллегам-специалистам по Китаю, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей, культурой, экономикой и политикой стран Востока, а также всем интеллектуалам, которых всегда, даже в самые сложные времена, в большом количестве рождала российская земля.

А.В. Лукин, д.и.н.,
главный редактор журнала «Российское китаеведение»

ПРИВЕТСТВИЯ

Приветственное слово А.И. Денисова

Читателям и авторам «Российского китаеведения»

История отечественного китаеведения отнюдь не уходит корнями в ветхозаветную старину. Наука эта по всем меркам сравнительно молодая. Её родоначальником — а лучше сказать, отцом-основателем — по праву считается о. Иакинф (в миру Николай Бичурин), возглавивший в начале XIX века Русскую православную духовную миссию в Пекине. Вернувшись после 10-летнего служения в Санкт-Петербург, он, опираясь на собранный им богатый материал, положил начало систематизированному научному изучению «недвижного Китая» (как назвал его примерно в те же годы А.С. Пушкин, кстати, подававший прошение на имя графа Бенкендорфа об отправке в далёкую страну по дипломатической линии).

Да, 200 лет — срок небольшой. Остаётся только поражаться, сколь много было сделано за эти годы, хотя, надо признать, наша китаистика никогда не ощущала себя в тепличных условиях. Сама возможность заниматься научным поиском порой доставалась поколениям учёных в борьбе с отнюдь не творческими препятствиями.

И всё же за эту пару столетий наше китаеведение не останавливалось в своём развитии.

Надо признать, что сохранить и передать преемникам результаты изысканий всегда помогали периодические научные издания: журналы, бюллетени, вестники, сборники. Их выпуском — делом хлопотным и в общем неблагодарным с точки зрения всякого рода лавров и прочих наград — всегда занимались люди увлечённые, преданные своему делу.

Китаеведы старших поколений, в том числе автор этих строк, с трепетом душевным берут в руки пожелтевшие номера «Народов Азии и Африки», других профильных изданий былых лет, но с особым чувством — нашего в течение многих лет ведущего (а для кого-то из коллег и путеводного) журнала «Проблемы Дальнего Востока». Он продолжает выходить, электронная версия не конкурирует с печатной, и хотелось бы надеяться на продолжение.

Однако следует признать, что научной периодики «много не бывает». Выход в свет нового систематизированного профильного издания «Российское китаеведение» можно только приветствовать. Хотелось бы надеяться, что в его журнальной политике восторжествует известный китайский девиз «бай

цзя чжэн мин» («Пусть соперничают сто школ»). Найдётся на его страницах место для молодых исследователей, сочетающих раскрепощённость научного поиска с преемственностью и верностью заветам «лаоши» (учителей).

Желаю новому изданию скорее стать «своим» для сообщества китаеведов!

К.э.н., первый заместитель председателя
Комитета по международным делам
Совета Федерации Федерального Собрания РФ,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
А.И. Денисов

Приветственное слово А.В. Торкунова

Дорогие коллеги!

С большим интересом узнал, что в ведущем институте РАН, занимающимся современной Азией — Институте Китая и современной Азии — создается новый научный журнал «Российское китаеведение», полностью посвящённый истории, культуре, экономике и внешней политике нашего великого соседа, и с благодарностью принял приглашение войти в состав его Редакционного совета. Изучение Китая для России всегда было крайне необходимо, а в нынешних условиях, когда эта страна превратилась в одного из мировых лидеров как в мировой экономике, так и в международной политике, оно становится еще более актуальным.

МГИМО со времени его создания всегда занимал лидирующие в стране позиции в области китаеведения. Важнейшую роль здесь играло изучение китайского языка. С самого начала существования нашей кафедры китайского языка обучение ему велось на самом высоком уровне. В МГИМО сложилась сильная лингвистическая школа со своими традициями, конкурирующая и в то же время сотрудничающая со школами других вузов СССР. Несмотря на свою молодость по сравнению со школами таких старых вузов, как Восточный факультет ЛГУ (ныне СПбГУ), Московский и Казанский университеты, МГИМО почти сразу вырвался в лидеры, и свои позиции сохранял и старается сохранить и сегодня. Это происходило в первую очередь благодаря тщательному отбору профессорско-преподавательского состава. У нас работали такие выдающиеся китаеведы, как автор первых в СССР учебников китайского языка Б.С. Исаенко, специалисты по грамматике Н.Н. Коротков, В.И. Горелов, В.М. Солнцев, составитель многочисленных словарей и разработчик преподавания иероглифики А.В. Котов, блестящий переводчик и исследователь китайского языка М.Г. Прядохин, автор используемых и сегодня в большинстве российских вузов учебников А.Ф. Кондрашевский, специалист по общественно-политическому переводу И.В. Войцехович. Историю Китая преподавали у нас выдающиеся ученые, некоторые из которых были также и дипломатами: академик С.Л. Тихвинский, заместитель министра иностранных дел СССР М.С. Капица, профессора А.В. Меликсетов, Л.С. Васильев. И сегодня в МГИМО работают лидеры российского китаеведения: специали-

сты по истории и внешней политике Китая профессора А.Д. Воскресенский и А.В. Лукин, посол по особым поручениям МИД К.М. Барский, эксперт по фонетике и диалектам китайского языка А.Н. Алексахин и другие.

Для поддержания высокого уровня изучения Китая и китайского языка в МГИМО была создана целая система сотрудничества с китайскими вузами и другими партнерами. В 2001 г. на правительственном уровне был подписан Протокол между МГИМО и МИД КНР, по которому происходит обмен кадрами. Наши преподаватели имеют возможность проходить стажировку, направленную на повышение квалификации в пекинских вузах, а молодые дипломаты КНР ежегодно приезжают в Москву и обучаются в МГИМО в течение двух семестров.

Мы давно и системно работаем с рядом ведущих университетов Китая по близкой МГИМО тематике. Одно из первых, причем бессрочных, соглашений о сотрудничестве было подписано с Китайским институтом международных проблем, входящим в систему МИД КНР. Подписано более 10 соглашений с различными вузами Китая, успешно работает магистерская программа двойного диплома по экономике совместно с Университетом международного бизнеса и экономики — одним из флагманов экономического образования в КНР.

Создание журнала «Российское китаеведение» — значительный шаг вперед в деле объединения усилий российских специалистов по углублению нашего понимания Китая. Это в значительной мере будет способствовать как решению чисто научных проблем, так и выработке оптимального внешнеполитического курса нашей страны в современном мире. Уверен, что преподаватели, исследователи и аспиранты МГИМО внесут значительный вклад в развитие нового журнала, станут его постоянными авторами. И мы в МГИМО будем с интересом следить за публикуемыми в нем исследованиями китаеведов страны для углубления сотрудничества с целью лучшего понимания великого Китая.

Ректор МГИМО МИД России, академик РАН А.В. Торкунов

Приветственное слово В.С. Мясникова

Глубокоуважаемые коллеги!

Российская школа востоковедения охватывает широкий круг специалистов по Китаю, прошедших подготовку и в нашем Отечестве, и за рубежом. Хорошо, что у российского китаеведения будет свой специализированный журнал, трибуна и лаборатория исследовательской мысли и научного диалога. Это существенно расширяет знание об истории, современном состоянии и путях развития отечественной китаеведческой школы. На российском китаеведении, высокоразвитой отрасли науки, имеющей глубокие традиции, лежит очень важная миссия — готовить кадры тех, кто только входит в научное сообщество в качестве экспертов по развитию этой сферы знания, а также успешно просвещать широкий круг соотечественников.

Примечательно, что основание журнала «Российское китаеведение» по времени совпадает с 65-летним юбилеем Общества Российско-Китайской дружбы. Журналу есть, что освещать в истории и современности взаимоотношений России и её крупнейшего соседа Китая, в осмыслении важнейших перспектив их развития.

Очевидно, что редколлегии нужно быть в постоянной связи с многочисленным составом нынешних специалистов как собственно по Китаю, так и по соседними с ним странами. На журнале лежит ответственность за развитие наших связей с Китаем.

Важно обеспечение доступности журнала для широкого круга специалистов, что предполагает возможность подписки на его печатные экземпляры и размещение материалов в сети интернет.

Желаю всем участникам журнала научного вдохновения, творческих успехов и благоденствия!

Академик РАН В.С. Мясников

Приветственное слово В.Л. Ларина

Китаистов нынче в России немало. Китаеведы — наперечет
(к читателям первого номера журнала «Российское китаеведение»)

Китаеведы всегда были «штучным товаром». В какие-то времена их было в России больше, в какие-то, по разным причинам, их оставалось до обидного мало, непотребно мало для эффективного взаимодействия с такой древней, но при этом быстро меняющейся цивилизацией, как Китай. Крайне мало для ее понимания, осознания и наступательной трансляции необходимых знаний в те круги и слои населения, от которых реально зависят не только нынешние российско-китайские отношения, но и позиционирование России в мире.

К сожалению, востоковедение, как и многие другие значимые направления науки и образования, стало жертвой реформаторов от экономики и высшей школы последних трех десятилетий. Эти реформаторы так и не поняли, что китаеведов (как, впрочем, востоковедов и прочих «ведов») невозможно производить на свет методом массовой штамповки, так, как штампуют «эффективных менеджеров». Ставка на массовость и экономия на ресурсах привели к нынешнему печальному состоянию этой отрасли знаний. Как следствие, вновь наступили такие времена, когда интеллектуальная среда, формирующая представления россиян о Востоке вообще и Китае в частности, сильно разрежена. Политологические шаблоны подменяют страноведческие знания. Тон в информационном пространстве задают люди, которых назвать китаеведами при всей к ним снисходительности язык не поворачивается. И не совсем понятно, где, как и кем принимаются решения по принципиальным вопросам отношений России с Востоком, в том числе с Китаем.

К счастью, Россия богата умами и талантами, и в ней не благодаря, а вопреки продолжают рождаться алмазы. Но эти алмазы нуждаются в умелой шлифовке и огранке, чтобы они превратились в новые бриллианты россий-

ского китаеведения. Нужны неравнодушные учителя, возрожденные школы, платформы для общения и самореализации будущих светил науки.

В этих условиях инициативу создания журнала, который будет нести гордое и весьма обязывающее название «Российское китаеведение», можно только приветствовать. Но перед редакцией стоит непростая задача. Само название журнала ставит высокую планку требований и к авторам, и к редакторам. И крайне необходимо, чтобы эта планка не опускалась. Поэтому поздравляя всех нас, заинтересованных и неравнодушных, с выходом первого номера журнала, я призываю не расслабляться, не уповать на зум и печатные страницы, а чаще встречаться, общаться и приложить все усилия, чтобы российское китаеведение не осталось только журналом, не превращалось в поле боя «великих» и «непримиримых», а вновь стало живым, творческим, самобытным, развивающимся и уважаемым сегментом мировой науки.

Академик РАН В.Л. Ларин

Приветственное слово посла Чжан Ханьхуэя читателям первого номера журнала «Российское китаеведение» Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН)

Дорогие друзья-читатели, китаеведы!

Сердечно поздравляю вас с выходом первого номера журнала «Российское китаеведение» Института Китая и современной Азии Российской академии наук! У широкого круга российских китаеведов и любителей китайского языка появилась отличная платформа для общения и учебы, раскрылось важное окно для китайско-российских культурных обменов и заимствования опыта друг друга, а также для профессиональных китаеведных исследований в России.

Под стратегическим руководством председателя КНР Си Цзиньпина и президента РФ В.В. Путина китайско-российские отношения достигли беспрецедентно высокого уровня и вступили в новую эпоху, стали отношениями двух мировых держав с высочайшей степенью взаимного доверия, высочайшим уровнем координации и максимальной стратегической ценностью. В октябре этого года успешно прошел XX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, было избрано коллективное руководство ЦК КПК нового созыва, ядром которого является генеральный секретарь Си Цзиньпин. Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи были утверждены в качестве долгосрочной руководящей идеи нашей партии и государства. На съезде также был выработан стратегический план всестороннего продвижения дела великого возрождения китайской нации с помощью модернизации китайского типа.

Это открывает новые возможности для развития китайско-российских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

В великом процессе проведения модернизации китайского типа Китай хотел бы совместно с российскими партнерами использовать возможности огромного китайского рынка и институциональной открытости Китая, совместно с российской стороной активно раскрывать потенциал сотрудничества в новых развивающихся областях, создавать больше точек сочетания взаимных интересов и новых точек роста сотрудничества. Развитие китайско-российских отношений и углубление практического сотрудничества в новую эпоху требуют поддержки и участия большего числа специалистов с китайским языком, и это, безусловно, предоставляет беспрецедентные возможности для российского сообщества китаеведов.

В этом контексте можно сказать, что выход в свет журнала «Российское китаеведение» является крайне своевременным. Я уверен, что совместными усилиями исполняющего обязанности директора института К.В. Бабаева, Редакционного совета журнала и всех коллег из института журнал «Российское китаеведение» непременно улучшит условия для профессионального роста российских специалистов, владеющих китайским языком, поможет большему количеству россиян глубже узнать и понять Китай, благодаря чему еще больше знающих людей посвятят себя благому делу китайско-российской дружбы.

Я желаю журналу «Российское китаеведение» становиться все лучше и лучше, а друзьям-читателям и китаеведам — всего наилучшего и успехов в работе!

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Китайской Народной Республики
в Российской Федерации Чжан Ханьхуэй
Ноябрь 2022 г.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

DOI: 10.48647/ICCA.2022.24.35.001

И.Ю. Зуенко

«И вечный бой…»: реформирование административного аппарата в современном Китае[1]

Аннотация. Данная статья посвящена теме реформирования административного аппарата в КНР в период с начала экономических реформ (рубеж 1970—1980-х гг.) до настоящего времени. Рассматриваются процессы как на центральном (структура Госсовета КНР), так и на региональном уровне (в качестве конкретного исследовательского кейса изучается эволюция структуры народного правительства провинции Хэйлунцзян в 1980—1990-х гг.) Ставятся следующие задачи: установить мотивацию руководства страны к реформированию административного аппарата, оценить его эффективность и сделать вывод о перспективах продолжения и содержании данной практики в ближайшем пятилетнем политическом цикле. Делается вывод о том, что реформирование административного аппарата в современной КНР носит перманентный характер из-за постоянного рецидивирующего «разбухания» структуры и штата как в Центре, так и на местах, роста издержек на содержание бюрократического аппарата, вынуждающего руководство искать способы оптимизации расходов, а также из-за объективных потребностей, связанных с изменением социально-экономической ситуации и появлением новых вызовов. В 2023—2028 гг. к числу таковых могут быть отнесены задачи обеспечения цифровизации экономики, модернизации системы здравоохранения и борьбы с эпидемиями, а также реорганизации системы национальной безопасности и выработки внешнеполитических решений. При этом, несмотря на кажущуюся «пробуксовку» административных реформ, когда к началу каждого нового пятилетнего цикла, руководство страны ставит те же задачи по сокращению издержек и повышению эффективности работы административного аппарата, практика таких реформ выполняет задачу удержания бюрократической системы в определённых рамках: как с точки зрения числа структур и задействованного в них штата, так и с точки зрения выделяемых на его содержания средств.

[1] Данная статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-011-00105А.

Ключевые слова: Китай, бюрократия, политическая система, административные реформы.

Автор: Зуенко Иван Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru

Zuenko I. Yu.

"And endless strife…": Reforming the Administrative Apparatus in Modern China

Abstract. The current article is dedicated to the topic of administrative reforms in contemporary China from the beginning of economic reforms in late 1970s — early 1980s up to the nowadays. The research focuses on processes both at central (State Council) and regional level (the research case is evolution of administrative structure in Heilongjiang provincial people's government in 1980—1990s). Research tasks are: to understand motivation of Chinese leadership to reform administrative apparatus, to estimate its effectiveness and to conclude about the prospects and possible content of the administrative reforms practice in the future. The author concludes that administrative apparatus reforming in contemporary China can be characterized as permanent because of its constant 'swelling', rise of costs to fund the apparatus and objective needs of sophistication of the apparatus aimed to face the new challenges in social and economic spheres. In new five-years political cycle (2023—2028) these challenges could be linked with economy's digitalization, health system modernization and reorganizing of security and foreign affairs national system. It should be mentioned that despite of the seemed 'wheelspin' of the reforms they play an important role in keeping bureaucratic system within bounds: both financial and structural.

Keywords: China, bureaucracy, political system, administrative reforms.

Author: Ivan Yu. Zuenko, Ph.D. (History), Assistant Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Leading Research Fellow, Centre for World Politics and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru

С момента восстановления деятельности партийных и представительных органов после длительного периода «культурной революции» (т. е. 1977—1978 гг.) в политический процесс Китая была введена практика, согласно которой партийный съезд проводится за несколько месяцев до первых сессий новых созывов Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Народно-политического консультативного совета Китая (НПКСК) — так называемых двух сессий. Подобная «политическая перезагрузка», в ходе которой избираются новые руководящие органы, осуществляется ревизия нормативной базы и определяются цели и задачи на предстоящий период, происходит раз в пять лет. Данная практика остаётся актуальной и в настоящий момент. Таким образом, всю пореформенную историю КНР возможно поделить на условные пятилетние циклы, вехами между которыми являются съезды КПК и проводимые следом за этим сессии ВСНП—НПКСК. Прошедший

в октябре 2022 г. XX съезд Коммунистической партии Китая ознаменовал начало нового пятилетнего политического цикла (корректнее сказать, начало «переходного периода», с которого начинаются такие циклы и который завершится проведением в марте 2023 г. 1-й сессии ВСНП 14-го созыва). Продлится очередной пятилетний цикл до 2027—2028 гг.

Помимо того, что важные политические мероприятия на стыке циклов формируют политическую философию деятельности партии и государства на следующие пять лет, они исключительно важны как вехи с точки зрения дальнейшего развития всей сращенной партийно-государственной управленческой системы. Речь идёт не только о кадровых назначениях[1], но и структурных изменениях — об оптимизации административного аппарата, как в Центре, так и на местах, с целью повышения его эффективности. Несмотря на то, что такие структурные изменения могут касаться и партийных органов, основное содержание реструктуризации приходится на административный аппарат (Госсовет КНР, народные правительства провинциального уровня и ниже). В данной работе мы будем обозначать эти изменения термином «реформа административного аппарата».

Целью работы является рассмотрение практики реформирования административного аппарата в пореформенном Китае — т. е. начиная с 1977—1978 гг. Непосредственными задачами при этом являются: установление мотивации к реформам административного аппарата, выявление эффективности данного процесса с точки зрения соответствия заявляемым потребностям, а также прогнозирование возможных изменений в конфигурации административного аппарата в ближайшем пятилетнем цикле.

В российской историографии в такой формулировке исследовательский вопрос до сих пор не ставился. При этом значительные наработки по изучению эволюции политической системы содержатся в комплексных работах [Виноградов; Гудошников 2001], монографиях Л.М. Гудошникова [2007], К.А. Егорова [1982, 1993], К.А. Кокарева [2004], а также конкретных статьях по отдельным правовым аспектам административных реформ [Кокарев, 1999; Трощинский; Го Цзиньлун; Зуенко, 2016]. В китаеязычной (в том числе тайваньской) и англоязычной литературе (в том числе работах японских, корейских и гонконгских авторов) данная тематика разобрана более подробно, однако, в силу ряда особенностей анализа современных китайских политических реалий, который китайскими и англоязычными авторами зачастую чрезмерно идеологизируется, мы не можем считать тему раскрытой. Данная работа, написанная с использованием ранее не включённых в отечественную историографию китайских источников по деятельности административных органов КНР [2], призвана сделать определённый вклад в академическую дискуссию по указанной теме.

[1] Об основных кадровых итогах XX съезда КПК — см.: [Зуенко, 2022].

[2] К числу таковых относятся ежегодники, провинциальные хроники и справочники ведомств народного правительства провинции Хэйлунцзян, доступные в Хэйлунцзянской провинциальной библиотеке, а также библиотеке Хэйлунцзянской академии общественных наук (г. Харбин).

Внутренняя структура статьи соответствует поставленным задачам и состоит из трёх параграфов: в первом даётся общее представление об административных реформах в современном в Китае с упором на вопросы мотивации руководства страны в проведении преобразований, во втором разбирается несколько кампаний на конкретном исследовательском кейсе, в третьем оцениваются административные реформы в период правления Си Цзиньпина и делаются некоторые оценки их будущего возможного наполнения.

Круговорот административных реформ в политическом процессе Китая

Основной тенденцией в эволюции административного аппарата КНР в течение всего периода истории этого государства была установка на его реорганизацию и оптимизацию при одновременном встречном «разбухании» со стороны бюрократии. Впервые это противоречие было чётко сформулировано в материалах XIII съезда КПК (1987 г.), когда было заявлено о существовании «старой практики “сокращение аппарата — разбухание — вновь сокращение — вновь разбухание”» [Zhongguo gongchandang di shisan..,1987, p. 123].

При этом негативное отношение к такому свойству бюрократического аппарата, как способность к воспроизводству и расширению своего функционала и штата, постулировалось и ранее. В своей речи «Двадцать проявлений бюрократизма» в январе 1967 г. Мао Цзэдун говорил: «Правительственные учреждения разрастаются всё больше. Дела становятся всё более запутанными. Людей становится больше, чем работы. <...> Документам нет числа, бесконечно множатся распоряжения, волокита. Множество непрочитанных сообщений, которые остаются без критики. Много таблиц и схем, которыми никто не пользуется. Много совещаний, на которых ничего не решается» [Mao Zedong].

Неоднократно критиковал раздутость бюрократических штатов и формалистический стиль работы чиновников и Дэн Сяопин: «Чтобы осуществить модернизацию в четырёх областях, крайне необходимо покончить с таким злом как бюрократизм. Из-за громоздкости аппарата, множества промежуточных звеньев и всяких формальностей эффективность нашей управленческой работы чрезвычайно низка. Зачастую всё утопает в политическом пустословии»[1] [Дэн Сяопин, с. 194], «Сокращение и упрощение аппарата является революционным актом, делом исключительной важности!»[2] [Там же, с. 495].

Согласно выводам китайского исследователя Ван Цюня, административные реформы предпринимались в КНР неоднократно: трижды в период до начала экономических реформ (1954—56, 1959—61 и 1968—70 гг.) и каждый новый политический цикл в период после начала экономических реформ, начиная с 1982 г. [Wang Qun, p. 104]. Примечательно, что никогда задача реорганизации органов управления на уровне Госсовета не ставилась отдельно —

[1] Данная цитата взята из программной речи Дэн Сяопина 13 декабря 1978 г. «Раскрепостить сознание, реалистично подходить к делу, сплотиться воедино и смотреть вперёд».

[2] Речь на совещании Политбюро ЦК КПК по вопросу сокращения и упрощения центрального аппарата, 13 января 1982 г.

она всегда шла «в комплекте» с аналогичной реорганизацией на местах, чему способствовало то обстоятельство, что каждое подразделение на местном уровне соответствует вышестоящему органу и находится в системе «двойного подчинения»: ведомству выше и руководству народного правительства своего уровня.

На совещании Политбюро ЦК КПК по вопросу сокращения и упрощения центрального аппарата в январе 1982 г. Дэн Сяопин прямо указывал: «На местах можно начинать работу <по оптимизации аппарата> после того, как будет приобретён образцовый опыт. <...> План сокращения и упрощения аппарата не может быть с первого раза совершенен. В принципе надо регламентировать построже, а смягчить всегда легко» [Дэн Сяопин, с. 496]. Таким образом, прологом для административных реформ на местах во всех случаях служили решения по реструктуризации Госсовета, принимаемые на сессиях ВСНП и подкрепленные соответствующими постановлениями и коммюнике пленумов ЦК КПК[1]. Оформление решений по реструктуризации местных органов отдавалось на откуп собраниям народных представителей провинций, в рамках которых они принимались на т.н. рабочих конференциях по реформе структуры [Wu Peilun]. Аналогичный алгоритм применялся при реструктуризации на окружном, уездном и, в случае необходимости, волостном уровне.

Отдельные структурные изменения могли вноситься и по инициативе самого народного правительства: в 1982 г. это право было закреплено в конституции, а ранее де-факто это право существовало в силу объединения ревкомов и СНП и концентрации высших руководящих должностей в одних руках (до 1979 г.).

Как правило, декларировалось, что это делается для повышения эффективности работы, однако, не менее важно, что кампании по реорганизации протекали на фоне дефицита бюджета как в Центре, так и в регионах, и имели целью банальную экономию средств.

Китайское руководство осуществляло работу в двух направлениях:

1) пыталось разделить или хотя бы усовершенствовать связи между партийным и административным аппаратом, что в 1980—1989 гг. сводилось к призыву «устранения дублирования функций», а с 1989 г. и вплоть до настоящего момента, напротив — усилению руководящего начала партии (данная тенденция стала особенно очевидной с 2012 г., когда к власти пришёл Си Цзиньпин);

2) старалось сократить число структур и штат административных органов, прежде всего, для экономии средств, поскольку в отдельные периоды времени траты на содержание административного аппарата достигали до 20 % от всех государственных расходов [He, Huang, p. 1].

Важным моментом является то, что реформирование административного аппарата в современной КНР имеет характер «круговорота»: за сокращением аппарата следует его разбухание, за ним снова сокращение и так далее. Но позволяет ли нам этот факт говорить о полной неэффективности подобной реструктуризации?

[1] Анализ с точки зрения законодательной процедуры — см., например [Трощинский].

Об «эффективности реструктуризации»: кейс Народного правительства провинции Хэйлунцзян в 1980—1990-е гг.

Рассмотрим реформирование административного аппарата на конкретном типичном примере — кейсе Народного правительства провинции Хэйлунцзян в 1980—1990-е гг.[1]

За первый этап экономических реформ (1977—1982 гг.) структура провинциальной администрации значительно разрослась как по числу подразделений (83 в 1982 г. вместо 55 в 1977 г.), так и по размеру штатов (7000 человек вместо 4054 человек соответственно)[2]. Это произошло в результате воздействия трёх факторов:

1) бюрократизации системы управления, вызванной тем, что к власти на смену военным вернулись номенклатурные бюрократы, а в системе управления стал продвигаться принцип распределения полномочий, тогда как ранее, в период «культурной революции», полномочия имели тенденцию к концентрации в руках ограниченного числа людей;

2) кадрового избытка, связанного с тем, что необходимо было трудоустраивать «старые кадры», возвращавшиеся в управление после периода гонений в годы «культурной революции», и вместе с тем трудоустраивать молодёжь в соответствии с курсом на обновление системы управления;

3) появления новых экономических задач, связанных с расширением внешнеэкономической активности, введением хозрасчёта на предприятиях, развитием сельской промышленности, освоением возросших государственных инвестиций в капитальное строительство, планированием рождаемости.

Подобное «разбухание» штата, которое наблюдалось в Китае повсеместно, не могло устраивать власти, что и привело к первой пореформенной кампании по реорганизации административного аппарата 1982—84 гг., прологом к которой стало ранее уже упомянутое выступление Дэн Сяопина в январе 1982 г.

Соответствующее решение на центральном уровне было принято 3 ноября[3], а на провинциальном уровне — 7 декабря 1982 г. Уже 26 января 1983 г. в ЦК КПК и Госсовет были направлены совместные «Предложения по проекту реформы партийно-административных органов провинциального уровня в провинции Хэйлунцзян», а 31 марта канцелярии ЦК КПК и Госсовета КНР выпустили совместное «Уведомление об утверждении проекта реформы партийно-административных органов провинциального уровня в провинции Хэйлунцзян». В соответствии с этим документом 18 апреля 1983 г. партком и Народное правительство провинции выпустили «Уведомление по некоторым

[1] Более подробно: см. [Зуенко, 2021, с. 134—150].

[2] По материалам: [Heilongjiang sheng...ting ju bian, 2008, pp. 89—150].

[3] 国务院办公厅关于中央一级国家机关经济组织内部机构设置审批暂行规定的通知 [Уведомление Канцелярии Госсовета КНР о временных положениях в отношении внутренней структуры государственных ведомств первого порядка и экономических организаций, 3 ноября 1982 г. URL: rhb.reformdata.org/index.html#/article/65D21A7A6D0B2A830A6984823F17D4CE (дата обьращения: 10.10.2022). 处

вопросам реформы партийно-административных органов провинциального уровня».

В результате реорганизационных мер планировалось упростить структуру народного правительства в соответствии с чётким принципом двух уровней подчинения: 1) департаменты, управления, комитеты; 2) отделы. При этом департаментам, управлениям, комитетам запрещалось создавать управления второго уровня подчинения, а отделам (чу 处) запрещалось создавать отделения (кэ 科). В результате по сокращению подразделений и штата планировалось уменьшить численность кадров на 33 % (сокращения избежали только департаменты общественной безопасности и юстиции).

Реорганизационные меры были завершены к июлю 1983 г., и 1 июля вице-губернатор Хоу Цзе на 2-й сессии провинциального СНП 6-го созыва зачитал доклад «О состоянии реформы структур провинциального народного правительства». Чиновник отметил, что число подразделений провинциального правительства удалось сократить с 83 до 41, а численность штата — на 2088 человек (то есть сокращение составило 30 %) [黑龙江省志政权志, 2003. p. 235—236]. Таким образом, численность штата составляла около 5000 человек, а в ноябре 1983 г. совместным решением парткома и Народного правительства провинции была установлена на цифре 3551 человек [Там же, с. 540].

В результате реорганизации резко увеличилось число «укрупнённых единиц» — департаментов (тин 厅), которые и стали основой внутренней структуры Народного правительства: вместо семи в декабре 1982 г. их стало 21 в ноябре 1983 г. С помощью создания департаментов бюрократия пыталась решить конъюнктурную задачу — обеспечить спущенную сверху разнарядку по сокращению числа подразделений, но при этом охватить все направления работ. Другим способом выполнения этой задачи в 1983 г. явилось создание компаний, принадлежащих провинциальному правительству (угольной, табачной, фармацевтической и др.). Находясь формально вне народных правительств, эти компании продолжали являться бюрократическими структурами [Gong Ting, p. 26].

При этом, несмотря на реорганизацию, ряд направлений все равно курировали несколько структур. Например, существовали отдельные подразделения, отвечавшие за международное сотрудничество и внешнюю торговлю; отдельный департамент водных ресурсов, при том, что рыболовство и рыбоводство находились в ведении департамента сельского и рыбного хозяйства; отдельные структуры для лесоводства и лесообрабатывающей промышленности; по-прежнему существовало два департамента лёгкой промышленности: для предприятий, находящихся в подчинении провинциального правительства, и всех остальных.

Различными направлениями работы занимались огромные в количественном исчислении штаты. Например, статистическое управление насчитывало 148 сотрудников, а департамент сельского и рыбного хозяйства — 200 человек. В Канцелярии было трудоустроено 408 человек [Heilongjiang sheng... ting ju bian, 2008, p.221]. Иными словами, несмотря на отчёты об успешном завершении реформы, реорганизованная структура местной администрации была раздута и не лишена внутренних противоречий. При этом уже с конца

1983 г. началось её расширение за счёт появления новых направлений работы [Там же, с. 225].

Несмотря на определённые попытки сокращения числа бюрократических структур в последующие годы, общая тенденция к рецидивному «разбуханию» аппарата была налицо. К XIII съезду КПК в 1987 г. структура Народного правительства провинции Хэйлунцзян уже насчитывала 51 единицу — на десять больше, чем в ноябре 1983 г. Общая штатная численность штата составляла теперь не менее 5100 человек (без данных по Департаменту государственной безопасности и Управлению трудового перевоспитания в составе Департамента юстиции, которые были засекречены). Учитывая, что штатная численность Департамента общественной безопасности в 1985 г. насчитывала 628 человек [Heilongjiang shengzhi minquan zhi..., 1993, с. 552], можно предположить, что общая численность сотрудников Народного правительства приближалась к цифре 6000 человек — т. е. примерно на тысячу меньше, чем в 1982 г. накануне кампании по реорганизации, но почти в два раза больше, чем планка, установленная в результате реорганизации 1983 г. (3551 человек).

Значительная часть административных подразделений была неэффективной, малопроизводительной. Чиновники на всех уровнях использовали своё положение для коррупционных действий (см., например, [Gong Ting]). Расширение бюрократического аппарата с целью контроля хода экономических реформ лишь усугубило проблемы коррупции и чрезмерных затрат на содержание чиновников. Параллельно существовала система парткомов, для которых были характерны те же проблемы. Всё вкупе поставило перед властями в начале очередного политического цикла задачу по новой реорганизации системы управления на местах — на этот раз не только в контексте механического сокращения численности структур и штата, но и разделения партийного и административного аппарата, что нашло отражение в материалах XIII съезда партии[1].

Впрочем, механизмы сокращения административного аппарата и его рецидивного «разбухания» в ходе реорганизационной кампании 1987—1992 гг. и даже последующей кампании 1992—1997 гг. оказались те же, что и для 1982—1987 гг. Итого к 1992 г. количество подразделений в Народном правительстве провинции Хэйлунцзян достигло 62 [Heilongjiang sheng minzheng.., 1992, p. 28], а к 1997 г. — 54 [Heilongjiang nianjian.., 1997, pp. 25—28]. Согласно данным, приведённым в исследовании К.Э. Бродсгаарда, численность штата Народного правительства провинции Хэйлунцзян в 1997 г. составила 6300 человек [Brodsgaard, p. 373], т. е. в 1,5 раза больше, чем накануне реформ.

Можно констатировать, что итогом нескольких кампаний реорганизации административного аппарата на местах в 1980—1990-х гг. стало его значительное усложнение и увеличение: как по числу его подразделений, отвечающих за различные сферы работы, так и по численности штата. Неоднократные попытки бороться с «разбуханием» административного аппарата в итоге ни к чему не привели. Бюрократическая система раз за разом проявляла удиви-

[1] Впрочем, реализации этих планов помешало вступление Китая в острый политический кризис, завершившийся «тяньаньмэньскими событиями» июня 1989 г.

тельную способность к воспроизводству себя, и каждый раз следом за кампанией по реорганизации наблюдалось рецидивное увеличение аппарата, возвращающее количественные характеристики, а следовательно, и объёмы расходов на содержание на прежний уровень.

Согласно цифрам, приведённым в монографии К.А. Кокарева, если в 1978 г. общая численность сотрудников ведомств Госсовета составляла 4,1 млн человек, то в 1991 г. — уже 9 млн человек [Кокарев, с. 166]. В провинции Хэйлунцзян в 1982 г. административный аппарат всех уровней насчитывал около 20 тыс. человек[1], а в 1992 г. — уже 68 тыс. [Heilongjiang sheng minzheng.., 1992, pp. 45—50], т. е. увеличился более чем в три раза. В 1990 г. в провинциальных правительствах на уровне департаментов превышение штатной численности составляло 6 %, а на уровне управлений — 26 % [Кокарев, с. 167]. Рост издержек на содержание административного аппарата являлся одним из главных факторов, приведших к проведению фискальной реформы 1994 г., трансформировавшей центр-региональные отношения и поставившие власти на местах под относительный контроль Пекина [Иванов, с. 42—46].

Однако саму проблему постоянного «разбухания» бюрократического аппарата это не решило. Как мы видим, в конце каждого пятилетнего политического цикла объём административных структур и задействованного в них штата в целом возвращался к прежнему уровню (рис. 1).

Впрочем, без этих постоянных «подтяжек», вероятно, бюрократический аппарат расширялся бы ещё больше. Поэтому мы не можем назвать реформы

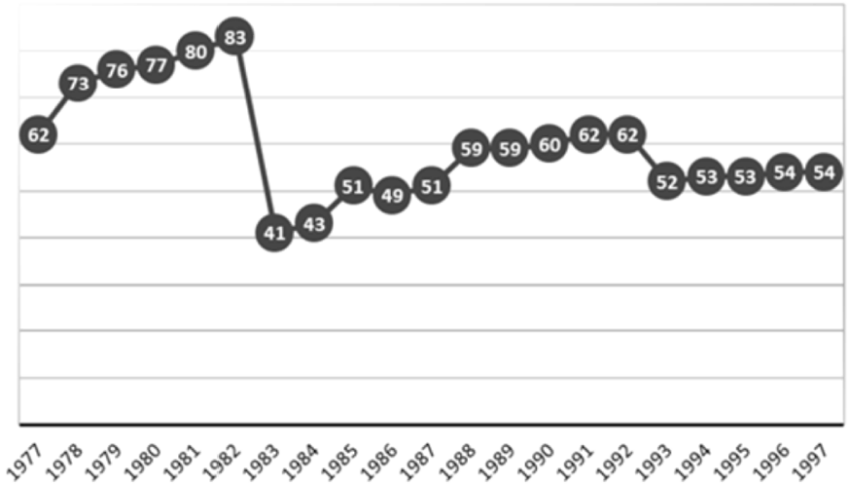

Рис. 1. Динамика изменений числа подразделений в структуре революционного комитета и Народного правительства провинции Хэйлунцзян в 1977—97 гг.
Составлено по: ежегодникам гражданской администрации провинции Хэйлунцзян, различные годы.

[1] Высчитано по: [Heilongjiang shengzhi minquan.., 1993, pp.101—123].

бессмысленными — они не слишком эффективны с точки зрения декларируемой риторики, но, если предположить, что их целью являлось удержание аппарата в рамках имеющегося для их содержания бюджета, то можно сказать, что со своей задачей они справлялись.

При этом мы должны понимать, что подобное положение вещей предполагает превращение практики из «разовой» в регулярную. Этот вывод можно проиллюстрировать строкой из стихотворения Александра Блока «И вечный бой...», вынесенной в заголовок статьи[1].

Административные реформы в период правления Си Цзиньпина

Отсутствие архивного материала не позволяет нам проследить с такой же степенью погружения административные реформы на местном уровне в последнее десятилетие. Однако информация об оптимизации административного аппарата на центральном уровне есть в открытом доступе и позволяет нам подтвердить выводы перманентности процесса административных реформ, справедливые для более раннего времени.

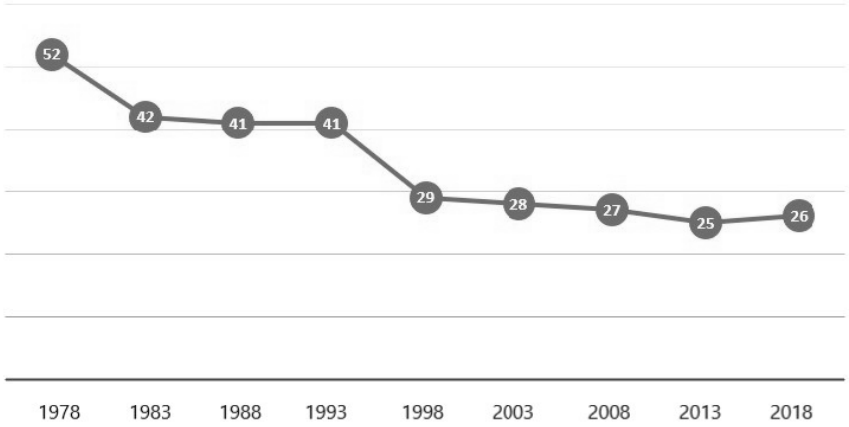

Рис. 2. Динамика изменения числа ведомств министерского уровня в Госсовете КНР, 1978—2018 гг.

Примечательно, что само количество ведомств министерского уровня постоянно уменьшается, начиная с 1982 г. (от 52 ведомств до реструктуризационной кампании 1982 г. до 26 в 2018 г. — см. также рис. 2), но степень разветвлённости этих ведомств, а также появление дополнительных органов ниже министерского уровня, находящихся в подчинении Госсовета, не даёт сделать вывод о сокращении центрального административного аппарата, причём одной из причин этого указывается «запаздывание» системы соцпод-

[1] Строка из стихотворения А. Блока «На поле Куликовом» (1908 г.): «И вечный бой... Покой нам только снится». Позднее этот же рефрен был повторён в одноимённом стихотворении И. Бродского, посвященном Великой Отечественной войне.

держке, что не позволяет разом уволить слишком большое число чиновников (Го Цзиньлун, с. 22).

Не менее интересным аспектом при этом является изменение конфигурации ведомств в центральном аппарате (Госсовете КНР), анализ которого позволяет сделать выводы об акцентах в развитии страны на текущем этапе.

Так, 14 марта 2013 г. на 1-й сессии ВСНП 12-го созыва, уже в период правления Си Цзиньпина, было принято решение об очередной реформе Госсовета. Как было объявлено, «реформа направлена на устранение дублирования административных функций разными органами, унификацию административной деятельности, борьбу с коррупционной составляющей на местах» [2013 Nian guowuyuan...] (иначе говоря, риторика оставалась неизменной с начала 1980-х годов). Согласно проекту, количество министерств Госсовета сокращалось до 25 путём ликвидации Министерства железных дорог КНР, которое считалось одним из наиболее коррумпированных китайских ведомств [Ознос, с. 328].

13 марта 2018 г. на заседании на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва была принята новая структура Госсовета, включавшая уже 26 ведомств министерского уровня (таким образом, впервые с начала экономических реформ произошло увеличение числа ведомств). Было создано два совершенно новых министерства — по делам ветеранов (функционал связан с социальной поддержкой вышедших в отставку или на пенсию сотрудников армии и госпредприятий) и по управлению в чрезвычайных ситуациях. Также путём слияния Министерства культуры и Госуправления по делам туризма было создано единое ведомство министерского уровня; путём слияния Министерства земли и ресурсов и нескольких госкомитетов создано Министерство природных ресурсов; новые «вывески» получили министерства, занимающиеся защитой окружающей среды, сельским хозяйством и здравоохранением[1].

Также на основе Министерства контроля и Государственного бюро по противодействию коррупции был создан Государственный комитет по надзору КНР 国家监察委员会, функции которого были значительно расширены, что позволило его сравнить по месту в партийно-государственной системе с Центральной комиссией по проверке дисциплины КПК. Данная структура стала высшим антикоррупционным органом в политической системе КНР.

Как видно, изменения в конфигурации ведомств министерского уровня в Госсовете КНР отражали важнейшие тенденции в политическом процессе в период правления Си Цзиньпина: повышение значимости борьбы с коррупцией, отказ от политики ограничения рождаемости, внимание властей к проблемам социального обеспечения на селе и среди отставных военных и государственных служащих.

[1] Государственный комитет по делам здравоохранения и планового деторождения стал просто Госкомитетом по делам здравоохранения, Министерство сельского хозяйства преобразовано в Министерство сельского хозяйства и сельских дел, Государственная администрация защиты окружающей среды преобразована в Министерство экологии и окружающей среды.

Также в период правления Си Цзиньпина в 2013—2014 гг. был создан важный орган для политической системы, место и функционал которого ещё находится в стадии формирования — Центральный совет государственной безопасности (СГБ) 中央国家安全委员会. Это партийный орган[1], возглавляемый Си Цзиньпином, координирующий всю государственную политику в области национальной безопасности. В настоящий момент именно данное ведомство становится системообразующим органом не только в силовом блоке, но и, как показывают исследования И.Е. Денисова, во внешнеполитическом. Учёным приводятся свидетельства из открытых источников о том, что Канцелярия СГБ (в настоящее время возглавляется начальником Канцелярии ЦК КПК и членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Дин Сюэсяном) активно заказывает аналитические материалы по внешнеполитической тематике [Денисов, с. 30]. В течение 2018—2022 гг. в подчинении СГБ были созданы структуры на местах (вплоть до уезда), что обеспечивает эту институцию максимальным объемом информации, в том числе о внешних связях регионов, деятельности иностранцев и иностранных компаний и т. д.

В отличие от Центрального военного совета это ведомство пока не имеет своего аналога в административной системе по принципу «одна структура — две вывески» 一个机构两个牌子. Хотя, как отмечает И.Е. Денисов, дальнейшая эволюция СГБ не исключает и появления у этого органа двойного партийно-государственного статуса, закрепленного конституционно (по примеру Центрального военного совета) [Денисов, с. 30]. Это не только станет воплощением «комплексной концепции государственной безопасности», выдвижение которой ставится в заслугу Си Цзиньпину, но может изменить общую конфигурацию власти в Китае в сторону дальнейшего усиления «силового блока». Существует вероятность, что такая трансформация будет на законодательном уровне зафиксирована уже по итогам 1-й сессии ВСНП 14-го созыва в марте 2023 г.

Другие вероятные изменения в структуре Госсовета КНР могут быть связаны с появлением ведомств уровня министерств или государственных комитетов, отвечающих за такие направления, как обеспечение цифровизации экономики, модернизации системы здравоохранения и борьбы с эпидемиями. Так, вероятно, расширятся функции и повысится статус Госкомитета по делам здравоохранения, будет выделено в отдельное ведомство структура, отвечающая за цифровизацию (сейчас данные функции отданы комплексному Министерству промышленности и информатизации). Возможны и другие реструктуризационные изменения, призванные компенсировать создание новых ведомств в количественном отношении: могут быть слиты министерства по делам ветеранов и человеческих ресурсов и социального обеспечения; министерства природных ресурсов и водных ресурсов.

[1] Слово «Центральный» в его названии корректно переводить как «относящийся к ЦК КПК», т. е. орган можно обозначить также термином Совет государственной безопасности ЦК КПК (или же Комитет государственной безопасности ЦК КПК). В настоящий момент в русском языке нет устоявшегося термина, в том числе по причине желания ряда авторов избежать параллелей с КГБ СССР.

Заключение

Кампании по реорганизации административного аппарата стали неотъемлемой частью политического процесса в пореформенном Китае. Все они являлись, с одной стороны, ответом на текущие социально-экономические вызовы, с другой стороны, реакцией на неэффективность предыдущих попыток реорганизации. При этом каждая последующая кампания повторяла ошибки предыдущих, которые заключались в том, что власти фокусировались преимущественно на ликвидации, учреждении и слиянии ведомств. Все «реформы» проводились исключительно по инициативе сверху, и их имплементация на местах, как правило, носила формальный, декоративный характер — в том числе по причине сопротивления и саботажа со стороны местной бюрократии.

При этом установленное нами утяжеление структуры административного аппарата является естественным следствием усложнения китайской экономики. Если в конце 1970-х годов главной экономической функцией властей было непосредственное управление государственными предприятиями, то в течение 1980—1990-х правительства перешли к косвенному управлению в условиях бурно и не всегда предсказуемо развивающейся экономики. Это потребовало увеличения числа структур, занимающихся взаимодействием с новыми хозяйственными субъектами, нижестоящими органами, взиманием новых налогов, охраной окружающей среды вследствие её загрязнения, а также с другими административно-территориальными единицами (в случае, если мы говорим о местных правительствах). В результате политики «открытости» появились отдельные структуры, занимающиеся внешнеэкономическими связями, туризмом, работой с хуацяо и т. д. С переходом к цифровизации экономики и внедрению средств цифрового контроля были созданы соответствующие структуры. Исходя из этого, мы не можем ожидать, что административный аппарат останется в тех рамках, которые существовали к моменту окончания «культурной революции».

Другим объективным обстоятельством разветвления структуры региональных административных аппаратов стало желание Центра сэкономить ресурсы и возложить многие государственные функции на провинциальные бюджеты — так, в структуре региональных аппаратов управления появились департаменты общественной и государственной безопасности, юстиции, технического надзора и т. д.

Однако основным механизмом, приведшим к расширению административного аппарата, следует признать качества, заложенные в бюрократии априори. Сталкиваясь с ультимативным требованием партийного руководства по реорганизации аппарата с целью, прежде всего, экономии средств, бюрократия спешила выполнить это требование по формальным критериям (количество подразделений первого порядка, количество штатных ставок), одновременно стремясь максимально сохранить свои функции, штаты и, как следствие, политическое влияние.

Особенно хорошо данная тенденция видна на региональных кейсах. Местные чиновники использовали всевозможные уловки для того, чтобы нивe-

лировать воздействие на них «оптимизационных» усилий государства. Например, подразделения первого порядка переводились на уровень ниже (управления или отделы), выводились из структуры народного правительства под видом государственных компаний, сливались. Затем, по мере того как внимание Центра ослабевало, все эти приёмы использовались для того, чтобы (вольно или невольно) «восстановить» существовавшую прежде бюрократическую структуру. Управления вновь становились департаментами, подразделения разукрупнялись, административный аппарат провинциальных компаний вновь вводился в народное правительство. Параллельно неизбежно росла численность кадров, возвращаясь к значениям до начала «чистки».

При этом без таких постоянных «подтяжек» сверху бюрократический аппарат расширялся бы ещё больше. Поэтому практику перманентных административных реформ, привязанных к началу очередного пятилетнего политического цикла, нужно рассматривать, прежде всего, как способ держать бюрократическую систему «в тонусе», а кроме того, с помощью упразднения одних направлений и учреждения других, концентрировать её на работу в том направлении, которое представляется высшему руководству страны в тот или иной момент времени приоритетным.

Таким образом, можно ожидать продолжения данной практики и в новом пятилетнем цикле, который применительно к административному аппарату придётся на 2023—2028 гг. Исходя из тех задач, которые маркируются как приоритетные в выступлениях высших руководителей страны, очередная административная реформа может быть связана с появлением ведомств, отвечающих за такие направления, как обеспечение цифровизации экономики, модернизация системы здравоохранения и борьба с эпидемиями, а также созданием административного аналога такого важного партийного органа, как Центральный совет государственной безопасности.

Библиографический список

Виноградов А.В. Современное китайское государство / гл. ред. А.В. Виноградов. Т. 1: Основные институты государственной власти и управления. М.: РАН, 2022.

Го Цзиньлун. Особенность реформирования административных органов Китая // Вестник БГПУ. 2018. № 3. С. 19—24.

Гудошников Л.М. Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 80—90-е гг. XX в. / под рук. Л.М. Гудошникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

Гудошников Л.М. Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978—2005 гг.). М.: Русская панорама, 2007.

Денисов И.Е. Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК // Международная аналитика, 2018. № 2. С. 28—36.

Дэн Сяопин. Избранное. Том 2 (1975—1978). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1995.

Егоров К.А. Государственный аппарат КНР: 1967—1981. М.: Наука, 1982.

Егоров К.А. Китайская Народная Республика: политическая система и политическая динамика (80-е годы). М.: Наука, 1993.

Зуенко И.Ю. Как управляется китайский город: изменения за 35 лет реформ // Вестник Московского государственного университета управления. 2016. № 3. С. 15—22.

Зуенко И.Ю. XX съезд Компартии Китая: основные итоги // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khkh-sezd-kompartii-kitaya-osnovnye-itogi/ (дата обращения: 19.11.2022).

Зуенко И.Ю. Трансформация региональной системы управления в КНР в 1977—1997 гг. (на примере провинции Хэйлунцзян) / дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.03. Владивосток, 2021.

Иванов С.А. Распределение фискальных и административных ресурсов между центральной и местными властями КНР в период реформ // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2. С. 41—48.

Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М.: ИДВ РАН, 2004.

Кокарев К.А. Реформа государственного аппарата КНР (90-е годы) // Китай на пути модернизации и реформ. М.: ИДВ РАН, 1999.

Ознос Э. Век амбиций. Богатство, истина и вера в Новом Китае / пер. с англ. М.: Corpus, 2016.

Трощинский П.В. Административная реформа в КНР: политико-правовые аспекты // Административное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 1246—1270.

References

2013 Nian guowuyuan jigou gaige 2013 年国务院机构改革 [Reforms of Government Structure in 2013]. URL: http://www.ce.cn/ztpd/xwzt/guonei/2013/jjgg/index.shtml (accessed: 19.11.2022)

Brodsgaard, K. (2002) Institutional Reform and the Bianzhi System in China. The China Quarterly, Vol. 170. P. 370—382.

Deng, Xiaoping (1995). Izbrannoe. Tom 2 (1975—1978) [Selections, volume 2 (1975—1978)]. Beijing: Foreign Languages Publishing House. (In Russian).

Denisov, I.E. (2018). Mehanizm prinjatija vneshnepoliticheskih reshenij v Kitae: osobennosti reformirovanija v period posle XVIII s'ezda KPK [Mechanism of Political Decisions in China after the 18th CPC Congress]. Mezhdunarodnaja analitika, 2018. № 2. S. 28—36. (In Russian).

Egorov, K. A. (1982). Gosudarstvennyj apparat KNR: 1967—1981 [Government apparatus of China: 1967—1981]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Egorov, K.A. (1993). Kitajskaja Narodnaja Respublika: politicheskaja sistema i politicheskaja dinamika (80-e gody) [People's Republic of China: Political System and Political Dynamics (1980s)]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Gong, Ting (1996). Jumping into the Sea: Cadre Entrepreneurs in China Problems. Problems of Post-Communism, 43 (4). P. 26—34.

Gudoshnikov, L.M. (2001). Kak upravljaetsja Kitaj: Jevoljucija vlastnyh struktur Kitaja v 80—90-e gg. XX v. [How China is Ruled. Evolution of Political Structures of China in 1980—1990s]. Moscow: Pamjatniki istoricheskoj mysli. (In Russian).

Gudoshnikov, L.M. (2007). Politicheskaja sistema i pravo KNR v processe reform (1978—2005 gg.) [Political System and Law of China in the Process of Reforms (1978—2005)]. Moscow: Russkaja panorama. (In Russian).

Guo Jinlong (2018). Osobennost' reformirovanija administrativnyh organov Kitaja [Specifics of Chinese administrative apparatus reforms]. Vestnik BGPU, № 3. S. 19—24. (In Russian).

He, Xiangzhou; Huang, Chaofeng (2011). Analysis on the Chinese Government Cost of Administrative Expenses. International Conference on Management and Service Science, Wuhan, China (2011.08.12—2011.08.14). URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/5998833 (accessed: 19.11.2022).

Heilongjiang nianjian 1997 黑龙江年鉴 1997 [Heilongjiang Provincial Yearbook, 1997]. Harbin: Heilongjiang nianjian chubanshe, 1997.

Heilongjiang sheng gaige kaifang 30 nian ting ju bian (1978—2008) 黑龙江省改革开放30年厅局编 (1978—2008) [Inventory of Departments and Offices of Heilongjiang Province in 30 Years of Reform and Opening up (1978—2008)]. Harbin: Heilongjiang renmin chubanshe, 2008.

Heilongjiang sheng minzheng nianjian 1992 黑龙江省民政年鉴 1992 [Heilongjiang Provincial Handbook: Civil Administration, 1992]. Harbin, 1992.

Heilongjiang shengzhi minquan zhi (di 62 juan) 黑龙江省志民权志 (第62卷) [Heilongjiang Province Handbook: Civil Administration (Vol. 62)]. Harbin: Heilongjiang renmin chubanshe, 1993.

Heilongjiang shengzhi zhengquan zhi (di 60 juan) 黑龙江省志政权志 (第60卷) [Heilongjiang Province Handbook: Political System (Vol. 60)]. Harbin: Heilongjiang renmin chubanshe, 2003.

Ivanov, S. A. (2012). Raspredelenie fiskal'nyh i administrativnyh resursov mezhdu central'noj i mestnymi vlastjami KNR v period reform [Distributing Fiscal and Administrative Resources between Central and Local Powers in Reforms China] // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie, № 2. S. 41—48. (In Russian).

Kokarev, K. A. (2004). Politicheskij rezhim i modernizacija Kitaja [Political Regime and Modernization of China]. Moscow: IDV RAN. (In Russian).

Kokarev, K.A. (1999). Reforma gosudarstvennogo apparata KNR (90-e gody) [Government Apparatus Reform in China, 1990s] // Kitaj na puti modernizacii i reform. Moscow: IDV RAN. (In Russian).

Mao, Zedong. Dvadcat' projavlenij bjurokratizm [Twenty Features of Bureaucracy]. URL: http://maoism.ru/1325 (accessed: 19.11.2022)

Osnos, E. (2016). Vek ambicij. Bogatstvo, istina i vera v Novom Kitae [Age of Ambition: Chasing Fortune, Truth, and Faith in the New China]. Moscow: Corpus. (In Russian).

Troshhinskij, P. V. (2014). Administrativnaja reforma v KNR: politiko-pravovye aspekty [Administrative Reforms in China: Political and Juridical Aspects] // Administrativnoe i municipal'noe pravo, 2014. № 12. S. 1246—1270. (In Russian).

Vinogradov, A.V. (2022). Sovremennoe kitajskoe gosudarstvo [Modern China state], Vol. 1: Osnovnye instituty gosudarstvennoj vlasti i upravlenija [Main Institutes of State Power and Governance] / ed. by A.V. Vinogradov. Moscow: RAN. (In Russian).

Wang, Qun (2010). Administrative Reform in China: Past, Present, and Future. South East Review of Asian Studies, 32 (1). P. 109—119.

Wu, Peilun (1989). 吴佩纶. 地方机构改革的探讨 Wu Peilun. Difang jigou gaige de tantao [Wu Peilun. Analysis of Reform of Local Governments]. URL: http://www.reformdata.org/1989/0415/8026.shtml (accessed: 20.10.2022)

Zhongguo gongchandang di shisan ci quanguo daibiao dahui wenjian huibian 中国共产党第十三次全国代表大会文件汇编 [CPC 13th Congress Documents Collection]. Beijing: Renmin chubanshe, 1987.

Zuenko, I. Ju. (2016). Kak upravljaetsja kitajskij gorod: izmenenija za 35 let reform [How Chinese City is Ruled: Changes after 35 Years of Reforms] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta upravlenija, № 3. S. 15—22. (In Russian).

Zuenko, I.Ju. (2021). Transformacija regional'noj sistemy upravlenija v KNR v 1977—1997 gg. (na primere provincii Hjejlunczjan) [Transformation of Regional Governance System in China in 1977—1997 (case of Heilongjiang)] / PhD candidate thesis. Vladivostok. (In Russian).

Zuenko. I.Ju. (2022). XX s'ezd Kompartii Kitaja: osnovnye itogi [CPC 20th Congress: Main Reults] // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khkh-sezd-kompartii-kitaya-osnovnye-itogi/ (accessed: 19.11.2022). (In Russian).

DOI: 10.48647/ICCA.2022.16.84.002

А.Н. Карнеев

Китайские ученые о конфуцианских ценностях в борьбе с эпидемией коронавируса

Аннотация. В статье рассматриваются подчас противоположные мнения китайских и международных экспертов о роли традиционных ценностей и культуры в формировании некоторых благоприятных для противодействия эпидемии коронавируса привычек и стереотипов поведения простых граждан в условиях беспрецедентных вызовов со стороны пандемии Ковид-19. В чем конкретно китайские ученые видят благотворное влияние «конфуцианства» в широком смысле слова и как это сопрягается с идеологией и практикой правящей партии в КНР? По этому вопросу идут споры и дискуссии. Пандемия Ковид-19 породила не только множество социально-политических и социально-экономических последствий, она актуализировала споры о традиционных ценностях, о традиционной культуре, о соотношении китайских и универсальных (западных) принципов, и (косвенно) о том, какие ценности будут определять будущий вектор развития китайского государства.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, опыт Китая, Запад и Восток, конфуцианство и традиционные ценности, конформизм и коллективизм, гуманность, гармоничное общество.

Автор: Карнеев Андрей Ниязович., к.и.н., руководитель Школы востоковедения Ф-та мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ЦПИП Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: Andrei_karneev@mail.ru

Andrei N. Karneev

Chinese Scholars on Confucian Values in the Fight against the Coronavirus Epidemic

Abstract. The article dwells upon the often-contradictory views of Chinese and international experts regarding the role of certain traditional values and culture in helping shape the patterns of behavior conducive to fighting the unprecedented challenges of the Covid-19 pandemics. But what are the precise elements that the Chinese scholars find especially beneficial and how do they fit into the ideology and practical policy of the ruling party? But this is quite a contentious field, as no consensus is seen at this point. We can see that the Covid-19 pandemics have not only led to a panoply of social, economic and political consequences, but it also re-ignited certain past debates about the confluence of the Chinese and universal values and the basic principles that would shape the direction of the future development of the Modern Chinese polity.

Keywords: pandemics, Covid-19, China's experience, the West and the East, Confucian and traditional values, conformity and collectivism, humane attitude, and harmonious society.

Author: Andrei Karneev N., PhD (History), Head of School of Oriental Studies, Faculty of World Economy and International Affairs Higher School of Economics, Leading Research Fellow, Center for Political Research and Forecasts ICCA RAS, tel.: +7-916-651-93-75, e-mail: Andrei_karneev@mail.ru

Переживаемый во всем мире в последние три года ковидный кризис уже стал беспрецедентным явлением, невиданным на протяжении по крайней мере нескольких последних десятилетий.

Китай по ряду причин привлекает внимание исследователей и публицистов, пишущих о пандемии, в особой степени. Сперва в январе—феврале 2020 г. — как первоначальный очаг возникновения эпидемии, которая, по мнению многих наблюдателей, из-за медлительности и неповоротливости китайской бюрократии и информационной закрытости широко распространилась, что повлекло серьезные последствия. Впоследствии, по мере того, как эпидемия охватывала все новые и новые страны, становилась глобальным феноменом, а в самой КНР была развернута «народная война» против Ковид-19, наоборот — как пример самой успешной стратегии борьбы с этим заболеванием. В последнее время на фоне усталости населения от ограничительных мер правительства — как причина постепенно нарастающей протестной активности в различных регионах страны.

Уже в марте—апреле 2020 г. фактически дальнейшее распространение эпидемии было взято под контроль, а экономическая и социальная жизнь начала возвращаться в нормальное русло. На фоне десятков миллионов заболевших и миллионов умерших в других странах, новых волн подъема эпидемии и новых разновидностях вируса Китай с его населением в 1,4 млрд человек и по сей день демонстрирует весьма успешную статистику — всего около 340 тыс. заболевших и не более 6000 умерших за все время эпидемии [Коронавирус в Китае...].

Безусловно, как позитивный, так и негативный опыт различных стран в борьбе с Ковид-19 будет изучаться еще многие годы в будущем, но уже сейчас дискуссии по поводу эффективности тех или иных подходов, стратегий, культурно-обусловленных паттернов поведения правительств и простых граждан стали важным элементом международного дискурса вокруг короновируса. В данной статье мы не ставим задачу разбора всех компонентов китайской стратегии борьбы с Ковид-19. Наша цель — рассмотреть особенности дискуссий вокруг темы эпидемии в публичном пространстве Китая и за его пределами в аспекте обсуждения влияния конфуцианских ценностей.

Уже весной 2020 года, когда вопреки ожиданиям многих наблюдателей, в США и странах ЕС эпидемия продемонстрировала слабую готовность национальных систем здравоохранения и неадекватную способность правительств к действиям в столь неординарной обстановке, в СМИ приобрели популярность противопоставления Запада и стран Восточной Азии. Подчеркивалось различие моделей реагирования на коронакризис, приведшее к различным результатам. Помимо обсуждения собственно медицинских и административных мер, был поставлен, вернее, был заново актуализирован вопрос о так

называемых азиатских ценностях, а также о «конфуцианской» основе восточноазиатских социумов, продемонстрировавших в целом (несмотря на различия в политических и экономических системах стран этого региона) более высокую способность противостоять эпидемии. Характерен, к примеру, вывод бразильского журналиста-международника Пепе Эскобара из гонконгского аналитического издания «Эйша Таймс», отраженный в заголовке его статьи апреля 2021 г.: «Ковид-19: Конфуций выигрывает коронавирусную войну» [Escobar, 2020].

Отправной точкой в статье стало утверждение швейцарско-немецкого философа корейского происхождения Хан Бюнг Чула (Han Byung-Chul, 韓炳哲) о том, что победителями в борьбе с инфекцией стали «азиатские страны, такие как Япония, Корея, Китай, Гонконг, Тайвань или Сингапур, которые обладают авторитарным менталитетом, уходящим корнями в культурную традицию конфуцианства». И здесь же он поясняет: «люди в этих странах менее склонны выражать возмущение и более послушны чем в Европе. Они гораздо больше доверяют своим правительствам. Повседневная жизнь здесь гораздо более организованная. Но самое важное заключается в том, что для того чтобы побороть инфекцию азиаты с готовностью поддерживают повсеместное использование цифрового надзора. С эпидемиями в странах Азии борются не только вирусологи и эпидемиологи, но также и специалисты по компьютерным наукам и большим данным» [Там же]. Сам П. Эскобар, как и многие другие наблюдатели, предостерегает против риска упрощения и своего рода культурного редукционизма, указывая, к примеру, на то, что, допустим, из числа вышеперечисленных стран Южная Корея — не авторитарная, а вполне демократическая страна. Нужно отметить и то, что в потоке современных дискуссий на тему пандемии нет недостатка в авторах, которые вообще выступают против преувеличенного, по их мнению, внимания к культурным особенностям и традиционным ценностям в борьбе с эпидемией, указывая на опасность ре-ориентализации в общественном дискурсе современных стран Азии, возрождения старых стереотипов о пресловутом «индивидуализме Запада» и «коллективизме восточных культур» [Park, 2020]. Р. Эшли и А. Баркер проводят параллель между тем, как в современных дискуссиях о Китае объективный анализ подменяется культурным эссенциализмом и как похожие стереотипы в отношении Японии в 80-е и 90-е годы XX века препятствовали адекватному пониманию этой страны. Тогда, так же как и сейчас, вместо реальной страны со своими проблемами и особенностями, утверждают эти авторы, в лице Японии американские аналитики видели загадочного ориентализированного противника, политическая система которого была основана на коллективизме, консенсусности, авторитарности, иерархичности и дисциплине, а также на способности реализовывать стратегические цели на длительные периоды времени (в наше время все эти зловещие свойства приписывают Китаю) [Ahley, Barker, 2021].

Есть и те, кто видит во внимании к конфуцианству и традиционным ценностям некое осознанное манипулирование общественным мнением, призванное затемнить или даже умышленно исказить в глазах мирового сообщества подлинные достижения некоторых (демократических) стран и террито-

рий в Восточной Азии. Так, например, рассуждают некоторые тайваньские авторы, отмечающие что ключом к успеху в борьбе с эпидемией на Тайване являются не азиатские ценности или конфуцианство, а жизнеспособное (robust) и активно функционирующее гражданское общество [Chao En-chieh, 2020]. Обращаясь к «мировой общественности», один такой автор пишет: «граждане мирового сообщества должны понимать одну вещь: Тайвань — это первая и единственная страна в Азии, легализовавшая однополые браки. Абсолютно ничего конфуцианского в этом нет. На самом деле конфуцианское наследие — это то, что мы на Тайване стараемся активно изживать» [Там же]. Автор, повторяя ряд мыслей из статьи Эндрю Леонарда, влиятельного американского обозревателя [Leonard, 2020], приводит два основных аргумента в пользу своего тезиса: во-первых, он считает, что на Тайване создана одна из лучших, если не лучшая в мире, система общественного здравоохранения. Во-вторых, Тайвань — это активно действующее полноценное гражданское общество «с тысячами юристов, врачей, биологов и ученых в области общественных наук, которые денно и нощно обсуждают каждый шаг властей в сфере санитарных мер. Общественность следит за тем, чтобы действия правительства не привели к ущемлению прав граждан во имя эпидемиологического контроля...». В конце своей статьи он завершает свои рассуждения следующей эмоциональной тирадой, обращенной к (западным) авторам, пишущим в парадигме «роли конфуцианства»: «И вот как теперь я не могу быть не возмущен, когда практика демократии и открытости [на Тайване] редуцируется до простого конфуцианства? Мир должен с уважением относиться к незападным народам. Этот ваш миф о конфуцианстве является неуважительным подходом, унизительным для тайваньцев и в конечном итоге просто неверным» [Chao En-chieh, 2020].

Все это, конечно, так, но не надо забывать и том, что на каждого сторонника вышеописанных взглядов наверняка найдется его оппонент, ведь как отмечалось выше, на Тайване существует широкий плюрализм мнений и живое, бурно развивающееся гражданское общество.

На материке же такого разнообразия мнений в официальных СМИ, как считается, нет. Но несмотря на то, что основную часть успехов в борьбе с эпидемией относят за счет преимуществ существующего в КНР общественного строя (*чжиду дэ ююэсин*, способность правительства и правящей партии в критических ситуациях мобилизовывать неограниченные людские, материальные и прочие ресурсы для решения проблем, твердая поддержка населения и т. д.), тема благотворной роли традиционной культуры и традиционных ценностей, включая конфуцианство, получила некую поддержку, а голоса, сомневающиеся в этом, слышны не так сильно. Об этом свидетельствуют не только высказывания отдельных специалистов по традиционным философским системам классического Китая, но и выступления мэйнстримных ученых и комментаторов.

Один из таких широко известных в КНР и за его пределами авторов — профессор Цзинь Цаньжун (金灿荣), заместитель директора Института международных отношений Китайского народного университета (подробнее см: Карнеев, 2021). Цзинь Цаньжун — персона публичная, он активно выступает

по телевидению, а также в жанре популярных лекций, записывает видео комментарии по тематике актуальных событий на международной арене. В течение прошлого года в нескольких таких видео он затрагивал тему провала систем здравоохранения западных стран в борьбе с эпидемией Ковид-19, а также весьма слабых результатов стран Латинской Америки, Африки и Южной Азии на фоне успешного опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые по характеру политических систем очень разные, но объединяет их фактор принадлежности к конфуцианскому ареалу (*жуцзя вэньхуа цюань*). Он называет в их числе КНДР, РК, Японию, Вьетнам, Сингапур, Малайзию, материковый Китай, Тайвань, Гонконг, Макао [Jin Canrong, 2020]. Примечательно, что он также ссылается на вышеупомянутого швейцарско-немецкого философа корейского происхождения Хан Бюнг Чула. Он согласен с аргументом Хана о том, что несмотря на отличия в политических системах и уровне экономического развития, во всех этих странах в менталитете населения присутствуют схожие конфуцианские установки такие как, например, *и минь вэй бэнь* — «рассматривать народ в качестве основы», коллективизм, чувство сплоченности в кризисных ситуациях и т. д. Это контрастирует с западными принципами индивидуализма и социального дарвинизма, проявившимися в том числе и в ходе нынешнего коронакризиса. Кроме того, страны конфуцианского ареала в кризисной обстановке продемонстрировали, по мнению Цзинь Цаньжуна, более совершенные компетенции государственного управления и менеджмента. Кроме того, он считает, что за пределами Запада только страны конфуцианского ареала, начиная с Японии, а затем и «четырех малых азиатских драконов», смогли успешно создать индустриальную цивилизацию, без которой невозможно говорить о создании современных государств [Jin Canrong, 2021].

Не менее заметен в медийном пространстве современного Китая коллега (и единомышленник, так как оба международника, когда-то бывшие близкими к либеральному лагерю, эволюционировали в ястребов) Цзинь Цаньжуна профессор Фуданьского университета Чжан Вэйвэй (张维为), директор Института китайских исследований данного университета. Как и профессор Цзинь, Чжан Вэйвэй — один из самых влиятельных комментаторов политики Пекина. Более того, в мае 2021 г. он еще и удостоился чести быть лектором на сессии коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК на тему «создания более эффективной модели международного влияния Китая», после чего в сети появились комментарии пользователей о том, что он теперь должен именоваться не иначе как *гоши* — что-то вроде «наставника императора». И он также подробно высказался на тему о важности традиционных ценностей и конфуцианства в борьбе с пандемией коронавируса.

С точки зрения Чжан Вэйвэя, коронавирус продемонстрировал способность китайского населения сплотиться в условиях беспрецедентного кризиса, китайцы показали ответственность перед своими семьями, знакомыми, перед обществом в целом, перед своей страной и всем миром [Zhang Weiwei, 2021]. «Наши китайские ценности, также как и многие элементы «азиатских ценностей», очень полезны в том, чтобы вырваться из-под чрезмерного влияния западных ценностей на китайское общество, действовавшего в течение

длительного времени, они служат также нашим ответом так называемому моральному превосходству Запада... мы искренне верим, что многие ценности китайского народа и других азиатских народов на самом деле более гуманны и рациональны, чем те, которые исповедуют на Западе. Эти ценности гораздо ближе интересам всего человечества и гораздо лучше могут помочь ответить на те вызовы, которые стоят перед человечеством в 21 веке. Но сможет ли Запад понять или даже принять эти ценности — если честно, для меня все равно... никто не может разбудить человека, если он сам не хочет просыпаться» [Там же].

В контексте пандемии коронавируса более успешное противодействие заболеванию в странах Восточной Азии вновь привлекло внимание всего мира к культурным особенностям этого региона, таким как ориентация на коллективизм, поиск баланса между свободой и самодисциплиной, гораздо большее доверие правительству и т. д. Чжан Вэйвэй также обращается к знаменитым дискуссиям 1980-х годов вокруг «азиатских ценностей», возвращаясь к таким фигурам, как «отец сингапурского чуда» Ли Куан Ю (Генри Ли) и патриарх малайзийской политики Махатхир Мохамад. В частности, он приводит следующий список «азиатских ценностей», как их в свое время сформулировал Ли Куан Ю: 1) интересы общества и государства имеют приоритет над интересами отдельных индивидов; 2) целью демократии является создание хорошего правительства (good government); 3) отношения между правительством и населением — это отношения взаимного доверия; 4) гармония гораздо полезнее для развития государства, чем борьба и конфликт; 5) основой государства является семья; 6) государство должно с уважением относиться к индивидууму; 7) различные религии должны дополнять друг друга и сосуществовать в гармонии [Там же].

Согласно Ли Куан Ю, продолжает Чжан Вэйвэй, все эти ценности проистекают из китайской конфуцианской традиции, а для строгого соблюдения моральных норм и законности, а также предотвращения распространения западной культуры в Сингапуре открыто поощряются восемь конфуцианских добродетелей: верность (忠), сыновняя почтительность (孝), гуманность (仁), человеколюбие (爱), соблюдение приличий (礼), справедливость (义), честность (廉), чувство стыда (耻)[1].

Мы видим, что в изображении таких авторитетных ученых, как Цзинь Цаньжун, Чжан Вэйвэй и других, конфуцианские ценности не только получают фактически поддержку со стороны истеблишмента, но и представляются общественности как важный источник успеха в борьбе с беспрецедентной эпидемией. Теперь они начинают органично вплетаться в тот набор установок и принципов, которые характеризуют «социализм с китайской спецификой» с его прагматизмом и своего рода идейным синкретизмом, позволяю-

[1] Любопытно, что последние четыре добродетели полностью воспроизводят четыре принципа «морального оздоровления» нации Чан Кайши периода его правления на материке во время «Движения за новую культуру» (1934—1937). Не нужно напоминать, что на протяжении многих десятилетий правления КПК все это однозначно характеризовалось как «реакционная идеология». Тем более интересно, что сейчас это подается совсем в другом свете.

щим сосуществовать, например, отсылкам к марксизму-ленинизму, «цвету нашего знамени» и апологии добродетелей, прежде критиковавшихся как элементы «феодального общества».

В современных текстах, посвященных конфуцианству и его роли в борьбе с пандемией, присутствует определенное чувство вновь обретенной гордости жителей Азии в противоположность людям белой расы. В одном из комментариев на изучаемую тему отмечается, что мол при взгляде на карту видно, что география успешного противодействия Ковиду практически совпадает с географией конфуцианского культурного ареала, где «азиаты с желтым цветом кожи успешно смогли взять пандемию под контроль» [Sanyue De Guyu, 2020]. «Под влиянием конфуцианской культуры, азиаты по характеру, как правило, сдержанные, скромные в выражении чувств, во взаимоотношениях с другими людьми осторожны и подвержены самоконтролю, но при этом открытые к сотрудничеству и поддержке [властей]. В условиях эпидемии они все способны относиться к этой проблеме очень серьезно, строго соблюдать приказы о карантинных мерах, подчиняться всем предписаниям властей, активно соблюдать масочный режим и т. д.». В довершение автор приводит для контраста многочисленные факты скандальных происшествий в США и ЕС, обусловленных прямо противоположными стереотипами поведения в странах Запада, где люди озабочены прежде всего своими собственными интересами и правами, а не общественным благом [Там же].

Профессор Городского университета Гонконга Фань Жуйпин (范瑞平), статья которого о необходимости применения в политике конфуцианских морально-этических принципов породила оживленные дискуссии, предлагает обратить внимание на то, что именно конфуцианские нравственные ценности могут дать в борьбе с пандемией, не заменяя, а дополняя собой (западные) научные методы. В то время как наука и медицина говорят нам о необходимости таких вещей, как тестирование, изоляция больных, карантины, социальное дистанцирование и другие организационные меры, как и в какой степени применять все эти инструменты — тут вполне можно задействовать традиционные этические принципы [Fan Ruiping, 2021]. Причем если рассуждения о конфуцианских ценностях политологов типа Цзинь Цаньжуна и Чжан Вэйвэя призваны внушить слушателям и читателям представления о превосходстве китайских ценностей над западными, другая часть китайских мыслителей склонна подчеркивать универсальную значимость конфуцианских принципов, не противопоставляя антагонистически западную этику науки и рациональности китайской этике человеколюбия и гармонии.

В публикациях многих авторов прослеживается мысль о том, что ключевое влияние конфуцианства в формировании идеального политического порядка — это стремление к единству политики и морали (хотя признается что в реальной действительности идеал может быть не полностью достижим), что стало важной частью культуры и психологии китайцев, на подсознательном уровне исповедующих принципы общественной гармонии. «Ведь конечный смысл политики — это обеспечение гармонии в социуме, и это есть самая базовая основа политической легитимности», — отмечает Ван Цзюэ, один из

участников обсуждения статьи Фань Жуйпина. «В свою очередь политика — это не столько умозрительно сконструированные правила и институты, сколько совокупность самых разных по уровню этических отношений, этических устоев (таких как нормы семьи), морально-нравственных сил, стремящихся к гармонии» [Wang Jue, 2021].

Какие еще принципы традиционной культуры упоминаются как проявившие свою значимость в период пандемии коронавируса в последние два года? Разные авторы называют не во всем совпадающий набор принципов и ценностей, но общая направленность понятна. Это такие концепты, как «жизнь как наивысшая ценность» (生命至上), «сплоченность всей нации на основе единства в сердце» (举国同心), «единство семьи и государства» (家国一体), «готовность пожертвовать собой» (舍生忘死), «уважение к науке» (尊重科学), «готовность не отделять свою судьбу от судьбы всех» (命运与共) и т. д. [Там же]. При этом в дискуссиях китайских специалистов отмечается необходимость не столько распространения своих ценностей взамен существующих на международном уровне, сколько в духе конфуцианской культуры гармонии осуществление открытого диалога по принципу, сформулированному известным китайским социологом и антропологом Фэй Сяотуном — *гэ мэй ци мэй, мэй жэнь чжи мэй, мэй мэй юй гун, тянься датун* (各美其美, 美人之美, 美美与共, 天下大同 — «у каждой нации имеются свои критерии оценки прекрасного, в процессе культурных взаимодействий постепенно приходит возможность воспринимать культурные критерии другого народа, постепенно в процессе общения возникают общие критерии и подходы, и в конце концов во всем мире устанавливается полная гармония (датун)») [Там же].

Надо отметить, что в дискуссиях о конфуцианских ценностях в КНР, так же как и на международном уровне, звучат и голоса скептиков. Так, один из участников обсуждения статьи Фань Жуйпина Чжан Яньлян привел целый ряд аргументов, ставящих под сомнение выкладки сторонников конфуцианской подоплеки в «победе» Китая над вирусом [Zhang Yanliang, 2021]. Во-первых, он посчитал необходимым отметить, что официальная позиция китайских властей в вопросах агитации и пропаганды состоит в том, что решающим фактором успеха является наличие Компартии Китая и огромных мобилизационных возможностей китайского государства, наличие сильного и авторитетного лидера, применение науки и продвинутых технологий. Про конфуцианские ценности на официальном уровне никто не говорит. Во-вторых, отмечает этот автор, влияние конфуцианства в современном Китае не следует переоценивать. «Оно небольшое и даже чем дальше, тем становится еще меньше заметным». В-третьих, тезис о какой-то особой роли семьи как матрице конфуцианских смыслов и практик в современном контексте не выдерживает критики, когда налицо кризис китайской семьи [Там же].

Подводя итоги описанным выше обсуждениям в китайской научной и публицистической среде, отметим, что пандемия Ковид-19 породила не только множество социально-политических и социально-экономических последствий, она актуализировала споры о традиционных ценностях, о традиционной культуре, о соотношении китайских и универсальных (западных) прин-

ципов, и (косвенно) о том, какие ценности будут определять будущий вектор развития этого огромного государства. Надо сказать, что эти споры — далеко не новые, они начались практически сразу после начала политики реформ и открытости. Год назад в Пекине скончался один из зачинателей «движения просвещения» 80-х годов Ли Цзэхоу, предложивший в свое время перевернуть кверху ногами формулу китайской консервативной модернизации — вместо *чжун ти си юн* (китайские принципы в качестве основы, западные технологии в качестве прикладных средств) объявить *си ти чжун юн*. С тех пор общественная атмосфера в Китае претерпела немалые перемены. В современной риторике о роли конфуцианской культуры в «победе» над эпидемией можно увидеть некую многослойность, присутствие как санкционированных сверху идей политических комментаторов о превосходстве «китайского» над «западным», так и искренние, но иногда наивные и не всегда связанные с реальностью представления современных неотрадиционалистов о благотворной роли тех или иных компонентов старой культуры. Представляется, что роль и значимость этих дискуссий станет понятной по мере наступления новых этапов в эволюции китайского общества и его интеллектуальной составляющей, то есть среды публичных интеллектуалов из числа разных идейных течений, а также продолжения борьбы китайского народа против «чумы 21 века» — пандемии Ковид-19.

События 2022 года серьезным образом изменили восприятие китайской модели борьбы с пандемией. Зимняя Олимпиада начала года, по всей видимости, поспособствовала новому подъему заболевания на фоне проблем с эффективностью используемых в КНР вакцин. Локдаун в Шанхае весной этого года, а затем в ряде других крупных городов страны, события в СУАР в ноябре и размах всячески раздуваемых зарубежными информационными ресурсами протестных акций в рамках «революции белого листа бумаги» с новой силой поставили вопрос о цене так называемого динамического нулевого подхода (动态清零) к борьбе с Ковидом. На этом фоне можно констатировать заметное уменьшение интереса в общественном пространстве к проблематике конфуцианских и прочих азиатских ценностей в борьбе с пандемией. На повестку дня с небывалой силой вышел вопрос о том, как без резкого роста количества заболевших и умерших и без ущерба для имиджа партийно-государственной вертикали обеспечить выход страны из формата «динамической нулевой терпимости» к Ковид-19. Однако это, как говорится, уже тема отдельного обсуждения.

Библиографический список

Карнеев А.Н. Значение и смысл формулы российско-китайского стратегического сотрудничества в «новую эпоху». URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/znachenie-i-smysl-formuly-rossiysko-kitayskogo-strategicheskogo-sotrudnichestva-v-novuyu-epokhu/ (дата обращения: 03.05.2022).

Коронавирус в Китае. Статистика и новости коронавируса в Китае на сегодня. URL: https://horosho-tam.ru/kitai/coronavirus (дата обращения: 02.02.2022).

References

Ashly, R.; Barker, A. (2021). America's return to 'Clash of Civilizations'. URL: https://www.militarytimes.com/opinion/commentary/2021/05/15/americas-return-to-clash-of-civilizations/ (accessed: 3 March 2022).

Chao, En-chieh. (2020). Robust civil society key to success. URL: https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2020/03/25/2003733313 (accessed: 3 March 2022).

Escobar, P. (2020). COVID-19: Confucius is Winning the Coronavirus War. URL: https://consortiumnews.com/2020/04/16/covid-19-confucius-is-winning-the-coronavirus-war/ (accessed: 5 March 2022).

Fan, Ruiping 范瑞平 (2021). Da yi dangqian: Su zhu rujia wenming de lunli ziyuan 大疫当前：诉诸儒家文明的伦理资源 [Facing a major epidemic: we should turn to the ethical resources of Confucian civilization]. URL: https://www.rujiazg.com/article/20025 (accessed 07.04.2022).

Festing, M., Schumacher T., Lee Yong-Yueh. (2021). How cultural norms shaped responses to the COVID-19 pandemic. URL: https://blogstest.lse.ac.uk/businessreview/2021/04/15/how-cultural-norms-and-values-shaped-national-responses-to-the-covid-19-pandemic/ (accessed: 5 March 2022).

Grobler, G. (2021). How China'beat' Covid-19. URL: https://www.iol.co.za/news/opin ion/how-china-beat-covid-19-2c8e4407-7246-4053-b04c-67d2b60a0a9e) (accessed: 5 March 2022).

Jin, Canrong 金灿荣 (2020). Zai yiqing mianqian, rujia wenhua quan de yingdui biaoxian yuan chao oumeng guojia 在疫情面前, 儒家文化圈的应对表现远超欧盟国家！[In the Face of Pandemic, the response of the countries of the Confucian area has been much more effective than that of the EU countries]. URL: https://v.youku.com/v_show/id_XNDcxMzIxNTYwNA=.html (accessed 07.04.2022).

Jin, Canrong 金灿荣 (2021). Zhe ci quanqiu yiqing, weihe rujia wenhua kang yi zuo de zui hao? Jin Canrong shuo chu beihou zhenxiang 这次全球疫情, 为何儒家文化抗疫做的最好？金灿荣说出背后真相 [Why did during the current pandemic the Confucian culture showed itself much better than others in the fight against the epidemic? Jin Canrong shows the real reasons behind the scene]. URL: https://v.qq.com/x/page/g3148rtvmkq.html (accessed 07.04.2022).

Karneev, A.N. Znacheniye i smysl formuly rossiysko-kitayskogo strategicheskogo sotrudnichestva "v novuyu epokhu" [Significance and Meaning of the Russia-China Strategic Cooperation "In the New Era"]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/znachenie-i-smysl-formuly-rossiysko-kitayskogo-strategicheskogo-sotrudnichestva-v-novuyu-epokhu/ (accessed: 10 April 2022) (In Russian).

Kleine C. Has Confucius won the corona war? URL: https://recentglobe.uni-leipzig.de/zentrum/detailansicht/artikel/blog-has-confucius-won-the-corona-war-2021-01-12/ (accessed: 5 March 2022).

Leonard, A. (2020) Taiwan is Beating the Coronavirus. Can the US Do the Same? The island nation's government is staying ahead of the virus, but don't ascribe it to "Confucian values". Credit democracy and transparency. URL: https://www.wired.com/story/taiwan-is- beating-the-coronavirus-can-the-us-do-the-same/ (accessed: 5 March 2022).

Park, N. S. (2020) Confucianism Isn't Helping Beat the Coronovirus. Cultural tropes don't explain South Korea's success against COVID-19. Competent leadership does. URL: https://foreignpolicy.com/2020/04/02/confucianism-south-korea-coronavirus-testing-cultural-trope-orientalism/ (accessed: 5 March 2022).

Peneluppi, R., Bulla O. (2021) China's struggle against Covid-19: crisis management under analysis. URL: https://www.academia.edu/60564698/Chinas_struggle_against_Covid_19_crisis_management_under_analysis (accessed: 5 March 2022).

Sanyue De Guyu 三月的谷雨. (2020). Sanyue Guyu. Rujia wenhua he zhe ci yiqing de guanxi 儒家文化和这次疫情的关系 [Sanyue Guyu. Relations between Confucian Culture and the Current

Epidemics]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1664140108227292852&wfr=spider&for=pc (accessed 07.04.2022).

Wang, Jue 王珏 (2021). Rujia hexie wenhua yu xinguan yiqing yingdui 儒家和谐文化与新冠疫情应对 [Confucian Culture of Harmony and it's Role in the Fight against the new Coronavirus Pandemic]. URL: https://www.rujiazg.com/article/20027 (accessed 07.04.2022).

Wang, Qian; Xing, Yi. (2020) Ancient wisdom helps in pandemic fight. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202005/29/WS5ed057d0a310a8b2411594e8.html (accessed: 5 March 2022).

Zagury, G., Underwood L. (2021). How pandemic proves China's 'digital Confucianism' is superior to the West. URL: https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3148797/how-pandemic-proves-chinas-digital-confucianism-superior-west?module=perpetual_scroll&pgtype=article&campaign=3148797 (accessed: 5 March 2022).

Zhang, Weiwei (2021). Asian Values are Superior to Western Values. URL: https://gaodawei.wordpress.com/2021/05/28/zhang-weiwei-asian-values-are-superior-to-western-values/ (accessed: 5 March 2022).

Zhang, Yanliang 张言亮 (2021). Zhang Yanliang. Rujia wenming de lunli ziyuan shifou nenggou geng hao de jiejue dangqian de yiqing — du fanruiping jiaoshou "Da yi dangqian: Su zhu rujia wenming de lunli ziyuan" 儒家文明的伦理资源是否能够更好地解决当前的疫情—读范瑞平教授 «大疫当前：诉诸儒家文明的伦理资源» [Zhang Yanliang. Is it true that Confucian civilization's ethical resources can better resolve the crisis with epidemic — debating the article by Prof. Fan Ruiping "In the Face of Large Epidemic: it is necessary to mobilize the ethical resources of Confucian civilization"]. URL: https://www.rujiazg.com/article/20028 (accessed: 07.04.2022).

DOI: 10.48647/ICCA.2022.71.57.003

А.В. Ломанов

«Камень с чужой горы»: российское китаеведение в китайском зеркале

Аннотация. В статье проанализированы ключевые особенности современных китайских подходов к российскому китаеведению. Китайские исследователи придают большое значение выявлению общих неизменных характеристик российского изучения Китая за несколько столетий. В результате на первое место выходят руководящая роль государства в научных исследованиях, широкая проблематика и способность организации работы над крупными долгосрочными проектами, высокая степень зависимости от состояния межгосударственных отношений, акцент на «евразийском» характере научного поиска и его отличиях от европейского китаеведения. Большой интерес в Китае вызывает оценка влияния российских китаеведов на культурное взаимодействие двух стран и на процессы развития русской мысли в целом. Специфической особенностью китайских исследований выступает стремление выявить исторические периода подъема в изучении Китая в России и ведущие фигуры, способные олицетворять эти периоды. Российских китаеведов хвалят за большой вклад в развитие дружбы и культурных обменов, уважение к китайской культуре и китайскому народу, стремление к проникновению в духовную традицию Китая через освоение текстов. Китайские авторы предполагают, что рост внимания российского китаеведения с начала 1990-х годов к новой тематике (политика и экономика КНР, традиционная китайская культура) был обусловлен реформами в обеих странах. Неоднократно была высказана гипотеза о том, что рост внимания российских китаеведов к этим проблемам обусловлен в том числе объективными запросами развития постсоветской России. Появились призывы использовать российское китаеведение как инструмент расширения китайского культурного влияния в России, поощряя участие ученых в процессах межгосударственной культурной коммуникации. В новом столетии китайские исследователи начали выражать тревогу по поводу неблагоприятных тенденции в российском китаеведении, угрожающих разрывом поколений исследователей и ослаблением преемственности. Китайские авторы уделяют большое внимание обсуждению современных фундаментальных публикаций российских китаеведов, одобренных для исследования и перевода в Китае. Предполагается, что ознакомление китайских научных кругов со взглядами российских ученых на историю и духовную культуру Китая будет способствовать углублению их понимания самими китайцами.

Ключевые слова: китаеведение, традиция, история, политика, взаимодействие культур, методология.

Автор: Ломанов Александр Владимирович, д. и. н., профессор РАН, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН; главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). ORCID 0000-0003-2676-4271. E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Alexander V. Lomanov

"A Stone from Someone Else's Mountain": Russian Sinology in Chinese Mirror

Abstract. The article analyzes the key features of modern Chinese interpretations of Russian Sinology. Chinese researchers attach great importance to identifying universal permanent characteristics of the Russian Sinology over several centuries. They concentrate on the leading role of the Russian state in China studies that cultivated a broad range of research topics and the ability to organize work on large-scale long-term projects, on the high degree of dependence of research on the situation in interstate relations, along with the emphasis on the "Eurasian" nature of studies and on the differences from European Sinology. Chinese scholars aim to assess the influence of Russian sinologists on the cultural interaction between the two countries and estimate their impact on the overall development of Russian thought. Here comes the specific task to identify the historical periods of growth in the China studies in Russia along with the leading academics who can personify these periods. Russian sinologists are praised for their great contribution to the development of friendship and cultural exchanges, their respect for Chinese culture and the Chinese people, and their intention to comprehend the spiritual tradition of China through the original texts. Chinese authors suggest that since the beginning of the 1990s, the growing attention of Russian Sinology to new topics (China's politics and economy, traditional Chinese culture) was deteremined by reforms in both countries. They suppose that growing attention of Russian Sinologists to these problems was due to the objective demands of the development of post-Soviet Russia. There were calls to use Russian Sinology as a tool for expanding Chinese cultural influence in Russia by encouraging the participation of scholars in the processes of interstate cultural communication. In the new century, Chinese researchers have begun to express concern about unfavorable trends in Russian Sinology that threaten to break linkages among generations of researchers and weaken academic continuity. They pay significant attention to modern fundamental publications of Russian sinologists already approved for translation in China. It is assumed that the introduction of ideas of Russian Sinologists on the history and spiritual culture of China to Chinese academic circles will deepen their understanding by the Chinese side.

Keywords: sinology, tradition, history, politics, interaction of cultures, methodology.

Author: Lomanov Alexander V., Dr. Sc. (History), Professor of the RAS, Head of the Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, ICCA RAS. ORCID 0000-0003-2676-4271.
E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Образ «камня с чужой горы, которым можно полировать яшму» (他山之石, 可以攻玉) служит в китайской традиции указанием на необходимость изучать чужой опыт для совершенствования собственных навыков. Проявление подобного подхода можно найти в сфере китайских исследований российского китаеведения. С опорой на публикации в научной периодике КНР в статье поставлена задача проанализировать ключевые аспекты китайских подходов к

российскому китаеведению, выявить основные акценты в интерпретации его прошлого и настоящего, показать их связь с политическими тенденциями и развитием межгосударственных отношений.

Исторические корни

Исследователи КНР уделяют большое внимание сквозному изучению истории российского китаеведения, стремясь выделить общие характеристики, относящиеся ко всем периодам его развития.

Лю Жомэй отмечает, что в современной России китаеведение стало междисциплинарным: оно охватывает различные направления исследований, включая историю, философию, язык, искусство и культуру. Она подчеркивает, что российское китаеведение появилось в прошлом по инициативе властей, что способствовало подъему этой отрасли знаний. И хотя намерения правителей царской России в отношении Китая могли быть недобрыми, российские китаеведы неизменно относились к изучаемой стране и ее традиционной культуре уважительно и доброжелательно. Признавая, что российское китаеведение может уступать французскому или немецкому по степени активности и уровню известности, с точки зрения полученных достижений Россию можно назвать «великой державой китаеведения» (汉学大国) [Liu Ruomei, 2003, p. 142].

Внешний фон европейской синологии присутствует в работах китайских авторов как точка отсчета, позволяющая выявить специфику российского китаеведения и его научных результатов. Попытки обратиться к истокам становления специфики российского китаеведения затрагивают проблемы принадлежности России цивилизациям Востока и Запада, воздействия на российскую интеллектуальную среду пришедшего из Франции увлечения китайской культурой [Zhang Xiping, 2011].

Авторитетный исследователь досоветского периода развития российского китаеведения Янь Годун указал на четыре его особенности — практичность (实用性), официальность (官方性), национальный характер (民族性) и обилие неизданных рукописей (手稿多). По мнению ученого, до революции 1917 г. «практичность» господствовала в российском востоковедении. Значительное влияние государства обеспечило поддержку развития китаеведения, но в некоторых случаях мешало китаеведам выражать свои мысли и искать новые темы [Yan Guodong, 2006, p. 79]. В первой половине XIX в. российское китаеведение обрело свою национальную специфику при постановке задач, в использовании исследовательских методов и подготовке кадров, его облик приобрел отличия от западноевропейской синологии. Негативной особенностью деятельности китаеведов в царской России, по мнению ученого, была трудность с публикацией научных работ, вследствие чего многие исследования оставались неизвестными на протяжении длительного времени.

Янь Годун отметил, что направление культурного «перетока» между Россией и Китаем изменилось в период «Движения 4 мая» 1919 г. — до этого исторического рубежа происходил «переток» китайской культуры в Россию,

а после него культура Советской России устремилась в Китай. Российские китаеведы были главными посредниками в распространении китайской культуры в России. Вместе с тем ученый призвал избегать преувеличения их влияния на культурное взаимодействие двух стран и на процессы развития русской мысли в целом. Тем более, по его мнению, не следует допускать ненаучный подход и объявлять всех русских китаеведов «царскими шпионами» [Yan Guodong, 2006, p. 80—81].

Патриарх китайских исследований русского китаеведения Ли Минбинь, обратившийся к изучению его истории с древности до наших дней, придает особое значение всплескам увлечения китайской культурой в России. По его мнению, таких волн было четыре. В Российской империи это были пришедшая из Европы мода на китайский стиль в начале XVIII в. и период освоения китайской классики во второй половине XIX века. В советский период подъемы были в 1950-х и 1980-х годах, они воплотились в широкомасштабные усилия по переводу китайской литературы и многообразные культурные обмены.

Ли Минбинь заявил, что российское китаеведение «энциклопедично», поскольку охватывает очень широкий круг исследовательских тем. На его современный облик наложила отпечаток академическая традиция, в рамках которой китаевед-практик имеет шанс обрести известность лишь занимаясь научной деятельностью, требующей самостоятельной работы с источниками, сбора материалов, длительных усилий в исследовательской сфере. В качестве примера китайский исследователь упомянул советского дипломата Н.Т. Федоренко, который в годы Войны сопротивления Японии во время работы во временной китайской столице Чунцине носил с собой в портфеле произведения китайской литературы и при первой возможности расспрашивал о них у китайских собеседников. Хотя в шутку его можно было назвать «китаеведом-любителем» (“业余的”汉学家), он заявил о себе как настоящий ученый и знаток литературы Китая.

Помимо этого, по мнению китайского исследователя, на всех этапах истории, от царской России до СССР и нынешнего постсоветского периода, российское китаеведение является «делом государства» (国家行为), работа ученых служит интересам страны и отражает приоритеты власти [Li Mingbin, 2017]. Отношение государства к китаеведению как национальному приоритету способствовало успешному развитию этой отрасли знания в России благодаря целенаправленной работе по финансовой поддержке исследований и подготовке кадров. Китайские авторы полагают, что постановка государственных целей сделала российское китаеведение всеобъемлющим и охватывающим широкий спектр проблем. Возможность слаженной работы больших научных коллективов из разных организаций позволяет создавать авторитетные фундаментальные труды энциклопедического типа. Предполагается, что именно по этой причине российское китаеведение сохраняет конкурентоспособность и влияние в мировом научном сообществе [Ming Fei, 2009, p. 3].

Повторяя четыре характеристики российского китаеведения, которые сформулировал Янь Годун, китайские авторы ставят сложный вопрос оценки исследовательской работы в период советско-китайского раскола. Они утвер-

ждают, что в те годы подчинение политике и идеологии советских властей заставило часть российских ученых «поступить против совести» (违背良心), выступая с пристрастной критикой Китая и нападками на Китай. Предполагается, что желавшие избежать этой участи ученые сменили тему и занялись изучением Новой истории Китая. В любом случае, уверяют китайские исследователи, китаеведение в СССР тогда снизило свой научный уровень и даже «ранило чувства народов двух стран» (伤害了两国人民的情感) [Lei Liping, Li Bo, 2011, p. 119].

Подобные заявления носят дискуссионный характер и могут породить немало встречных вопросов. В частности, возникает симметричная проблема оценки огромного пласта китайской литературы тех лет, написанной с антисоветских и даже отчасти русофобских позиций. Поэтому нам следует помнить, что утвердившаяся в Китае трактовка российского китаеведения как «государственного дела» неизбежно привносит в интерпретацию научных исследований факторы былых разногласий между двумя государствами.

В китайских публикациях можно найти разные оценки российского китаеведения царского и советского периода. Одна из точек зрения подчеркивает негативное влияние господствовавших в Российской империи европоцентристских взглядов на формирование сильного общественного предубеждения против Китая. Акцент на связи китаеведных исследований в России XX в. с наследием предшествующих столетий не исключает признания роста внимания советских властей к изучению Китая в 1960-е в период ухудшения двусторонних отношений. Предполагается, что именно тогда возрос интерес к общественному строю Китая, истории отношений двух стран. С появлением в 1966 г. ИДВ АН СССР была сформирована модель двух исследовательских центров, в рамках которой в Москве занимались современным Китаем, а в Ленинграде — традиционным Китаем [Ren Li, Liao Qifa, 2010, p. 130].

Поворот к современным проблемам

Китайские исследователи характеризуют ИДВ как «правительственный аналитический центр» (政府的智库), основной функцией которого является консультирование властей по вопросам политики [Ren Li, Liao Qifa, 2010, p. 130]. Они оценивают институт как одну из наиболее авторитетных структур в России по изучению проблем Китая, «утвержденную правительством аналитическую структуру для разработки политики в отношении Китая» (政府制定对华政策的智囊机构), что требует обязательно принимать во внимание разработки ИДВ при исследовании современного российского китаеведения [Liang Yi, 2009].

Цзян Хунвэй (Сычуаньский институт иностранных языков) указал на значительное развитие российских исследований политики Китая начиная с 1990-х годов. По его мнению, до этого периода данной тематике в СССР уделяли недостаточно внимания, исследованиям недоставало глубины, они испытывали на себе влияние политики и идеологии. Стимулом для перемен стали крупномасштабные преобразования политики, экономики и общества в

России и Китае. Среди внутрироссийских позитивных факторов исследователь выделил деидеологизацию научных исследований, рост запроса на исследования политической трансформации, рассекречивание исторических архивов. Внешнее влияние оказали быстрое развитие связей России и Китая, успешное продвижение китайских реформ. В поле внимания российских ученых вошли вопросы теории и практики социализма с китайской спецификой, китаизации марксизма, политической системы КНР, национальной и социальной политики китайского руководства.

Китайский автор отметил, что российские исследователи китайской политики сосредоточены в ИДВ. Он указал, что в истории российского китаеведения эта сфера не была традиционной, она не относится к числу преимущественных областей (优势领域). По его мнению, становление исследований политики Китая началось с момента создания ИДВ, однако в советские времена поиски в этой сфере носили ограниченный характер. Примечательно суждение о том, что сосредоточение профильных исследований в ИДВ, являющемся «правительственным аналитическим центром» (政府智库), обеспечивает позитивное отношение к Китаю со стороны основного течения российских академических кругов. Вместе с тем китайский ученый охарактеризовал исследователей китайской политики как «старое наследие» (“遗老”) ИДВ советского времени, предупредив, что нехватка кадров и старение способны породить разрыв поколений, неблагоприятный для продолжения научной деятельности [Jiang Hongwei, 2010, p. 48].

Сходный подход был использован при анализе российских исследований китайской экономики. Цзян Хунвэй предположил, что эта сфера также не относится к преимуществам российского китаеведения, однако и в ней наблюдается заметный подъем. Он отметил, что после создания ИДВ ученые начали заниматься общими теоретическими проблемами экономики КНР, вопросами бюджета и финансов, промышленности, экономической истории, бизнеса и торгово-экономических отношений [Jiang Hongwei, 2011, p. 73]. В новом столетии к прежним темам реформы экономической системы, госпредприятий и стратегии экономического развития КНР добавились вопросы «научного взгляда на развитие», инвестиций, укрупнения и усиления предприятий, формирования инновационной системы, гармоничного развития экономики, общества и окружающей среды.

Был сделан вывод, что и в этой области господствующий подход российских научных кругов является позитивным, разве что лишь «некоторые ученые в дальневосточном регионе расходятся с господствующей точкой зрения и сомневаются в экономическом подъеме Китая» [Jiang Hongwei, 2011, p. 81]. В отличие от исследований политики Китая, хотя многие исследователи сосредоточены в ИДВ, китайской экономикой занимаются и в других организациях, помимо ветеранов советской эпохи в этой сфере присутствуют молодые ученые.

Отмечая позитивное развитие сотрудничества двух стран, в середине прошлого десятилетия китайские исследователи все чаще выражали тревогу по поводу перспектив российского китаеведения. Янь Годун выделил три основные проблемы — старение кадров, негибкую и неэффективную систему

управления научными исследованиями, острую нехватку государственного финансирования. Он указал, что российское китаеведение начало страдать от утечки кадров, старения рядов и роста разрыва между поколениями. Это привело к замедлению исследовательской работы и поставило под угрозу ее качество [Yan Guodong, 2015][1].

Вне зависимости от уровня встревоженности негативными процессами в развитии российского китаеведения, китайские авторы дружно указывали на воздействие социально-экономических трансформационных процессов на содержание и направление исследований. Российско-китайское стратегическое партнерство вошло в период стабильного развития, тем временем геополитические структурные противоречия в отношениях России и Запада становились все более заметными. В этих условиях китайские авторы все более уверенно говорили о российских исследованиях Китая, его политического процесса и экономических реформ, как о факторе влияния на политику и общество в России, способствующем дальнейшему сближению между двумя странами. Было высказано предположение, что отсутствие на протяжении двух десятилетий в российско-китайском сотрудничестве крупных подъемов и спадов, подобных тем, что происходили в китайско-американских отношениях, обусловлено в том числе российскими исследованиями Китая и российско-китайских отношений в контексте геополитики и глобальной стратегии с использованием собственных материалов, методов и ценностных подходов [Lin Jinghua, 2014, p. 82].

В этом контексте продемонстрированные учеными ИДВ РАН в постсоветский период успехи в изучении традиционной китайской культуры становятся частью крупномасштабной концепции динамики взаимодействия России и Китая. Лю Жомэй полагает, что проникновение китайской культуры оказывало влияние на идейные процессы внутри России начиная с XIX века. Рост внимания российских исследователей к китайской мысли предстает как непрерывный процесс, получивший значительный импульс после распада СССР [Liu Ruomei, 2010].

Изучение культуры и проблемы диалога

Отрадное признание китайскими коллегами позитивного вклада современного российского китаеведения в развитие межгосударственных отношений сопровождалось появлением рассуждений о возможностях его инструментализации в интересах расширения китайского культурного влияния в России. Китайские авторы исходили из того, что ради укрепления взаимопонимания следует активнее пропагандировать в России китайскую культуру, подключая к этой работе занимающихся ее исследованиями китаеведов. В новый период развития российское китаеведение демонстрирует большие успе-

[1] Основные положения китайской статьи и размышления по ее поводу можно найти в блоге китаеведа Сергея Филонова. URL: https://jinshu.amursu.ru/index.php/170-opinion-of-the-chinese-experts-dr-yan-guo-dong-the-crisis-of-russian-sinology-kitajskij-spetsialist-o-krizise-v-rossijskom-kitaevedenii

хи в исследовании традиционной китайской культуры, в центре которой находится конфуцианство, благодаря этому ученые уже стали частью процесса межгосударственной культурной коммуникации. При этом имеющийся потенциал российского китаеведения способен предоставить благоприятные условия для расширения деятельности в России Институтов Конфуция [Lei Liping, Li Bo, 2011, p. 120].

Среди особенностей российского китаеведения в новом столетии китайские авторы выделяли поиск в наследии китайской культуры глубинных причин успеха политических и экономических реформ в КНР, обеспокоенность расширением влияния «народного китаеведения», стимулирующее воздействие роста популярности изучения китайского языка на усилия по созданию современных учебников и обучающих курсов [Ma Chongyu, 2008]. В этом контексте китайские эксперты встали на сторону возникшего в России в постсоветский период активного, но непрофессионального «народного китаеведения» (民间汉学), заполнившего лакуны научного знания и нашедшего возможность донести упрощенные знания о китайской истории и культуре до массового потребителя. Они предположили, что «народное китаеведение» будет увеличивать рост понимания Китая в России, устранять фобии россиян в отношении китайцев, создавать дополнительные каналы межкультурного общения [Lei Liping, Li Bo, 2011, p. 121].

В русле этих рассуждений была выдвинута рекомендация использовать рост интереса к изучению китайского языка и китайской культуры в России для того, чтобы продвигать внутри российского общества китайские подходы. Взаимодействие с российским китаеведным сообществом должно было облегчить задачу передачи информации, создать площадку для обменов, способствовать интернационализации и модернизации академических исследований.

В первое десятилетие нашего века китайские исследователи исходили из того, что рост внимания российских китаеведов обусловлен не только и не столько научным интересом, сколько объективными потребностями развития общества и государства в России.

В Китае отмечали, что после распада СССР была разрушена идеология общества, ценности и нормы были размыты. Стремление России к возрождению в статусе великой державы требовало найти новые духовные основы для сплочения общества с использованием для этого всех доступных идейных и культурных ресурсов, включая наследие китайской цивилизации. Несмотря на давнюю и глубокую связь культур России и Запада, российские мыслители не могли игнорировать углубляющийся кризис западной культуры в условиях глобализации — включая погоню людей за материальными благами и наслаждениями, утрату религиозности и нравственной целостности, утрату ответственности перед обществом и моральных стандартов. Поскольку западная культура более не может служить знаменем национального возрождения России, культурная элита начинает все активнее интересоваться китайской философией, подчеркивающей этический дух и несущей в себе нравственную силу для обновления человеческого духа. Было выказано предположение, что негативные последствия попытки вестернизации России в 1990-е годы повы-

шают интерес российских элит к успешному опыту китайских реформ и, как следствие, к китайским ценностям и китайской традиционной философии, сыгравшим важную позитивную роль в модернизации Китая [Zhu Daqiu, 2005, pp. 62—63].

Китайские исследователи брали российское китаеведение и востоковедение в целом в качестве платформы для нынешнего и будущего распространения влияния в России конфуцианских идей. Исходными предпосылками становились тезисы о росте международного влияния китайского дискурса и важности поставленной властями Китая задачи построения «сообщества судьбы человечества» с опорой на ресурсы «мягкой силы» китайской культуры. Важную роль в продвижении строительства «сообщества судьбы» призвана сыграть конфуцианская культура, что требует активизации усилий по ее распространению во внешнем мире, включая Россию. Исторический и лингвистический анализ российских понятий о «востоковедении», «китаеведении» и «конфуцианстве» привел к неожиданному выводу о том, что «китайские исторические и культурные традиции уже интегрированы в современное экономическое развитие России», при этом важной задачей изучения конфуцианства в современной России становится углубление понимания конфуцианской культуры и раскрытие глубинного смысла конфуцианской идеи «гармонии в многообразии» (和而不同). Было заявлено, что это поможет создать прочную основу для конструктивного диалога цивилизаций между Китаем и Россией, а также для дальнейшего развития конфуцианства в современной России [Li Li, 2018, p. 16].

Эти рассуждения могут показаться оторванными от реального положения дел в российском китаеведении. Интерес к изучению конфуцианства стал в России давней научной традицией. Однако публикация качественных исследований и переводов не может служить подтверждением глубокого проникновения древнекитайской мысли в умы российской элиты и широких слоев общества. Тем временем с китайской стороны запрос на продвижение национальной традиции во внешний мир порождает завышенные ожидания и чрезмерный оптимизм в оценках перспектив этого проекта.

По мере углубления российско-китайского взаимодействия тональность китайских публикаций о российском китаеведении изменялась. Предпосылка кризиса российской духовной культуры, нуждающейся в срочном освоения китайской мудрости для преодоления последствий неудачных реформ первого постсоветского десятилетия, потеряла былую остроту и актуальность.

Привязка к политической актуальности сохраняется, но ее дополняет трактовка российского китаеведения с помощью популярных в современном Китае концепций межкультурного взаимодействия. Свежая статья об «исторической ценности и современном значении российского китаеведения для китайско-российских культурных обменов» [Li Zhe, 2022] начинается с упоминания о встрече Владимира Путина и Си Цзиньпина в июне 2021 г. и решении продлить Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Далее следует тезис о том, что за три столетия российские китаеведы внесли большой вклад в развитие дружбы и культурных обменов — ведь они неустанно исследовали китайскую традиционную культуру, распростра-

няли полученные знания, помогали российскому народу углубить понимание Китая [Li Zhe, 2022, p. 77].

Среди отличительных особенностей российского китаеведения на первом месте обозначено стремление найти источник и постичь «духовный код» китайской цивилизации через освоение философской и гуманитарной классики. Российская научная традиция обращает особое внимание на точность перевода, стремится на основании текста понять «культурную систему» (文化脉络) китайской цивилизации. Третья характеристика — склонность к врастанию в жизнь Китая, желание правдиво и объективно передать оригинальный вид и облик (原景原貌) китайской культуры [Li Zhe, 2022, p. 77].

В этом описании российского китаеведения присутствуют упоминания о способности видеть «прекрасное у других» (美人之美), признавая общность достоинств разных цивилизаций (美美与共). Таким образом исследователи способствовали взаимному познанию и учебе двух культур, их будущему развитию и совершенствованию. Указано, что российское китаеведение укрепило гуманитарную основу всестороннего стратегического сотрудничества двух стран и реализовало основанное на взаимном признании и уважении культур гармоничное «Великое единение» (大同), которое превосходит границы стран и этносов [Li Zhe, 2022, p. 78].

Следует пояснить, что в позитивную оценку российского китаеведения была интегрирована формулировка выдающегося китайского этнографа Фэй Сяотуна, который на склоне лет увлекся проблемой взаимодействия культур. Ему принадлежит фраза «Каждый радуется собственным достоинствам, видит достоинства других, когда происходит объединение достоинств, приходит Великое единение Поднебесной» (各美其美, 美人之美, 美美与共, 天下大同)[1]. Предполагается, что российские ученые следуют этому завету и вносят вклад в признание достоинств китайской цивилизации, способствуя тем самым приближению идеального мира гармонии цивилизаций.

«Камни» для китайской «яшмы»

Китайские авторы уделяют большое внимание обсуждению конкретных достижений и фундаментальных публикаций российских китаеведов. Они отмечают, что Энциклопедия «Духовная культура Китая» в шести томах вобрала в себя достижения предыдущих столетий развития российского китаеведения, включая наследие Бичурина и Алексеева. Особенностями энциклопедии стали восприятие китайской культуры как неотъемлемой части духовного богатства человечества, стремление показать российскому читателю многогранный уникальный облик китайской культуры, представить самостоятельно разработанный подход к китайскому наследию, способный обеспечить прочную основу для диалога между культурами [Liu Ruomei, 2009].

В китайских публикациях прозвучал тезис о том, что созданная в России «Энциклопедия» основана на признании способности китайской культуры

[1] О трактовке этой фразы в контексте современной китайской политики см. http://keywords.china.org.cn/2022-10/13/content_78464111.html

адаптироваться к требованиям современности. По мнению Лю Ядина, эта фундаментальная работа стала позитивным откликом на возрождение китайской культуры, она наследует традиционное для российского китаеведения сочетание изучения китайской духовной культуры с постижением национальной специфики. Он отметил, что «Энциклопедия» имеет собственную идейную окраску и пропагандирует «новое евразийство». Речь идет о том, что Россия географически и культурно расположена в Европе и Азии, поэтому она может впитать преимущества европейской и азиатской культур, формируя новое культурное пространство.

В частности, Лю Ядин отметил, что первый том «Философия» вышел за рамки старого советского подхода к философскому наследию Китая, уровень проведенного исследования высок и книга может послужить ориентиром для китайских ученых [Liu Yading, 2013b]. По его мнению, ознакомление китайских научных кругов со взглядами российских ученых на духовную культуру Китая способно сыграть роль того самого «камня с чужой горы», пригодного для полировки собственной яшмы — то есть углубления понимания китайской культуры самими китайцами. Для китайских научных кругов книга становится дополнительным источником уверенности в пути развития Китая. Причина в том, что именно успехи китайской политики реформ и открытости побудили российских ученых заняться прояснением внутренней взаимосвязи между современными достижениями КНР и тысячелетней историей китайской цивилизации.

Вместе с тем Лю Ядин с озабоченностью отметил, что «Энциклопедию» следует особенно ценить, поскольку ее изданием «старшее поколение китаеведов поставило достойную точку» (老一代汉学家划下的一个比较完满的句号). По его мнению, современная динамика развития российского китаеведения следует общему течению, в котором академическое сообщество уделяет все больше внимания анализу текущей ситуации и разработке встречных мер (对策的研究). [Liu Yading, 2016, p. 65].

В одной из публикаций Лю Ядин упомянул, что ученые Сычуаньского университета еще в 2010 г. обратили внимание на «Энциклопедию». В 2012 г. они заключили договор с ИДВ РАН на перевод шести томов издания при поддержке финансирования по конкурсу Национального фонда общественных наук. В марте 2013 г. «Энциклопедия» стала темой общения Си Цзиньпина с российскими китаеведами в Москве[1] [Liu Yading, 2013a, p. 67]. Он заметил, что «Энциклопедия» пронизана собственными взглядами и ценностными подходами российских ученых, они присутствуют в изложенных в книге подходах к китайской культуре, и это требует при подготовке перевода добиться не только изложения текста, но и культурного понимания оригинала.

Новым проектом, способным сблизить научные сообщества двух стран, стал план перевода в Китае десятитомной «Истории Китая». Янь Годун отметил, что эта работа привлекла наибольшее количество авторов и отличается самым всесторонним и систематизированным изложением китайской исто-

[1] См. полный текст сообщения агентства «Синьхуа» об этом событии. URL: http://politics.people.com.cn/n/2013/0325/c70731-20897356.html

рии со времени зарождения российского китаеведения. Книга вобрала в себя научные достижения прошлого, она воплотила традиции и особенности российского китаеведения. Китайский исследователь поставил эту книгу в один ряд с Кембриджской и Гарвардской историями Китая. В 2018 г. китайский Национальный фонд общественных наук утвердил проект перевода и исследования подготовленной российскими учеными «Истории Китая», а в апреле 2019 г. в Нанькайском университете состоялось первое обсуждение работы над проектом с привлечением российских и китайских экспертов [Yan Guodong, 2019].

Китайский подход: специфика и затруднения

Китайские исследователи признают, что изучение российского китаеведения в КНР сталкивается с проблемами. Число исследователей невелико, а подготовка кадров проходит недостаточно интенсивно, хотя без знания русского языка, понимания китайской и зарубежной культуры серьезно заниматься этой темой невозможно. Китайские ученые добились успехов в освоении общей истории российского китаеведения и распространения в России китайской литературы, тем временем недостает углубления в российские исследования китайской философии, религии, искусства, истории, языка. Еще одна трудность обусловлена недостатком материалов, вызванным ограниченностью закупки научной литературы на русском языке провинциальными и университетскими библиотекам [Yan Guodong, 2004, pp. 13—14].

Влиятельная школа исследований российского китаеведения сформировалась в Пекинском университете, ее главными представителями выступают профессор Ли Минбинь и сотрудник университетского издательства Чжан Бин [Sun Yuhua, Xiu Yun, 2018]. Их объединяет богатый опыт изучения русской литературы, позволяющий тонко чувствовать оттенки научного текста и улавливать его скрытые смыслы. Среди научных публикаций Чжан Бин следует указать на опыт исследования и сопоставления различных российских подходов к составлению истории российского китаеведения [Zhang Bing, 2017].

Ли Минбинь связывает китайское увлечение исследованиями зарубежного китаеведения с тем, что академическое сообщество стало более рациональным и начало возвращаться на собственную почву, потому что «лишь когда есть национальное, может быть мировое». Вместе с тем он призвал трезво оценивать достигнутые в этой сфере успехи, призывая учиться у российских китаеведов способности четко планировать исследования, избегать ненужного дублирования, объединять усилия ради крупных проектов наподобие «Духовной культуры Китая». Он предостерег от слепого следования российским исследованиям по истории китаеведения, указав на необходимость дополнять их самостоятельным сбором и осмыслением материала [Ye Qisong, Cheng Luchen, 2021, p. 62].

Среди китайских публикаций можно встретить небольшие и не слишком глубокие работы о российском китаеведении, которые, тем не менее, пред-

ставляют интерес для формирования широкого восприятия проблемы. Однажды на эту тему выступили сотрудники базирующейся в Шэньяне компании гражданской авиации, упомянувшие в своей статье о деятельности уже позабытой многими в своем отечестве Российской ассоциации китаеведения, пожелав ей дальнейших успехов. При этом вполне здравыми предстают их рассуждения о том, что к важнейшим направлениям российского китаеведения традиционно относятся история и перспективы развития российско-китайских отношений, а российские исследователи создали собственный подход к изучению обычаев и традиций Китая, основанный на сочетании политической культуры, национальных традиций, идеологических и общественных течений [Guo Lishu, Xu Ning, 2007].

В другой публикации сопоставимого объема и качества можно неожиданно обнаружить краткое упоминание о взглядах на историю древнекитайской мысли В.А. Рубина, его симпатиях к гуманистической традиции конфуцианства, противопоставленной подчиненному задачам государственного управления легизму. В небольшой фрагмент уместилась информация о критике позиции Рубина в СССР, его эмиграции в Израиль, исследованиях конфуцианских представлений о моральной независимости и ответственности человека, поисках обоснования взаимосвязи китайской и мировой философии [Zhao Jing, Wang Dan, 2019, p. 162].

Китайские исследователи стремятся структурировать историю российского китаеведения вокруг лидеров. Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев и В.М. Алексеев олицетворяют три периода в его развитии. Четвертый период в конце XX в. оказался настолько активным и плодотворным, что его возглавили сразу три академика — С.Л. Тихвинский, В.С. Мясников и М.Л. Титаренко [Ming Fei, 2009, p. 2]. В некоторых случаях критерии отбора ключевых представителей российского китаеведения представляются не вполне ясными. В частности, это относится к перечислению имен Н.Т. Федоренко (исследования китайской литературы), С.Л. Тихвинского (исследования Новой истории Китая), В.Ф. Сорокина (исследования китайского языка и литературы), Б.Л. Рифтина (исследования китайской литературы — порядок упоминания следует китайскому тексту) [Cao Jingwen, 2007, pp. 140—141].

При этом в иных случаях китайские авторы способны обогатить наше понимание истории отечественного китаеведения и вклада в его развитие ученых, творческое наследие которых еще не стало в России предметом глубокого осмысления. Можно упомянуть статью о вкладе в науку А.Е. Лукьянова, в которой тот охарактеризован не только как переводчик древних текстов и пропагандист китайской культуры, но и как автор собственной трактовки китайской традиции, опиравшейся на понятия о «дао», «архетипе» и «глаголе» [Li Zhiqiang, Tian Xiaoquan, 2021]. Не менее интересен опыт истолкования подхода Л.С. Переломова к толкованию «Лунь юй» через выделение дополняющих друг друга стратегий — «возвращения к историческому контексту изучаемого текста» и «деконструкции терминов конфуцианской культуры» [Xu Yan, 2022].

Китайские исследования российского китаеведения — это лишь небольшая часть крупномасштабного изучения зарубежного китаеведения в КНР.

Стремление побольше узнать о том, как иностранные ученые смотрят на современный Китай, и как их предшественники относились к нему в прошлом, питает интерес к этой исследовательской теме.

Занимающиеся российским китаеведением китайские ученые немногочисленны. Их статус в научной иерархии неизменно уступал коллегам, исследующим европейскую и американскую синологию. Сделанный ими выбор заслуживает уважения, а их научный поиск — активной и заинтересованной поддержки.

Публикации китайских авторов отчасти уже стали частью истории российского китаеведения, будь то исследования научных концепций отдельных ученых или характеристики общего положения дел в научной сфере [см. напр.: Yu Wenlan 2003a, Yu Wenlan 2003 b]. Ведущие китайские эксперты накопили за десятилетия богатейший опыт общения с российскими исследователями. Их знания и воспоминания делают их полноправными соучастниками процесса создания истории российского китаеведения.

Образ «камня с чужой горы» был использован китайскими исследователями как аргумент в пользу углубленного постижения успехов российских китаеведов. Однако для российского китаеведения столь же важным и бесценным становится китайское «зеркало». Увидев в нем свое отражение, мы можем лучше понять свои достоинства и недостатки, оценить былые успехи и неудачи, не совершить ошибку при выборе пути в будущее.

References

Cao, Jingwen 曹景文 (2007). Zhongguoxue zai Eguo 中国学在俄国 [Chinese studies in Russia]. Yanshan daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban, 3: 137—141.

Guo, Lishu; Xu, Ning 郭丽姝, 徐宁 (2007). Eluosi hanxue yanjiu de lishi he xianzhuang sumiao 俄罗斯汉学研究的历史和现状素描 [Sketch of the history and current situation of sinology studies in Russia]. Qiqihaer daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban, 2: 149—150.

Jiang, Hongwei 江宏伟 (2010). 20 shiji 90 niandai yilai Eluosi de Zhongguo zhangzhi yanjiu gaishu 20世纪90年代以来俄罗斯的中国政治研究概述 [An overview of Russian studies on Chinese politics since the 1990s]. Guowai shehui kexue, 4: 40—48.

Jiang, Hongwei 江宏伟 (2011). 1990~2010 Eluosi de Zhongguo jingji yanjiu 1990~2010 年俄罗斯的中国经济研究 [1990—2010 Russian studies in Chinese economy]. Guowai shehui kexue, 4: 73—81.

Lei, Liping 雷丽平; Li, Bo, 李渤 (2011). Eluosi hanxue de fazhan yanbian ji qi xianshi yiyi 俄罗斯汉学的发展演变及其现实意义 [The development evolution of Russian sinology and its practical significance]. Dong Bei Ya luntan, 4: 112—122.

Li, Li 李丽 (2018). Cong “dongfangxue” “hanxue” “ruxue” gainian de shanbian kan ruxue zai Eluosi de chuanbo 从“东方学”“汉学”“儒学”概念的嬗变看儒学在俄罗斯的传播 [Viewing the spread of Confucianism in Russia from the evolution of the concepts of “Orientalism”, “Sinology” and “Confucianism”]. Jining xueyuan xuebao. 1: 13—16.

Li, Mingbin 李明滨 (2017). Zou jin Eluosi hanxue yanjiu zhi men 走进俄罗斯汉学研究之门 [Entering the door of research in Russian sinology]. Guoji hanxue, 1: 5—11. DOI: 10.19326/j.cnki.2095-9257.2017.01.001.

Li, Zhe 李哲 (2022). Eluosi hanxue zai Zhong E wenhua jiaoliu zhong de lishi jiazhi he xianshi yiyi — Eluosi dang'an guan guancang Zhongguo wenhua dianji yiben wenxian guankui 俄罗斯汉学在中俄文化交流中的历史价值和现实意义— 俄罗斯档案馆馆藏中国文化典籍译本文献管窥 [The historical value and practical significance of Russian sinology in Sino-Russian cultural exchanges — A look at the translations of Chinese cultural classics collected in Russian archives]. Zhongguo dang'an, 1: 76—78.

Li, Zhiqiang 李志强; Tian, Xiaoquan, 田小倩 (2021). Hongdao yi yan xiu shen yi ren — A. Lujiyangnuofu de hanxue xueshu sixiang 弘道以言 修身以仁 — A.卢基扬诺夫的汉学学术思想 [Promoting the Way with word and cultivating the person with benevolence — A. Lukyanov's sinology academic thought]. Eluosi wenyi, 4: 10—16. DOI: 10.16238/j.cnki.rla.2021.04.002.

Liang, Yi 梁怡 (2009). 俄罗斯科学院远东所与中国问题研究 Eluosi kexueyuan Yuandongsuo yu Zhongguo wenti yanjiu [Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of sciences and research in China problems]. Beijing lianhe daxue xuebao: renwen shehui kexue ban, 1: 123—126.

Lin, Jinghua 林精华 (2014). Eluosi hanxue jie shiye zhong de dangdai Zhongguo zhengzhi jincheng he jingji gaige 俄罗斯汉学界视野中的当代中国政治进程和经济改革 [Contemporary Chinese political process and economic reform from the perspective of Russian sinology]. Guowai shehui kexue, 2014: 75—82.

Liu, Ruomei 柳若梅 (2003). 独树一帜的俄罗斯汉学 Du shu yi zhi de Eluosi hanxue [Unique Russian sinology]. Zhongguo wenhua yanjiu, 2: 135—142. DOI: 10.15990/j.cnki.cn11-3306/g2.2003.02.015.

Liu, Ruomei 柳若梅 (2009). Ping Eluosi kexueyuan Yuandongsuo "Zhongguo jingshen wenhua dadian" 评俄罗斯科学院远东所《中国精神文化大典》[On the "Encyclopedia of Chinese spiritual culture by the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of sciences]. Guowai shehui kexue, 4: 147—149.

Liu, Ruomei 柳若梅 (2010). Eluosi hanxue zhong de Zhongguo sixiang wenhua yanjiu 俄罗斯汉学中的中国思想文化研究 [Studies of Chinese thought and culture in Russian sinology]. Renwen congkan, 230—240.

Liu, Xiaoyun 刘晓云; Liang, Yi 梁怡 (2014). Eluosi dui Zhongguo wenti yanjiu redian jujiao 俄罗斯对中国问题研究热点聚焦 [Focus on hot topics in Russian research of China's problems]. Beijing lianhe daxue xuebao: renwen shehui kexue ban, 1: 74—78. DOI: 10.16255/j.cnki.11-5117c.2014.01.016.

Liu, Yading 刘亚丁 (2013a). Eluosi "Zhongguo jingshen wenhua dadian": fanyi yu sikao 俄罗斯《中国精神文化大典》: 翻译与思考 [Russian "Encyclopedia of Chinese spiritual culture: translation and reflections]. Eluosi wenyu, 3: 67—70. DOI: 10.16238/j.cnki.rla.2013.03.022.

Liu, Yading 刘亚丁 (2013b). Tanjiu Zhongguo zhexue suyuan Huaxia xinzhi — Eluosi "Zhongguo jingshen wenming da dian zhexue juan" guankui). 探究中国哲学溯源华夏心智—俄罗斯《中国精神文化大典·哲学卷》管窥 [Exploring Chinese philosophy and tracing the origins of Chinese mind — Glance at Russian "Encyclopedia of Chinese spiritual culture Philosophy volume]. Gansu shehui kexue, 4: 137—139. DOI: 10.15891/j.cnki.cn62-1093/c.2013.04.028.

Liu, Yading 刘亚丁 (2016). Zhongguo chuantong wenhua de chuangzaoxing zhuanhuan: Eluosi "Zhongguo jingshen wenhua dadian" 中国传统文化的创造性转换:俄罗斯《中国精神文化大典》价值平议 [Creative transformation of Chinese traditional culture: A discussion on the value of Russian "Encyclopedia of Chinese spiritual culture"]. Sichuan daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban, 2: 59—67.

Ma, Chongyu 马冲宇 (2008). 新世纪俄罗斯汉学研究动向初探 Xin shiji Eluosi hanxue yanjiu dongxiang chutan [A preliminary study on the trends of Russian sinology research in the new century]. Hebei daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban, 5: 37—42.

Ming, Fei 明非 (2009). 俄罗斯汉学史之我见 Eluosi hanxue shi zhi wo jian [My view on the history of sinology in Russia]. Guoji hanxue, 1: 1—4.

Ren, Li; Liao, Qifa 任莉, 廖其发 (2010). 20世纪俄苏中国学研究综述 20 shiji E Su Zhongguoxue yanjiu zongshu [A summary of Russian and Soviet Chinese studies in the 20th Century]. Chongqing ligong daxue xuebao: shehui kexue, 6: 128—132.

Sun, Yuhua; Xiu, Yun 孙玉华, 秀云 (2018). Zhongguo Eluosi hanxuejia yanjiu xianzhuang zongshu 中国俄罗斯汉学家研究现状综述 [Summary of the current situation in research on Russian sinologists in China]. Dongbei Ya waiyu yanjiu, 6: 84—89. DOI: 10.16838/j.cnki.21-1587/h.2018.04.015.

Xu, Yan 许雁 (2022). Eluosi hanxuejie de “Lunyu” “xinjie” — lun Eluosi hanxuejia Beilieluomofu de “Lunyu” jiedu celue 俄罗斯汉学界的《论语》“新解”— 论俄罗斯汉学家贝列罗莫夫的《论语》解读策略 [“New Interpretation” of “The Analects” in Russian sinology — On the interpretation strategy of “The Analects” by Russian sinologist Perelomov]. Ou Ya renwen yanjiu, 3: 68—77.

Yan, Guodong 阎国栋 (2004). Woguo Eluosi hanxue yanjiu de lishi yu xianzhuang 我国俄罗斯汉学研究的历史与现状 [The history and present situation of Russian sinology studies in China]. Guoji hanxue, 2: 4—15.

Yan, Guodong 阎国栋 (2006). Eguo hanxue ruogan wenti chuyi 俄国汉学若干问题刍议 [Debating some issues of Russian sinology]. Nankai xuebao: zhexue shehui kexue, 4: 74—81.

Yan, Guodong 阎国栋 (2015). Eluosi hanxue de weiji 俄罗斯汉学的危机 [Crisis of Russian sinology]. Guowai shehui kexue, 6: 68—73.

Yan, Guodong 阎国栋 (2019). Eluosi “Kexue sheban” shi juan ben “Zhongguo tongshi” jie ping 俄罗斯“科学社版”十卷本《中国通史》介评 [Introduction and assessment of “History of China” by the Russian “Nauka Publishers”]. Zhongguo shi yanjiu dongtai, 5: 75—81.

Ye, Qisong; Cheng, Luchen 叶其松, 程露晨 (2021). Zhong E wenhua jiaoliu yu Eluosi hanxue — Beijing daxue Li Mingbin jiaoshou fangtan lu 中俄文化交流与俄罗斯汉学— 北京大学李明滨教授访谈录 [Sino-Russian cultural exchange and Russian sinology — Interview with professor Li Mingbin of Peking University]. Guoji hanxue, 4: 57—62. DOI: 10.19326/j.cnki.2095-9257.2021.04.007.

Yu, Wenlan 于文兰 (2003a). Eluosi Zhongguo xue yanjiu jigou — kexueyuan xitong 俄罗斯中国学研究机构—科学院系统 [Russian China studies research institution — Academy of Sciences system]. Guowai shehui kexue, 3: 71—76.

Yu, Wenlan 于文兰 (2003b). Eluosi Zhongguo xue yanjiu jigou — gaoxiao and tu bo xitong 俄罗斯中国学研究机构 — 高校和图博系统 [Russian China studies research institution — Higher education, and library and museum system]. Guowai shehui kexue, 4: 69—73.

Zhao, Jing; Wang, Dan 赵静, 王丹 (2019). Eluosi “Zhongguo xue” de xianxue — ruxue wenhua zai Eluosi de chuanbo 俄罗斯“中国学”的显学—儒家文化在俄罗斯的传播 [Prominent learning of Russian “China Studies” — The spread of Confucian culture in Russia]. Wenhua chuangxin bijiao yanjiu, 11: 161—162.

Zhang, Bing 张冰 (2017). Lishi shu xie zhong de Eluosi hanxue 历史书写中的俄罗斯汉学 [Russian sinology in historical writings]. Zhongguo e yu jiaoxue, 2: 77—81.

Zhang, Xiping 张西平 (2011). Eluosi hanxue niaokan 俄罗斯汉学鸟瞰 [Overview of Russian sinology]. Zhongguo tushu pinglun, 8: 106—114.

Zhu, Daqiu 朱达秋 (2005). Zhongguo zhexue zai Eluosi — 20 shiji 90 niandai Eluosi de Zhongguo zhexue yanjiu 中国哲学在俄罗斯—20世纪90年代俄罗斯的中国哲学研究 [Chinese philosophy in Russia — Research on Chinese philosophy in Russia in the 1990s]. Zhexue dongtai, 3: 62—67, 73.

DOI: 10.48647/ICCA.2022.99.14.004

С.Л. Сазонов

Китайский и мировой автопром отрывается от земли

Аннотация. Сегодня многие водители в Китае и во всем мире, часами простаивающие в пробках, с нетерпением ожидают появления совершенно нового вида транспорта — «летающих» автомобилей, которые позволят им с легкостью преодолевать все дорожные препятствия. В недалеком будущем сервис воздушного такси станет одной из важнейших транспортных систем, которая позволит снизить нагрузку на дорожную сеть в крупнейших мегаполисах мира и удовлетворить потребности горожан в мобильности на расстояние от 15 до 50 км внутри мегаполиса, а затем, по мере увеличения расстояния транспортировки, аэротакси станут перевозит их в аэропорты и даже осуществлять междугородние рейсы. Следует отметить, что процесс активного поэтапного внедрения аэротакси в повседневную жизнь может занять более 10 лет, что связано с рядом технологических, финансовых, инфраструктурных и юридических препятствий, над решением которых активно сегодня работают ведущие автопроизводители всего мира.

Ключевые слова: Китай, «летающие» автомобили, аэротакси, городской трафик, взлет и посадка, роторы, несущие винты, мобильность, спутниковая связь, сертификат летной годности.

Авторы: Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, РФ. E-mail: sazonovch@mail.ru

Sergey L. Sazonov

The Chinese and Global Automobile Industry is Taking off

Abstract. Today, many drivers in China and around the world, standing idle for hours in traffic jams, are looking forward to the appearance of a completely new type of transport — «flying» cars that will allow them easily overcome all road obstacles. In the near future, the air taxi service will become one of the most important transport systems that will reduce the load on the road network in the largest megacities of the world and meet the needs of citizens for mobility at a distance of 15 to 50 km inside the megalopolis. After that as the transportation distance increases, the air taxi will transport them to airports and even carry out intercity flights. It should be noted that the process of active phased introduction of air taxi into everyday life may take more than 10 years, which is associated with a number of technological, financial, infrastructural and legal obstacles, which are actively being addressed by the leading automakers of this world today.

Keywords: China, «flying» cars, airtaxi, urban traffic, take-off and landing, rotors, mobility, satellite communications, certificate of airworthiness.

Authors: Sazonov Sergey L., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: sazonovch@mail.ru

В сентябре 2022 г. в пров. Цзянсу прошли испытания электромобиля (ЭМ) при движении на магнитной подвеске по технологии Maglev[1], в ходе которых автомобиль массой 2,8 т, разработанный Юго-Западным университетом Цзяотун г. Чэнду, приподнялся на 35 мм над поверхностью автодороги и проехал по шоссе расстояние протяженностью 7,9 км. Модификация автомобиля, адаптированная для движения над контактным рельсом с постоянными магнитами, позволила ЭМ развить скорость 220 км/час. Это тестирование было организовано Управлением транспорта пров. Цзянсу и нацелено на изучение конструкции дорог и анализ возможных мер безопасности при скоростном вождении ЭМ. Всего на этом участке автомобильной дороги было протестировано восемь автомобилей, в том числе пять ЭМ, максимальная скорость движения которых приблизилась к 230 км/ч. По мнению китайских экспертов, в будущем применение технологии Maglev обеспечит уменьшение потребления энергии и увеличение запаса хода ЭМ [Maglev...].

Водители, застрявшие в пробках, часто могут пожелать подняться в воздух, чтобы объехать оживленные дороги, прежде чем приземлиться в районах, свободных от пробок, и сегодня это желание на один шаг ближе к тому, чтобы стать реальностью. Крупнейшая компания Азии по производству «летающих» автомобилей — дочернее подразделение китайского стартапа по производству электромобилей Xpeng (главный конкурент корпорации Tesla в Китае) Aeroht Xpeng в начале 2021 г. протестировала «летающий» электромобиль X2 в Объединенных Арабских Эмиратах, а прототип модели X3 дебютировал на выставке в Шанхае в июле 2021 г. Более 700 сотрудников компании Aeroht Xpeng (более 85 % из них инженеры) трудятся над разработкой продуктов следующего поколения «летающих» ЭМ, и компания заявила, что к концу 2022 г. у нее будет более 1 тыс. сотрудников. Двухместный X2 весит 560 кг, предназначен для использования на малой высоте, способен летать до 35 минут, при этом максимальная скорость в воздухе составляет 130 км/час. Автомобиль подойдет для будущих полетов по городу на малой высоте и идеально подходит для поездок по городу на короткие расстояния, таких, как осмотр достопримечательностей и медицинский транспорт. Президент Xpeng Брайан Гу, отмечал, что компания достигла важной вехи, описав это как «важный шаг в исследовании Xpeng будущей мобильности». В сентябре 2022 г. «летающий» ЭМ X2, модель пятого поколения Xpeng Aeroht, завершил испытательный полет на выставке «GITEX Global 2022», одном из самых влиятельных технологических событий в мире, проходившем в Дубае (ОАЭ), а мировой дебют модели состоялся в Шанхае в июле 2021 г. [Chinese...]. Разработанный как для полета по воздуху, так и для движения по дорогам, этот автомобиль оснащен элегантной системой складывания несущего винта для плавного перехода от вождения к полету. На каждом из четырех углов автомобиля стоит по два таких

[1] Производное от magnetic levitation — магнитная левитация. ЭМ удерживается над полотном шоссе, приводится в движение силой электромагнитного поля и в процессе движения не касается полотна дороги. Между днищем автомобиля и поверхностью автомобильного шоссе существует зазор, что исключает трение, а единственной тормозящей силой становится встречное аэродинамическое сопротивление.

пропеллера, приводящихся в движение индивидуальными двигателями — это решение позволяет машине сохранять устойчивость в воздухе даже в случае отказа отдельных моторов. Он оснащен новой системой управления полетом с функцией отказоустойчивого управления и резервной системой с двумя двигателями для обеспечения безопасности, говорится в пресс-релизе компании. Демонстрация в ОАЭ стала первым публичным зарубежным полетом модели китайского производства, а руководство стартапа Xpeng заявило, что модель X2 поступит в серийное производство в 2024 г. по цене ниже 1 млн юаней (139,2 тыс. долл.) [Li Fusheng. Xpeng...].

Рис. 1. «Летающий» электромобиль X2.
Источник: Li Fusheng. Cars of the future await clearance for takeoff. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202211/11/WS619ed31ca310cdd39bc775fc.html (accessed: 11.11.2022).

В конце октября 2022 г. китайская компания Xpeng Aeroht представила прототип летающего автомобиля, который напоминает обычный автомобиль, за исключением складной восьмимоторной системы, установленной сверху, которая позволяет ему летать. Названный компанией X3, это первый в мире электромобиль вертикального взлета и посадки, или eVTOL (electric vertical takeoff and landing), который может передвигаться по дорогам и взлетать, преодолевая пробки, прежде чем приземлиться и продолжить свой путь. По словам производителя, в режиме вождения X3 сравним с обычными автомобилями с точки зрения функциональности и габаритов — автомобиль имеет легкую конструкцию и складывающиеся роторы, чтобы на нем можно было комфортно передвигаться по дорогам до и после полета. В полете он управляется с помощью рулевого колеса и правого рычага переключения передач для движения вперед и назад, выполнения поворотов, подъема, зависания и снижения. Он оснащен системой резервного дублирования ключевых систем с двумя двигателями для обеспечения безопасности. Рекламный ролик показывает, как электромобиль весом 2 т взлетает и зависает на высоте 10 м над землей в течение 30 секунд, прежде чем благополучно приземлиться. По сравнению со своим предшественником, который был выпущен в 2021 г., эта последняя версия более похожа на модель, которую компания намерена запустить в производство в начале 2024 г. Компания Xpeng Aeroht, которая

пока не опубликовала график производства, сообщила, что новый «летающий» автомобиль успешно завершил свой первый полет и ряд испытаний на отказ одного двигателя. В заявлении компании отмечалось, что «в соответствии с законами и правилами, касающимися воздушного пространства на малых высотах, автомобиль может взлетать и садиться вертикально, а также пролетать над транспортными заторами, препятствиями и реками, удовлетворяя потребности в мобильности на короткие расстояния» [Li Fusheng. Cars...].

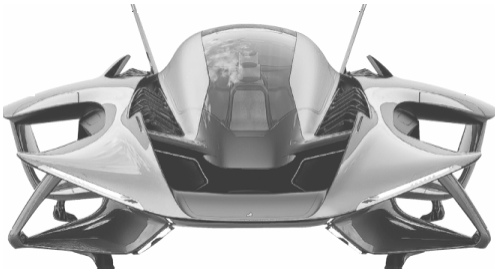

Рис. 2. «Летающий» ЭМ X3.
Источник: Li Fusheng. Vehicles of tomorrow move step closer to takeoff. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202211/11/WS636d8a8ca3104917543290b2_6.html (accessed: 20.11.2022).

В 2020 г. автопроизводитель Volkswagen Group China запустил проект вертикальной мобильности, который включает в себя развитие рынка городских авиаперевозок и вывод городского трафика в воздушное пространство. В августе 2022 г. компания представила прототип своего первого «летающего» автомобиля. Эта модель, имеющая конфигурацию x-wing длиной 11,2 м и шириной 10,6 м, приводится в действие восемью несущими винтами для создания вертикальной подъемной силы и двумя пропеллерами для горизонтального полета. Руководство компания заявило, что автомобиль, основанный на современных инновационных решениях для автономного вождения и технологии высокопроизводительных аккумуляторных батарей, является частью ее стратегии по изучению новых возможностей полностью электрических «летающих» автомобилей. До конца 2022 г. компания Volkswagen Group China проведет несколько испытательных полетов, а улучшенный прототип подвергнется дальнейшему тестированию в конце лета 2023 г. В начале августа 2022 г. в Гуанчжоу (административном центре провинции Гуандун) состоялось открытие первого завода компании по производству «летающих» автомобилей, на котором руководство Volkswagen Group China сообщило, что в будущем полностью автоматизированный ЭМ семейства eVTOL сможет перевозить четырех пассажиров и багаж на расстояние до 200 км, а автомобиль, скорее всего, изначально будет позиционироваться как продукт премиум-класса для состоятельных китайских клиентов, пользующихся, например, услугами «VIP air shuttle». Бывший генеральный директор Volkswagen Group China, С. Велленштейн заявил, что «это новаторский проект, который молодая команда китайских экспертов начала с нуля, а новое транспортное средство будет играть значительную роль в перевозках между перегруженными мегаполисами Китая» [Li Fusheng. Carmakers...].

Рис. 3. Прототип «летающего» автомобиля компании Volkswagen Group China.
Источник: Li Fusheng. Vehicles of tomorrow move step closer to takeoff. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202211/11/WS636d8a8ca3104917543290b2_6.html (accessed: 21.11.2022).

Китайский автопроизводитель Zhejiang Geely Holding Group, которому принадлежит бренд Volvo, был одним из первых автопроизводителей, вошедших в отрасль производства «летающих» ЭМ. В 2021 г. компания объединилась с немецкой компанией Volocopter, которая специализируется на производстве автономных летательных аппаратов[1], причем две компании создали совместное предприятие в Чэнду (пров. Сычуань), которое будет контролировать производство и сбыт продукции совместного предприятия в Китае. Кроме того, СП, которое в течение следующих трех-пяти лет станет генератором развития городской воздушной мобильности в Китае, уже подписало заказы с Volocopter на 150 беспилотных ЭМ для обеспечения логистических перевозок в пределах городов Китая. Партнерство двух компаний направлено на то, чтобы в ближайшие три—пять лет обеспечить городскую воздушную мобильность (UAM/Urban Air Mobility) в Китае, что генеральный директор Volocopter Ф. Рейтер рассматривает как «крупнейшую рыночную возможность для городских транспортных средств, обеспечивающих транспортировку людей по воздуху» [Geely to bring...]. Никаких подробностей о том, как будет осваиваться китайский рынок, не сообщается, но Volocopter уже разработала расписание полетов в столицу Италии Рим при поддержке местного оператора аэропортов Aeroporti di Roma и его основного акционера компании Atlantia. В августе 2021 г. руководство Volocopter заявило, что к 2025 г. компания предложит 20-минутную услугу «летающего» такси между римским аэропортом Фьюмичино и центром города. Также в компании отметили, что все еще необходимо доработать соответствующие правила полетов и разработать «вертикальные порты» для вертикального взлета и посадки воздушных такси. Летающее такси VoloCity, которое будет использоваться в Риме, имеет 18 независимых роторов и может двигаться с максимальной скоростью 110 км/ч в течение 35 минут. Первоначально транспортное средство будет перевозить

[1] Компания Volocopter, основанная в 2011 г., производит аэротакси с электрическим приводом с целью сэкономить время людей и помочь мегаполисам преобразовать свои транспортные системы в более устойчивое будущее, добавив новые возможности мобильности для городских жителей. Компания произвела три поколения аэротакси Volocopter, два из которых получили лицензии на пилотируемые и беспилотные полеты с общим объемом финансирования в размере 35 млн евро [Geely to bring...].

пилота и одного пассажира, но способно будет взять двух пассажиров, когда сможет летать в автономном режиме. Полезная нагрузка аэротакси VoloCity составляет 200 кг, включая пассажиров и багаж, а после завершения полета литий-ионные аккумуляторы могут быть демонтированы в течение пяти минут, что обеспечивает быструю замену батарей. Согласно заявлению руководства компании Volocopter, запланированная 20-минутная поездка на «летающем» такси из аэропорта Фьюмичино в центр города обойдется в 140 евро по сравнению с 48 евро за обычное такси или 14 евро за 32-минутную поездку на поезде [Geely, Volocopter...].

После демонстрационных полетов в городах Окаяма и Фукусима в 2021 г., в июле 2022 г. одна из ведущих частных китайских компаний, специализирующаяся на разработке и производстве беспилотных летательных аппаратов для пассажирских и грузовых перевозок, EHang Holdings Limited организовала демонстрационные полеты своего «летающего» такси EH216 AAV по четырем городам Японии. Демонстрационные полеты включали полеты над морем и полеты «точка—точка», которые стали первыми полетами «летающего» ЭМ вертикального взлета и посадки (eVTOL — electric vertical takeoff and landing) в Японии. Согласно заявлению руководства компании, на Всемирной выставке «Expo 2025» в Осаке планируется как представить инновационную технологию eVTOL, так и использовать «летающий» ЭМ EH216 AAV для перевозки посетителей по территории выставки [Qiu Quanlin].

Рис. 4. EH 216 совершает свой демонстрационный полет по Японии.
Источник: Qiu Quanlin. EHang Holdings completes unmanned demo flight tour in Japan. URL: https://global.chinadaily.com.cn/a/202207/26/WS62df41f2a310fd2b29e6e59f.html (accessed: 20.11.2022).

EHang Holdings Ltd, ведущая технологическая компания в области автономных летательных аппаратов, или AAV, с 2016 г. наращивает усилия по продвижению коммерческих операций пассажирских автономных аэротакси и расширению своего присутствия в мировой индустрии городской аэромобильности. В 2018 году после 1 тыс. тестовых полетов компания представила одноместное аэротакси Ehang 184, способное выдерживать горизонтальные и вертикальные *порывы ветра до 50 км/час,* поднять в воздух 1 пассажира весом до 100 кг, развивая при этом скорость до 100 км/час [Buckle...].

Рис. 5. Одноместное аэротакси Ehang 184.
Источник: Buckle up, flying cars are poised to take off. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/201810/08/WS5bba94bda310eff303280e92.html (accessed: 22.11.2022).

Директор по вопросам стратегии развития EHang Э. Сюй отмечал: «Как разработчик ЭМ вертикального взлета и посадки, EHang стремится стать первой компанией, которая запустит коммерческие операции AAV по всему миру, что, вероятно, произойдет во второй половине 2023 г.». Компания, базирующаяся в Гуанчжоу (пров. Гуандун), на начальном этапе планирует разработать 100 маршрутов воздушной мобильности с акцентом на район Большого залива Гуандун—Сянган—Аомэнь, а затем постепенно расширить свое присутствие в других частях страны. В 2021 г. в сотрудничестве со своими партнерами компания провела 4 тыс. пробных полетов двухместных аэротакси EHang 216-S на короткие расстояния из девяти городов, включая Гуанчжоу, Шэньчжэнь и Чжаоцин (пров. Гуандун), Хэчжоу (Гуанси-Чжуанский автономный район), Санья (пров. Хайнань) и некоторые другие города. В феврале 2022 г. Главное Управление гражданской авиации КНР опубликовало специальные условия для сертификации аэротакси EHang 216-S, которые обеспечивают безопасность полетов, включая летно-технические характеристики, структуру, дизайн и конструкцию, двигательные установки, каналы передачи данных и наземные станции управления, и закладывают основу правил летной годности для всех «летающих» ЭМ в Китае. Заглядывая в будущее, руководство EHang надеется, как можно скорее получить сертификат летной годности для EH216-S в рамках более широких усилий по продвижению коммерческих перевозок пассажиров на малой высоте в секторе городской воздушной мобильности. Э. Сюй оптимистично оценивает перспективы развития китайского рынка аэротакси на электрической тяге, которые помогут решить проблему пробок в мегаполисах, значительно сократить выбросы углекислого газа и улучшить качество воздуха в городских районах. Однако он отмечает, что «из-за высоких стандартов безопасности и эксплуатационных характеристик, которые должны быть соблюдены, такие аэротакси все равно будут подвергаться строгим испытаниям, прежде чем можно будет начать крупномасштабные коммерческие полеты» [Li Fangfang. Fly...].

Рис. 6. Аэротакси EH216-S на выставке в г. Чжухай (пров. Гуандун) 27 сентября 2021 г. *Источник:* Fan Feifei. EHang seeks to be 1st to land air taxis in China. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202204/14/WS62577fcea310fd2b29e56ec0.html (accessed: 23.11.2022).

Компания EHang намерена расширять свое присутствие в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. В конце августа 2022 г. компания объявила, что получила предварительный заказ на 100 аэротакси EH216-S от индонезийской авиационной компании Prestige Aviation, что стало самым крупным предварительным заказом, который EHang получила на свои «летающие» ЭМ в Азии. По оценкам глобального консалтингового агентства Roland Berger, к 2025 г. в мире будет эксплуатироваться до 3 тыс. аэротакси, а к 2050 г. эта цифра увеличится в геометрической прогрессии до 100 тыс., но ряд технологических, финансовых, инфраструктурных и юридических препятствий остается. В частности, развитие электрозарядной инфраструктуры, объектов технического обслуживания и дорожной инфраструктуры являются одними из ключевых факторов, способствующих успешным операционным бизнес-моделям, говорится в отчете консалтинговой компании. Финансы — еще одно серьезное препятствие для развития рынка аэротакси. По словам генерального директора компании Ху Хуачжи, «вывод нового самолета на рынок, включая его сертификацию, обычно обходится примерно в 2 млрд долл., а стоимость сертификации «летающих» автомобилей может быть несколько меньше, но, тем не менее, все равно это будет большая сумма — и, кроме этого, нужно учитывать состояние инфраструктуры, так как количество мест, где аэротакси разрешено приземляться и взлетать, будет важным фактором для размера рынка. Если доступно всего несколько таких площадок, перевозки на «летающих» автомобилях могут осуществляться по схеме, аналогичной той, что наблюдается на современном рынке вертолетов, где количество потенциальных пунктов назначения ограничено» [Fan Feifei. EHang...].

В перспективной отрасли производства «летающих» ЭМ работают десятки компаний, в том числе известные автопроизводители, такие как General Motors и Hyundai, а также стартапы, такие как Aeromobil, Alef Aeronautics и Volocopter, которые изучают возможности в подающем надежды секторе, но

большинство из них работают над обычными «летающими» такси — теми, которыми нельзя управлять на земле [Jet...]. Согласно отчету консультантов McKinsey, более 250 компаний по всему миру разрабатывают и производят такие транспортные средства, и список растет. Хотя они называются «летающими» автомобилями или воздушными такси (аэротакси), у этих транспортных средств обычно нет колес, хотя не во всех летающих аэротакси однотипная конструкция. «Летающие» такси оснащены крыльями или крыльями и несущими винтами, летают со скоростью от 100 до 300 км/ч и могут перевозить нескольких пассажиров. Крылья аэротакси содержат ряды канальных вентиляторов, установленных в закрылках, которые поворачиваются на 90 градусов, выталкивая воздух вниз во время взлета и посадки и назад во время полета. Питаемые от аккумуляторных батарей, «воздушные» такси имеют менее сложные детали, чем обычные транспортные средства, такие как легкие самолеты или вертолеты. Они также более тихие и, как ожидается, будут дешевле. Эти транспортные средства предназначены для предоставления быстрых услуг «точка—точка» городским пассажирам и тем, кто срочно нуждается в медицинской помощи [Li Fusheng. Vehicles...].

Южнокорейский автопроизводитель Hyundai Motors активно инвестирует в развивающуюся отрасль и в ноябре 2021 г. компания создала дочернюю компанию Supernal, специализирующуюся на рынке инновационных «летающих» аэромобилей. Руководство компании Supernal заявило, что планирует выполнить свой первый коммерческий рейс в 2028 г. и расширить свою деятельность по мере того, как рынок и общественное признание таких транспортных средств начнут расти в 2030-х годах. Первый летательный аппарат компании Supernal будет работать на электричестве, с автономными возможностями пилотирования, причем первоначально планируется обеспечивать перевозку от четырех до пяти пассажиров на маршрутах в городских и пригородных районах. Технический директор Hyundai Бен Диачун отмечал, что «мы с самого начала разрабатываем коммерчески жизнеспособный и усовершенствованный продукт для воздушной мобильности, проектируя и производя наш автомобиль в соответствии с самыми высокими стандартами безопасности, шума, эффективности и доступности». В июле 2022 г. компания Supernal обнародовала концепцию салона транспортного средства eVTOL, дав представление о пассажирском салоне своего будущего внутригородского воздушного шаттла. Эта модель имеет пять сидений и легкую конструкцию, изготовленную из углеродного волокна, каждое эргономичное сиденье имеет центр управления, основанный на дизайне консолей, используемых в традиционных автомобилях. Имеется порт для зарядки и небольшое отделение для хранения вещей для отдельных пассажиров, а верхние фонари, которые могут регулироваться на разных фазах полета, имитируют люк в крыше автомобиля. Руководство компании Supernal заявило: с целью коммерческого использования в США, в 2028 г. компания проведет сертификацию eVTOL, а также планирует затем запустить летательный аппарат в Европе. При этом руководство компании отметило, что «это будет всего лишь первый «летающий» автомобиль на электрическом приводе в «семействе», запланированном компанией Hyundai, которая также занимается созданием грузового «летающего» автомобиля среднего раз-

мера на водородном топливе для междугородних грузовых и пассажирских перевозок». В 2022 г. Hyundai Motor Group и Rolls-Royce Holdings подписали меморандум о намерении, который предусматривает разработку и производство двигателей на водородных топливных элементах, которые будут применяться в новых «летающих» автомобилях. Кроме того, Hyundai Motors совместно с Uber разрабатывают аэротакси, питаемое от аккумуляторных батарей, которое сможет перевозить до шести человек в аэропорты и обратно из сильно перегруженных городских центров, причем Х. Муньес, операционный директор компании, заявил, что городские аэротакси Hyundai Motors будут работать в крупных аэропортах США уже в 2025 г. [Market...].

В 2021 г. корпорация General Motors (GM), представила летающий автомобиль, оснащенный двигателем мощностью 90 кВт, приводящим в движение сверхлегкий кузов с четырьмя парами роторов. По словам автопроизводителя, эта автономная модель для одного пассажира может развивать скорость до 90 км/ч, однако специалисты концерна добавляют, что услуги летающего такси не будут использоваться в коммерческих целях до 2030 г., поскольку отрасли производства летающих автомобилей необходимо преодолеть нормативные и технические препятствия. Бывший вице-президент глобальной инновационной команды GM Памела Флетчер, а ныне директор по устойчивому развитию Delta Air Lines, отмечала, что «рынок аэромобилей — это лишь зарождающееся пространство, и предстоит проделать большую работу как в области регулирования, так и в области развития технологий. Прежде чем транспортные средства смогут подняться в воздух и будут активно эксплуатироваться, могут потребоваться годы и миллионы долларов, понадобится утверждение массы документов, в первую очередь, сертификата летной годности». Причем она не преувеличивает, поскольку к началу 2023 г. ни одному из семейства eVTOL во всем мире не были выданы сертификаты летной годности, которые свидетельствовали бы о том, что авиационные власти одобряли использование воздушного ЭМ. Гэри Гайсин, генеральный директор производителя «летающих» автомобилей Wisk, базирующейся в США, отмечал, что «в отрасли производства «летающих» автомобилей до сих пор отсутствуют нормативные акты. В глобальном масштабе мы обнаруживаем, что многие страны все еще выясняют, как выглядят «летающие» автомобили типа eVTOL и разрабатывают правила городской воздушной мобильности» [Sky's...].

Американский стартап Alef Aeronautics, базирующийся в Силиконовой долине (штат Калифорния), изучает возможность запуска «летающих» автомобилей. В сентябре 2022 г. компания представила прототип двухместного «воздушного» ЭМ — Alef Model A, а ее генеральный директор Д. Духовны сказал журналистам: «Летающий» автомобиль должен быть обычным автомобилем, что означает, что он может ездить по городской улице и парковаться на обычном парковочном месте. Он также должен иметь вертикальный взлет, а если вам нужен аэропорт для взлета, то какую проблему вы решает и разве это не самолет?». Обладающий ретро-футуристическим видом (благодаря Хирашу Разаги, спроектировавшему Jaguar и Bugatti), «летающий» автомобиль Alef Model A является ЭМ размером с большой седан, имеет четыре колеса, а покрытый сеткой кузов скрывает восемь пропеллеров, которые позволяют ему

взлетать вертикально. При движении по автомагистралям водители чувствуют себя комфортно благодаря полному приводу, причем автоматическая диагностика неполадок обеспечивает дополнительную безопасность. Автомобиль имеет уникальную каркасную конструкцию корпуса, посередине которой помещена вращающаяся капсула с пассажирами. Безопасность также обеспечивается распределённой электрической силовой установкой (DEP), компьютерной системой стабилизации полёта, трех- и восьмикратным резервированием всех ключевых систем, возможностью посадки по глиссаде и спасательным парашютом. После взлёта лёгкий каркасный корпус поворачивается на 90 градусов вокруг капсулы с пассажирами, и машина переходит в горизонтальный полёт со скоростью до 56 км/ч, при этом боковые стороны корпуса автомобиля становятся соответственно верхним и нижним крылом. Дальность пробега Alef Model A, гарантированного электрическим зарядом, составляет 322 км, а дальность полета — 160 км. Духовны отмечал, что автомобиль будет стоить около 300 тыс. долл., а производство и первоначальные поставки могут начаться в 2025 г., причем компания уже принимает заказы на первые модели на своем веб-сайте. Руководство компании также заявило, что коллектив инженеров разрабатывает проект четырехместного «летающего» автомобиля Model Z, который будет представлен не раньше 2035 г.

Отраслевые аналитики отмечают, что «летающие» автомобили на коммерческой основе, скорее всего, впервые поднимутся в воздух в США и европейских странах, где хорошо развита авиационная промышленность общего назначения. Авиация общего назначения относится к операциям гражданских воздушных судов, за исключением коммерческих авиакомпаний. Согласно статистическим данным, в начале 2021 г. в США эксплуатировалось более 200 тыс. самолетов авиации общего назначения, включая вертолеты и частные реактивные самолеты, и около 136 тыс. в Европе. По данным Главного Управления гражданской авиации Китая, в 2021 г. в отрасли авиации общего назначения страны действовали 523 компании, владеющие 2892 самолетами. Китайские отраслевые аналитики полагают, что рынок аэротакси будет расти по мере того, как страна проводит пилотную реформу низковысотного воздушного пространства, начиная с провинций Хунань, Цзянси и Аньхой и с

Рис. 7. Прототип «летающего» автомобиля Alef Model A.
Источник: Robb Report. URL: https://robbreport.com/motors/aviation/alef-aeronautics-flying-car-automobile-helicopter-1234767080/ (accessed: 22.11.2022).

мерами, которые включают упрощенные процедуры подачи заявок. При этом Т. Ридель, партнер глобальной консалтинговой фирмы McKinsey, отмечал, что «усовершенствованная воздушная мобильность — это «следующая революция в автомобильной отрасли», но она будет совсем не похожа на то, как это изображается в фильмах, например, поездка на летающем такси в продуктовый магазин. По моему самому оптимистичному предположению, через 10 лет в большом городе будут летать сотни аэротакси, но я не думаю, что они станут разумной альтернативой автобусам, автомобилям или поездам в этот период времени» [Li Fusheng. Cars...].

В январе 2022 г. Государственный совет КНР объявил о плане дальнейшего содействия развитию цифровой экономики страны в течение 14-го пятилетнего плана (2021—2025 гг.) [Fan Feifei. Manufacturers...], согласно которому к 2025 г. объем добавленной стоимости базовых отраслей цифровой экономики составит 10 % ВВП (по сравнению с 7,8 % в 2021 г.), а цифровая трансформация отрасли выйдет на новый уровень [China unveils...]. Цифровая экономика Китая добилась заметного прогресса, при этом различные цифровые технологии играют растущую роль в поддержке выхода экономики из пандемии COVID-19. Согласно официальному документу о глобальной цифровой экономике, опубликованному Китайской академией информационных и коммуникационных технологий в 2021 г., объем цифровой экономики Китая был вторым по величине в мире, составляя 7,1 трлн долларов [Experts...], уступая только США с объемом цифровой экономики в 13,6 трлн долларов [Xu Wei. Targets...]. В документе отмечается, что «большая часть дополнительной добавленной стоимости должна быть получена за счет преобразования традиционных отраслей в цифровые с помощью передовых инновационных технологий, таких как наземные «умные» ЭМ и аэромобили. Китай также будет активно и неуклонно продвигать развитие и модернизацию космической информационной инфраструктуры, ускорять развертывание сетей спутниковой связи с использованием национальной навигационной системы BeiDou (China's BeiDou Navigation Satellite System (BDS)/«Белая Медведица»)[1] и содействовать созданию спутникового интернета, способствующих генерированию значительного мультипликативного и экстернального эффектов в различных отраслях промышленности КНР, и в отрасли производства «умных» наземных ЭМ и аэромобилей, в первую очередь.

[1] BDS является крупнейшей космической системой Китая и одной из четырех глобальных навигационных сетей наряду с американской GPS, российской ГЛОНАСС и европейской Galileo. Разработанная в Китае система BDS использует 45 спутников, находящихся на орбите и сформировавших относительно полный сервисный потенциал для глобального позиционирования, и применяется в таких отраслях, как транспорт, предотвращение стихийных бедствий, а также энергетика и связь. По сообщению Министерства промышленности и информатизационных технологий КНР, в 2022 г. среднее ежедневное число активных пользователей китайской навигационной спутниковой системы BeiDou (BDS) достигло 40,3 млн человек, причем ежедневно система использовалась 320 млн раз. По данным аналитиков ГКРР, в 2022 г. более 1 млрд устройств и терминалов использовали функцию позиционирования системы BDS по всей стране, систему использовали более 1 млн грузовиков. В начале 2021 г. общая стоимость услуг системы BDS превысила 400 млрд юаней (57 млрд долл.) [Average...].

Рис. 8. *Источник:* Применение навигационной системы Бэйдоу // Китай. 2022. № 7—8 (198). Июль—август. С. 6.

С начала 14-й пятилетки в Китае набирает обороты гонка в области научно-исследовательских разработок в таких областях, как «космос для бизнеса» и внедрение информационно-коммуникационных технологий в развитие будущей отрасли «летающих» такси. В начале 2021 г. крупнейший частный производитель автомобилей в Китае компания Zhejiang Geely официально запустила свой проект спутникового Интернета в г. Циндао (пров. Шаньдун) в демонстрационной зоне Шанхэ на площади 20 474,3 кв. м с общим объемом инвестиций в размере 4,12 млрд юаней (637 млн долл.) и поручила своему суббренду GeeSpace заняться реализацией этой задачи, что позволит китайскому автопроизводителю наравне с американским концерном Tesla развивать отрасль аэрокосмической навигации. В августе 2020 г. Управляющий комитет демонстрационной зоны Шанхэ подписал с компанией Geely Technology Group контракт о сотрудничестве в разработке Интернет-спутников на низкой околоземной орбите, а дочерняя компания Geely, Zhejiang Shikong Daoyu Tech Co, была названа в качестве основного исполнителя данного проекта. Компания Shikong Daoyu была основана в 2018 г. и специализируется на развитии и коммерческом применении космических технологий Китая. По словам Ван Яна, генерального менеджера Shikong Daoyu, использование технологий интернета при навигации беспилотных и «летающих» ЭМ, обеспечивающих расширение широкополосного покрытия больших площадей, в будущем станет генерировать новые задачи перед отраслью предоставления телекоммуникационных услуг — с одной стороны, работа наземных автономных станции станет более совершенной и точной при навигации, чему может способствовать развитие инновационной спутниковой сети, основанной на использовании негеостационарных спутниковых орбит (включая среднюю и низкую околоземную орбиты). С другой стороны, спутниковая связь также необходима для реализации проектов создания нового поколения «летающих» такси, передвигающихся на малых высотах (низкоорбитальные спутники будут обеспечивать точность в несколько сантиметров, в отличие от спутников на средней орбите, таких как глобальная система позиционирования США GPS (Global Positioning System), точность которой измеряется в метрах

[China has...]. Интернет превратился в незаменимого помощника при навигации, в основе которого лежит сеть наземных базовых станций, однако эта услуга недоступна в некоторых частях суши и поверхности Мирового океана, поэтому *низкоорбитальная* система спутниковой связи позволит использовать преимущества современной цифровой экономики и обеспечит покрытие маршрутов движения как наземных, так и «летающих» такси, которые могут быть вне зоны досягаемости наземных сетей, а применение новых технологий радиосвязи, обеспечивающее прием сигналов, позволит более эффективно использовать радиочастотный спектр [Geely to start...]. В начале 2021 г. руководство Geely объявило, что запустило два спутника на низкую орбиту, а в конце 2021 г. инженеры Shikong Daoyu доложили, что три спутника для первого запуска прошли заводскую проверку и «полностью готовы к запуску» [Geely officially...]. В феврале 2021 г. Государственный комитет по развитию и реформе Госсовета КНР одобрил выдачу лицензии на коммерческое использование спутниковой связи производителю спутников Geely Technology Group компании Taizhou Xingkong Zhilian, что означало, что первый в Китае завод по производству коммерческих спутников для аэромобилей, расположенный в г. Тайчжоу (пров. Чжэцзян), обладающий высокотехнологичными аэрокосмическими технологиями, запустит сборочные линии для модульных конструкций спутников. В октябре 2021 г. компания Geely Technology Group приступила к производственным операциям и, как ожидается, ежегодно будет производить 500—600 коммерческих спутников. Кроме китайских автопроизводителей наземных и «летающих» такси, покупателями услуг коммерческих спутников (в 2021 г. скорость передачи данных варьировалась от 50 до 150 мегабит в секунду в большинстве районов Китая при средней стоимости 99 долл. в месяц [Li Fusheng. Geely to start...]) станут морские и авиационные компании, операторы связи, фирмы, предоставляющие информационные услуги, центры обработки данных дистанционного зондирования Земли и передачи технологий, причем, по оценкам аналитиков TF Securities, объем рынка спутникового интернета в Китае в 2028 г. составит 400 млрд юаней [Geely's...].

Китай постепенно открывает свое воздушное пространство на более низкой высоте для гражданского использования и, таким образом, является рынком с большим потенциалом для «летающих» автомобилей. Согласно средне- и долгосрочному плану, Китай активизирует исследования и разработки «летающих» такси, что потребует прорывов в интеграции таких автомобилей с традиционными транспортными средствами, а также плавного перехода от полетов к вождению на дороге. Главный редактор журнала Aerospace Knowledge Ван Янань сказал, что «широкомасштабное внедрение «летающих» автомобилей займет не менее 10—15 лет, причем реальный способ добиться этого — это поэтапное внедрение аэромобилей, первоначально в менее населенных районах». Тем не менее, развивающаяся отрасль производства «летающих» такси постепенно рассматривается как серьезное решение проблемы городских пробок и новая альтернатива личной мобильности в городах. По данным глобальной компании финансовых услуг Morgan Stanley, ожидается, что к 2040 г. объем мирового рынка «летающих» такси в стоимостном выражении вырастет до 1 трлн долл., а к 2050 г. — до 9 трлн долл. [Du Qiongfang]. По оцен-

кам консалтингового агентства Roland Berger, к 2050 г. в качестве воздушного такси будет использоваться до 160 тыс. «летающих» ЭМ, причем в основном будут представлены три типа летательных аппаратов. Городские такси с дальностью полета 15—50 км будут обслуживать потребности в транспорте внутри города, шаттлы с такой же дальностью доставят путешественников в аэропорты и обратно, в то время как междугородние «летающие» такси, преодолевающие расстояния до 250 км, будут обслуживать основные городские пункты назначения. Старший партнер Roland Berger М. Хадер полагает, что «к 2050 г. трансфер из аэропорта и междугородние перевозки вместе займут львиную долю рынка, обеспечив около 90 % выручки» [Li Fusheng. Vehicles...].

Сейчас человечество как никогда близко к созданию «летающих» автомобилей, причем важнейший прорыв в достижении этой цели будет достигнут за счет разработки и внедрения легких композитных материалов, которые будут применяться при производстве летающих аппаратов, улучшенных систем спутниковой связи и программного обеспечения для автономного управления. Отраслевые специалисты полагают, что в первую очередь в мире появятся аэротакси, которые за умеренную плату будут перевозить пассажиров, поскольку автопроизводители будут добиваться более-менее адекватной цены за пилотируемый аппарат, и гибридный автомобиль будет стоить как автомобиль бизнес-класса. Через 10 лет первыми массовыми «летающими» транспортными средствами в городах станут аэротакси, а не вертолеты, однако они пока задерживаются на земле законами, которые приходится адаптировать под новый вид транспорта.

Библиографический список

Применение навигационной системы Бэйдоу // Китай. № 7—8 (198). Июль—август 2022. С. 6.

References

Average number of active users of BDS hits 40m/day, as application scale expands. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202209/1275699.shtml (accessed: 12 September, 2022).

Buckle up, flying cars are poised to take off. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/201810/08/WS5bba94bda310eff303280e92.html (accessed: 09 October, 2018).

China has over 300 satellites in orbit. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202102/27/WS603a5245a31024ad0baab8f7.html (accessed: 27 February, 2021).

China unveils plan to boost digital economy in 2021—2025 period. URL: http://www.china.org.cn/business/2022-01/13/content_77986296.htm (accessed: 13 January, 2022).

Chinese flying cars expect to take off, 'hurdles like safety concerns need to be addressed'. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202210/1278011.shtml (accessed: 21 November, 2022).

Du, Qiongfang. Affordable air taxi travel expected to enter commercial use in China around 2024. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202109/1233496.shtml (accessed: 18 September, 2021).

Experts call for cooperation to boost high-quality digital economy development. URL: http://www.bjreview.com/Business/202208/t20220802_800302449.html (accessed: 03 March, 2022).

Fan, Feifei. EHang seeks to be 1st to land air taxis in China. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202204/14/WS62577fcea310fd2b29e56ec0.html (accessed: 14 April, 2022).

Fan, Feifei. Manufacturers embrace the digital economy. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202205/09/WS627863a1a310fd2b29e5b58f_2.html (accessed: 10 May, 2022).

Geely officially launches a 4.12b yuan internet satellite project in Qingdao. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202111/1214083.shtml (accessed: 22 November, 2022).

Geely to bring flying car to China in around 2024 in partnership with Volocopter. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202103/1216861.shtml?id=11 (accessed: 16 May, 2021).

Geely to start making satellites. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-02/19/content_77227149.htm (accessed: 19 February, 2021).

Geely Volocopter team up for aircraft joint venture. URL: https://global.chinadaily.com.cn/a/202109/23/WS614c24eca310cdd39bc6b033.html (accessed: 23 September, 2021).

Geely's satellite factory obtains production license from top regulator. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202102/1215835.shtml (accessed: 25 February, 2021).

Jet engine maker joins flying taxi race. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2018-07/17/content_36587636.htm (accessed: 18 July, 2018).

Li, Fangfang. Fly as Easy as You Want. URL: http://www.bjreview.com/Multimedia/Video/201706/t20170630_800099410.html (accessed: 30 June, 2017).

Li, Fusheng. Carmakers ready for takeoff in future of urban transport. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202208/01/WS62e738a3a310fd2b29e6f7d0_2.html (accessed: 02 August, 2022).

Li, Fusheng. Cars of the future await clearance for takeoff. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202211/11/WS619ed31ca310cdd39bc775fc.html (accessed: 12 November, 2022).

Li, Fusheng. Geely to start making satellites. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202102/19/WS602f0f48a31024ad0baa9902.html (accessed: 19 February, 2021).

Li, Fusheng. Vehicles of tomorrow move step closer to takeoff. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202211/11/WS636d8a8ca3104917543290b2_6.html (accessed: 12 November, 2022).

Li, Fusheng. Xpeng 2-seater car flies in Dubai to better explore 'future mobility'. URL: https://global.chinadaily.com.cn/a/202210/12/WS63461698a310fd2b29e7bfb2.html (accessed: 13 October, 2021).

Maglev car technology tested on highway in East China. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202211/11/WS631d1e16a310fd2b29e7709a.html (accessed: 11 November, 2022).

Market for air taxis set to take off. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202112/15/WS5da5c483a310cf3e35570a5a.html (accessed: 15 December, 2021).

Priminenie navigatsionnoy sistemi Beidou [Primeneniye navigatsionnoy sistemy Beydou]. Kitay. № 7—8 (198). July-August 2022. P.6. (In Russian).

Qiu, Quanlin. EHang Holdings completes unmanned demo flight tour in Japan. URL: https://global.chinadaily.com.cn/a/202207/26/WS62df41f2a310fd2b29e6e59f.html (accessed: 27 July, 2022).

Robb Report. URL: https://robbreport.com/motors/aviation/alef-aeronautics-flying-car-automobile-helicopter-1234767080/ (accessed: 21 November, 2022).

Sky's the limit: auto firms push ahead with flying cars. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202206/17/WS60caa073a31024ad0bac99a7.html (accessed: 17 June, 2022).

Xu, Wei. Targets set for growth of digital sector. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202201/13/WS61df638fa310cdd39bc80b08.html (дата обращения: 13.01.2022). (accessed: 13 January, 2022).

DOI: 10.48647/ICCA.2022.73.16.005

А.Н. Коробова

Историко-культурная самобытность Тяньцзиня в прозе Фэн Цзицая

Аннотация. В статье рассматривается отражение историко-культурной самобытности Тяньцзиня в прозе современного китайского писателя Фэн Цзицая (р. 1942). Ранние произведения Фэн Цзицая относятся к «литературе шрамов» и «дум о прошедшем», более поздние в большинстве своем критика относит к «прозе родного города». Самым значимым топосом художественного мира писателя является «Тяньцзинь». Обращение Фэн Цзицая к Тяньцзиню происходит на уровне тем и сюжетов, когда он пишет об истории города конца династии Цин — начала Китайской Республики, оно проявилось в стиле повествования, языковых особенностях (диалектизмах), описаниях обычаев и праздников. Образы «старого города» в прозе Фэн Цзицая наиболее часто встречаются в его исторических романах, автобиографических рассказах и эссе-саньвэнь. Неоднократно описан в произведениях Фэн Цзицая расположенный в самом сердце старого города храм Небесной государыни (Мацзу) как объект религиозного поклонения и центр общественной жизни (повесть «Волшебный кнут», роман «Подзорная труба» и др.). Проза Фэн Цзицая, однако, не просто историческая реконструкция с этнографическими элементами; в ней можно наблюдать репрезентацию комплекса авторских представлений о Тяньцзине и его жителях.

Ключевые слова: Фэн Цзицай, Тяньцзинь, современная китайская литература, «Подзорная труба», топос.

Автор: Коробова Анастасия Николаевна, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).
E-mail: korobova@iccaras.ru

Anastasia N. Korobova

Historical and Cultural Identity of Tianjin in Feng Jicai's prose

Abstract. The article discusses the reflection of the historical and cultural identity of Tianjin in the prose of the modern Chinese writer Feng Jicai (b. 1942). Feng Jicai's early works belong to the “literature of scars” and “reflection literature”, the later ones are mostly attributed to the “prose of the hometown”. The most significant topos of the writer's artistic world is “Tianjin”. Feng Jicai's appeal to Tianjin is at the level of themes and plots, as he turns to the history of the city of the end of the Qing Dynasty—the beginning of the Republic of China, it is manifested in the narration style, dialecticisms, descriptions of cultural and linguistic features of the city, customs and holidays. The images of the “old city” in Feng Jicai's prose are most often found in his historical novels, autobiographical stories and essays (sanwen). The temple of the Heavenly Empress (Matsu), located in the heart of the old city, has been repeatedly described in Feng Jicai's works as an object of religious worship and the center of public life (the story “The Magic Whip”, the novel “The

Spyglass", etc.). Feng Jicai's prose, however, is not just a historical reconstruction with ethnographic elements; one can observe the representation of the complex of the author's ideas about Tianjin and its inhabitants.

Keywords: Feng Jicai, Tianjin, contemporary Chinese literature, "The Spyglass", novel, topos.

Author: Korobova Anastasia N., Ph.D. (Philology), Leading Researcher, ICCA RAS. E-mail: korobova@ifes-ras.ru

Фэн Цзицай 冯骥才 (p. 1942) — один из самых известных современных китайских писателей. Начинавший свою трудовую деятельность как профессиональный спортсмен-баскетболист, он стал художником-пейзажистом и каллиграфом, а в конце 1970-х пришел в литературу с историческими романами о восстании ихэтуаней и произведениями о «культурной революции» — потрясения, которые выпали на долю китайского народа в 60—70-е годы, изменили не только его судьбу, но и судьбы многих его соотечественников. Фэн Цзицай писал об истории своего родного города Тяньцзиня, об обычае бинтования ног, о мире детей и стариков, о проблемах спортсменов и художников, о путешествиях в Россию, Францию, Австрию... Среди его произведений — 4 романа, рассказы и повести, эссе, очерки, публицистика, документальная проза, литературная критика. В 2005 г. вышло его собрание сочинений в 16 томах [Feng Jicai, 2005]. С середины 1990-х он также ведет активную работу по сохранению культурного наследия Тяньцзиня и народного искусства различных регионов Китая, публикует статьи о проблемах сохранения традиционной китайской культуры в мегаполисах, об утрате индивидуальности городов в условиях глобализации, унификации городского ландшафта и коммерциализации сферы культуры [Feng Jicai, 2000]. С 2001 г. он занимает пост заместителя председателя Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ); в 2001—2015 гг. был председателем Всекитайской ассоциации фольклора и народного искусства (中国民间文艺家协会). В 2005 г. при Тяньцзиньском университете создан Научно-исследовательский институт литературы и искусства имени Фэн Цзицая (冯骥才文学艺术研究院).

Ранние произведения Фэн Цзицая (за исключением первых двух исторических романов и некоторых рассказов) относятся к «литературе шрамов» и «дум о прошедшем» (Фэн Цзицай, 2015), более поздние в большинстве своем критика относит к «прозе родного города» (市井小说, букв. «проза рынков и колодцев»), которую ряд критиков называет также «прозой городских обычаев и нравов» (市井风俗派小说) [Zhang Xuejun, 1996, pp. 75—124]. Это литературное течение, заявившее о себе в конце 1980-х и наиболее ярко представленное творчеством писателей из Пекина, Тяньцзиня и Сучжоу[1], обращается к повседневной жизни горожан, бытописательству с изображением локальной этнической культуры; его характерная черта, по мнению Чэнь Сыхэ, «воссоздание утраченных» нравов и обычаев [Chen Sihe, 1999, p. 244]. Из произведений Фэн Цзицая к нему относят рассказ «Прогулка в храм Покровительницы мо-

[1] Самые известные авторы — Дэн Юмэй, Фэн Цзицай и Лу Вэньфу.

ряков» (逛娘娘宫, 1981), повесть «Волшебный кнут» (神鞭, 1984); повесть «Золотые лотосы длиной три цуня» (三寸金莲, 1986), повесть «Восемь триграмм инь и ян» (阴阳八卦, 1988), сборник рассказов «Чудаки» (俗世奇人, 2000) и др.

Однако вне зависимости от принадлежности того или иного произведения Фэн Цзицая к какому-либо литературному течению, почти всех их объединяет общее место действия — самым значимым и едва ли не единственным топосом художественного мира писателя является «Тяньцзинь». Не случайно китайская критика говорит о «подлинном тяньцзиньском колорите» его прозы (地道的天津味) [Hong Zicheng, 1999, p. 328]. Фэн Цзицай — самый известный писатель из всех, кто пишет о Тяньцзине и его жителях. Его произведения, посвященные родному городу, основаны на глубоком знании исторических материалов и архитектурных достопримечательностей Тяньцзиня. Детальное описание обрядов и обычаев жителей города, их быта и праздников может служить богатейшим этнографическим, этнопсихологическим и культурологическим материалом для исследователя.

Цель статьи — исследовать особенности функционирования топоса «Тяньцзинь» в прозе Фэн Цзицая и доказать, что несмотря на уникальность художественного пространства в каждом из произведений, репрезентация историко-культурной самобытности Тяньцзиня есть важнейшая характеристика его творчества, релевантная при анализе прозы писателя в целом. В задачи нашего исследования входит: продемонстрировать взаимосвязь биографии писателя с дальнейшим конструированием самобытности родного города в его текстах, исследовать историко-культурные особенности Тяньцзиня, представленные в прозе Фэн Цзицая, а также авторское изображение городских топонимов, сакральных и социальных форм городской жизни, жителей города.

Несмотря на достаточно большое количество переводов произведений Фэн Цзицая на русский [Фэн Цзицай, 1987; Фэн Цзицай, 2002; Фэн Цзицай, 2003; Фэн Цзицай, 2007; Фэн Цзицай, 2015 и др.] и публикаций, посвященных его творчеству [Рифтин, 1987, Коробова, 2020 и др.], данный аспект практически не рассматривался отечественными исследователями.

Фэн Цзицай родился в Тяньцзине 9 февраля 1942 года. Предки его, однако, не были тяньцзиньцами — клан Фэнов более 1700 лет компактно проживал в небольшом городке Цычэнчжэнь 慈城镇 неподалёку от г. Нинбо провинции Чжэцзян. Дед будущего писателя, Фэн Юлин 冯友苓 (1877—1953) решил перебраться в Тяньцзинь в 1897 г. и заняться бизнесом, семью же он перевез только в 1920 году. Родственники по материнской линии также были приезжими: дед по матери Гэ Цзылян 戈子良 (1882—1935) переехал в Тяньцзинь из провинции Шаньдун в 1928 году, когда матери писателя исполнилось 10 лет [Feng Jicai, 2012, p. 19]. Фэн Цзицай с присущей ему иронией по этому поводу писал: «При оценке какого-либо места лучшая позиция — стоять на пороге, одной ногой внутри, другой снаружи. Если обеими ногами стоять снаружи, будут досужие домыслы: трудно не наговорить вздор, когда тебя отделяет стена; если же обеими ногами стоять внутри, увязнешь в деталях и не сможешь ни увидеть всю картину целиком, ни выделить ключевые моменты. Пользуясь современным термином, должно быть ощущение дистанции. Когда я говорю о Тяньцзине, дистанция в самый раз. Я родился в Тяньцзине, но я не корен-

ной тяньцзинец. Тяньцзинь — не родина моих предков» [Feng Jicai hua Tianjin, 2000, p. 12].

Тяньцзинь конца XIX — первой половины XX века представлял собой чрезвычайно интересный с культурной и политической точки зрения феномен. С 1860 г. в Тяньцзине начинают появляться иностранные концессии — как уступка китайского правительства Великобритании и Франции после бомбардировок города во время Второй опиумной войны (1856—1860). Первыми концессиями были британская и французская (1860), затем появились японская (1898) и немецкая (1899). По итогам подавления восстания ихэтуаней концессии получили и другие страны — так возникли австро-венгерская (с 1901), итальянская (1901), российская (1900), бельгийская (1902) концессии, тянувшиеся на 8 км вдоль р. Хайхэ. В каждой из них существовали свои вооруженные силы, административные органы, больницы, почты. Архитектурный стиль, система образования также были отличны в каждой из концессий. Наряду с иностранцами там проживали состоятельные и высокопоставленные китайцы.

Отец писателя, Фэн Цзифу 冯吉甫 (1914—1989), будучи управляющим одного из тяньцзиньских банков (大东银行), мог позволить своей семье проживать в собственном особняке на территории концессий — родился Фэн Цзицай на территории французской, вырос в британской, на территории которой зона жилой застройки была самой большой из всех концессий [Feng Jicai, 2012, p. 22].

Наряду с концессиями в старом Тяньцзине существовал и «старый город» (老城), где жили простолюдины, говорящие на тяньцзиньском диалекте. Жизнь в этих районах города отличалась настолько, что, как писал позднее сам Фэн Цзицай, «в прошлом было два Тяньцзиня: один — говорил по-тяньцзиньски, другой — нет» [Feng Jicai hua Tianjin, p. 15]. В школах на территории концессий учили на «государственном языке» гоюй (国语) — официальной устной форме китайского языка, основанной на пекинском произношении и переименованной в 1950-е годы в путунхуа; говорить на диалекте, по воспоминаниям Фэн Цзицая, считалось недостойным образованного человека: «изъясняться на «государственном языке» было престижно, люди избегали говорить на примитивном и грубоватом тяньцзиньском диалекте» [Feng Jicai hua Tianjin, p. 13—14].

Несхожесть двух миров, разобщенность социального пространства города он позднее опишет в предисловии к переизданной в 2000 г. повести «Волшебный кнут», вышедшей под заголовком «Фэн Цзицай рисует Тяньцзинь» [Ibid, p. 12—27]. Сюжет повести построен на конфликте двух героев: местного хулигана по прозвищу Стеклянный Цветок и торговца соей, владеющего искусством борьбы с помощью ударов косой. Сам Фэн Цзицай писал, что не считает повесть «исторической в обычном смысле этого слова»[Feng Jicai, 1996, p. 191], однако тщательность «прорисовки» мельчайших подробностей тяньцзиньской городской культуры, проиллюстрированная в издании 2000 г. редкими фотографиями старого Тяньцзиня, кадрами из фильма[1] и собственными

[1] Повесть экранизирована в 1986 году (режиссёр Цзян Цзыэнь).

рисунками позволяет рассматривать книгу как прекрасное пособие по истории города.

Предисловие к переизданию повести в 2000 году примечательно акцентом на уникальности Тяньцзиня; кроме того, в нем отчасти объясняется парадоксальный для портового города, куда тянулись потоки населения со всего севера Китая, «культурный консерватизм» (文化的保守性): «глубокая подоплека этого культурного консерватизма заключается в том, что Тяньцзинь находится на переднем крае китайско-иностранных политических и военных конфликтов. Со времен Опиумной войны в 1840 году более половины самых важных событий в современной истории были связаны с Тяньцзинем: Вторая опиумная война в 1860 году, Тяньцзиньский инцидент в 1870 году, восстание ихэтуаней в 1900 году и так далее. Заносчивость и унижение со стороны великих держав и сильное национальное достоинство породили своего рода ксенофобские настроения, которые глубоко укоренились в местной культурной психологии. Вот почему, хотя Шанхай и Тяньцзинь были первыми крупными городами, воспринявшими иностранные явления и вещи, культурная психология Шанхая — преклонение перед иностранным, а Тяньцзинь похож на Шанхай только внутри концессий; местная публика никогда не падала ниц перед словом «иностранный», в лучшем случае ей было просто любопытно и все. Кроме того, добавьте сюда жесткое правило: не доверять иноземцам» [Feng Jicai hua Tianjin, p. 23].

Разительный контраст европеизированного, рафинированного образа жизни семьи наряду с жизнью подавляющего большинства тяньцзиньцев в «старом городе», параллельное существование двух столь разных миров с минимальной коммуникацией между ними еще в детстве произвели неизгладимое впечатление на писателя. Состоятельные родители запрещали ему бывать в «старом городе». Жгучее желание побывать там и увидеть «неописуемо яркий и блестящий, шумный, необычный мир» подробно описаны в автобиографическом рассказе «Прогулка в храм Покровительницы моряков» (逛娘娘宫):

«Как я мечтал побывать возле храма Матушки-покровительницы! Но никто никогда не водил меня туда. На беду, в ту пору моя семья считалась богатой, и наверное, поэтому неудобно было появляться там, где собирался простой народ. У меня был двоюродный брат по материнской линии. Его папа скончался рано, а мама сошла с ума, и дни его протекали в нужде. У него был только один глаз, зато жилось ему вольготнее. Своим единственным оставшимся маленьким узким правым глазом он видел мир гораздо шире, чем я двумя чёрными большими нормальными глазами; был счастливее и намного свободнее, чем я. Удить рыбу или ловить крабов, пойти на птичий рынок послушать народных сказителей, играть в шахматы, покупать на лотках сладости из ячменного сахара — он всё мог, а я — нет. <...> Он не раз бывал возле Матушкиного храма, взахлеб рассказывая мне о его окрестностях, ярмарочных представлениях с дрессированными обезьянками, жонглерах с бамбуковыми катушками, рынке петард, и весь его сияющий от удовольствия вид вызывал у меня желание сбежать из дома и уйти вместе с ним. В эти моменты еда стано-

вилась невкусной, сахар — несладким, а игрушки— неинтересными» [Feng Jicai, 1984, p. 16].

По-видимому, интерес к старому Тяньцзиню зародился еще в детстве как следствие этих запретов, и восхищение городом вынесено также из детства, из редких прогулок туда с няней. Несмотря на то, что родился и вырос писатель на территории концессий, в европеизированной части города, наиболее часто встречаются в его прозе (прежде всего, в исторических романах, автобиографических рассказах и эссе-саньвэнь) образы «старого города», нередко созданные на основе его детских воспоминаний и рассказов родственников.

Вся дальнейшая жизнь писателя также связана с Тяньцзинем: закончив в 1961 г. школу, он недолгое время выступал за сборную Тяньцзиня по баскетболу, но после травмы ушел из спорта и в 1963 г. стал художником в Тяньцзиньской студии каллиграфии и живописи, где несколько лет копировал пейзажи выдающихся художников династии Северная Сун (960—1127). Эта работа и занятия жанровой живописью пробудили в нем особый интерес к народному изобразительному искусству, ремеслам и фольклору, в 1963 г. он опубликовал об этом свои первые заметки (суйби) в «Тяньцзиньской вечерней газете» [Feng Jicai, 2012, T. 1, p. 50]. В Тяньцзине 1 января 1967 г. Фэн Цзицай женился на художнице Гу Тунчжао. С 1974 г. он начал преподавать живопись гохуа и историю искусства в Тяньцзиньском Рабочем университете декоративно-прикладного искусства, а в декабре 1977 года Фэн Цзицай совместно с историком Ли Динсином (李定兴) опубликовал свой первый роман «Кулак во имя справедливости и мира» (义和拳), после чего стал членом Тяньцзиньского отделения Союза писателей Китая.

Тяньцзинь в прозе Фэн Цзицая в целом совпадает с материальной реальностью и представлен реальными топонимами. Город в его произведениях воплотился как пространство, обладающее географическими, природными, историческими и конфессиональными признаками и воплощающее историко-культурную самобытность.

Важную роль в прозе Фэн Цзицая играют описания сакральных и социальных форм городской жизни, в частности, храмовые ярмарки и религиозные праздники. Среди множества тяньцзиньких храмов чаще всего в произведениях писателя изображается упомянутый выше храм Небесной государыни (天后宫) в честь Мацзу, имеющий в Тяньцзине простонародное название храм Матушки-покровительницы (娘娘宫). Культ богини Мацзу 妈祖, или Небесной государыни Мацзу 天后妈祖, покровительствующей морякам, зародился X—XI веках в провинции Фуцзянь, распространился затем вдоль всего побережья и приобрел особую популярность в Тяньцзине, поскольку город жил рыбной ловлей и портовыми перевозками грузов. Тяньцзиньский храм Небесной государыни, основанный в 1326 году, — один из трех крупнейших в Китае храмов в честь Мацзу. Расположенный в самом сердце старого города, в прозе Фэн Цзицая он фигурирует как старейшее место города, объект религиозного поклонения и центр общественной жизни:

«Тяньцзиньцы выходили в море, спорили с ветром и волнами и надеялись, что морская богиня их защитит. Даже те, что скопили деньжат, немало горя хлебнули; что же говорить про мелкий люд, который вроде собак и ко-

шек? Потому-то люди и рады были повеселиться в день рождения морской богини. Всюду затевались разные представления, народ высыпал на улицы, люди молились и жгли благовония, чтобы ублажить богиню. Статую богини выносили из посвященного ей храма за Восточными воротами, носили по улицам, разные общины городских жители давали в ее честь представления. Несколько дней город ликовал, а святая сила богини укрощала демонов» [Фэн Цзицай, 1987, С. 207].

Рядом с этим храмом в начале XX века начинается действие повести «Волшебный кнут» (神鞭, 1984). Фэн Цзицай изображает праздничные процессии с выносом статуи Мацзу из храма перед днем рождения богини, который отмечается на двадцать третий день третьего месяца по лунного календарю:

«По обычаю, в двадцать второй день третьего месяца морская богиня «совершала объезд и раздавала счастье». Из праздничных дней этот был самый веселый. Каждая община в городе готовила к этому дню какое-нибудь изысканное представление. Говорят, в этот год все общины постарались на славу, можно было увидеть и давно уже не показывавшиеся пляски львов, и танцы журавлей, и свежие цветы, и драгоценные треножники, и большие оркестры, и разных зверей, и восемь бессмертных и многое другое. Каких только зрелищ тут не было! Народ вышел на улицы задолго до начала праздничного шествия, каждый старался занять место получше, кто не мог протиснуться вперед, взбирался на заборы и крыши домов. Люди солидные сооружали помосты с навесами и оттуда, как из театральной ложи, любовались праздником в свое удовольствие» [Фэн Цзицай, 1987, С. 207—208.].

Храм Матушки-покровительницы фигурирует и в романе «Подзорная труба» (单筒望远镜, 2018). Это третий из романов писателя, в котором действие происходит в 1900 г. в Тяньцзине на фоне восстания ихэтуаней, в двух первых романах автора «Кулак во имя справедливости и мира» (1977) и «Волшебный фонарь» (1979) имела место героизация и романтизация облика ихэтуаней, пронизанная мотивом оправданной мести; в третьем концепция автора претерпела некоторые изменения. Отметим, что и в романе «Волшебный фонарь» городское пространство представлено разнообразными локусами, среди которых особенно значим храм Матушки-покровительницы: главная героиня романа мастер ушу Чжэн Юйся, узнав о том, что ее отец 30 лет назад был казнен за нападение на иностранцев, из мести поджигает католический храм в Тяньцзине, скрывается от преследователей в храме Матушки-покровительницы, плачется статуе Матушки на свою горькую жизнь и случайно сталкивается там с основательницей движения «Зарево красных фонарей»[1] Линь Хэйэр, что меняет ее судьбу [Коробова, 2020, 160—174]. Храм матушки-покровительницы играет, таким образом, сюжетообразующую роль в романе.

Этот же храм — один из главных топонимов романа «Подзорная труба». При первом знакомстве представителя состоятельной тяньцзиньской семьи

[1] «Зарево красных фонарей» (Хун дэн чжао 红灯照) — зародившееся в Тяньцзине движение молодых девушек, участвовавших в восстании ихэтуаней. В отличие от основной массы восставших, они не столько вели военные действия, сколько поджигали христианские храмы, иностранные дома и лавки иностранных купцов.

Оуян и дочери французского офицера Шаны (Жанны?), впервые оказавшейся в Тяньцзине, главный герой во время прогулки целенаправленно ведет ее в храм Матушки-покровительницы как хранилище культурного кода города. Храм этот производит неизгладимое впечатление на француженку: «Больше всего Шану привел в восторг главный зал храма Матушки-покровительницы. Удивительные, ни на что не похожие чудища на алтаре, каждый со своей историей, пронизанные буддийской символикой. Шана слушала о них с недоверием. Особенно огромный глаз, нарисованный на статуе Матушки божественного зрения[1], заставил Шану вскрикнуть от изумления. Оуян Цзяо через хозяина лавки Ма объяснял Шане, что эта богиня исцеляет болезни глаз» [Feng Jicai, 2018, p. 24].

Затем он предлагает подняться на последний этаж Палаты Чжан-сяня[2], которая входит в комплекс Храма Матушки-покровительницы: «Поскольку святой старец Чжан, милостиво дарующий младенцев, был особо почитаем местными женщинами, этот маленький терем каждый день был битком забит людьми. Оуян Цзяо привел сюда Шану не для того, чтобы полюбоваться на изображение небожителя, натягивающего лук и стреляющего в Небесную собаку, а потому что из окна на чердаке открывался панорамный вид на весь храмовый комплекс, на площадь перед ним, театр и всю улицу к югу от храма, заполненную беспорядочно снующими людьми <...> Он объяснял ей, что вон там — сцена, где проходят представления во время храмовых ярмарок, вот те высокие флагштоки были когда-то мачтами кораблей, ряды ослепительно белых холмиков вдоль реки — соляные промыслы, а подальше на восток —место, где она живет, иностранные концессии» [Feng Jicai, 2018, p. 26]. Храм Матушки-покровительницы в данном случае — центр, вокруг которого выстроена иерархия городского пространства.

Разумеется, храм Матушки-покровительницы — не единственный храм, упоминаемый в романе. Так, ихэтуани размещают жертвенные алтари в кумирне «Трех верных» (三义庙), построенной в честь героев Троецарствия Лю Бэя, Гуань Юя и Чжан Фэя[3] [Feng Jicai, 2018, p. 130], Оуян Цзяо обходит буддийский монастырь Хайгуансы 海光寺 в поисках Шаны [Feng Jicai, 2018, p. 102]. Однако ни один другой храм не удостоен подробных описаний внутреннего убранства и совершаемых в храме обрядов.

Так, в храме Матушки-покровительницы происходит обряд «привязывания куколки»: женщины для избавления от бесплодия должны были принести из Храма Матушки-покровительницы специальную глиняную куколку. Невестка главного героя, жена его старшего брата Сифэн приходит в храм и мо-

[1] Яньгуан няннян 眼光娘娘 — Матушка божественного зрения изображается с огромным глазом в руках, считается, что она исцеляет младенцев от болезней глаз.

[2] Чжан-сянь 張仙 — Святой/Бессмертный Чжан, в поздней китайской мифологии божество, дарующее мужское потомство. На народных картинах *няньхуа* обычно изображают Чжан-сяня в окружении мальчиков, стреляющего из лука в Небесную собаку (*тянь гоу*), летящую в облаках. Считается, что такие изображения охраняют сыновей от напастей.

[3] Исторические героико-авантюрные романы (в частности, «Речные заводи», «Троецарствие», «Возвышение в ранг духов») сыграли важную роль в формировании религиозного пантеона ихэтуаней.

лит о ниспослании сына: она «упала ничком перед статуей богини-чадоподательницы и начала бить челом. По заведенному обычаю, чтобы «привязать куколку», нужно было улучить момент, когда Матушка проявит невнимательность — на самом деле Матушка слеплена из глины, где уж там ей быть внимательной — «украсть» одну из груды крохотных глиняных куколок у ее трона, принести ее домой и спрятать в потайном месте под шкафом для посуды, чтобы никто не видел. Люди говорили, что куколка — ребенок, дарованный Небесной государыней Мацзу. И неважно, что она глиняная, нужно обращаться с ней со всем радушием, каждый день ставить перед ней немного еды и приглашать ее отведать. Все говорили: явит ли куколка чудодейственную силу или нет, зависит от ее расположения» [Feng Jicai, 2018, p. 37].

Представлены в прозе Фэн Цзицая и христианские церкви Тяньцзиня, в основном описаны случаи их поджогов в исторических романах. В частности, главная героиня романа «Волшебный фонарь» Чжэн Юйся поджигает старейший католический собор Тяньцзиня — Собор Пресвятой Девы Марии Победительницы, получивший в городе название Ванхайлоу 望海楼. Построенный в 1869 г. и дважды сожженный жителями города (в 1870 и в 1900 годах), до 1914 г. он был кафедральным собором Тяньцзиньской католической епархии.

Оуян Цзяо и Шана рассматривают город в подзорную трубу из заброшенного особняка на краю французской концессии, причем француженка с любопытством рассматривает старый город, а Оуян Цзяо — концессии, в частности, первый христианский храм на территории французской концессии Церковь святого Луиса (1872): «Крепкие, устремленные ввысь симметричные башни по обеим сторонам придают ему торжественности и величия, а узкие вертикальные оконные проемы создают непостижимое ощущение таинственности»[Feng Jicai, 2018, p. 157]. Тот факт, что главные герои смотрят в разные стороны, пытаясь понять, какова жизнь в китайской части города и концессиях и не могут объяснить друг другу реалии чужой культуры из-за языкового барьера, создает эффект разомкнутости городского пространства. Житель Тяньцзиня, Оуян Цзяо крайне редко бывает на территории концессий, приезжая туда, он словно попадает в другой мир и теряется от непривычных ощущений:

«Выйдя из машины, он тут же оказался совершенно в другом мире. По обе стороны улицы стояли разнообразные дома с острыми шпилями, квадратными крышами и куполами. Они были по меньшей мере в два раза выше домов в старом городе. Находясь среди них, словно в каменном ущелье, Оуян Цзяо был поражен какой-то спокойной, безмолвной, странной и непривычной атмосферой и совершенно растерялся» (Feng Jicai, 2018, p. 44).

Художественное пространство романа четко разделено на «старый город» (храм Матушки-покровительницы и прилегающие к нему улицы) и концессии, причем конфликт в романе построен на противостоянии данных пространственных локусов. Переулки старого города узкие «как куриные кишки: два человека при встрече разойдутся впритирку, только если вдохнут» [Feng Jicai, 2018, p. 94]. В противовес старому городу концессии представлены просторными улицами с минимумом людей, садами и особняками, где почти всегда стоит тишина.

В целом в романе «Подзорная труба» топос «Тяньцзинь» можно интерпретировать как пространство с чертами идиллического хронотопа, «старый город» здесь — олицетворение близкой к идеалу жизни в конфуцианской культурной среде, которая вдруг рушится звуками войны, причем обе стороны проявляют крайнюю жестокость. Роман отличает специфичная темповая организация художественного времени: в первой главе преобладает бессобытийное время, она целиком посвящена старой софоре, которая возвышается над одним из самых старых домов города и защищает его своей кроной. В следующих за ней главах действие романа также движется неторопливо, причем пониженная интенсивность времени обратно пропорциональна насыщенности художественного пространства: оно разворачивается, как китайский свиток с изображением большого города с прорисовкой мелких деталей — как тут не вспомнить, что в юности, в бытность художником в студии каллиграфии и живописи, Фэн Цзицай занимался копированием знаменитого свитка Чжан Цзэдуаня «Вверх по реке на праздник Цинмин». Однако за внешне сдержанным тоном повествования и неторопливостью действий кроется предчувствие грядущей катастрофы: цветущая софора вдруг подвергается нападению гусениц, на ее ветвях вьют гнезда вороны, а при попытке прогнать их петардами возникает пожар, предвещающий гибель всего города. Постепенно темп нарастает, описания пространства становятся короче. В середине мая 1900 г. к крепости Дагу, прикрывавшей Тяньцзинь с моря, подходит объединенная эскадра европейских кораблей. Кульминация наступает в ходе боев за Тяньцзинь между повстанцами и сводным отрядом иностранных войск (реального исторического события, самого кровопролитного сражения в ходе восстания ихэтуаней, длившегося с 17 июня по 14 июля 1900 г.). Город, лежащий в руинах после артиллерийских обстрелов, жестокость и насилие — вот картина происходящего в Тяньцзине в 1900 году в изображении Фэн Цзицая.

Проза Фэн Цзицая, однако, не просто историческая реконструкция с этнографическими элементами и ностальгическая литература о давно утраченных реалиях жизни; в ней можно наблюдать репрезентацию комплекса авторских представлений о Тяньцзине и его жителях.

Так, в романе «Волшебный фонарь» изображены сцены из жизни представителей разных социальных слоев Тяньцзиня. Читатель знакомится с оживленным рынком, где продают все и вся, где дают представления бродячие фокусники и гадают по триграммам. Мы почти слышим — настолько явственен этот акцент сказительского искусства — разговор грузчиков при разгрузке торговых судов на берегу реки Хайхэ, читаем рецепты врачевателей традиционной китайской медицины. Так же, как и первый роман «Кулак во имя справедливости и мира», «Волшебный фонарь» изобилует диалектными словами, архаизмами и историзмами. Однако не только использование автором разнообразных лексических пластов языка создает здесь местный тяньцзиньский колорит. Сам автор по этому поводу писал: «Возьмем, к примеру, Тяньцзинь — в характере людей, живущих на этой земле, дерзость, вспыльчивость, предприимчивость, насмешливость, самоирония, и все это — отличительные черты местного языка. Сумеешь ухватить этот дух и характер — толь-

ко тогда из местной разговорной речи отберешь действительно необходимые элементы» [Feng Jicai, 1998, p. 3].

Большой интерес представляют подробное описание в повести «Волшебный кнут» рыночных торговцев, бродячих актеров, мастеров гунфу, уличной шпаны и злобных, но недалёких криминальных «авторитетов» (хозяев рынка). В Тяньцзине, говорит автор, «так заведено: всюду должен быть главный. У лодочников есть старший на реке, у рыбаков есть свой старший, на пристани есть начальник, на земле есть старший носильщик... На этом же рынке власть имели «три бугра»— Дай Куйи, Хэ Лаобай, Бао Ваньцзинь, все старожилы этих мест — из тех, которые, как говорят, «сидят спокойно» (прозвище «бугры» относилось к их железным мускулам). Из этих «трех бугров» самый уважаемый — Дай Куйи. Его самострел, наверное, самый удивительный в мире. Чтобы привлечь народ, он ставит на стол маленький кувшинчик для вина, сверху кладет на кувшин комочек глины и пускает в тот комок стрелу с тридцати шагов, да так, что глина рассыпается и проваливается в кувшин, а кувшин даже не шелохнется. Все это он делает для того, чтобы сбыть свою «пищеварительную пилюлю». Показав несколько раз свой номер, он берет кусок говядины с кровью и съедает его сырым, а потом глотает несколько похожих на яйцо пилюль из бараньего помета, уверяя, что эти пилюли помогут переварить в животе сырое мясо. Вот таким необычным способом торгует он своим снадобьем, а те, кто его покупает, по правде говоря, и не верят, что оно помогает пищеварению, но уж очень боятся его рассердить» [Фэн Цзицай, 1987, С. 225].

Характеризуя обитателей города, автор приписывает им набор определенных качеств: «Тяньцзиньцы любят приврать», «Тяньцзинь—место бойкое, народ тут живет отчаянный, так и норовит какой-нибудь фортель выкинуть», «тяньцзиньцы умеют сказать как отрезать. Кто проиграет в словесном поединке, тот уж больше ничего не добьется» [Фэн Цзицай, 1987, С. 207; 213].

Пожалуй, наиболее ярко образы горожан представлены в книге «Чудаки» (俗世奇人, 2000). Это юмористический цикл из 18 миниатюр о жителях Тяньцзиня, обитавших в этом городе в конце XIX — начале XX веков. Герои этих рассказов — люди из низов, прославившиеся каким-либо чудачеством, и получившие у горожан характерные прозвища: «Ли-Малярная кисть», «Тетушка вино», «Доктор Су по прозвищу Семь Серебряных». Сам автор так объясняет появление этой книги: «Тяньцзинь — город портовый, народ здесь водится всякий, и потому по нраву своему люди разительно друг от друга отличаются. Когда-то на этих землях существовали древние княжества Янь и Чжао, энергия и задор у местных жителей били через край, да и твердости и воли у них было не занимать. Вода в этих местах соленая, и почва — сплошные солончаки, а обычаи и привычки у людей — из ряда вон выходящие. По крайней мере, в течение последних ста с лишним лет все серьезны стихийные бедствия в Китае начинались именно отсюда. Все это вместе, наверно, и привело к появлению здесь множества весьма неординарных людей, не лишенных всякого рода чудачеств» [Фэн Цзицай, 2003, С. 13].

Тяньцзиньцы предстают на страницах сборника как люди, которые ценят комфорт, веселье и юмор. Они воспринимают жизнь как игру и получают от

нее удовольствие. Юмор для тяньцзиньцев представляет особую ценность, они шутят над собой и над другими, не боятся пошутить и над сильными мира сего, и умеют достойно ответить на оскорбления и провокации. Хорошие шутки передаются из поколения в поколение, они создают и рушат репутации. В рассказе «Чжан Глиняные Человечки» (泥人张) Чжан Миншань, основатель традиции лепить фигурки из глины, не стал сносить обиду и смог достойно ответить на насмешки богача, с которым столкнулся в ресторане: он молча слепил его голову из глины, которую собрал с подошвы своей обуви, и швырнул ему на стол: «Посетители стали тянуть шеи, чтобы посмотреть, что на столе. Смотрят, а там великолепно исполненная, будто только что срезанная с плеч глиняная голова Чжана Пятого. Башка, будто черпак для воды, выпученные глазенки, злая физиономия». На следующий день на лотках были расставлены фигурки Чжан Пятого, а «на белых бумажных полосках, приклеенных к лоткам, было написано: Хай Чжан Пятый. Продается по дешевке. Люди, сновавшие по улице, читали и смеялись» [Фэн Цзицай, 2003, С. 121—122].

Обращение автора преимущественно к низшим социальным стратам не осталось без внимания критики. Видимо, реагируя на их комментарии, Фэн Цзицай писал: «...в представлениях публики о «тяньцзиньцах» есть одно большое недоразумение. Когда речь заходит о жителях Тяньцзиня, они представляются этакими неотесанными типами с рынка, говорящими на тяньцзиньском диалекте, шпаной, что выскакивает наперерез, резкими и прямолинейными мужчинами, импульсивными глупыми тетками, пройдохами, что занимаются мелкой торговлей, воротилами, спекулирующими на поставках соли, и толпами мужчин всех возрастов. Мои друзья сказали мне: этот вывод следует из культурной направленности твоей «прозы о малой родине», кто же тебе мешал писать прозу о жизни в концессиях! Я выслушал, улыбнулся и ничего не ответил, пререкаться и спорить не стал — вернемся к этому вопросу, когда представится случай» [Feng Jicai hua Tianjin, p. 16].

Влияние тяньцзиньской культуры на творчество Фэн Цзицая многогранно. Обращение Фэн Цзицая к Тяньцзиню происходит на уровне тем и сюжетов, когда он пишет об истории города конца династии Цин—начала Китайской Республики, оно проявилось в стиле повествования, языковых особенностях (диалектизмах), описаниях культурной специфики города, возникшей благодаря историческим и географическим факторам.

Фэн Цзицаю интересна уходящая эпоха — в ее архитектуре, пейзажах, людях, ярмарочных представлениях, моде, происшествиях, суевериях, праздниках. Знакомство с жизнью и творчеством Фэн Цзицая убеждает в том, что несмотря на открытость европейской культуре, фундамент которой был заложен в детстве, основной движущей силой его творчества как писателя, художника, публициста является желание зафиксировать и передать китайскую специфику, и тем самым способствовать сохранению региональной культурной традиции. Он словно пытается остановить мгновенье (и возродить его, хотя бы в слове), возвращаясь вновь и вновь в ту пору, когда город разительно отличался от сегодняшнего. Чжу Шэнхуэй полагает, что проза Фэн Цзицая «в тяньцзиньском стиле» (津味小说) выражает его чувство бессилия перед неминуемым исчезновением культуры Тяньцзиня и его призыв сохранить свою

собственную национальную культуру в условиях «глобализации» культуры [Zhu Shenghui, 2013, p. 63].

Итак, топос «Тяньцзинь» в прозе Фэн Цзицая значим в аспекте поиска региональной идентичности и создания особого «места памяти». Он соотносится со следующими установками, доминирующими в прозе писателя: 1) уникальностью города вследствие исторических обстоятельств и его географического расположения; 2) Тяньцзинем как местом культурного, политического и военного столкновения китайской и западной цивилизаций; 3) разобщенностью городского пространства; 4) «старым городом» и храмом Матушки-покровительницы как сюжетообразующим топонимом; 5) «культурным консерватизмом» жителей города, обуславливающим их образ жизни; 6) авторской ностальгией по утраченным обычаям и реалиям или озабоченностью по поводу их потенциальной утраты.

Библиографический список

Коробова А.Н. Восстание ихэтуаней в китайской художественной литературе // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 160—174.

Рифтин Б.Л. Три темы в творчестве Фэн Цзицая // Фэн Цзицай. Повести и рассказы: Сборник. Пер. с кит.; Сост. и предисл. Б. Рифтина. М.: Радуга, 1987.

Фэн Цзицай. Волшебный кнут / пер. В. Малявина. // Фэн Цзицай. Повести и рассказы: Сборник. Пер. с кит.; Сост. и предисл. Б. Рифтина. М.: Радуга, 1987.

Фэн Цзицай. Десятилетие бедствий: записки о «культурной революции» / Пер. с кит. и вступит. ст. А. Н. Коробовой. М.: ИВЛ, 2015. 303 с. (Библиотека китайской литературы).

Фэн Цзицай. Последний день Евы / пер. Н. Демидо // Поэзия и проза Китая XX века. О прошлом — для будущего: сборник / сост. Г.Б. Ярославцев, Н.В. Захарова. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. С. 652—677.

Фэн Цзицай. Резная трубка; Письменный стол; Лю-Ловкие руки / Пер. А. Коробовой // Китайские метаморфозы. Современная китайская художественная проза и эссеистика. М.: Вост. лит., 2007. С. 98—117; С. 422—432.

Фэн Цзицай. Чудаки: короткие рассказы / пер. с кит. и предисловие Н.А. Спешнева. СПб.: Бельведер, 2003.

References

Chen Sihe zhubian 陈思和主编 [Chen Sihe, edit.] (1999). Zhongguo dangdai wenxue shi jiaocheng 中国当代文学史教程 [Course on the history of contemporary Chinese literature]. Shanghai: Fudan daxue chubanshe.

Feng Jicai hua Tianjin 冯骥才画天津 [Feng Jicai is drawing Tianjin] (2000). Shanghai: Shanghai wenyi chubanshe.

Feng, Jicai (1987). Volshebnyi knut [The Miraculous Braid]. Transl. by. V. Malyavin // Feng Jicai. Novellas and short stories: Collection. Transl. from Chinese; Comp. and preface by B. Riftin. Moscow: “Rainbow” PH. (In Russian).

Feng, Jicai (2002). Posledniy den’ Evy. / Per. N. Demido. // Poeziya i proza Kitaya XX veka. O proshlom — dlya budushchego: sbornik / Sost. G.B. Yaroslavtsev, N.V. Zakharova. [Eve in the last

days / Transl. by N. Demido. // Poetry and prose of China of the XX century. About the past — for the future: a collection / Comp. G.B. Yaroslavtsev, N.V. Zakharova]. Moscow: "ZAO Tsentrpoligraf" PH, S. 652—677. (In Russian).

Feng, Jicai (2003). Chudaki: korotkiye rasskazy. Per. s kit. i predisloviye N.A. Speshneva [Extraordinary People in an Ordinary World: short stories. Translated from Chinese and foreword by N.A. Speshnev]. St. Petersburg: Belveder. (In Russian).

Feng, Jicai (2007). Reznaya trubka; Pis'mennyy stol; Lyu-Lovkiye ruki. / Per. A. Korobovoy. // Kitayskiye metamorfozy. Sovremennaya kitayskaya khudozhestvennaya proza i esseistika [The Carved Pipe; The Desk; Liu-Dexterous hands / Transl. by A. Korobova. // Chinese metamorphoses. Modern Chinese Fiction and Essay]. Moscow: "East Lit." PH, S. 98—117; 422—432. (In Russian).

Feng, Jicai (2015). Desyatiletiye bedstviy: zapiski o «kul'turnoy revolyutsii». Per. s kit. i vstupit. st. A. N. Korobovoy [A Decade of Disasters: notes on the "Cultural Revolution". Transl. from Chinese and preface by A. N. Korobova]. Moscow: "IVL" PH, 303 s. (Chinese Literature Library) (In Russian).

Feng, Jicai 冯骥才 (1998). Xiangtu xiaoshuo 乡土小说 [Fiction of the native soil]. Beijing: Dazhong wenyi chubanshe.

Feng, Jicai 冯骥才 (2000). Shouxia liuqing: xiandai dushi wenhuade youhuan 手下留情：现代都市文化的忧患 [Show leniency: The predicament of modern urban culture]. Shanghai: Xuelin chubanshe.

Feng, Jicai 冯骥才 (2005). Feng Jicai fenlei wenji. 16 ce. 冯骥才分类文集。16 册 [The collected works by Feng Jicai. Classified in 16 volumes]. Zhengzhou: Zhongzhou guji chubanshe.

Feng, Jicai 冯骥才 (2012). Shengming jingwei (shang, xia ce) 生命经纬（上、下册）[Warp and weft of life. In 2 Vol.]. Beijing: Sanlian shudian.

Feng, Jicai 冯骥才 (1984). Guang Niangniang gong / Feng Jicai xuanji (san) 逛娘娘宫/冯骥才选集（三）[Visit to the Temple of the Sea Goddess. In: The collected works by Feng Jicai, In 3 vol. Vol. 3]. Tianjin: Baihua wenyi chubanshe.

Feng, Jicai 冯骥才 (2018). Dantong wanyuanjing 单筒望远镜 [The Spyglass]. Beijing: Renmin wenxue chubanshe.

Hong, Zicheng 洪自诚 (1999). Zhongguo dangdai wenxue shi 中国当代文学史 [History of contemporary Chinese literature]. Beijing: Beijing daxue chubanshe.

Korobova, A.N. (2020). Vosstanie Ihetuanei v kitaiskoi hudozhestvennoi literature [The Boxer Rebellion Images in Chinese Fiction]. Problems of the Far East, № 5. S. 160—174. (In Russian)

Riftin, B.L. (1987). Tri temy v tvorchestve Fen Tszitsaya // Fen Tszitsay. Povesti i rasskazy: Sbornik. Per. s kit.; Sost. i predisl. B. Riftina [Three themes in the works by Feng Jicai. In: Feng Jicai. Novellas and short stories: Collection. Transl. from Chinese; Comp. and preface by B. Riftin]. Moscow: "Rainbow" PH. (In Russian).

Wo shi Feng Jicai: Feng Jicai zibai 我是冯骥才：冯骥才自白 [I am Feng Jicai: Confessions of Feng Jicai]. Beijing: Tuanjie chubanshe.

Zhang, Xuejun 张学军 (1996). Zhongguo dangdai xiaoshuo liupai shi 国当代小说流派史 [History of trends in contemporary Chinese fiction]. Jinan: Shandong daxue chubanshe.

Zhu, Shenghui 祝昇慧 (2013). Difangxing zhishi" goucheng "wenhua gongtongti" "地方性知识"构筑"文化共同体" [Building a "cultural community" with "local knowledge"]. Fujian luntan (8).

DOI: 10.48647/ICCA.2022.49.25.006

В.В. Малявин

О китайской цивилизации

Аннотация. Превращение Китая в ведущую мировую державу делает как никогда актуальной задачу познания своеобразия китайской цивилизации, а также условий и возможностей ее вхождения в глобальный мир. Речь идет, по сути, о познании культурной традиции Китая в ее системном единстве. Последнее рассматривается в данной статье в трех основных аспектах. 1. Голограммная модель мироздания, предполагающая сведение реальности к всеобщности превращения. Эта посылка требует признать взаимопроникновение противоположностей и совпадение единого и единичного в моменте превращения вещей, т. е. в пределе существования. 2. Совместность начала и процесса, в свете которого историческое время носит характер возвращения к «истоку вещей», а история состоит из замкнутых, но постоянно возобновляющихся циклов. 3. Соматический уклон китайского мировоззрения, в котором высшей ценностью является полнота жизненных свойств. Этим обусловлено первостепенное значение в китайской традиции ритуала и духовно-нравственного совершенствования, которые находят свое завершение в полной естественности существования. Центральная проблема китайской цивилизации — неопределенная совместность, или не-двойственность, «человеческого» и «небесного» измерений мира. В итоге все стороны знания и практики в Китае от психологии до политики и космологии имеют общее методологическое основание, говорят на одном языке и как бы преломляются друг в друга, отражаются друг в друге, подобно граням одного вселенского кристалла. Идеалу «согласного единства небесного и человеческого» свойственны определенные внутренние противоречия, которые в прошлом порождали острые кризисы китайского миропорядка и по сей день остаются нерешенными. Вместе с тем эпистемологические установки и концепция исторического времени в китайской традиции имеют большое сходство с познавательными основаниями информационных технологий и теорией «конца истории», что открывает перед китайской цивилизацией новые возможности для того, чтобы стать неотъемлемой частью будущей мировой цивилизации.

Ключевые слова: китайская цивилизация, событие, мир-голограмма, археоистория, ритуал, мудрость жизни.

Автор: Малявин Владимир Вячеславович, д. и. н., профессор-исследователь НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: vladmal0913@gmail.com. Персональный сайт: www.sredotochie.ru

Vladimir V. Maliavin

On Chinese Civilization

Abstract. The transformation of China into a leading world power makes the task of understanding the identity of Chinese civilization, as well as conditions and possi-

bilities of its entry into the global world, more urgent than ever. It is essentially a question of cognizing China's cultural tradition in its systemic unity. The latter is considered in this article in three main aspects. 1. The hologram model of the universe, which assumes the reduction of reality to the universality of transformation. This premise requires recognizing the interpenetration of opposites and the coincidence of the one and the singular in the moment of transformation of things, actually in the limit of existence. 2. The unity of beginning and process, in the light of which historical time has the character of returning to "the origin of things," and history consists of closed but constantly renewing cycles. 3. The somatic trend of the Chinese worldview, in which the highest value is the fullness of life's properties. This explains the paramount importance in Chinese tradition of ritual as well as spiritual and moral perfection, which finally coincides with the complete spontaneity of existence. The central problem of Chinese civilization is the indeterminate togetherness, or non-duality, of the "human" and "heavenly" dimensions of the world. As a result, all aspects of knowledge and practice in China, from psychology to politics and cosmology, have a common methodological foundation, speak the same language, and refract into each other like faces of one universal crystal. However, the ideal of the "harmonious unity of the heavenly and human" is characterized by certain internal contradictions, which in the past generated deep crises of the Chinese world order and remain unresolved to this day. Nevertheless, the epistemological attitudes and concept of historical time in the Chinese tradition bear great resemblance to the cognitive foundations of information technology and the "end of history" theory. This convergence opens up new opportunities for Chinese civilization to become an integral part of the future world civilization.

Keywords: Chinese civilization, event, world-hologram, archaeohistory, ritual, wisdom of life.

Author: Maliavin Vladimir V., Dr. Sc. (History), Chief Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia RAS (ICCA RAS).
E-mail: vladmal0913@gmail.com. Personal website: www.sredotochie.ru

Крутые виражи современной истории Китая, его стремительный взлет и постоянный акцент его руководителей на неизбежности и важности «китайской специфики» сделали как никогда актуальным вопрос о природе китайской цивилизации и ее значении для современного мира. Быстро растет количество исследований на эту тему. Историки, культурологи и даже специалисты в области международных отношений, в том числе в самом Китае, говорят о самобытности ее цивилизации и видят в ней многообещающую альтернативу западному мировоззрению [Acharya; Buzan, 2009; Voskressenski, 2018]. Распространено мнение, что в Китае цивилизация подменяет или заменяет собой государство [Pye, 1992, p. 235].

Давно прошли времена, когда Китай был полуколонией западных держав, и западные ученые считали китайскую цивилизацию отсталой и нежизнеспособной, обреченной подражать Западу с его передовой наукой и прогрессивным общественным строем. В реальности все оказалось намного сложнее: успешно перенимая достижения западной науки и техники, живо интересуясь западной культурой, китайцы не стали подражателями Запада. Сегодня уже очевидно, что китайская цивилизация будет неотъемлемой частью, как теперь

говорят в самом Китае, «общей судьбы человечества». Попробуем разобраться, какой вклад китайская культура может внести в эту судьбу. Речь пойдет, конечно, о ее важнейших принципах и особенностях, все еще мало изученных и еще менее известных широкой публике.

Китайская голограмма

Существует простой, но надежный способ нащупать дорогу к познанию тайн китайской цивилизации. Он состоит в том, чтобы не опираться на привычный инструментарий западного рационализма с его оппозицией субъекта и объекта, духа и материи, не устанавливать параллелей между понятиями и действительностью, что со времен древних греков было прочной основой философии и науки в Европе. Что в таком случае остается в распоряжении того, кто хочет познать мир? По европейским понятиям, совсем немного, но это немногое как раз и составляет почти весь арсенал китайской мысли, которая полагается на неопределенную целостность восприятия, бесконечно разнообразный калейдоскоп мыслей, образов и чувств, нераздельность воображаемого и действительного, даже своего и чужого. С младенческой наивностью китайская цивилизация сохранила верность простейшей данности жизненного опыта или, точнее, тому, что априорно задано в нем. Но недаром сказано: в опасности — спасение. Эта детская непосредственность обеспечила Китаю самую долгую жизнь среди мировых цивилизаций. Здесь таится ее сокровенный, никем и никогда не названный и, возможно, как раз поэтому вечно живой корень.

Там, где нет отвлеченных идей и принципов, царит свободная множественность, рассыпающаяся бесчисленными брызгами жизни. Там в отсутствие мнимой многозначительности каждое мгновение абсолютно и самодостаточно, а познание сводится к осознанию все более мелких и тонких, уже недоступных восприятию и умозрению моментов существования. Там нет бытия, а есть только событие, именно: событие и в пределе — всеобъемлющая событийность. В пространстве события каждая вещь есть одновременно и нечто другое, существует в своем пределе и удостоверяет себя в момент своего превращения, перехода в иное. В нем все присутствует ровно настолько, насколько отсутствует, все вещи существуют под знаком исчезновения, рассеивания, все воспринимаемое эфемерно (главный источник вдохновения китайских поэтов), а природа вещей есть их новизна. Великий путь жизни, говорится в древнем комментарии к «Книге Перемен», есть «то, чем люди пользуются каждый день, а о том не ведают» [Jin Jingfang, Lu Shaogang, 1991, p. 472], и он есть «каждодневное обновление».

Главное свойство превращения — сообщительность, проницаемость (тун), открытость всякому воздействию, что в духовном опыте человека соответствует обостренной чувствительности, чуткому бодрствованию. Сообщительность не конструируется, а только случается, как спонтанный исход сопряжений силового поля, подобный вспышке молнии в грозовом небе. Предел всех превращений совпадает с духовностью, которая, согласно клас-

сическому китайскому определению, «стремительна без торопливости и в соприкосновении все проницает» [Ibid, p. 495]. Аффект — способ бытийствования бытия. О нем сообщает другая классическая формула, бытующая в традиции мастеров боевых искусств: «соответствовать вещам в том, что таково само по себе» (ин у цзы жань). Там, где абсолют сходится с единичностью бытия, вещи (в сущности, совпадающие с жизненными метаморфозами) существуют «сами по себе» (цзы жань), «сами превращаются» (цзы хуа) [Дао-Дэ цзин, 2019, с. 346]. А существование «само по себе» совмещает два полюса бытия: предельную конкретность мгновения и универсальный принцип или, точнее, принцип не-принципа всего сущего [Малявин, 2021].

В мире событийности ничто не равно другому. В нем есть только различие, разрыв, вездесущая несоизмеримость, которая отличается даже от самой себя. Но если вещи никогда не тождественны, они, по крайней мере, равны и едины в самом акте превращения в своей нетождественности. Мир, превратившийся в пыль вселенских метаморфоз или, как говорили в Китае, «чащу тьмы образов», неожиданно обретает единство — правда, никогда не равное себе, всегда другое. Так мы открываем в событии некую глубину или, по-китайски, «ось Великого Пути», связывающую явленное и ноуменальное, случайное и судьбийное. В хаотической цельности этого чистого события превращение песчинки равнозначно мировой катастрофе, «взмах крыльев бабочки в Шанхае порождает бурю в Нью-Йорке». Мы открываем иной, противоположный и умозрительному, и чувственному образам мира порядок мироздания, одновременно сокровенный и неотделимый от актуальности существования. Так мы приходим к пониманию брошенных однажды Николаем Рерихом слов о том, что на бескрайних просторах Азии «быль и тайна нераздельны» [Рерих, 2001, с.1]. Мы начинаем понимать и приверженность китайцев к тайне и таинственности речи независимо от того, что за ними скрывалось (а скрывались, конечно, очень разные вещи). Присутствие иного порядка в знакомом и понятном, небесной глубины вещи в их материальном образе — главная тема и одновременно вечная загадка страны, опоясавшей себя Великой стеной.

Китайский мир — вселенский кристалл, в бесчисленных гранях которого разлит потайной свет, и все во всем преломляется и отражается. Здесь каждое превращение на самом деле подтверждает всегда отсутствующую целостность существования и, как в монадологии великого синофила Лейбница, сводится к смене угла зрения, обновлению мира. Нет ничего более постоянного, чем кипящая бездна событийности.

Если реальность существует в модусе самосокрытия, то неизбежная «утонченность» китайской диалектики состоит в том, что сокрытие в своем логическом пределе совпадает с безусловной явленностью мира, полной открытостью самой открытости бытия. Недаром чаньские учителя называли свою практику «выливанием чистой воды в чистую воду». Здесь явленность, очевидно, не имеет ничего общего с миром объектов. Она предстает своей, так сказать, превращенной формой: собственным декором, узором, тенью, следом. Она есть мир в мире, безупречное подобие самой себя, вездесущая и даже неустранимая мнимость. Как раз поэтому, как говорили китайцы, высшая реальность (которая есть только мировой круговорот и в пределе — пус-

тота) «не может устранить вещи». Нет ничего выше актуальности существования «здесь и сейчас», ничего выше этого, т. е. этого/другого мира.

Итак, в китайском мире нет отдельных сущностей, в нем есть только отношения между вещами. Его подлинное ядро — это взаимодействие, встреча, соприкосновение полюсов бытия, которые во взаимном проницании обосновывают и восполняют друг друга. Но это означает также, что они взаимно утверждают свою самобытность, ведь мы, будем помнить, пребываем в океане множественности. Подлинная встреча требует умения уступить, чтобы дать быть другому; она воспитывает учтивость. Китайский мудрец умеет быть в своем небытии и оставаться, уходя. Но если речь — всегда иносказание, то последнее само становится нормой. Здесь кроется причина столь же ревностной приверженности китайцев к нормативности речи вплоть до их почти полной невосприимчивости к юмору в европейском понимании — как демонстративному перевертыванию смыслов. Отсюда и твердая вера китайцев в преображающую силу ритуала с его строгой нормативностью жестов, слов и даже образа мыслей.

Указанная «связь без связи» не может быть локализована, она превосходит хронологию и воплощает сокрытую в превращениях преемственность чистого качества вне формы и субстанции. Истинный смысл традиции — неуклонное уклонение, трещина в бытии, вариация неназванной темы, превыше всего — бесконечно малая дистанция «отличия себя от себя». В этом спонтанном сопряжении полярных величин есть глубина, иной (другой и всеобщий) порядок бытия, где единичное становится единым и возобновляются вечносущие качества жизни. Наиболее универсальным примером события в китайской традиции (а мы, напомню, имеем дело с самим существом традиции) как раз и является «сообщительность» (тун) или скрещенье (цзяо) Неба и Земли — главное условие творческого процесса мироздания [Dong Qichang, 2012, p. 118]. Еще раз: в пространстве события мысль слита с аффектом и вовлечена в чистое, нетематизируемое движение, в котором лишь смутно угадываются семена грядущего сущего [Малявин, 2021].

В общественной практике указанный путь внутреннего самопревосхождения соответствует ритуальному действию — центральной категории китайской традиции. Именно ритуал, воспитывая дисциплину самосознания, учит «выправлять выправление», «оставлять оставление» и выявляет внутреннюю глубину опыта по ту сторону противостояния субъекта и объекта. Главное требование китайской традиции как раз и состоит в том, чтобы преодолеть границы индивидуальной личности, не нарушая цельности духа и даже усиливая эмоциональный тонус переживаний. В китайской мудрости событийности мы имеем дело с истинностью не субъекта или сущности, а действия или состояния (одно слабо отделяется от другого в китайском языке); истиной телесного присутствия с его игрой явления и сокрытия [Yang Rubin, 1993, с. 53—55]. Жить под знаком «как бы» — значит непрерывно преодолевать себя, играя самого себя, быть открытым иному. В отличие от Запада, мысль о том, что богов делают божественными сами люди в игре ритуала, в Китае не звучала кощунственно и не давала ни малейшего повода для цинизма.

Итак, ритуал удостоверяет отношения между вещами в потоке бытия. Поэтому он указывает на то, что пребывает «между сущим и несущим», и оперирует символами этой междубытности, неуловимого промелька реальности. Соответственно, китайская мудрость есть рефлексия о том, что не просто дано, но всегда уже задано опыту и в то же время всегда грядет, предвосхищается чутким духом подобно тому, как внезапное затишье в природе с несомненной ясностью предвещает наступление бури. Китайская мысль не интересовалась умозрительным знанием, была размышлением не о себе, а об отношениях между людьми и ставила своей целью надличностную, всечеловеческую просветлениость духа, что требовало как бы внесубъективной рефлексии, выведения опыта на свет сознания открытого жизни. Язык здесь оказывается средством обозначить отсутствующее и использовался в иносказательном ключе; это язык не определений и даже не описаний, а иносказания: всегда иного сказания и сказания о вечно Ином. В нем слово всегда замещает другое слово, все именуется вместо другого — но в конечном счете точно установленным, единственно возможным способом!

В последнее время тема ритуала стала одной из центральных в китаеведении. Все больше исследователей видят в ритуальной практике не карикатурные «китайские церемонии» и не «отражение» каких-то черт китайского уклада жизни, а подлинную основу общественности, определившую своеобразие поведения и мышления китайцев [Seligman et al., 2008; Neville, 2009]. Как известно, главное свойство ритуала — учтивость, предупредительность, обходительность поведения. Ритуал учит жить вместе с другими и в известном смысле в месте другого. А как действие предупредительное, он учит предвосхищать грядущее. Ритуал — мера совместности и соотнесенности людей, средство и способ взаимодействия с общественной средой, обживания мира, оспособления природных задатков. Он требует неразрывного и притом выверенного, культивированного и утонченного в своей двусмысленности, т. е. одновременно символического и реального единства сознания и тела.

Предписывая каждому его особое место, ритуал объединяет людей, разделяя их, что значит: он объединяет в опыте внутренней самодостаточности. В досконально ритуализированных азиатских обществах встреча исключает равенство индивидов и, следовательно, соперничество между ними. Она соединяет людей в акте, как уже говорилось, самопревосхождения, которое требует первым делом взаимной уступчивости. Не абстрактная идея, а качество жизненного опыта, созидающее личностный стиль, лежит в основе китайской традиции. Китайцам важна не объективная достоверность суждения, а личность того, кому оно принадлежит, и вещи они ценили прежде всего за то, что те несли на себе печать личности их владельца.

Итак, реальность в китайской традиции — это не идея, не форма, не субстанция или сущность, а отношение между двумя моментами бытия, по отдельности нереальными. «Вещи вмещаются друг в друга», — гласит китайская максима. Следовательно, превращения вещей равнозначны одной вечносущей Вещи как функциональности всех функций. Превращение должно превратиться и так указать путь к «великому превращению» (да хуа): высшему порядку жизни, по сути, немыслимому, но переживаемому с полной убеди-

тельностью. В ритуальном жесте уступления мудрый не только высвобождал пространство для всеобщего порядка вещей, но и возвращался, возвращал себя своему подлинному бытию. Оправданием существования человека и в особенности его личностного развития здесь служит достижение внутренней полноты в собственном... отсутствии, в моменте само-преодоления. Здесь человек подобен себе именно тогда, когда не похож на себя, не принадлежит себе. В категориях китайской мысли это означает, что чем более человек принадлежит Небу, тем более он... человечен.

Ритмы истории

Ментальные формы должны свершиться в истории. Вне истории даже самые бесспорные истины останутся пустой химерой. Сказанное выше об основах китайской цивилизации подводит к пониманию принятого в ней взгляда на исторический процесс.

История и собственно историческое сознание рождаются, когда появляется разделение прошлого и настоящего. Примечательно, что оппозиция «древнее—настоящее» была в Китае самым распространенным названием истории. Последнюю пишут ab ovo, «от яйца», но исток опыта неизбежно осознается как нечто забытое, навсегда утраченное. Память незапамятного, интуиция забытья заставляет человека осознать, что он конечен, и тем самым... создают человека в собственном смысле слова. Поистине, человек становится собой тогда, когда открывает свою бренность, смертное в себе. Последнее и есть то начало, архе, которое отсутствует в историческом повествовании, но скрытно определяет его порядок [Малявин, 2015].

Здесь пролегает главный водораздел между западным и китайским взглядами на историю. В Европе история стала важной частью и, более того, полем развертывания ее интеллектуалистской философии. Она мыслилась как синтез эмпирического наблюдения и умозрительной истины. В древней Греции к истории относили сообщения о реально пережитом, так что история противопоставлялась мифу — рассказу или преданию, не имевшим подтверждения.

Китайская традиция, как уже говорилось, с детской наивностью доверилась актуальности опыта, которая переживается тем более убедительно, чем менее она доступна концептуализации и может быть выражена только иносказательно. Соответственно, история в китайском понимании раскрывается в спонтанной совместности забытой древности и чистой явленности декора, узора, эпифеномена, каковым и является письмо в собственном смысле слова. То и другое находятся вне субъектно-объектных отношений и не предполагают ни диалектического синтеза, ни последовательного развития. Они находятся в отношениях, так сказать, свободной совместности и недоказуемым, как говорили в Китае, «чудесным» (мяо) образом напрямую преломляются, перетекают друг в друга. Общим для них являлось как раз то, что недоступно рефлексии: чистая актуальность существования и бессодержательная декоративность. В отличие от Запада история в Китае основывалась не на рассказе, а на письменном наследии, она была плодом чтения и толкования текстов,

и чем древнее и, заметим сразу, загадочнее было это наследие для его восприемников, тем большим авторитетом оно обладало в их глазах.

Хорошим примером, поясняющим эту непривычную для европейцев черту китайского исторического сознания, служит отсутствие в китайской традиции чего-либо подобного эпическому повествованию. Эпос и самое понятие исторического события в Китае заменила книжная аллюзия, нескончаемое ветвление смысла в глоссолалии китайской словесности. Другой пример — присущая культурам Восточной Азии преемственность иероглифической письменности, петроглифов и естественной фактуры камней, нерукотворного «письма» природы. Мы имеем дело с одним из проявлений фундаментального для этого региона принципа «согласного единения небесного и человеческого».

Китайская традиция не могла и не стремилась преодолеть эту первозданную целостность природно-человеческой жизни. Ее единственным заданием было возвращение к извечно забываемой полноте опыта, соотносимой с «высокой древностью» или даже, как выразился даосский патриарх Лао-цзы, «пределом древности» [Дао-Дэ цзин, 2019, с. 521]. Подчеркнем, что и забытая древность, и чистая явленность мира не могут быть предметом мысли и рассуждения. Образы «предела древности» суть нюансы, декорум, тень и след отсутствующей реальности. По той же причине они не могут быть устранены и обладают эстетической ценностью. Мир китайской традиции — собрание монументальных нюансов. А историческое повествование в Китае, зародившись как хроника, со временем приобрело вид череды анекдотов, забавных и поучительных случаев, имевших статус жизненной нормы и образца.

Вот странное, неизвестное в Европе сочетание двух как будто противоположных душевных импульсов: строгая дисциплина учения, упорная корректировка душевных порывов и зачарованность естественностью восприятия. В итоге аскеза школы в Китае имела целью достижение свободы духа.

Интуиция слепого пятна «древности» вечно побуждает вернуться к истоку происходящего и тем самым служит сильнейшим импульсом писания истории. И чем острее осознается недостижимость вечно отсутствующего начала мира, тем больше потребность осознать его и говорить о нем, тем сильнее воля «писать историю» вопреки или, вернее, как раз благодаря ограниченности своего знания. Историческое предание не имеет под собой никакого основания и не может претендовать на истинность, но его следует, как и делали в древности, выбивать на камне— самом долговечном материале.

Итак, история в Китае понималась именно как записи о давно минувших событиях. Чисто китайское требование к познанию: слышать неслышное, видеть незримое, сознавать несознаваемое. Устные же рассказы о том, что еще сохраняла память живущих, историей как раз не считались и относились к области сомнительного «предания», «легенды» (чуань). Как следствие, героем китайской историографии был «сокровенный человек» (кит. ю жэнь), скрывающийся от мира, хотя нередко в самой гуще мира [Малявин, 2015].

Историография в Китае как знание о начале, архэ человечества в самом деле родственна археологии. И недаром китайцы так любили антиквариат — вестник забытой древности. Отсюда же вкус ученой элиты Китая к эксцен-

тричным, маргинальным людям, далеким от «мирской пошлости», как антикварные раритеты.

Поскольку история в Китае не уводит от истоков опыта, а возвращает к ним, она не имеет линейного развития, но определяется разного рода социальными и природными, не имеющими хронологии «ритмами», пульсациями. Собственно начало (если позволителен такой термин, ибо чистое начало можно выделить только аналитически) есть скрадываемая потоком времени, исчезающая прежде своего появления бесконечно малая длительность, предельно тонкое различие, в котором, как говорили в Китае, «нет ни форм, ни образов». Ее ближайший зримый коррелят — фантазм, ускользающая заданность опыта, заполняющая пустоту начала. Поистине, свято место пусто не бывает. Фантазм пребывает вне оппозиции присутствия и отсутствия, воображения и действительности, совмещает виртуальные и актуальные стороны существования. Двойственная природа фантазма объясняет, почему духовное прозрение, постигаемое в возвратном движении времени, соотносится со светской историей как бы по принципу контрапункта: отпадение мира от его духовных основ сопровождается углублением, внутренним возрастанием мудрости традиции, затмение традиции во внешнем мире возвещает ее кульминацию. Таким образом, внешнее и внутреннее измерения человеческой истории находятся в некоем метаисторическом равновесии. Внутри предметной, познавательной традиции сокрыта своего рода контртрадиция, воплощающая возвратное движение момента «самооставления». На этой основе возникла особая историософия духовных школ в Китае [Там же].

Концепция метаисторического круговорота выступала в разных видах. Например, в китайской традиции она мыслилась как циклы возвышения и упадка династий, порядка и смуты в царствах, отражавших, как считалось, состояние добродетели правящего дома. Смена династий, особенно в эпоху ранних империй, связывалась с переходом к другому моральному принципу правления, причем нравственные критерии исторических перемен соотносились с ритмами космоса. Но в наслоении этих ритмов не было места метафизическому первоначалу. Историческая археология Китая имела своим основанием собственное отсутствие, свою вечноизменчивость. Возвращение к древности было, в сущности, импровизацией, так что представления китайцев об их прошлом больше говорят об их настоящем.

Совместность вечности и мгновения, явленности и сокрытости, незапамятного прошлого и неисповедимого будущего, составляющая содержание китайской истории, именно выписывается, причем в двух смыслах: она, во-первых, удостоверяется самим актом письма и чтения и, во-вторых, посредством этого акта выводится за пределы самоорганизации рассуждения. Последнее обстоятельство предопределило первостепенное значение в китайской культуре письменности как таковой, физического присутствия иероглифа вплоть до того, что в древности текст определяли по его начальным знакам и общей численности знаков.

Отсутствие на Востоке умозрительной метафизики объясняется способностью восточных учителей входить в общение с вещами, внимать их «красноречивой немоте», поверять мысль их присутствием. Пример подал Конфу-

ций, который был — не будем это забывать — не столько «мыслителем», сколько знатоком древностей, чьи нравственные идеалы выросли из изучения материальных следов былых времен. И учил он не столько знанию о мире, сколько тонкой настройке духа через интуицию инаковости своего существования [Там же].

В целом история Китая являет сочетание параллельно существующих временных циклов разной длительности и масштабов. Наиболее очевидный из них — династический цикл, который, по китайским представлениям, определяется силой «добродетели» династии. Основатель династии считался человеком выдающейся добродетели, тогда как последний ее правитель изображался личностью слабой и погрязшей в пороках. Философский смысл этой деградации заключается в подмене совместности полярных начал существования логикой рационального знания, по сути, индивидуалистической. Говоря конкретнее, речь идет о придании декоруму статуса материального или идеального объекта. Этот процесс редко попадает в поле зрения эмпирических историков, но он дает о себе знать в регулярном возрождении всеобъемлющего культурного и духовного синтеза, совпадающего с воцарением сильной династии. Достаточно вспомнить появление универсальной этикокосмологической системы при династии Хань, расцвет культурного «синкретизма» в империи Тан, складывание так называемого неоконфуцианского синтеза при династии Сун и новое издание неоконфуцианского синкретизма при династии Мин. Одновременно к концу династийных циклов усиливается тенденция к разложению традиционного синтеза, и с каждым разом кризис принимает все более острый характер. В свете сказанного выше о значении декора, деформаций, нюансов как свидетельств правды преображения нетрудно понять, что борьба хранителей традиции против подмены свободной совместности формальной логикой, а археологии эстетизированной жизни рациональностью идеологии все отчетливее принимала вид противопоставления эксцентричных, гротескных форм жизни общепринятым мнениям. Это была заведомо безнадежная борьба не только потому, что доведенный до предела гротеск представал не более чем пустым чудачеством, но, главным образом, потому, что правда традиции для взгляда со стороны была неотличима от стихии быта. Еще древний даос Чжуан-цзы утверждал, что в свете Дао все вещи «пребывают в обыденнейшем» [Чжуан-цзы, 2017, Ч. 1, с. 160].

При династии Цин произошел окончательный слом традиции, и образованные верхи Китая обратились к идеологии западного типа. Однако исторический потенциал традиции не был и не мог быть исчерпан. Сегодня, в условиях «великого возрождения» Китая, он вновь становится влиятельной идеологической силой и притом в мировом масштабе.

В перспективе обозначенной здесь драмы истории Китая мы можем говорить о последовательном развитии изначально заложенных в китайской традиции мировоззренческих установок. Именно поэтому в разговоре о судьбе китайской цивилизации важно соблюдать принцип историзма и сознавать специфику отдельных исторических эпох. Реальное содержание истории Китая не может быть ни повторением стереотипов китайской историографии, ни проекцией западных образов истории. Но интеграция китайского истори-

ческого пути и западных концепций истории поможет, будем надеяться, выработать действительно всемирную концепцию истории и определить место Китая в ней.

Мудрость жизни: дисциплина и свобода

Прививаемая китайской традицией способность с детской непосредственностью и добродушным здравомыслием радоваться жизни предопределила общую практическую ориентацию китайской мысли. Последняя опирается на самые обыденные наблюдения и простейший здравый смысл. Но закон самопревосхождения всех вещей в переменах мира побуждал творцов китайской традиции видеть в жизни и нечто гораздо большее, чем жизнь, считать эту жизнь лишь преддверием к жизни подлинной и вечной. В отсутствие трансцендентного Бога открытие вечной жизненности в жизни, духовное свершение, которому, согласно древнему изречению [Чжуан-цзы, 2017, Ч. 2, с. 35], следует само Небо, были прерогативой самого человека. Такой взгляд на человека в Китае принято называть «антропофундаментализмом» (жэньбэнь чжуи). В любом случае приверженность спонтанным метаморфозам вещей не могла не вести к почитанию творческой мощи жизни. Способность живого существа расти и претерпевать превращения есть самое непосредственное и всеобщее проявление силы жизни и, следовательно, власти. Главное же свойство этой первозданной формы власти, что и зафиксировано во многих языках, есть не что иное как доброта. Ибо власть дается тому, кто сам способен «дать всему быть», все освободить. Она моральна в своем истоке. Жизненный рост, согласно заветам китайской традиции, означал, помимо прочего, восхождение от ограниченности земного бытия к небесному совершенству, освобождение от мирской суеты без отрицания физического мира.

В итоге мы наблюдаем в китайской цивилизации — и это можно считать ее большим достоинством — полную аналогию между порядком мироздания, социума, политики и личной жизни, а власть, мораль, богатство и здоровье составляют в ней нераздельное целое. Говоря конкретнее, основой политики в Китае было нравственное совершенствование, а последнее предполагало овладение полнотой жизненной силы. Китайская мысль равнодушна к отвлеченным истинам интеллекта. Ее ярко выраженный соматический уклон заставлял китайцев оценивать вещи по их способности доставлять удовольствие. Но удовольствие разумное, не наносящее вред здоровью или политической карьере.

Сохранение равновесия разума, здоровья, авторитета и богатства требовало особой дисциплины ума и тела. Жизнь подлинная в китайском понимании есть непрерывное учение, совершенствование навыков, повышение духовной чувствительности. Она есть искусство, которое выше биологической жизни. Китайцы по этому поводу говорили об «управлении жизнью» (чжи шэн), «усовершенствовании жизни» (сю шэн) и т. д. В буддизме и даосизме эта тенденция могла приводить даже к противопоставлению «подлинной» жизни или, точнее, подлинности в жизни обыденному существованию. Но она не

могла разрушить незыблемое основание китайской традиции: «согласное единство небесного и человеческого».

Как уже говорилось, центральной категорией китайской культуры, истинной «школой жизни» в ней стал ритуал — универсальное средство символической сообщительности в китайской культуре. Ритуал в китайском понимании воплощал ту самую исконную совместность человеческих сердец, которая была матрицей китайского мировоззрения и первым условием общественной практики. А эта совместность открывалась в жесте любезной уступки партнеру во встрече, знаменовавшем возвращение к началу опыта, к моменту упорядочивания мира, погруженного в хаос. Поэтому, по китайским представлениям, мудрый должен сознавать то, что еще не проявилось в сознании, постигать духовной интуицией несотворенный кристалл бытия, где все во всем присутствует.

Жизненность ритуалистического миропонимания объясняется тем, что человек есть именно общественное животное, определяющее себя вместе с другими, познающее себя в месте других. Ритуал самоценен и оправдывает сам себя, как изначально заданная каждому соотнесенность с другими. Как сущность человеческого общения и единения, он сам создает и артикулирует социум.

С одной стороны, ритуал требует сосредоточенности духа, которая является условием искусности, мастерства во всяком деле. С другой стороны, ритуал объединяет через разделение, утверждает преемственность в изменениях. Поэтому ритуал для древних китайцев выступал прообразом «великого единства», или всеединства, рассеянного в разнообразии жизни.

Итак, ритуал воспроизводит вечные основы человеческой природы. Но ему нужно учиться. В ритуальном социуме совершенствование как духовное, так и телесное, становится всеобщим императивом. Исполнение ритуала требует и четкости жестов, и ясности сознания, и тонкого вкуса, не говоря уже о большом объеме специальных знаний. Не удивительно, что в Китае общение с потусторонним миром, воплощенное в архаическом ритуале, довольно скоро в силу неизбежности превращения мысли о предмете в предмет мысли приобрело характер самопознания и дало жизнь особой системе деятельного ведения. Именно это «знание ритуала», некая сводная интуиция сознания и тела, уже отделенная от конкретных обрядов, обусловила живучесть китайской традиции, а также ее в своем роде наднациональный и даже надкультурный характер. Приверженность принципам ритуального сознания и поведения стала основой духовной общности всей Восточной Азии, что не только не исключало, но прямо требовало разнообразия ее исторических и культурных форм. Ведь ритуал определяется обстоятельствами момента, и сопутствующее ему знание не ищет отвлеченных истин. Это знание взращивается и поверяется жизненной практикой, хотя его практицизм имеет особенную, по сути, символическую, природу. Вследствие его непрозрачности оно требует прежде всего душевной искренности и доверия, т. е. высоких моральных качеств. Отсюда строгость нравственных требований и вместе с тем универсализм духовной традиции Дальнего Востока, вовлекшей в свою орбиту и сопредельные с Китаем страны, причем эта традиция не дает Китаю в его качестве нацио-

нального государства политических привилегий. Лидерство в мире ритуализма было и остается предметом соперничества в любезности.

Своеобразие ритуального мировоззрения выражено в представлении о жизни как условии внутреннего единения человечества. В ритуале жизнь опознается как собирание, совместность разных планов бытия, в нем проблеск сознания всегда предполагает соприсутствие других жизненных миров. Можно сказать, что правда ритуала — это не бытие, а событие, совместное превращение всего и вся, в котором, как говорил древний даосский философ Чжуан-цзы, все вещи «уравниваются», не будучи тождественными [Чжуан-цзы, 2017, Ч. 1, с. 157]. Поэтому в свете ритуала жизнь изначально несет в себе свет сознания, ритуал служит мощным усилителем последнего, а само сознание наделяется моральной природой.

Итак, в ритуале важна не сущность вещи, а отношение к ней, и, следовательно, природа вещи сводится к способу ее использования. С одним важным уточнением: это использование символическое, и оно служит восполнению всех вещей, возведению их к полноте существования, в сущности — освобождению. В ритуале каждая вещь оправдывается ее превращением и, следовательно, ее новизной. Но в нем всякий опыт — как только и бывает в реальности — включает в себя виртуальное измерение несравненно более значимое, чем все наличное и данное. Поистине, в нем все существует настолько, насколько не существует.

Из идеи гармонического всеединства мира вытекают три важных вывода. Во-первых, такой взгляд на мир не позволяет мысли оперировать сущностями, идеями и прочими «данными умозрения». В китайской картине мира есть только соответствия вещей и в конечном счете — междубытность всего сущего, междудействие («антракт») в деятельности, пауза в длительности. Этот скрытый фокус мироздания предваряет оппозиции внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, материального и духовного. Будучи воплощением всеединства, он предстает «пустотой», хранящей в себе все потенции бытия. Мудрый не воздействует на вещи извне, а «следует» общему течению событий.

Во-вторых, китайский взгляд на мир учит ценить согласие и сотрудничество между людьми. Он учит понимать, что люди призваны не подавлять друг друга, а друг друга освобождать, раскрывать друг в друге их творческий потенциал. Гармония в человеческом коллективе резко усиливает проявления человечности в нем и творит новые, ведя сообщества к высшим, экзистенциально насыщенным формам общественности, недостижимым для отдельных индивидов. В этом пространстве синергии люди вместе могут несравненно больше, чем поодиночке.

В-третьих, у мировой гармонии есть особое феноменологическое измерение: взаимная проницаемость всех частей мира придает ему слоистую структуру, наделяет его внутренней глубиной и делает явления лишь относительно реальными. Иными словами, все образы в ее свете равно реальны и нереальны, имеют характер фантомов или, как говорили в Китае, «переменчивой иллюзии» (бянь хуань). Но этой иллюзии не противостоит некий реальный мир,

поскольку фантомный субстрат опыта воплощает событийность мира и принадлежит первозданному динамизму самой жизни.

Как всеобщее соответствие в акте саморазличения или бездна мирового резонанса центрированность определяет все моменты мирового процесса, воплощает то самое «великое пособление» (Лао-цзы) [Дао-Дэ цзин, 2019, с. 504], в котором восстанавливается полнота всякого существования. В человеческой практике она предстает уравновешенностью отсутствия и присутствия, действия и бездеятельности. Мудрый умеет сочетать то и другое, просто «следуя моменту», — поведение настолько естественное, что оно не требует размышлений, да и не может иметь в них основание. Но центрированное действие предполагает стяжение к центру, возвращение к началу всего в круговороте присутствия и отсутствия, покоя и движения. Опять-таки, как уже отмечалось, возвращение означает возобновление всего, так что мудрый в конце концов утверждает свое присутствие в актуальности существования, он вечно возвращается не только в начало мира, но и в мир как таковой. Даосу Чжан Саньфэну, легендарному основоположнику «внутренних школ» боевых искусств, принадлежит фраза: «Кто движется поступательно, тот простой человек. Кто движется возвратным ходом, тот небожитель. В пространстве центрированности поверни вспять движение вспять» [Zhang Sanfeng, 2014, p. 176].

Ритуал, не уставали повторять китайцы, требует ценить согласие. Это означает, что китайская мысль допускает бесконечное разнообразие индивидуаций, но рефлексия в ней призвана удостоверять априорное присутствие события, соответствия, изначальную сообщительность, синергийную совместность всего и вся. В свете центрированности чем больше индивид самодостаточен, полон в себе, тем больше он принадлежит миру: отношение сущностно этическое. И какой бы утонченной ни была опознанная нами центрированность, в ней всегда таится еще более безусловное согласие или, говоря конкретнее, еще более тонкий разрыв в сопряжении сил. Поэтому центрированность утверждает присутствие в опыте, во-первых, бездонной глубины и, во-вторых, дихотомии «еще не проявленного» и «уже проявившегося» измерений существования. Эта двухслойная структура бытия определила понимание человеческой практики в китайской культуре.

Китайский мыслитель, таким образом, всегда является восприемником традиции, поскольку ему предписывается только следовать Изначальному, наследовать заветам древних, ходить по следам предков. Он может смело идти наперекор мнениям света и даже жертвовать жизнью ради морального идеала, но он не мыслит себя вне вечного порядка мира и несет ответственность за него. В истории Китая он выступает в незнакомом Европе образе нонконформистского консерватора: маргинала и чудака, оберегающего тайну вечнопреемственности бытия. Важным следствием описанной здесь этической ситуации было нераздельное единство знания, морального авторитета и власти. К этому счастливому союзу естественно добавлялись богатство, здоровье и радость жизни.

Откуда проистекает убеждение китайских учителей нравственности в том, что человек осуществляет свое жизненное призвание именно в соотнесенности, совместности с другими людьми? Интеллект, опирающийся на субъек-

тивную рефлексию, бессилен разрешить эту загадку. Китайская же мудрость исходит из первичной данности или даже, лучше сказать, за-данности жизненного опыта, которая есть наше телесное присутствие в мире. И в Европе некоторые философы — например, М. Мерло-Понти — замечали, что первый проблеск сознания связан с восприятием: мы впервые ясно осознаем свое существование в тот момент, когда касаемся себя рукой (случайно ли китайцы традиционно приветствовали друг друга поклоном со сложенными руками?). Самопознание, «возвращение к себе» всегда дает опыт опознания того, кто «пришел прежде меня» — и вечно пребудет. Однако европейские авторы в силу привычки к интеллектуальному анализу часто не обращают внимания на эту глубину жизненной интуиции и сводят акт познания к воздействию активной воли на пассивный объект, вступая в противоречие с собственной посылкой о том, что сознание рождается в опыте встречи, соприкосновения. Китайская мысль такой ошибки не делала. Для нее прикосновение и в широком смысле восприятие, точнее восприимчивость, есть условие сознания. Подлинное прикосновение есть именно со-прикосновение, которое требует свести на нет субъектность и приносимое ею насилие, соблюсти равенство во взаимном уступлении и, следовательно, добиться идеального равновесия сил в точке «центрированности», т. е. динамического покоя взаимности.

Философема (со)прикосновения указывает на основу «небесного гуманизма» по-китайски, каковая есть «упрямый факт» нашего присутствия в мире. Заданность или, как еще говорят, инвариант этой текучей основы опыта не поддается тематизации, но служит источником уверенности в подлинности существования. И чем меньше мы сознаем эту реальность, тем крепче наша уверенность в том, что мы воистину есть!

Некоторые выводы

Даже беглое знакомство с китайской картиной мира позволяет убедиться в ее поразительной и притом очень жизненной целостности. Все стороны знания и практики в Китае, от психологии до политики и космологии, имеют общее методологическое основание, общий язык и как бы преломляются друг в друга, отражаются друг в друге, подобно граням одного вселенского кристалла. Это единство, как мы уже знаем, коренится в принципе событийности существования. Познание его исторических форм и последствий во всем их разнообразии — важное задание современного академического китаеведения. Мы уже знаем и трудности, сопутствующие изучению такой мировоззренческой конфигурации. Главная из них — отсутствие четкой артикуляции подобного взгляда на мир. В основании последнего лежит интуиция соотнесенности вещей в моменте их трансформации, что выдвигает на первый план мотив духовного просветления и притом открываемого внутри самой жизни. Подобно тому, как «человеческое» в китайской картине мира достигало завершения в «небесном», последнее неизменно тяготело к слиянию с «человеческим», и эта тенденция грозила упразднением автономии мысли необходимой для выработки теоретического знания. Философия в Китае была обречена раство-

риться в стихии повседневности. Высшее знание в китайской традиции равнозначно следованию самой жизненности жизни, которое в своей высшей точке, в мгновении вселенского Начала, «предвосхищения всего» даровало способность изнутри самой жизни направлять ход событий. Вот тайна глубинного единства начал и концов китайского мира.

В грандиозной, почти хаотически спутанной и бесконечно разнообразной сети вещей, каким предстает мир в китайской традиции, крайне трудно выделить устойчивые темы или образы, которые могли бы служить отправной точкой исследования. Здесь приходится полагаться на объективно данные форматы знания и практики. В конце концов все люди рождаются, растут, познают мир, трудятся, создают семьи, живут в обществе и т. д. Китайцы, как уже говорилось, умели с детской непосредственностью и смирением принимать жизнь как она есть в ее спонтанном течении. Задача современного исследователя состоит в том, чтобы выявить основные грани китайского мировоззрения, проследить их историческую эволюцию в разнообразии их вариаций и внутренних противоречий и раскрыть связь корней и верхушек единого древа китайской цивилизации, притом что сущность и декорум, глубина и поверхность, «исток» и «исход» в китайском мировосприятии, как свидетельствует уже первое изречение «Дао-Дэ цзина», нераздельны и даже равноценны. Впрочем, и то верно, что ризома и листва дерева продолжаются друг в друге и что они равно ценны и прекрасны в их загадочном двуединстве спутанности и рассеяния.

В заключение заметим, что системная целостность китайского мировоззрения наглядно представлена в древнейшем каноне Китая, носившем примечательное название «Книга Перемен» (И цзин). В этом памятнике мы находим своего рода математическую матрицу мировых превращений, а также характерный для философии событийности иносказательный язык, которые легли в основу решительно всех видов знания и практики в Китае. Примечательно и то, что «Книга Перемен» дает знание всецело практическое. Речь идет о знании правильного действия в разных жизненных ситуациях. И это лучшее свидетельство почитания жизни в китайской манере: почитания сдержанного, благоразумного и учащего радоваться жизни такой, какая она есть.

Библиографический список

Дао-Дэ цзин. Книга о пути жизни. Перевод В.В. Малявина. М.: Феория, 2010.

Малявин В.В. Имманентная трансценденция в философии Запада и Китая // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 169—181. DOI 10.21146/0042-8744- 2021-5-169-181.

Малявин В.В. Евразия и всемирность. М.: РИПОЛ классик, 2015. 352 с.

Малявин В.В. Китайский этос, или Дар покоя. Иваново: Роща, 2016.

Малявин В.В. Сумерки Дао. Китайская культура на пороге Нового времени. М.: АСТ, 2019.

Малявин В.В. Феномен телесного знания в философии и культуре Китая // Вопросы философии. 2019. № 8.

Рерих Н.К. Предисловие в: Хейдок А.П. Звезды Маньчжурии. М.: Сфера, 2001.

Чжуан-цзы. Даосские каноны в переводе В.В. Малявина. Философская проза. Кн. 2. Ч. 1, 2. Иваново: Роща, 2017.

References

Acharya, A., Buzan B. (2009). Non-Western International Relations Theory. Perspectives On and Beyond Asia. London: Routledge.

Dao-De jing. Moscow: Theoria, 2019 (in Russian).

Dong, Qichang 董其昌 (2012). Gudong shisan shuo 古董十三说 (Thirteen Tales on Antiquarian Objects). Beijing: Zhonghua. p.118.

Jin, Jingfang 金景芳; Lü Shaogang 吕绍纲 (1991. Zhouyi quanjie 周易全解 (Complete Explanation of Zhouyi). Changchun: Jilin daxue, 1991.

Maliavin, V. V. (2019). Twilight of the Dao, AST, Moscow. (in Russian).

Maliavin, V.V. (2016). Kitaiski etos, ili dar pokoia (Chinese Ethos, or the Gift of Calmness). Ivanovo: Roscha (in Russian).

Maliavin, V. V. (2021). Immanentnaya transtsendentsiya v filosofii Zapada i Kitaya [Immanent transcendence in the philosophy of the West and China]. Voprosy filosofii. 2021. № 5. S. 169—181. (In Russian). DOI 10.21146/0042-8744-2021- 5-169-181.

Maliavin, V.V. (2015). Evraziya i vsemirnost' [Eurasia and worldwide]. Moscow: RIPOL klassik, 352 s. (In Russian).

Neville, R.C. (2008). Ritual and Deference: extending Chinese philosophy in a comparative context. Albany: State University of New York Press.

Pye, L. W. (1992). The Spirit of Chinese Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Roerich, N.K. (2001). Preface to: A. Heidog. Zvezdy Manchurii [Stars of Manchuria]. Moscow: Sfera. (in Russian).

Seligman, A.B.; Weller, R.P.; Puett, M.J.; Simon, B. (2008). Ritual and Its Consequences. An Essay on the Limits of Sincerity. Oxford: Oxford University Press.

Voskressenski, A.D. (2018). Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. London: Palgrave Macmillan.

Yang, Rubin (1993). Daolun, in: Zhongguo gudai sixiang zhong di qi lun ji shentiguan 中国古代四象中德奇伦机神馆 [Preface to "Theory of qi and the Concept of the Body in Ancient Chinese Thought]. Taipei: Juliu.

Zhang, Sanfeng 张三丰 (2014). Taiji danjing 太极丹经 [Canons of Taiji Elixir]. Haikou: Hainan.

Zhuang-zi (2017). Daosskie kanony v perevode V.V. Maliavina. Philosopical Prose. Ivanovo: Roscha, Book 2, pp. 1—2. (in Russian).

Maliavin, V.V. (2019). Fenomen telesnogo znania v filosofii i culture Kitaya [The Phenomenon of corporeal knowledge in Chinese philosophy and culture]. Voprosi filosofii, 2019, № 8 (in Russian).

Maliavin, V.V. (2019). Sumerki Dao (Twilights of the Dao). Moscow: AST (in Russian).

DOI: 10.48647/ICCA.2022.31.11.007

В.Б. Виногродская

«Оживление древних книг» в современном информационном пространстве

Аннотация. В последние годы при реализации комплексного национального «Плана сохранения китайских древних книг» (с 2007 г.) всё большая важность придается «воспроизводимому сохранению» (再生性保护 цзайшэнсин баоху) древних книг, под которым прежде всего подразумеваются цифровизация и популяризация наследия текстуальной культуры, поражающей своими огромными объемами, разнообразием и длительной историей. В статье дается развернутое определение термина «древние книги» (古籍 гуцзи) и описаны основные направления и каналы популяризации, а также их трансформации в современном информационном обществе в контексте «Национального планирования работы с древними книгами на 2021—2035 гг.». Особое внимание уделяется издательским практикам и приоритетным научно-популярным издательским проектам, телевизионным форматам (ток-шоу, документалистика) и медиакампаниям с использованием высокотрафиковых платформ, а также негосударственным проектам (платные образовательные приложения). Показано, как древние книги становятся самостоятельной темой с собственной риторикой, организующей дискурс в медиа и опирающейся на понятие «практического использования» (利用 лиюн) и метафору «оживления древних книг» (古籍活化 гуцзи хохуа). На этом материале видно, что популяризация древних книг в наши дни все дальше выходит за рамки школьной литературы как для массового телезрителя, так и для нишевой аудитории интеллектуалов, занимающихся самообразованием. В медийное поле попадает все больше текстов во все более разнообразных контекстах. В отдельных областях (книгоиздание и телевидение) не теряют актуальности старые проверенные способы, в других (музейные и библиотечные мероприятия, просветительская деятельность) происходит ускоренная адаптации под современные медиатренды и форматы, но модификации в связи с цифровизацией и использованием интернета затрагивают любого участника этих процессов.

Ключевые слова: Китай, древние книги, популяризация древних книг, текстуальная культура, медиа, Интернет.

Автор: Виногродская Вероника Брониславовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: vinogrodskaya@iccaras.ru

Veronika B. Vinogrodskaya

“Revival of Ancient Books” in the Current Information Space

Abstract. In recent years, in the process of implementation of the comprehensive national Chinese Ancient Books Preservation Plan (since 2007) more and more importance has been attached to the “reproducible preservation” (再生性保护 zaishenxing baohu) of ancient books, which primarily means digitalization and pro-

motion of the national textual heritage — a vast and diverse Chinese textual culture with a long and rich history. The article gives a detailed definition of the term “ancient books” (古籍 guji) and describes the main directions and promotion channels, as well as their transformation in the modern information society in the context of the 2021—2035 National Master Plan for the Preservation of Ancient Books. Particular attention is paid to publishing practices and key publishing projects in the area of popular edition of classics, television formats (reality shows, documentaries) and media campaigns on high-traffic platforms, as well as non-governmental activity (paid educational applications). It is shown how ancient books became an independent topic with their own rhetoric that organizes discourse in the media with the concept of “utilizing”, “making use of” (利用 liyong) and the metaphor of “revival of ancient books” (古籍活化 guji huohua). All these examples and cases show that promotion of ancient books today tends to go beyond school syllabus both for the mass television audience and for the niche audience of intellectuals engaged in self-education. More and more texts in more and more diverse contexts are entering the media space. While the traditional promotion methods do not lose their relevance in some areas (book publishing and television), other areas (museum and library events, educational activities) rapidly adapt to modern media trends and formats, but on the whole changes due to digitalization and the internet use affect anybody involved in these processes.

Keywords: China, ancient books, promotion of ancient books, textual culture, media, internet.

Author: Vinogrodskaya Veronika B., Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E mail: vinogrodskaya@iccaras.ru

Термин «древние книги» (古籍 гуцзи)[1] используется в Китае в текстологии, библиотековедении, шире в истории культуры и повсеместно в медиа при обсуждении темы классических и древних текстов. В нем отражается противопоставление современной культуры и текстуальной культуры предшествующих исторических периодов. Переход к современности не был одномоментным, прямолинейным и гладким, но очевидной историко-политической вехой служит Синьхайская революция 1911 г., ознаменовавшая конец императорского Китая, поэтому в первом приближении к древним книгам относят рукописные или печатные книги, изданные до 1912 г. по традиционным технологиям. Вверху границы могут раздвигаться на период Китайской Республики, вплоть до образования КНР в 1949 г. — для произведений, написанных в традиционных жанрах, на вэньяне и изданных по традиционным технологиям брошюровки и печати. Помимо бумажной продукции двух последних тысячелетий сюда же причисляют ранние рукописи на бамбуке, дереве и шелке. В рассмотрение также включаются немалые текстовые корпусы, не являющиеся книгами, но составляющие неотъемлемую часть китайской текстуальной культуры, — инскрипции, начиная с ранних гадательных надписей на панцирях и костях и на бронзе, а также тексты, вырезанные на камне, преимущественно на стелах и скалах — от так называемых каменных барабанов [Дмитри-

[1] В современном китайском — это не словосочетание, а одно слово.

ев, 2022, с. 274—292] до «каменных канонов» [Виногродская, 2013, с. 19—28]. Помимо текстов на китайском языке, к древним книгам относят тексты на других языках (манчжурский, монгольский, тибетский, ицзу, дай и др.), написанные и изданные в Китае, но обычно их выделяют в отдельную категорию, так как они требуют специального образования и навыков для работы с ними.

В современных подсчетах древние книги принято считать счетными словами для произведений — 部 бу, 种 чжун. Это может быть и короткое сочинение в несколько тысяч иероглифов («Дао дэ цзин» 道德经 порядка 5000 иероглифов) и огромное собрание в миллионы иероглифов (всеобщая история «Цзы чжи тун цзянь» 资治通鉴, охватывающая период с 403 г. до н.э. до 959 г. — порядка 3 млн 300 тыс. иероглифов). Обычно одна книга издавалась в нескольких томах — 册 цэ[1]. Соответственно весь массив дошедших до наших дней и хранящихся в Китае древних книг оценивается с 2013 г. приблизительно в 3 млн книг в 30 млн томах, из которых подавляющее большинство, более 2 млн 700 тыс. книг находится в государственных и университетских библиотеках [Du Yu, 2019], а общий объем традиционной текстуальной культуры еще более приблизительно оценивается в 500 тыс. индивидуальных текстов и устойчивых текстовых единств [Bin Yang, 2022]. Замечательно, что известный корпус древних книг остается открытым и продолжает пополняться благодаря археологическим открытиям и даже неожиданным находкам в фондах библиотек.

Вряд ли стоит относиться к приведенным цифрам как к точным данным, но они позволяют составить общее представление о масштабах явления, так как получены в результате огромной практической работы по постановке на учет и каталогизации древних книг в рамках реализации «Плана сохранения китайских древних книг» (с 2007 г.) [10-летняя годовщина..., 2017][2]. Он стал первым комплексным проектом сохранения древних книг национального уровня с начала основания КНР и до сих пор остается руководящим документом в работе с древними книгами по следующим направлениям: поиск и постановка на учет, реставрация и сохранение, обработка и издание, цифровизация, воспитание кадров, популяризация. В апреле 2022 г. Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета обнародовали «Рекомендации по продвижению древних книг в новую эпоху» [Канцелярия ЦК КПК..., 2022], в которых подводятся основные итоги, уточняются текущие приоритеты и цели. В настоящее время работа по поиску и учету в основном завершена, насущными задачами остаются создание надлежащих условий хранения и воспитание

[1] В традиционных каталогах, начиная с начала нашей эры и вплоть до XX века, использовалась единица «свиток» (卷 цзюань). С течением времени свиток перестал быть основной формой книжной продукции, а термин продолжал использоваться уже как внутритекстовое деление, скорее как «часть», «раздел», без жесткой привязки к небольшим томикам 册, в которых обычно осуществлялось книгоиздание. Впрочем, и сейчас возможно встретить иероглиф 卷 в значении «том».

[2] Подробный общий обзор реализации «Плана» с точки зрения библиотековедения см.: Барышева Е.А. Программы сохранения национального книжного наследия в библиотечной политике Китайской Народной Республики // Библиотековедение. 2020. Т. 69. № 1. С. 73—84; Обзор с акцентом на цифровизацию см.: Виногродская В.Б. 15 лет реализации «Плана сохранения китайских древних книг» (2007—2022) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6.

кадров (особенно реставраторов), не теряет своего значения цифровизация, а на первый план выдвигается популяризация и использование древних книг.

В октябре 2022 г. вступило в силу разработанное Руководящей группой общенационального планирования обработки и издания древних книг[1] «Национальное планирование работы с древними книгами на 2021—2035 гг.» [2021—2035 nian..., 2022] (далее «Планирование»). В этом документе описаны конкретные задачи и проекты по главным направлениям работы «сохранения, обработки, издания и использования древних книг». По семи основным рубрикам распределены 40 приоритетных проектов, а в отдельном Приложении расписана первая партия из 421-го издания, намеченных в рамках этого документа. Пятая рубрика «Проекты популяризации и распространения ресурсов древних книг» [Там же, С. 11—12.] включает в себя такие направления, как 1) научно-популярные издания древних книг; 2) «декламация классических произведений» и интерактивные мероприятия типа конкурсов; 3) выставочная деятельность; 4) просветительская деятельность; 5) мероприятия по линии традиционной «сушки книг на солнце»; 6) «разъяснение культуры иероглифов».

С одной стороны, классическое наследие — не самая востребованная в массовой культуре тема, с другой, вэньянь и классика разных периодов являются частью школьной экзаменационной программы и привычным предметом национальной гордости. В современном информационном пространстве древние книги представлены в самых разных форматах (от книг до видео) и в большом разнообразии, полные тексты в большинстве своем доступны практически бесплатно в интернете. И благодаря школьному образованию они также вполне доступны с точки зрения языка, хотя почти любой такой текст и требует определенных усилий со стороны неподготовленного читателя. То есть, популяризация ведется в условиях, когда мир древних книг находится буквально в паре кликов и практически неистощим, благодаря огромным объемам, разнообразию и длительной истории китайской текстуальной культуры. В направлениях, выделенных в «Планировании», появляются как очевидные и традиционные для подобных планов пункты, так и неожиданные формулировки, в которых отражается культурно-специфическое содержание («декламация классики») в сочетании со своеобразием современного информационного пространства («сушка книг на солнце»).

Научно-популярные издания (пункт 1 в «Планировании») выглядят достаточно ожидаемо для китайских издательских практик, начиная с прошлого века. Например, первый из шести приоритетных проектов — книжная серия «Сто классических сочинений китайской традиционной культуры» [Zhonghua chuantong...] Чтобы облегчить восприятие широкой читающей публике, необходимо преодолеть такие препятствия, как полная иероглифика, вэньянь, вертикальная верстка, отсутствие знаков препинания. Поэтому осуществляется полная обработка (整理 чжэнли) текста, добавляются перевод на современный китайский язык и необходимые примечания. В результате используется следующая структура издания: общее культурно-историческое введение (导读 дао̀ду), основной текст (原典 юаньдянь) упрощенными иероглифами, необхо-

[1] Quanguo guji zhengli chuban guihua lingdao xiaozu 全国古籍整理出版规划领导小组.

димые примечания (注释 чжуши) и развернутая оценка (点评 дяньпи). Такой формат не сильно отличается от школьных учебников и со второй половины прошлого века стал вполне привычным для читателя. Начиная с 2017 г. в «Издательстве Национальной библиотеки Китая»[1] и «Научном издательстве»[2] уже вышло 50 книг [Чжунхуа чуаньтун..., 2022] этого проекта. Издание ведется не в хронологическом порядке, и не все тексты издаются в полных версиях: «Шан шу» (尚书 Шан шу) — целиком, а «Записки историка» (史记 Ши цзи) — в выдержках, «Чжуан-цзы» (庄子 Чжуан-цзы) — целиком, а «Мо-цзы» (墨子 Мо-цзы) — в выдержках. В Планировании предложен и комплекс мероприятий по продвижению издания в более чем 2000 тыс. публичных библиотек, более чем 1300 вузовских библиотек и в интернете — чтобы древние книги «действительно популяризовались, пришли к людям и получили их признание».

«Обратиться лицом к широким массам» стремятся и авторитетные академические издательства письменных памятников, например издательство «Чжунхуа шуцзюй» 中华书局 [Zhang He, 2022], которому в 2022 г. исполнилось 110 лет. Помимо академических изданий классики здесь также выпускаются издания в упрощенной иероглифике, в сопровождении перевода на современный китайский язык и комментариев популярного характера. Помимо «ориентированного на широкие массы «Чжунхуа шуцзюй»», в том же духе «воспроизводимого сохранения»[3] начиная с 2015 г. строится «онлайн «Чжунхуа шуцзюй»». В сентябре 2022 на портале «Цзи хэ ван» 籍合网 (URL: www.ancientbooks.cn) зарегистрировано 220 тыс. пользователей и предоставляется доступ к более чем 30 крупных полнотекстовых баз данных древних книг порядка 4 млрд иероглифов[4]. Также функционирует Центр хранения и анализа больших данных на более чем 7 млрд иероглифов, который главным образом используется для машинного глубокого обучения и тренировки искусственного интеллекта. В настоящее время интеллектуальная система обработки древних книг, разработанная «Чжунхуа шуцзюй»[5], умеет автоматически расставлять знаки препинания, отмечать имена людей и топонимы, находить цитаты, распознавать виды письменности, что значительно ускоряет и упрощает обработку текстов древних книг для издания при сохранении высоких стандартов работы с текстами, которыми знаменито это издательство [Zhang He, 2022; Chen Xue, 2022].

Телевидение также остается относительно привычным и консервативным медиа. Так, довольно мало изменилась «Трибуна ста школ» 百家讲坛 (анг. Lecture Room), старожил Центрального ТВ. Эта телепрограмма в формате лекционных курсов по истории, литературе, культуре выходит с 2001 г. и в свое время потрясла Китай тем, как университетские преподаватели и ученые

[1] Guojia tushuguan chubanshe 国家图书馆出版社.

[2] Kexue chubashe 科学出版社.

[3] Zaishengxing baohu 再生性保护.

[4] Подробнее об этом портале, запущенном издательством «Чжунхуа шуцзюй»: Виногродская В.Б. 15 лет реализации «Плана сохранения китайских древних книг» (2007—2022) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6.

[5] Guji zhineng chuli xitong 古籍智能处理系统.

на волне «бума отечественной науки» (guoxue re 国学热)[1] вдруг, буквально «на глазах» стали превращаться в телезвезд и авторов бестселлеров. За 20 лет студия стала ярче, трибуна внушительней и декоративней, а лекции теперь сопровождаются красочными материалами на большом экране и кинематографическими вставками, но основной концепт остался прежним — лектор-ученый на трибуне и лекция приблизительно на 40 минут. Передача продолжает ориентироваться на прежние идеалы: «Пусть эксперты, ученые служат народу», создавая мост, по которому эксперты, ученые могут пройти к простому народу и «популяризовать превосходную традиционную китайскую культуру». Однако темы за это время стали заметно более разнообразными. В 2022 г. из семнадцати курсов лекций девять основаны непосредственно на литературных памятниках, например курс из 30-ти лекций по знаменитому медицинскому «Внутреннему канону Желтого Императора», семь лекций (вторая часть), продолжающих тему поэзии в «Сне в Красном тереме» или 15 лекций углубленного разбора поэтического творчества Синь Цицзи 辛弃疾 (1140—1207)[2]. По телевидению как на центральных, так и провинциальных каналах, также вполне успешно идут реалити-шоу, так или иначе соприкасающиеся с темой древних книг. Например, уже седьмой сезон (с 2016 г.) успешно выпускается и держит рейтинги «Конгресс китайской поэзии»[3].

В последние годы тема древних книг все ярче выделяется из общего фона госюэ. В 2020 г. вышел документальный киносериал «Записки о воскрешении древних книг»[4]. Шесть 25-минутных серий рассказывают о десяти специалистах по реставрации, занятых своим делом, на своем рабочем месте. «В их глазах каждый кусочек бумаги обладает собственной жизнью», им важно «приложить все силы, чтобы спасти эти древние книги, пережившие столько исторических перипетий, снова даровать им жизнь [Mu Duo, 2022]. В 2021 г. выходит в том же формате 5-серийный фильм «Наука в аллюзиях»[5], который драматически представляет, практически воспроизводит и объясняет с научной точки зрения широко известные исторические аллюзии. Например, история из романа «Троецарствие»: можно ли лодками с соломенными чучелами за три дня собрать 100 тыс. вражеских стрел, как Чжугэ Лян[6] (серия 1); или действительно ли семилетний Сыма Гуан (1019—1086), будущий автор исторического труда «Цзы чжи тун цзянь», был в состоянии разбить огромный глиняный чан, чтобы спасти упавшего туда сверстника, как об этом до сих пор рассказывают

[1] Другие переводы: «китаистическая горячка» (А.И. Кобзев), «увлечение национальной культурой» (Н.В. Пушкарская). Подробнее о понятии госюэ и об «отечественной науке» на ТВ см.: Виногродская В.Б. «Бум телевизионного госюэ» — от образовательных программ к развлекательным шоу // Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация. Тезисы докладов XXI—XXII Всероссийских конференций. Москва, 2015—2016 гг. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 152—158.

[2] Полный список лекций последних лет см. на портале 百度: URL: https://baike.baidu. com/item/%E7%99%BE%E5%AE%B6%E8%AE%B2%E5%9D%9B/167 (дата обращения: 15.11.2022).

[3] Zhongguo shici dahui 中国诗词大会.

[4] Gushu fuhuo ji 古书复活记.

[5] Diangu li de kexue 典故里的科学.

[6] Cao chuan jie jian 草船借箭 [перен. хитростью воспользоваться чужими ресурсами].

китайским детишкам (серия 4). В той же стилистике с драматическими костюмированными вставками и анимацией, но с длиной серий уже в 50 мин, решен 6-серийный документальный сериал о бытовой переписке — «В письмах читая Китай»[1] (2021 г.), подробно рассказывающий о 30-ти древних письмах на бамбуковых планках, деревянных цилиндрах и на бумаге, написанных как знаменитыми историческими персонажами и классиками, так и совершенно неизвестными корреспондентами.

Переломным моментом можно считать 2021 г., когда на первом канале Центрального телевидения в самое рейтинговое время выходит дорогое зрелищное полноформатное шоу с использованием всех технологических и драматических возможностей. В феврале 2021 г. начинается трансляция 11-серийного ток-шоу «Китай в классических книгах»[2], которое снималось в сотрудничестве с Национальной библиотекой Китая (далее НБК) как живой «диалог древности и современности». В каждом 95-минутном выпуске, посвященном отдельному произведению, наш современник, популярный телеведущий Са Бэйнин 撒贝宁 (род. 1976 г.) с приглашенными учеными переносится в прошлое и беседует в драматизированном костюмированном действе с авторами избранных произведений в исполнении известных актеров[3]. К августу 2021 г. количество просмотров проекта в интернете превысило 140 млн, и он стал широко обсуждаемым топиком в социальной сети Weibo (более 700 млн прочтений). Второй сезон[4] начался в сентябре 2022 г. при участии представителей Института истории Китая, НБК, Китайского государственного драматического театра, Музея изобразительных искусств Китая, также на первом канале Центрального телевидения и по той же формуле: «просветительское интервью + драма + кинематографизация» в категории «история», «реалити шоу». К осени 2022 г. «Китай в классических книгах» бьет рекорды для программ этого жанра — более 6 млрд просмотров видео и прочтений по теме в сети [Zongtai daxing..., 2022].

В целом, популяризация древних книг в книгоиздании и на ТВ разворачивается по наработанным схемам, сохраняя преемственность с привычным госюэ и в не менее привычном духе вездесущей пропаганды «превосходной традиционной китайской культуры», но с постоянным улучшением качества картинки, компьютерной графики и ростом разнообразия содержания (с качеством — уж как повезет). Но в последние годы тема древних книг обзаводится собственной риторикой, организующей дискурс в медиа. Ведущими здесь являются два лексических гнезда 1) 利用 лиюн — «использовать», но с акцентом на практическую полезность для каких-либо целей, то есть в значении «извлечь пользу», «поставить на службу» и 2) 活化 хоуха — «оживить». Лиюн воспринимается как нейтральная лексика и скорее тяготеет к офици-

[1] Shujian yue zhongguo.

[2] Dianji li de Zhongguo 典籍里的中国.

[3] Произведения первого сезона: 1)《尚书》, 2)《天工开物》, 3)《史记》, 4)《本草纲目》, 5)《论语》, 6)《孙子兵法》, 7)《楚辞》, 8)《徐霞客游记》, 9)《道德经》, 10)《周易》, 11)《传习录》.

[4] Произведения второго сезона: 1)《永乐大典》, 2)《汉书》, 3)《礼记》, 4)《诗经》, 5)《越绝书》, 6)《文心雕龙》, 7)《齐民要术》, 8)《水经注》, 9)《说文解字》, 10)《茶经》.

альным документам и высказываниям: «Рекомендации по продвижению древних книг в новую эпоху» 2022 г. требуют «ускорить переключение на использование ресурсов древних книг»; в докладе о работе правительства 2022 г. также говорится об «усилении использования в сохранении памятников культуры и древних книг и преемственности в сохранении духовного наследия» [Rang Zhonghua wenmai..., 2022].

«Оживление древних книг»[1], наоборот, воспринимается как яркая метафора, которая высоко варьируется, обыгрывается и часто всплывает в новостным заголовках. Первоначальная версия звучит как призыв «Пусть оживает ... написанное в древних книгах»[2] и является цитатой из выступления Си Цзиньпина на XVIII съезде КПК 2012 г.: «В ходе реализации китайской мечты... ...пусть оживают реликвии в музеях, памятники на просторах и написанное в древних книгах, пусть китайская цивилизация идет общим путем с замечательными и неповторимыми цивилизациями, созданными по всему миру, чтобы дать человечеству правильное духовное руководство, служить мощным духовным стимулом». Постепенно метафора оживления становилась все более распространённой и сейчас используется в самых разных контекстах — музейные выставки, популярные издания, просветительская деятельность, сувениры и тематический мерч, медийные проекты — все, что увеличивает доступность древних книг, их заметность в информационном пространстве, интерпретируется в рамках курса на «оживление» и «использование». Например, НБК по линии «оживления» выпускает брелоки для ключей со знаками зодиака с древнейших гадательных инскрипций, магнитики на холодильник с отрывками из «превосходных экземпляров»[3] конфуцианского трактата «Сюнь-цзы» или футболку с креативным принтом великих драматургов-современников — Тан Шицзу 汤显祖 (1550—1616) и Шекспира (1564—1616) [Lai Rui, 2022]. Традиционные музейные мероприятия также организуются и продвигаются в этом духе. Так, в 2019 г. в Чэнду (пров. Сычуань) открыл двери первый в КНР Музей реставрации древних книг и текстов площадью в 1100 кв. м., на территории которого обустроена демонстрационная зона полного процесса реставрации из двадцати шагов — от изготовления клея до процесса переплета [Xie Jiao, 2019]. Вообще мастер-классы, кружки и курсы по реставрации, изготовлению эстампов, ксилографической печати и другим традиционным технологиям книгоиздания проводятся повсеместно.

В духе «оживления» подается и «сушка книг на солнце», выделенная в отдельную категорию в пункте 5 рубрики «Популяризации» в «Планировании». На праздник Двойной Семерки (вечер 7-го числа 7-го месяца по лунному календарю), когда встречаются разлученные супруги и разделённые Млечным Путём звезды «Пастух» и «Ткачиха», который в 2022 г. пришелся на 4 августа, НБК организовала прямой эфир церемонии открытия серии мероприятий

[1] Huohua guji 活化古籍.

[2] Shuxiezai guji li de wenzi dou huoqilai 书写在古籍里的文字都活起来 [Эта цитата, в частности, заявлена как главная тема пункта 3 о выставочной деятельности в «Планировании»].

[3] Shanben 善本 — термин, используемый в библиотековедении и книжной реставрации.

под названием «Вместе высушим книги на солнце»[1] из «Зала памяти инскрипций на панцирях и костях»[2] своего Музея древних книг с участием и директора, и заместителя директора НБК. Шесть учреждений в формате стрима представили жемчужины своих фондов. Нанкинская библиотека «возродила» блюда из «Сна в красном тереме», а труппа молодых актеров Театра северной оперы куньцюй [3] показала традиционную постановку о силе любви. НБК представила семь редких ценных изданий из своих фондов, в том числе, например, одну из ранних рукописей «Сна в красном тереме» с «критическими замечаниями» (pingdian 评点) Чжи Яньчжая[4], с подробным показом процесса реставрации со всеми трудностями, с которыми столкнулись специалисты. «Сушку книг на солнце» НБК совместно со специализированными учреждениями по всей стране осуществляют в течение 4-х лет, начиная с 2019 г. Уже проведено более трехсот комплексных мероприятий выставочно-просветительского характера с участием более двухсот государственных организаций, широкой публике было представлено несколько сотен ценных древних книг [Zhang Mei, 2022].

На популяризацию древних книг в обществе сильное влияние оказывают современные тенденции в медиа. Общее число интернет-пользователей в Китае к концу июня 2022 г. превысило 1 млрд, подавляющее большинство выходи в сеть через мобильные устройства, и метафора оживления также хорошо вписалась в логику эпохи соцсетей, с ростом разнообразия и фрагментации медиасреды, пересечением аудиторий больших и малых каналов книг [Назаров, 2018, с. 54], одновременным использованием множества платформ, форматов и каналов для продвижения контента, вовлечением аудитории в активное взаимодействие. Мероприятия проводятся как медиакампании, задействующие самые неожиданные сочетания, возможные в медийной среде.

В 2022 г. ярким событием стал стрим на TikTok из пекинского музея Гуаньфу[5] с участием известных медийных личностей. Основатель музея и популяризатор китайской культуры Ма Вэйду[6], заместитель директора НБК Чжан Чжицин 张志清, знаменитая журналистка и медиаменеджер Хун Хуан[7], заместитель гендиректора ByteDance[8] Чжан Юй[9] встретились за столом, уставлен-

[1] Yiqi shai shu ba 一起晒书吧. Shai shu 晒书, букв. «выставить книги на солнце», перен. «выставлять напоказ свою эрудицию». Аллюзия на случай, отраженный в «Новом изложении рассказов мира» (Shi shuo xin yu 世说新语) Лю Ицина (403—444).

[2] Jiaguwen jiyi zhangting 甲骨文记忆展厅.

[3] Beifang kunqu juyuan 北方昆曲剧院.

[4] Zhi Yanzhai chongpin shitou ji 脂砚斋重评石头记.

[5] 观复博物馆 Гуаньфу боугуань — первый частный музей в Китае, открыт в 1996 г. Портал URL: http://www.guanfumuseum.org.cn/ (дата обращения: 15.08.2022).

[6] Ma Weidou 馬未都 (p. 1955) — коллекционер, эксперт по оценке антиквариата, основатель и директор музея Гуаньфу.

[7] Hong Huang 洪晃 (p. 1962) — американско-китайская телеведущая, писательница, актриса, блогер, деятель СМИ, издатель журнала о моде iLook.

[8] ByteDance (Zijie tiaodong 字节跳动) — китайская частная холдинговая интернет-компания, основана в 2012 г., владеет платформами для обмена видео TikTok и Xigua, новостными агрегаторами Toutiao и BaBe, социальной сетью Helo и др. Вместе с Ant Financial и DiDi входит в тройку ведущих «компаний-единорогов» Китая.

[9] Чжан Юй 张羽 (p. 1969).

ным аутентичными древними блюдами, с Чжэн Сухан[1], режиссером 9-серийного документального фильма «Путешествия древних книг во времени и пространстве»[2]. В этом уже не телевизионном, а интернет-проекте серия за серией рассказывается о том, как ученые и художники реставрируют древние книги и переосмысляют их в творческом ключе, например осваивая рецепты знаменитых блюд периода династии Сун (960—1279) — «крабы, забродившие в апельсинах» или «весенние орхидеи, осенние хризантемы». Фильм, в котором хранители древних книг бережно сохраняют и воссоздают наследие, вырос из совместного проекта 2021 г. ByteDance и НБК по подготовке ста реставраторов и реставрации более ста томов обнаруженного в 2014 г. раздела «Озёра»[3] из огромной энциклопедии «Великого свода годов Юн-Лэ»[4]. Прямая трансляция этого пира и беседы о древней культуре еды с аккаунтов участников получила 390 тыс. просмотров, подтверждая слова Чжан Чжицина о том, что «рецепты, генеалогии, одежда в древних книгах близки и интересны современным людям» [Yue Wen, 2022].

Очевидно, что у контента, связанного с древними книгами, есть заметная аудитория в соцсетях. В первом квартале 2021 г. количество просмотров на TikTok коротких роликов по четырем знаменитым романам, 24-м официальным историям, Четырехкнижию и Пяти канонам превысило 60 млрд. В топ-3 зрительских симпатий попали роман «Путешествие на Запад», мифо-географический трактат «Канон гор-морей»[5] и историческое сочинение «Сведения о Троецарствии»[6] в жанрах традиционного художественного пересказа (shuo shu 说书), манги, кино, объяснений, рекомендаций, рецептов блюд и музыки. Тем не менее, «взлетает» в интернете далеко не всё. Летом 2021 г. за разрешение проблемы «узкой аудитории и низкого спроса»[7] взялась компания ByteDance, собственник TikTok, запустив, совместно с НБК, кампанию с тэгом «Поиск хранителей древних книг»[8] сразу на трех высокотрафиковых платформах — TikTok 抖音, Xigua 西瓜 и Jinri Toutiao 今日头条, чтобы «привлекая создателей контента, продвигать оживление древних книг и способствовать трансляции традиционной культуры среди самой широкой публики» [Wang Licheng, 2022]. В первом ударном списке «продвиженцев древних книг»[9] среди девяти представителей разных сфер общественной жизни — заместитель директора НБК и заведующий Центром сохранения и консервации древних книг Чжан Чжицин, реставратор Ду Вэйшэн 杜伟生 (род. 1952 г.), уже несколько десятилетий создающий комиксы по классике Цай Чжичжун 蔡志忠

[1] Чжэн Сухан 郑苏杭 (p. 1987, жен.).

[2] Chuanyue shikong de guji 穿越时空的古籍 — совместный проект видеоплатформы Xigua 西瓜视频 (URL: https://tv.ixigua.com/) и видеоагрегатора Xianshiguang TV (鲜时光 TV).

[3] Hu 湖.

[4] Yongle dadian 永乐大典.

[5] Shanghai jing jing山海经.

[6] San guo zhi 三国志.

[7] Xiaorong er longmen 小众而冷门.

[8] #Xunzhao guji shouhu ren #寻找古籍守护人 // TikTok 抖音, URL: https://www.douyin.com/hashtag/1705433731864648 (дата обращения: 15.11.2022).

[9] Guji xuantuiguan 古籍宣推官.

(род. 1948 г.), ученый и писатель Чжоу Гопин 周国平 (род. 1945 г.), всемирно известная лайфстайл-блогер Ли Цзыци 李子柒 (род. 1990 г.). Несмотря на размах, звездные имена и знание толка в пиар-кампаниях, особого резонанса это начинание не получило, и к концу 2022 г. «продвиженцы древних книг» уже почти отсеяны из поисковиков, тэг используется, но не особо активно, специализированный канал на платформе Xigua в 2022 г не обновлялся[1].

С другой стороны, наблюдаются совершенно независимые от государственной повестки и продвижения (насколько это возможно в КНР) проявления устойчивого интереса к древним книгам. В этом сегменте практически не звучит риторика «Плана» и «Планирования», не задействован крупный бизнес и не пахнет большими деньгами, зато искренняя заинтересованность аудитории проявляется в готовности платить за качественный контент. В Китае, как и во всем мире, сейчас на подъеме образовательные приложения с платным контентом, так называемые «с платой за знания» или «платные знания» 知识付费, и, в основном, это именно приложения, так как китайцы предпочитает выходить в интернет через мобильные устройства. Мне показалось интересным сопоставить два успешных коммерческих проекта с похожими форматами — 得到 (Dedao, анг. самоназвание Get) и 看理想 (Kan lixiang, анг. самоназвание Vistopia)[2]. Оба вышли на рынок в 2015 г. на основе уже сложившихся брендов, получивших известность интернет-проектов, харизматичных создателей[3] и участников. Get загружается со слоганом, в котором используется игра слов и поэтому переводу поддается плохо: «Знания — в Get», или «Знания заключаются в их получении»[4], и позиционирует себя как открытый университет с курсами лекций в основном в виде аудио-подкастов с транскриптами, а также с видео, тематическими колонками, электронными и аудиокнигами, богатым функционалом личных настроек. Экономика, психология, юриспруденция, естественные и компьютерные науки, ведение бизнеса, вплоть до тайм-менеджмента, представлены в курсах и тематических колонках более сотни преподавателей и ведущих. У Get довольно выраженная практическая направленность и сильное стремление попасть в тренды в сочетании с высоким уровнем специалистов и контента. Vistopia предлагает при входе в него «увидеть другую возможность»[5] и позиционирует себя как «центр культуры» онлайн с «концентрированно оригинальными аудио и видео подкастами»[6], реализуя сходные форматы и функционал, но при общей более гумани-

[1] Канал «Новое изложение древних книг» (Guji xin shuo 古籍新说) на Xigua. URL: https://www.ixigua.com/home/984785197491672/ (дата обращения: 15.11.2022).

[2] Если Get (URL: https://www.dedao.cn/ или URL: https://www.igetget.com/) ведет как сайт, так и приложение, то на сайте Vistopia есть только атмосферный ролик и ссылки на скачивание приложений (URL: https://www.vistopia.com.cn/).

[3] О создателе Get, Ло Чжэньюэ 罗振宇 (род. 1973 г.) см.: Брызги из китайской инфосферы: 他们关注什么 (люди-мотивы-тренды-форматы). 7. Ловля черных лебедей // Livejournal. URL: https://weidehua.livejournal.com/190912.html (дата публикации: 09.01 2019).

[4] Полный вариант: «Знание — сила, знания — в Get. Пусть каждый получит из знаний силу! (知识就是力量，知识就在得到。让每个人都能从知识中获得力量).

[5] Kanjian ling yi zhong keneng 看见另一种可能.

[6] Zhuanzhu yuanchuang yin shipin neirong de chupin 专注原创音视频内容的出品.

тарной и академической направленности с уклоном в сторону гуманитарных наук и искусства.

Сохраняя яркую стилистическую индивидуальность, эти приложения содержательно пересекаются во многих областях, в том числе и в теме древних книг, которые в основном представлены в виде «руководства по чтению» или «чтения под руководством» (导读 даоду). Так, в обоих приложениях есть развернутые авторские курсы по «Запискам историка» Сыма Цяня и по «Новому изложению рассказов мира»[1]. При этом «параллельные» курсы подкастов не поверхностны, не шаблонны, оригинальны и не похожи друг на друга. Древние книги могут входить во внутренние топы приложений, например, 52 подкаста по «Запискам историка» Ян Чжао 杨照 в Vistopia, или подкасты Сюн И 熊逸[2] по «Цзы чжи тун цзянь» в Get, хотя монументальное историческое сочинение «Цзы чжи тун цзянь» совсем не подходит для начинающих. Его вообще мало кому удается в наши дни одолеть целиком, но в Get сейчас отлично раскупается второй сезон ежедневных 10-минутных подкастов ценой в 299 юаней, и это только начало, учитывая огромность произведения и подробность изложения.

Работающий с Vistopia Ян Чжао 杨照[3] в 2018 г. заявил «План прочтения китайской оригинальной классики»[4] со слоганом «С вами на 10 лет, прочтем китайскую классику трех тысячелетий», в виде курсов аудио-подкастов с транскриптом по конкретным произведениям в комбинированном хронологическо-тематическим порядке всего запланировано 14 сезонов, 132 произведения, более 1680 выпусков общей ценой сейчас 2772 юаней (отдельно за сезон — 298 юаня) [Wu nian le..., 2022]. В этом году на шестом сезоне, уже «пройдено» 1400 лет классики и, параллельно курсу по истории, который также ведет Ян Чжао, изложение дошло до турбулентных Южных и Северных династий (420—589), периода становления литературного самосознания и активного распространения буддизма. В настоящее время три раза в неделю выкладываются приблизительно 15-минутные подкасты курса «Культура и потрясения буддизма: Северные и Южные династии в десяти классических сочинениях»[5] от знаменитой ранней литературной антологии «Литературный изборник Чжао Мина»[6] до буддийской исторической хроники «Записки монашеских общин-сангхар Лояна»[7]. Сюн И и Ян Чжао — наиболее популярные, но далеко не единственные лекторы по литературным памятникам в данных приложениях. И помимо лекций по

---

[1] Shi shuo xin yu 世说新语 (V в.).

[2] Сюн И 熊逸 — это псевдоним «Медведь Отшельник», который не раскрывает своего настоящего имени и по собственному определению, «отшельничая в городе, посвятил себя сочинению книг» (Yin yu shi er zhuanxin zhushu 隐于市而专心著书).

[3] Ян Чжао 杨照 (род. 1963) — писатель, публицист, литературный и музыкальный критик, и уже авторитетный в китаеязычном мире ведущий популярных курсов по чтению классических произведений.

[4] Zhongguo yuandian tongdujihua 中国原典通读计划.

[5] Wenhua yu fojiao de jidian: shi bu jingdian li de Nanbeichao 文化与佛教的激荡：十部经典里的南北朝.

[6] Zhao Ming wen xuan 昭明文选.

[7] Luoyang qielan ji 洛阳伽蓝记.

отдельным произведениям, в них представлены и другие темы китайской текстуальной культуры.

В целом очевидно, что популяризация древних книг в наши дни все дальше выходит за пределы школьной литературы как для массового телезрителя, так и для интеллектуалов, занимающихся самообразованием. В медийное поле попадает все больше текстов во все более разнообразных контекстах. В отдельных областях (книгоиздание и телевидение) не теряют актуальности старые проверенные способы, в других (музейные и библиотечные мероприятия, просветительская деятельность) происходит ускоренная адаптации под современные медиа тренды и форматы, но модификации в связи с цифровизацией и использованием интернета затрагивают всех и каждого участника этих процессов.

На официальном портале Государственного управления по делам прессы и печати КНР, где публикуются правительственные новости и документы типа «Национального планирования работы с древними книгами на 2021—2035 гг.», фон сайта, решенный в голубых тонах, представляет в столбиках, идущих слева направо, всю историю письма и технологий — от ранних почерков гадательных надписей до двоичного компьютерного кода, и эта картинка вполне может служить символом нынешнего отношения Китая к своему прошлому. Пусть риторика «оживления» и «использования» древних книг и постоянные напоминания о «превосходной традиционной китайской культуре» временами звучат назойливо и наивно, но и в них проявляется смена отношения, которая происходила постепенно и теперь стала настолько естественной, что почти не замечается и не подвергается рефлексии. Не пропали, но отодвинулись на второй план, потеряли прежнюю, организующую дискурс, значимость концепты великой народной мудрости, феодальных предрассудков, поиски единственной истины у мудрецов прошлого или вечной морали в золотом веке. Пожалуй, впервые в своей истории Китай воспринимает собственное текстовое наследие по-настоящему холистично и одновременно исторично, без купюр и цензуры, выстраивания жестких иерархий от канонов к вредным сорнякам и безжалостного отсеивания ненужного. Каждый иероглиф представляет ценность, любой текст имеет возможность восприниматься в историческом контексте и, действительно, может кому-то пригодиться, кого-то вдохновить, для кого-то ожить.

Библиографический список

Барышева Е.А. Программы сохранения национального книжного наследия в библиотечной политике Китайской Народной Республики // Библиотековедение. 2020. Т. 69. № 1. С. 73—84. DOI 10.25281/0869-608X-2020-69-1-73-84.

Виногродская В.Б. «Бум телевизионного госюэ» — от образовательных программ к развлекательным шоу // Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация. Тезисы докладов XXI—XXII Всероссийских конференций. Москва, 2015— 2016 гг. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 152—158.

Виногродская В.Б. 15 лет реализации «Плана сохранения китайских древних книг» (2007—2022) // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. (В печати.).

Виногродская В.Б. Каменные каноны и текст-инскрипция в Китае // Тезисы XVIII Всероссийской научной конференции «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация» (Москва, май 2012 г.). М.: ИДВ РАН, 2013. С. 19—28.

Дмитриев С.В. К вопросу о древнекитайской рыбалке // Великий смысл врат в Сокровенное: Религии, философия и культура Китая. К 60-летию С. В. Филонова. В 2 т. Т. 2. Даосизм, ислам, традиционная культура / отв. ред. И.В. Белая. М.: ИВ РАН, 2022. С. 274—292.

Назаров М. М. Современная медиасреда: разнообразие и фрагментация // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 54—64. DOI 10.31857/S013216250000762-1.

References

2021—2035 nian guojia gongzuo guihua《2021—2035年国家古籍工作规划》公布实施 [2021—2035 National Master Plan for the Preservation of Ancient Books Was Issued]. Zhongguo Renmin Gongheguo Zhongyang renmin zhengfu 中国人民共和国中央人民政. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/11/content_5717693.htm (published: 11 October, 2022).

2021—2035 nian guo jia gu ji gong zuo gui hua 2021—2035年国家古籍工作规划 [2021—2035 National Master Plan for the Preservation of Ancient Books]. 国家新闻出版署 Guojia xinwen chuban shu, URL: https://www.nppa.gov.cn/nppa/upload/files/2022/10/4efbd7cf503c081e.pdf (accessed: 15 November, 2022).

Barysheva, E.A. (2020). Programmy sohranenija nacional'nogo knizhnogo nasledija v bibliotechnoj politike Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Programs for Preservation of the National Book Heritage in the Library Policy of the People's Republic of China]. Bibliotekovedenie. 2020. Vol. 69. No. 1: 73—84. (In Russian). DOI 10.25281/0869-608X-2020-69-1-73-84.

Bin, Yang 宾阳 (2022). Guji baohu kaiqi zhengxing 古籍保护开启新征. [Preservation of Ancient Books Embarks on a New Journey], Zhonghua wang 中华, URL: https://culture.china.com/expo/outlook/11170661/20220419/42043003.html (published: 19 April, 2022).

Chen, Xue 陈雪 (2022). Zhonghua shuju chengli 110 zhounian: langhan ru hai zhu inliang 中华书局成立110周年：琅函如海筑津梁 [The 110th Anniversary of Zhonghua Book Company: Writings Build the Bridge over the Sea], Guangming ribao 光明日报. URL: http://www.chinawriter.com.cn/n1/2022/0921/c404063-32530560.html (дата публикации: 21 September, 2022).

Du, Yu 杜羽 (2019). Shuzihua guji: zouchu shengui dai ren shi 数字化古籍：走出深闺待人识 [Digitizing Ancient Books: Walking out of Inner Chambers and Getting Recognition], Guangming ribao 光明日报. 30.10.2019. URL: https://china.zjol.com.cn/gnxw/201910/t20191030_11283488.shtml (accessed: 15 August, 2022).

Dmitriev, S.V. (2022). K voprosu o drevnekitajskoj rybalke [On Fishing in Ancient China], Velikij smysl vrat v Sokrovennoe: Religii, filosofija i kul'tura Kitaja. K 60-letiju S. V. Filonova. V 2 t. T. 2. Daosizm, islam, tradicionnaja kul'tura / Otv. red. I.V. Belaja, Moscow: IV RAN: 274—292. (In Russian).

Lai, Rui 赖睿 (2022). Jihuo guji li de wenzi — gengxu shengsheng buxi de Zhonghua wenmai 激活古籍里的文字—赓续生生不息的中华文脉 [Activating the Writings of Ancient Books — Maintaining Continuity of the Constantly Resurgent Chinese Culture]. Renmin ribao haiwai ban 人民日报海外版. URL: http://www.dangjian.com/shouye/dangjianwenhua/wenhuadaguan/202206/t20220602_6395097.shtml (published: 02 June, 2022).

Mu, Duo 穆铎 (2022). Rang wenhua xuemai yongyuan liutang — cong jilupian "Gu shu fuhuo ji" shuoqi 让文化血脉永远流淌 — 从纪录片《古书复活记》说起. [Let the Blood of Culture Flow Forever, Talking of the Documentary The Resurrection of Ancient Books], Souhu 搜狐. URL: https://www.sohu.com/a/443231646_160914 (published: 08 January, 2022).

Nazarov, M. M. (2018). Sovremennaya mediasreda: raznoobraziye i fragmentatsiya [Modern Media Landscape: Diversity and Fragmentation]. Sotsiologicheskiye issledovaniya. No.8: 54—64. (In Russian). DOI 10.31857/S013216250000762-1.

Rang Zhonghua wenmai huanfa xin huoli 让中华文脉焕发新活力—古籍保护开启新征程 [Rejuvenate the Chinese Texts — Preservation of Ancient Books Opens a New Journey]. Zhongguo wenhua bao 中国文化报. URL: https://npaper.ccmapp.cn/zh-CN/?date=2022-04-19&page=1 (published: 19 April, 2022).

Vinogrodskaya, V.B. (2013). Kamennyye kanony i tekst-inskriptsiya v Kitaye [Stone Classics and Inscription Texts in China], Tezisy XVIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Filosofii Vostochno-Aziatskogo regiona i sovremennaya tsivilizatsiya» (Moskva, may 2012 g.), Moscow: IDV RAN, P. 19—28. (In Russian).

Vinogrodskaya, V.B. (2017). «Bum televizionnogo guoxue» — ot obrazovatel'nykh programm k razvlekatel'nym shou ["TV Guoxue Fever": Educational Programs and Entertainment Shows]. Filosofii Vostochno-Aziatskogo regiona i sovremennaya tsivilizatsiya. Tezisy dokladov XXI—XXII Vserossiyskikh konferentsiy. Moskva, 2015—2016 gg, Moscow: IDV RAN, P. 152—158. (In Russian).

Vinogrodskaya, V.B. (2022). 15 let realizatsii «Plana sokhraneniya kitayskikh drevnikh knig» (2007—2022) [15 years of Implementation of the Chinese Ancient Books Preservation Plan (2007—2022)]. Far Eastern Studies. 2023. No. 1. (In print).

Wang, Licheng 汪荔诚 (2021). Jihuo ren de yaosu, liuliang pingtai zhuli guji huohua chuancheng 激活人的要素, 流量平台助力古籍活化传承 [Activating the Human Element, High Traffic Platforms Help Revitalize the Inheritance of Ancient Books]. 新华网 Xinhua wang, URL: http://www.xinhuanet.com/book/2021-08/11/c_1310120373.htm (published: 11 August, 2021).

Wu nian le, buru women cong tou laiguo 五年了, 不如我们从头来过? [It's been five years, why don't we start from scratch?], 腾讯网 Tengxun wang, URL: https://new.qq.com/omn/20220506/20220506A05U3300.html (published: 06 May, 2022).

Xie, Jiao; Wang, Xi Xi 谢佼, 王曦 (2019). Guji wenxian xiufu jiyi youle zhuanshu bowuguan 古籍文献修复技艺有了专属博物馆 [China opens first museum on ancient book repairing]. Zhongguo Renmin Gongheguo Zhongyang renmin zhengfu 中国人民共和国中央人民政. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-12/27/content_5464405.htm (published: 27 December, 2019).

Yue, Wen 悦雯 (2022). Song chao neng dian waimai? Ma Weidu, Zhang Zhiqing, Hong Huang Douyin zhibo duitan "Chuanyue shikong de guji" 宋朝能点外卖？马未都、张志清、洪晃抖音直播对谈《穿越时空的古籍》导演 [Could you Order Takeout during Song Dynasty? Ma Weidu, Zhang Zhiqing and Hong Huang Live Streaming on Douyin with the Director of Ancient Books Through Time and Space]. 人民日报 Yangzi wanbao, URL: https://www.yzwb.net/zncontent/2104097.html (published: 2022-04-12).

Zhang, He 张贺 (2022). Zhonghua shuju chuangli 110 zhounian: shouzheng chuxin, gengxu Zhonghua wenmai 中华书局创立110周年：守正出新，赓续中华文脉 [The 110th Anniversary of the Founding of Zhonghua Book Company: Keeping the Righteousness and Bringing forth the New]. Renmin ribao 人民日报. URL: http://ent.people.com.cn/n1/2022/0921/c1012-32530458.html (accessed: 21 September, 2022).

Zhang, Mei 张玫 (2022). 2022 nian Zhonghua chuantong shai shu huodong qidong 2022年中华传统晒书活动启动 [The 2022 year Traditional Chinese Drying Books in the Sun is Launched]. 中国旅游新闻网 Zhongguo luyou xinwen wang, URL: http://www.ctnews.com.cn/fyly/content/2022-08/04/content_128300.html (published: 04 August, 2022).

Zhonggong Zhongyang bangongting guowuyuan bangongting yinfa "Guanyu tuijin xin shidai guji gongzuo de yijian" 中共中央办公厅国务院办公厅印发《关于推进新时代古籍工作的意见》[General Office of the Central Committee of the Chinese Communist Party and General Office of the State Council published Guidelines on Promoting Ancient Books in a New Era]. Zhongguo Renmin Gongheguo Zhongyang renmin zhengfu 中国人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2022-04/11/content_5684555.htm (published 11 April, 2022).

"Zhonghua chuantong wenhua bai bu jingdian" chuban qingkuang gailan 《中华传统文化百部经典》出版情况概览 [Overview of the Publication of Hundred Classics of Chinese Traditional Culture]. Rujia wang 儒家网. URL: https://www.rujiazg.com/article/22672 (published: 03 September 2022).

“Zhonghua guji baohu jihua” shishi shi zhounian: rang shuxie zai guji li de wenzi huoqilai “中华古籍保护计划”实施十周年：让书写在古籍里的文字活起来 [10 Years of Implementation of Chinese Ancient Books Preservation Plan Let the Words Written in Ancient Books Come Alive]. Zhongguo Renmin Gongheguo Zhongyang renmin zhengfu 中国人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-05/25/content_5196876.htm (published: 25 May, 2017).

Zongtai daxing wenhua jiemu “Dianji li de Zhongguo” 总台大型文化节目《典籍里的中国》第二季启播 [The Second Season of the Main Station's Large-Scale Cultural Program China in Classics Starts Broadcasting]. Zhongguo ribao wang 中国日报网. URL: https://bj.chinadaily.com.cn/a/202209/23/WS632dac31a310817f312ef995.html (published: 23 September, 2022).

DOI: 10.48647/ICCA.2022.69.68.008

Н.Л. Кварталова

Логика в Китае. Основные этапы становления

Аннотация. Задачами исследования явилось краткое описание основных периодов развития логики в Китае и выделение характерных особенностей каждого периода. Для того, чтобы понять, что такое логика в традиционном и современном Китае, сначала необходимо прояснить предмет логики, который в современной науке и сам оказался объектом дискуссий. С учетом специфики китайской логической мысли можно выделить пять исторических периодов, в которых логика так или иначе появлялась в китайской культурной среде. Это период древности, время возникновения интереса к языку и первые логические изыскания. Затем, после долгого перерыва, следующей вехой стал перевод буддистских сутр, в которых была описана индийская логика. Два следующих этапа были связаны с европейскими миссионерами и проникновением европейской логики в Китай. Наконец, последний период, начавшийся в XX веке, характерен как новыми идеями в математической логике, так и началом саморефлексии китайцев в области логики в Китае. Такая периодизация охватывает все основные логические изыскания, проводившиеся в Китае.

Ключевые слова: история логики, логика в Китае, переводы, современная китайская логика, логические исследования, лоцзисюэ, минли сюэ.

Автор: Кварталова Наталия Леонидовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

Nataliya L. Kvartalova

The Main Stages of the Formation of Logic in China

Abstract. The objectives of the study were a brief description of the main periods in the development of logic in China and the identification of the characteristic features of each period. In order to understand what logic is in traditional and modern China, it is first necessary to clarify the very subject of logic, which in modern science has itself become an object of discussion. Taking into account the specifics of Chinese logical thought, five historical periods can be distinguished in which logic somehow appeared in the Chinese cultural environment. This is the period of antiquity, the time of the emergence of interest in the language and the first logical research. Then, after a long break, the next milestone was the translation of the Buddhist sutras, which described Indian logic. The next two stages were connected with European missionaries and the penetration of European logic into China. Finally, the last period, which began in the 20th century, is characterized by both new ideas in mathematical logic and the beginning of Chinese self-reflection in the field of logic in China. Such a periodization covers all the main logical research carried out in China.

Keywords: history of logic, logic in China, translations, modern Chinese logic, logical studies.

Author: Kvartalova Nataliya L., Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, RAS. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

Что такое логика?

Этот вопрос в XXI веке оказался в очередной раз весьма актуален. Логическая наука столкнулась с новыми формализациями языковых единиц, появились новые разделы логики, логика используется в компьютерных технологиях, с одной стороны, и претендует на изучение не только традиционных языковых выражений, но и вопросов, научных теорий и т. д., с другой. Так что прежде, чем говорить о логике в Китае, нужно сказать пару слов о логике в принципе. Определим это ключевое для нашего исследования понятие во избежание непонимания. И очертим круг того, что может быть отнесено к логике. Определение, которым пользовались у нас на рубеже веков, да и сейчас, гласит, что логика — это «нормативная наука о формах и приемах интеллектуальной познавательной деятельности, осуществляемой с помощью языка» [Бочаров, Маркин, 2008]. Но даже такого, казалось бы, широкого определения недостаточно, чтобы вместить в себя все разнообразие современных исследований. Для того чтобы пояснить процессы, происходящие в логике, скажем несколько слов о ее развитии.

С античности и до двадцатого века в Европе господствовала логика Аристотеля. Это, во-первых, четко прописанные законы — непротиворечия, исключенного третьего, тождества (и, в неформальном виде, достаточного основания). Во-вторых, это ограничение класса суждений, из которых можно делать вывод, по форме (конструкцией вида субъект-предикат). То есть логика, претендовавшая на статус органона науки, не могла дать нового знания науке в силу своего формального построения и не могла описать научную теорию.

В двадцатом веке происходит революция в логике, на смену силлогистике приходит бесконечное множество логических систем, в каждой из которых либо отвергаются один или несколько логических законов, либо вводятся новые значения, отличные от дихотомии истина—ложь, либо и то, и другое одновременно. Но по-прежнему найти идеальную систему не удается, хотя количество формальных систем с различными свойствами растет с каждым днем. Некоторые из этих систем вполне функциональны и используются для решения различных конкретных задач в области компьютерных технологий, но ни одна из них не является универсальной, позволяющей описывать законы нашего мышления.

Теперь, когда статичность логики как науки рухнула под лавиной новых логических систем, нужно искать новые основания, объединяющие логику в нечто целое, а не расщепляющие ее на бесконечное число составляющих. Поиск минимальной логики — один из способов это сделать. Основной вопрос в логике начала нового тысячелетия: «Что такое логика?»

В одноименной статье логик Ж.-И. Безью напоминает, одной из функций логики является искусство рассуждать, и «логика как искусство рассуждения

и логика как логическая система не обязательно совпадают». [Beziau, 2010, p. 273] Силлогистика явилась лишь одной гранью рассуждения, но, будучи формализованной, затормозила развитие логики на два тысячелетия.

А, помимо формальной, есть еще наука о семантических связях внутри языка, которая тоже носит название «логика». Отсюда следует, что, с одной стороны, в любом языке должна присутствовать логика, а с другой стороны, что эти логики внутри языков могут различаться.

Но первая функция логики — это не способ связи событий, а способ бытия языка. То есть, к вопросам логики можно отнести также вопросы семантики и теории аргументации. Например, проблема истинности — проблема логическая. Понятия, суждения, высказывания — все это относится к сфере логики.

Логик Йохан ван Бентам предлагает включить в предмет логики не только умение делать выводы из имеющейся информации, но и сам процесс получения информации (наблюдение, умение задавать вопросы). И с учетом всех этих уточнений мы уже можем рассуждать о логике в Древнем Китае, хотя тема это сложная, поскольку в Китае, при наличии логического анализа языка, не было сформулировано логической теории.

При этом очевидно, что, в силу культурного кода, говорить мы будем с позиции европоцентризма, потому что логика — понятие европейское, и мы по своим лекалам измеряем чужое поле дискурса и смотрим, как это соизмеряется с нашим представлением о логике.

Как заметил еще известный французский синолог Анри Масперо, китайские иероглифы, каждый из которых имеет свое значение, не сравнить с буквами-символами европейских алфавитов, так что построить формальную логическую систему китайцам было сложно. В Древней Греции Аристотель, формулируя свою систему, использовал именно символы. Да и современная логика отдает приоритет формальным системам.

Что же касается Древнего Китая, мы можем говорить, скорее, о протологике, которая является достаточным минимумом для того, чтобы строить рассуждения.

Идея о том, что логика в Китае существовала в древности, появилась только в конце XIX века, в «эпоху открытий» (фасянь шидай), как назвал это время Ван Говэй (1877—1927).

До этого бытовала точка зрения Маттео Риччи, который заявлял, что китайская наука, несмотря на всю ее изощренность, не создала «никакого представления о правилах логики» и ничего от «диалектики». Отголоски этого резкого, но влиятельного суждения находим, например, в Японии XIX века, в эпоху Мэйдзи, когда там начали массово переводить учебники логики, будучи уверенными, что ни Китай, ни Япония никогда не открывали и не нуждались в такой отрасли знаний.

В 1902 году Альфред Форке, один из первых европейцев, начал изучать дошедшие до нас сочинения школы имен (мин цзя 名家), и писал, что «диалектика» этих «китайских софистов» относится к «самому рудиментарному виду». Китайский ум так и не поднялся над этими зачатками и не выработал законченной системы логики.

Первым идеологом китайской логики стал цинский филолог Сунь Ижан 孫詒讓 (1848—1908). Сунь Ижан внес неоценимый вклад в возможное открытие китайской логики через реконструкцию канона «Моцзин» (墨經). Его пояснения произвели немедленную сенсацию, когда они впервые появились в печати в 1895 году. «Моцзин» до середины восемнадцатого века считался испорченным и не подлежащим восстановлению произведением.

Второй ученый, которого иногда называют первооткрывателем — это китайский логик и философ Янь Фу 嚴復 (1854—1921 гг.). Янь Фу указывал на родство между пониманием «Ицзина» и западных индуктивных логических теорий, и такое сходство также подразумевалось в его выборе минсюэ — «науки об именах» — как наиболее подходящего китайского названия дисциплины. [Yan, 2014].

Европейские ученые XX века в большинстве своем считали, что в Китае логика как наука не сформировалась. Так, в 1920-е годы синологи А. Форке (1867—1944) и А. Масперо (1883—1945) доказывали, что учение поздних моистов является эристикой, отрицая возникновение в Китае логики в силу особенностей языка.

В нашей стране преобладает схожая точка зрения, начиная с работ известного синолога Ю.К. Щуцкого (1897—1938), который отрицал существование логики как науки в Китае. Специальные работы по исследованию логических идей древнего Китая появились в нашей стране на рубеже веков и представляют полярные точки зрения. А.И. Кобзев в книге «Учение о символах и числах в китайской классической философии» [Кобзев, 1993] доказывает, что логические идеи, появившиеся в китайской философии в VI—IV вв. до н.э., не получили развития, а роль методологии выполняла нумерология. Противоположную позицию отстаивает А.А. Крушинский [Крушинский, 1999], выдвигая как основное дедуктивное средство древнекитайской логики «схему трех материалов», и рассматривая «Ицзин» как основание китайской логики.

Появление логических идей в Китае. Школы и персоналии. (Период Чжаньго. V—III вв. до н.э.)

Появлением логической мысли в Китае можно считать VI—IV вв. до н.э., когда «процветало сто школ». Это эпоха расцвета философской мысли Китая, время, о котором не всегда можно сказать, что было в действительности, а что было придумано и приписано позже.

Логика как теория не была сформулирована в Китае, однако китайские мыслители также исследовали правильное мышление, его формы и законы, что является предметом логики по современным канонам и отличает ее от софистики, задачей которой является убеждение, основанное на внешне правильной форме рассуждений. Так, предметом исследования становились понятия истины, имени, тождества, отрицания, терминов, противоречия, рассуждения и др. Но, что характерно для китайской философии, логические методы часто использовались для решения социальных и политических проблем.

Одними из первых разработчиков логических идей в Китае были представители школы имен (мин цзя), которая являлась одной из шести наиболее значимых философских школ Древнего Китая. Известно также, что ученые школы имен были участниками дискуссий в академии Цзися, отчего их первоначально именовали «спорщиками» (бяньчжэ). Академия Цзися располагалась, по свидетельствам из «Шицзи», в царстве Ци, у западных ворот столицы Линьцзы, называемых Цзимэнь (на территории современного города Цзыбо). Го Можо [Го, 1961] считал, что школа Цзися достигла расцвета при Сюань-ване (342—324 гг. до н.э., по другой версии 319—301). В отличие от школ того времени, объединявших мыслителей либо по следованию за убеждениями отдельной личности (конфуцианцы, моисты), либо по доминирующей идее (иньянцзя, минцзя), академия Цзися давала возможность высказаться сторонникам любой доктрины. И многие ученые, занимающиеся именно вопросами логическими, тоже были вовлечены в дебаты академии.

К школе имен историк философии Го Можо относит Инь Вэня и Сун Цзяня («спорщиков» академии Цзися), Эр Шо, Дэн Си, Хуэй Ши, идеи которых дошли до нас в произведениях их современников и в более поздних фальсификациях. Самым известным представителем данной школы был Гунсунь Лун.

По некоторым версиям, Эр Шо, один из слушателей академии Цзися, высказал тезис «белая лошадь не есть лошадь», подхваченный Гунсунь Луном. Этот тезис стал визитной карточкой логической мысли. Аргументированные рассуждения по этому вопросу содержатся в трактате «Гунсунь Лун-цзы», а альтернативная точка зрения изложена в «Мо-цзы», в главах, написанных последователями Мо Ди.

О системе взглядов Инь Вэня и Дэн Си сохранились только косвенные сведения. Инь Вэнь занимался именами, результатом правильного употребления имен должен стать порядок в Поднебесной, что еще раз подтверждает социальную направленность, а сам подход Инь Вэня схож с конфуцианским тезисом «исправления имен» (чжэн мин 正名). В «Инь Вэнь-цзы» допускается существование пустых имен, имен без денотатов.

«Дэн Си-цзы» приписывается мыслителю — бяньчжэ Дэн Си (6 в. до н.э.), хотя на самом деле является более поздней фальсификацией. В трактате две главы: «У хоу» («Отсутствует полная [доброта]») и «Чжуань цы» («Оборачивание суждений») [Спирин, 2014] В последней изложены взгляды на соотношение имен и реальности, совпадающие со взглядами Конфуция: имена должны соответствовать реальности и наоборот.

Философское учение Гунсунь Луна (ок. 320—250 гг. до н.э) дошло до наших дней в виде шести глав трактата, а также в упоминаниях других философов, в частности, в «Чжуан-цзы» и в «Хань Фэй-цзы». Изначально в трактате насчитывалось 14 глав, но к эпохе Сун (X—XII вв.) сохранилось только 6, причем первая глава включает описание учения и сведения о жизни и является более поздней вставкой.

Важной частью учения являются так называемые софизмы о том, что «белая лошадь не есть лошадь», что «твердый и белый камень составляют два». На первый взгляд, странные суждения, но наш язык несовершенен. Противо-

речие в языке часто возникает из-за того, что сам язык является системой замкнутой в том смысле, что описывать язык можно только средствами самого языка. Чтобы этого избежать, введены понятия объектного языка и метаязыка. В объектном языке можно говорить только о фактах реальности, метаязык же служит для описания объектного языка. Средства объектного языка ограничены, с помощью только объектного языка нельзя говорить о самом языке, так как любые рассуждения такого типа окажутся заведомо ложными. Это заметили еще древние греки и использовали, в частности, стоики в своих рассуждениях.

Так что рассуждение о том, что «белая лошадь не есть лошадь» позволяет предположить, что в школе имен были разработаны различные уровни языка. Если считать, что Гунсунь Лун рассуждает в метаязыке, подразумевая ту информацию, которую несут понятия «лошадь» и «белый», иными словами, он говорит о содержании этих понятий, то, по закону обратного отношения между объемом и содержанием понятий, можно утверждать, что раз по объему «белая лошадь» меньше понятия «лошадь», то по содержанию все, наоборот, и информации первое понятие несет больше, чем второе. И тогда «белая лошадь» действительно не есть «лошадь».

В других главах трактата логические воззрения Гунсунь Луна представлены учением об именах (мин 名) и реальности (ши 实) и связанным с ними учением об «указателях» (чжи 指). Вещи обнаруживают себя только через «указатели» и только благодаря им, сами же они остаются непознаваемыми. Нет вещей, для которых не было бы «указателей», но сами «указатели» не имеют «указателей». Поэтому вещь, чтобы обрести реальное существование, должна быть поименована. Каждой вещи должно соответствовать одно имя. Общее, что есть в вещах, это «указатели» (чжи). В концепции Гунсунь Луна присутствуют зачатки идеализма, роднящие его теорию «указателей» с теорией идей Платона. Так, именам приписывается тот же статус существования, что и вещам, что подтверждает гипотезу разделения уровней языка. Имена, таким образом, оказываются самостоятельными сущностями.

О еще одном представителе школы имен, Хуэй Ши, сведений еще меньше. Частично взгляды Хуэй Ши (ок. 380 — ок. 275 гг. до н.э.) изложены в трактате «Чжуан-цзы» (гл. «Тяньця») [Малявин 1985] в виде 10 суждений и 21 афоризма, хотя Ху Ши приписывает авторство афоризмов Гунсунь Луну. Афоризмы Хуэй Ши по содержанию похожи на апории Зенона. Наиболее известные из них: «тень летящей птицы не движется», «у курицы три ноги», «в полете стрелы с наконечником есть мгновение, когда она не движется и не покоится». Такие суждения закрепили за Хуэй Ши в истории репутацию софиста.

В дальнейшем взгляды школы имен не получили развития.

Еще одни влиятельные представители китайского интеллектуального сообщества — моисты (моцзя 墨家), наиболее заметные идейные противники школы имен минцзя. Канон «Моцзин» является изложением идей моистов, датируется примерно III веком до н.э., хотя сам Мо Ди (墨翟) жил несколько раньше (470 — ок. 391 до н.э.). В каноне рассмотрены вопросы правильности суждений, истинности, тождества и соотношения имен мин и реальности ши.

Что касается правильности суждений, в главе «Фэймин» приведены три критерия правильности суждения: обоснованность, проверяемость и применимость. Но, как отмечает историк Го Можо [Го, 1961], эти критерии нельзя считать логическими, поскольку Мо-цзы поясняет их следующим образом: обосновывает суждения «воля Неба и души умерших», проверяется суждение тем, «что видели и ... слышали простые люди», применяется оно к тому, «что одобрено правителем».

В концепции моистов примечательна теория истинности. «Если слова этого человека истинны, то его слова не есть ложь. Если слова этого человека неложны, то это значит, что в Поднебесной есть слова, которые истинны. Если в Поднебесной есть истинные слова, то это значит, что в Поднебесной есть слова, которые не являются истинными, тогда, значит, в Поднебесной слова не являются полностью ложными». [Древнекитайская философия, 1973, с. 83] Концепция истины в «Каноне» классическая, с соблюдением принципов двузначности и непротиворечия. В тридцатых годах прошлого века Альфред Тарский в анализе языка изложил свою концепцию истинности: высказывание «снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел. Нетрудно убедиться, что схема Тарского и предыдущий пример подтверждают один и тот же тезис. Эта концепция в логике получила название корреспондентской.

Что касается вопроса о статусе имен, то к ним у сторонников Мо-цзи несколько менее категоричное отношение, нежели у Гунсунь Луна. Имена существуют, ими называют вещи, но они имеют другой статус существования. Подход моистов прагматичен: важно, например, что нельзя называть одну вещь разными именами, что имена неразделимы со словами.

У поздних моистов рассмотрена дихотомия тун — и (тождества — различия).

В главе «Малый выбор» в естественном языке сформулированы основы индуктивной теории.

Моисты также не согласны с тезисом Гунсунь Луна о белой лошади. Они признают только рассуждения о понятиях объектного языка. Подтверждение тому — высказывание: «Если требуют белую лошадь, а обуздали вороную, то это [не означает, что] нет лошади, но означает, что нет требуемой [лошади]. Умозаключение [«нет лошади»] ошибочно». [Там же, с. 91].

Про канон «Ицзин» и его гескаграммы как логическую систему говорить можно, но все же цели «Ицзина» были сильно отличны от логических, а содержание настолько многоуровнево, что мы не рискнем углубляться в сплетения гадательных практик, нумерологии и логики. В комментариях же к «Ицзину», по мнению Ху Ши, представлены логические категории, которыми оперировали конфуцианцы и концепция всеобщего изменения как фундамент конфуцианской логики. Однако такая трактовка сохраняется в работах некоторых ученых и сегодня. В общем случае под логической понимается любая теория с фиксированным набором термов, определяющим язык, построенная с использованием расширенного набора методов, с перечислением правил вывода. И тогда триграммы «Ицзина» могут претендовать на роль термов языка, а сама «Книга перемен» содержит дедуктивную теорию в расширенном смысле [см., напр., Крушинский 1999].

В дальнейшем, по мере распространения конфуцианской идеологии, место методологии науки на много веков заняла нумерология [Кобзев, 1993].

Подводя итог, можно сформулировать некоторые выводы по этому периоду. Основной практический интерес для мыслителей Древнего Китая представляли имена, которые являлись исходной точкой построения многих философских концепций. Кроме того, большое внимание уделялось вопросам аргументации, поскольку дискуссии в ту пору были одним из основных способов распространения учения. К сожалению, прочие методологические исследования носили частный характер и были забыты после распада школ.

Индийская логика. Перевод буддистских сутр

Следующей вехой в истории логики в Китае стал перевод на китайский язык буддистских сутр. И главную роль в этом сыграл монах Сюаньцзан (ок. 600—664). Из своего шестнадцатилетнего путешествия по Индии он привез 657 текстов буддийского канона Трипитаки на санскрите и получил прозвище «Монах Трипитака». И среди этих свитков были свитки по индийской логике (hetuvidya), которую Сюаньцзан перевел как «иньмин» (因明) — «освещение оснований». И, хотя в иньмин исследовался больше содержательный, а не формальный аспект логики, то есть проблем с интерперетацией формальных систем не должно было возникнуть, сама концепция никак не заинтересовала китайское общество. Сюанцзан же стал фигурой не только реальной, но и почти сказочной, особенно после выхода романа «Путешествие на запад», где правда переплелась с вымыслом.

Появление европейской логики. Иезуиты. XVI—XVII вв.

На рубеже XVI—XVII веков у власти в Китае находится династия Мин (1368—1644). Европейцы только налаживают торговые отношения с Китаем, с середины XVI века португальцы основали свою колонию в Ма Гао, который переименовали в Макао, а с 1554 г. для торговли частично открыт Кантон. Но закрытое китайское государство не спешило открываться иностранным «варварам» (подробнее см.: [Дубровская, 2001, с. 66—67]).

В Китай прибывают миссионеры. И, чтобы заинтересовать местное население христианскими идеями, сначала они демонстрируют европейские научные знания, потому что к тому времени Китай сильно отстал от Европы в области науки. Помимо географии и астрономии миссионеры начинают переводить и другие научные труды, в число которых входят труды Евклида и Аристотеля, потому что только логика Аристотеля со времен Игнатия Лойолы (1491—1556) была одобрена для изучения в иезуитских школах.

Проблем, с которыми столкнулись переводчики, было несколько, на две указал современный нам синолог Иохим Курц [Kurtz, 2011, p. 37—42].

1. Перевод терминологии. Катастрофическая нехватка в китайском языке терминов, соответствующих логическим понятиям, заставляла переводчиков

местами сокращать формально-логическую часть, местами пускаться в пояснения. Отсутствие в языке символов, не несущих содержания, сделало практически невозможным перевод формальной части силлогистики.

2. Китайцы, с полным правом считая себя древней состоявшейся цивилизацией, с подозрением относились к европейцам, и ценность привносимых ими знаний требовалось доказать.

На этом временном этапе следуют упомянуть несколько персоналий.

Маттео Риччи (Ли Мадоу 利瑪竇, 1552—1610). Нас, прежде всего, интересует талант Риччи как переводчика философских, религиозных и научных трудов. Он понимал, что введение слишком большого количества новых слов могло повлиять на читабельность текста. И в дальнейшем иезуиты придерживались этой идеи, пытаясь использовать по максимуму уже существующие термины. Риччи и его друг и соратник Руджиери первым делом выучили китайский язык и даже начали переводить китайские тексты на латынь (например, Риччи попытался перевести «Четверокнижие»). Помимо языка, Риччи старался понять конфуцианство, с тем чтобы адаптировать переводы христианских текстов с учетом китайских реалий.

Но Риччи еще не переводил трактаты по логике, и китайские ученые познакомились с дедукцией, системой вывода и аксиомами благодаря переводу «Начал» Евклида («Цзихэ юаньбэнь», книги 1—6, 1607 год), сделанному Риччи и Сюй Гуанци. Этот перевод весьма впечатлил китайских математиков того времени, поскольку выяснилось, что их знания в области математики и астрономии уступали европейским.

История перевода термина «логика» начинается в 1623 году, когда Джулио Алени (艾儒略) в «Записях о местах вне юрисдикции» Управления географии (Чжифан вайцзи 職方外記) перечисляет предметы, преподаваемые в европейских странах. И одним из предметов оказывается ложицзя (落日加), которая занимается различением истинного и ложного. Более подробно о логике рассказывается в трактате «Общий очерк западных знаний» (Сисюэ фань 西學凡). Здесь «логика» записана как 落日伽, определяется как «путь ясного различения» (минбянь чжи дао 明辯之道) и является фундаментом наук. Еще в тексте встречается «учение о спорах» (бяньсюэ 辯學), которое тоже иногда ассоциируют с логикой.

Первым собственно логическим текстом на китайском языке был трактат «Минли тань» 名理探 (De logica, или «Исследование принципов имен») Франциско Фуртадо (Francisco Furtado) и Ли Цзицзао 李之藻. За несколько лет, с 1631 по 1639 г., они перевели логические тексты того времени, тут же была сделана попытка перевести силлогистику [Кварталова, 2021].

Итак, «первую волну» сочинений Аристотеля и его последователей перевели, но их ассимиляцию затрудняли:

- сложный понятийный аппарат;
- постулирование логики как инструмента для служения христианству;
- отсутствие аналогичных систем рассуждения в Китае;
- общее недоверие к западным знаниям.

Конец первого этапа проникновения логики в Китай совпал со смертью императора Канси и указом на запрет миссионерской деятельности в 1724

году от императора Юнчжэна (1678—1735). Почти на 200 лет логика вновь была забыта. И только к середине XIX века на очередной волне теперь уже протестанты, которые пытаются свое религиозное учение совместить с интеллектуальным, чтобы заинтересовать китайцев и возобновляют попытки адаптировать логику в китайском обществе.

Распространение европейской логики. XIX — начало XX века

На пороге XX века Китай оказывается истощенным опиумными войнами, весьма отсталым в области развития наук государством. И китайцы начинают искать в западных науках ключ к ускорению прогресса, а логический метод теперь считается едва ли не главным способом постижения западного знания. Примером для подражания стала быстро развивающаяся Япония, где к тому времени было уже множество учебников по логике, которые и начали переводить на китайский язык.

В последние десятилетия правления династии Цин важной вехой в истории проникновения в Китай логики стал перевод учебника по логике британского ученого Уильяма Джевонса (1835—1882).

Первые переводы на китайский язык трудов Джевонса по логике появились на свет в 1886 г. благодаря усилиям протестантского миссионера и известного синолога Джозефа Эдкинса (1823—1905, кит. имя 艾约瑟 Айюэсэ). К тому же он писал про великие китайские изобретения, в частности, про бумагу.

В 1886 г. в серии просветительских книг о западной науке вышел перевод «Учебника для начинающих: логика» (Logic. Science Primers Series, 1876) Джевонса. Книга получила китайское наименование «Элементарные знания об учении о диспуте» (辨学启蒙 «Бяньсюэ цимэн»). [Kurtz, 2011].

Это был очень интересный учебник: Эдкинс провел большую работу по адаптации европейского учебника к китайским реалиям: меняя примеры на понятные китайцам (фиалки на жасмин), годы жизни на китайские эпохи (философ эпохи Мин Фрэнсис Бэкон, Аристотель — философ эпохи Сражающихся царств — Чжаньго). Этот метод перевода с адаптацией потом так и получил название «метод перевода путем замены примеров» (换例译法 хуань ли и фа). [Борох, 2022, с. 58].

Новая государственная стратегия, направленная на ассимиляцию логики, предполагала повсеместное изучение логики в рамках популяризации европейских знаний, она стала обязательной в школах и институтах, что сильно повлияло на популярность логики.

Учебник Джевонса возымел отклик, по его следам вышло много работ. Чжан Цзюньмай 张君劢 (1887—1969), причем с опорой на японский перевод, в 1909 г. перевод текста опубликовал Ван Говэй 王国维 (1877—1927). Этот перевод долгое время был классическим. Чжан Цзюньмай и Ван Говэй пришли к выводу о важности изучения логики, лишь оказавшись за пределами Китая.

Помимо Джевонса был перевод Янь Фу части «Системы логики» Милля, он назывался «Учение Милля об именах» (穆勒名学 «Мулэ минсюэ»).

На этом заканчивается этап простого переноса логики в китайскую культуру, ее выделили как уникальную науку, лоцзисюэ 逻辑学, и начали развивать уже китайские ученые.

Развитие логики. XX век

XX век — это время принятия и осмысления логики. Для китайского менталитета и языка оказалось непросто угнаться за логическим бумом в Европе XX века, поэтому каких-то новаторских работ по формальной логике до конца века почти не было, в основном это попытки систематизировать имеющиеся теории.

Уже на первом этапе изучение логики идет разными путями. Один — продолжение логических традиций европейской логики, второй — поиск исконно китайского логического наследия.

Для развития первого направления важную роль сыграл Бертран Рассел.

Система C_2 появилась у Б. Рассела и А. Уайтхеда в Principia Mathematica (1910—13). А всего спустя 7 лет, в 1920 году Бертран Рассел посетил Пекин и прочитал серию лекций по математической логике. И уже к середине двадцатых годов университет Цинхуа становится центром логики, китайский философ Цзинь Юэлинь 金岳霖 (1895—1984) основал философский факультет. На него большое влияние оказали работы Рассела, он читал курс по символической логике в Пекинском университете, а конспекты курса публиковались в 1935 и 1936 г. под названием «Логика» и были очень популярны [Chen, 2022].

Самый известный ученик Цзинь Юэлиня — Ван Хао 王浩 (1921 — 1995). Он окончил Цинхуа и уехал в Штаты, учился в Гарварде. Был знаком с Геделем, написал даже книгу разговоров с ним. Приезжал в Китай с лекциями. В мире он хорошо известен по логике Хао Вана, исчислению частичных предикатов Хао Вана и еще множеством открытий поменьше.

Это направление, с упором на математическую логику, «европологическое», в период «культурной революции» и начала дружбы с Советским Союзом преобразовалось в изучение логики в русле диалектики и марксизма, то есть замерло почти на 30 лет. В 1978 году на первом конгрессе по логике было принято решение о модернизации логики и возвращении к изучению математической логики.

Но также в Китае параллельно процветало направление, последователи которого искали логику в Древнем Китае. Лян Цичао 梁啟超 (1873—1929) начал исследовать китайскую логику, древние тексты, в попытке найти «третью логическую традицию» (наряду с европейской и индийской).

Появились работы, посвященные, в основном, проблематике трактатов «Гунсунь Лун-цзы», «Моцзы» и ученым академии Цзися. Ху Ши в своей книге «Развитие логического метода в Древнем Китае» стремился продемонстрировать наличие в древнекитайской философии логической методологии на примере учений конфуцианцев, моистов и их последователей. [Hu, 1922] Это направление популярно и сегодня: множество китайских и западных исследователей (см., например, Яна Бениска и Милош Хубина (Jana Benicka и Milos

Hubina) об элементах аристотелевской силлогистики в «Гунсунь- Лун-цзы», Лю Фэнжун о логике моистов, Яну Рошкер (Jana S.Rosker) о логике в Китае) работают в этом направлении.

Заключение

На современном этапе доминирующей остается европейская логика, и все дальнейшие исследования ведутся исходя из ее парадигмы.

Можно говорить о логических идеях в Китае, поскольку есть некие базовые вещи, такие, как понимание рассуждения, концепция истинности и некоторые другие, которые всплывают в любом языке, (имманентно) присущи мышлению и составляют смысловой фундамент логичности в ее современном широком понимании, когда «логика» не исчерпывается только формальной теорией. И анализ этих аспектов языка говорит о том, что рефлексия вышла на определенный уровень, а в языке появился логический анализ.

В китайской культуре остается еще огромный пласт того, к чему еще не подступались с мерками логики, например, построение сочинений и некоторых текстов.

К началу XXI века число китайских работ в совершенно разных областях логики, от логики вопросов до вероятностных интуиционистских логик возросло и продолжает расти. С учетом общего курса китайской науки на академическую открытость в ближайшем будущем мы познакомимся с множеством открытий и идей китайских логиков.

Библиографический список

Борох О.Н. Переводы трудов У.С. Джевонса по логике в Китае (конец XIX — начало XX в.) // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. М.: ИКСА РАН, 2021. № 10. С. 50—65. DOI: 10.48647/IFES.2022.43.37.035.

Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику. М., 2008.

Го Можо. Философы Древнего Китая. Десять критических статей. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.

Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1973.

Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие. 1552—1575 гг. М.: Крафт+ИВ РАН, 2001.

Кварталова Н.Л. Первое знакомство Китая с логикой: трудности перевода // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. М.: ИДВ РАН, 2021. № 9. С. 287—295. DOI: 10.48647/PCOST.2021.77.73.015.

Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Восточная литература, 1993.

Крушинский А. А. Логика «И цзина»: Дедукция в Древнем Китае. М.: 1999.

Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная Литература, 2002.

Малявин В.В. Чжуан-цзы М.: Наука, 1985.

Спирин В.С. Дэн Си-цзы. «Мудрец Дэн Си» / сост. и отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Наука — Восточная литература, 2014.

References

Beziau, Jean-Yves (2010). What is a logic? Towards axiomatic emptiness // Logicheskie Issledovaniya. Vol. 16. Moscow-SpB.

Bocharov, V.A., Markin, V.I. (2008). Vvedenie v logiku. (Introduction to logic.) Moscow. (In Russian).

Borokh, O.N. (2022). Perevody trudov Jevonsa po logike v Kitae (konec XIX — nachalo XX v. // Chelovek I kultura Vostoka. (Translations of W.S. Jevons on Logic in China (late 19th — early 20th centuries) // Man and Culture of the East. Research and translations.) M.: IKSA RAN, No. 10. P. 50—65. DOI: 10.48647/IFES.2022.43.37.035 (In Russian).

Chen, Bo. (2022). The Philosophy of Logic in China: A 70-year Retrospective and Prospects for the Future // Asian Studies. Special issue. History of logic in contemporary China. Volume X (XXVI), Issue 2. Ljubljana.

Drevnekitaiskaya philosophiya (1973). (Ancient Chinese philosophy.) Collection of texts in two volumes. Vol. 2. Moscow, "Mysl'". (In Russian).

Dubrovskaya, D.V. (2001). Missiya iezuitov v Kitae. Matteo Ricci I drugie. (Jesuit Mission in China. Matteo Ricci and others. 1552—1575). Moscow: Kraft+IV RAN. (In Russian).

Guo, Moruo. (1961). Phlisophy drevnego Kitaya. (Philosophers of Ancient China.) Moscow: Publishing House of Foreign Literature. (In Russian).

Hu, Shuh The development of the logical method in ancient China. Shanghai Oriental Book Co. 1922.

Kobzev, A.I. (1993). Uchenie o simvolah I chislah v kitaiskoi klassicheskoi phikosophii. (The doctrine of symbols and numbers in Chinese classical philosophy). Moscow: Eastern Literature. (In Russian).

Krushinsky, A. A. (1999). Logika Yidzina. Dedukciya v drevnem Kitaye. (Logic of the I Ching: Deduction in Ancient China). Moscow, 1999. (In Russian).

Kurtz, J. (2011). The Discovery of Chinese Logic. Leiden — Boston.

Kvartalova, N.L. (2021). Pervoe znakomstvo Kitaya s logikoi: trudnosti perevoda // Chelovek I kultura Vostoka. (China's First Acquaintance with Logic: Difficulties in Translation // Man and Culture of the East. Research and translations). Moscow, IFES RAS. No. 9. P. 287—295. DOI: 10.48647/PCOST.2021.77.73.015 (In Russian).

Lomanov, A.V. (2002). Hristiansvo I kitaiskaya kultura. (Christianity and Chinese culture). Moscow: Eastern Literature. (In Russian).

Lucas, Terry (1993). Hui Shih and Kong Sun Long an Approach from contemporary Logic // Journal of Chinese Philosophy. Vol.20. № 2. Honolulu Hawai, USA. P. 211—234.

Maliavin, V.V. (1985). Zhuangzi. (Zhuangtzu.) Moscow: Science. (In Russian).

Spirin, V.S. (2014). Deng Xi-zi. Mudrec Deng Si. (Deng Xi-tzu. Sage Deng Xi.) (Compiled and edited by Kobzev A.I.). Moscow, Science — Eastern Literature, 2014. (In Russian).

Yan, Fu 嚴復 (2014). Ming xue jian shuo 名学浅说 [Primer of Logic]. Beijing shidai wenhua shuju.

Yuan, Jinmei. (2019) Aristotelian Logic in China — a Case Study of the Chinese Translations of Euclid's Elements // Journal of East-West Thought, P. 81—94. URL: https://www.cpp.edu/~jet/Documents/JET/Jet3/Yuan81-94.pdf (accessed: 01.09.2021).

Zhang, Jialong 张家龙 (2004) Luoji sixiang shi 逻辑思想史 [History of Logical Thought]. Huhan jiaoyu chubanshe.

DOI: 10.48647/ICCA.2022.45.76.009

В.Г. Дацышен

Цинский Китай как евразийское государство. К проблеме изучения истории Китая в России

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения истории Цинского Китая. В современном российском китаеведении отсутствует признание значимых для «ханьской цивилизации» изменений, произошедших в Китае в эпоху Цин. В подавляющем большинстве научных публикаций утверждается, что Цинская империя была традиционным китайским государством, таким же, как Минская империя. Такая ситуацию обусловлена слабым уровнем изученности истории Цинской империи в России и усилением влияния исторических работ китайского происхождения. В последние годы в российском востоковедении был выдвинут противоположный тезис, в работах появились утверждения о том, что Цинская империя была вообще не китайским государством. Но данный подход не только порывает с многовековой традицией восприятия Цинской империи именно как Китая, но и противоречит базовым реалиям Чжунго. Оба этих подхода не соответствуют современному уровню науки, показывающей, что Цинская империя была Китайским государством, но вышедшим на качественно новый уровень развития. В западной синологии Цинская империя нередко рассматривается уже не как ханьское государство, а как вселенская империя. В отечественной историографии давно выдвинут тезис о преобладающем влиянии на Цинский Китай именно внешнего воздействия, а не внутренней традиции. В последние годы некоторые российские китаеведы, по-новому подойдя к проблемам истории Цинской империи, пришли к выводу о Китае, как универсалистской империи. В Юаньской империи проявились основы большой дальневосточной континентальной цивилизации, а в Минский период ханьцентричная модель Китая исчерпала свой потенциал развития. Таким образом, представленные в работах некоторых современных российских китаеведов результаты исследования позволяют говорить о качественных изменениях, произошедших в Китае после создания Цинской империи. В Цинском Китае не только произошло объединение значительной части территорий, населенных народами евразийских (периферийных по отношению к Хань-Чжунго) культур, но активное участие этих евразийских культур в государственном строительстве, проникновение их во все сферы политической жизни, влияние на социально-экономическую организацию и духовную жизнь населения. Эти изменения можно назвать евразиацией Китая.

Ключевые слова: проблемы российского китаеведения, Цинская империя, история Китая, современное китаеведение, евразиация.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, д.и.н., профессор, старший научный сотрудник. Института востоковедения РАН, Красноярский государственный педагогический университет. E-mail: dazishen@mail.ru

Vladimir G. Datsyshen

Qing China as a Eurasian state: On the Problem of Studying the History of China in Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the history of Qing China. In modern Russian Sinology, there is no recognition of the significant changes for the "Han civilization" that took place in China during the Qing era. The vast majority of scholarly publications claim that the Qing Empire was a traditional Chinese state, just like the Ming Empire. This situation is due to the low level of knowledge of the history of the Qing Empire in Russia and the increased influence of historical works of Chinese origin. In recent years, the opposite thesis has been put forward in Russian oriental studies, and statements have appeared in the works that the Qing Empire was not a Chinese state at all. But this approach not only breaks with the centuries-old tradition of perceiving the Qing Empire as China, but also contradicts the basic realities of Zhongguo. Both of these approaches do not correspond to the modern level of science, which shows that the Qing Empire was a Chinese state, but it reached a qualitatively new level of development. In Western Sinology, the Qing Empire is often considered not as a Han state, but as a universal empire. In domestic historiography, the thesis has long been put forward about the predominant influence on Qing China precisely from external influence, and not from internal tradition. In recent years, some Russian sinologists, having taken a new approach to the problems of the history of the Qing Empire, have come to the conclusion that China is a universalist empire. The foundations of a large Far Eastern continental civilization appeared in the Yuan Empire, and the Han-centric model of China exhausted its development potential during the Ming period. Thus, the results of the research presented in the works of some modern Russian sinologists allow us to speak about the qualitative changes that occurred in China after the creation of the Qing Empire. In Qing China, not only did the unification of a significant part of the territories inhabited by the peoples of the Eurasian (peripheral in relation to Han-Zhongguo) cultures, but the active participation of these Eurasian cultures in state building, their penetration into all spheres of political life, influence on the socio-economic organization and spiritual life of the people. These changes can be called the Eurasianization of China.

Keywords: Problems of Russian Sinology, Qing Empire, Chinese history, modern Chinese studies, Eurasianization.

Author: Datsyshen Vladimir G., Doctor of Science (History), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk State Pedagogical University. E-mail: dazishen@mail.ru

Китайская цивилизация имеет почти пятитысячелетнюю историю непрерывного развития. Особый интерес у исследователей вызывает история Китая в эпоху династий Хань и Цин. Период Да Цин го стал завершающим в более чем двухтысячелетней истории имперского Китая, начавшейся с создания империи Цинь и ее окончательного оформления в Ханьскую эпоху. Соответственно, в научной и учебной литературе эти «два полюса» традиционного Китая более всего представлены, они и формируют общее представление об истории Китая. При этом, «стандарты» Ханьского Китая в абстрактно-идеализированной форме зачастую переносятся на Цинский Китай. В российском

обществе сложились устойчивые представления о неизменности развития традиционной китайской цивилизации с древности до XX в.

Можно констатировать, что в российском китаеведении до сих пор отсутствует признание значимых для «ханьской цивилизации» изменений, произошедших в Китае в эпоху Цин. Особенности развития Китая в Цинскую эпоху традиционно низводятся до утверждения, что эта страна почти три века находилась «под гнетом чужеземцев» [Бокщанин, 2002, с. 247]. Феномен Китая второй половины XX в., феномен «социализма с китайской спецификой» актуализируют интерес к истории Китая XVII—XIX вв. Выдающийся российский историк-китаевед Б.Г. Доронин (1928—2021) в интервью, данном в 2019 г. в рамках проекта «Российское китаеведение — устная история», отметил значимость цинской истории для современной китайской элиты: «цинский проект, который получил санкцию государства и политбюро (единственный в области гуманитарных наук!). Этот проект курировал один из членов политбюро ЦК КПК... Вот на свежую голову вопрос: страна занимается модернизацией, куча проблем, а они занимаются цинской историей! Зачем?! Это очень мудрое решение! Они этим проектом очень много проблем решают!» [Борис Григорьевич Доронин...]. Современные российские китаеведы указывают: «Неизбежным представляется сопоставление цинской политики и с современной практикой мультикультурализма, особенно в связи с тем, что современная идеология КНР видит в цинской эпохе исторические предпосылки современной концепции «китайской нации»» [Голиков, 2013, с. 278].

Действительно, история Цинского Китая заслуживает особого внимания. В этот период произошли большие изменения в разных сферах жизни традиционного Китая, вступившего в эпоху «нового времени». В данной же работе нас интересует проблема, которую можно назвать «евразиацией» Китая в эпоху Цин.

Понятие «евразийское» применительно к государству объединяет несколько различных, но взаимосвязанных признаков. Идеи евразийства предполагали повышение роли и значения культур, сформированных на периферии древнейших крупных цивилизационных центров Евразии, народов, связывавших Средиземноморскую, Дальневосточную и Индийскую суперцивилизации. Локальные земледельческие и скотоводческие «периферийные» культуры, в силу особенностей внутреннего развития, большей зависимости в своем развитии от крупных цивилизаций и «транзитной» роли в мировой системе по разным признакам и параметрам имели сходство со всеми тремя суперцивилизациями Евразии. Во многом единое пространство взаимосвязанных культур между Европой, Китаем и Индией можно условно назвать евразийской цивилизацией. Признаком евразийского государства является не только объединение в нем значительной части территорий, населенных народами «евразийских» культур, но активное участие «евразийских» культур в государственном строительстве, проникновение их во все сферы политической жизни, влияние на социально-экономическую организацию и духовную жизнь населения.

Целью нашего исследования является выявление в российской историографии вопросов, связанных с особенностями Китайского государства и общества в период правления маньчжурской династии Айсиньгиоро под деви-

зом Цин с центром в Пекине. Традиционно это государство в российской историографии называется Цинским Китаем или Цинской империей.

Говоря о базовых представлениях об истории Цинского Китая в современной России, в первую очередь следует обратиться к работам главного и самого авторитетного специалиста по истории Китая эпохи Цин в постсоветский период доктора исторических наук профессора О.Е. Непомнина (1935—2020). Именно ему принадлежит единственная в российской науке обобщающая академическая монография, специально посвященная истории Цинского Китая [Непомнин, 2005, с. 5], именно О.Е. Непомнин был ответственным редактором и автором большей части текста отдельного тома «Династия Цин (1644—1911)», первой и единственной в российской историографии многотомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI в.» [История Китая..., 2014].

О.Е. Непомнин придерживался традиционных для русской культуры взглядов и подходов, и в одной из последних своих работ, опубликованной в 2019 г., он утверждал, что в Китае, в отличие от стран Запада, «механизма поступательного развития и взаимного обогащения не сложилось... в Китае прочно сохранялась формация древности и средневековья... Цинская империя погрузилась в формационный застой» [Непомнин, 2019, с. 63]. Ведущий российский китаевед придерживался той позиции, что на просторах ««большой дальневосточной цивилизации» с центром в Китае» на протяжении несколько веков несколько десятков этнонациональных общностей сосуществовали без «взаимного обогащения». Особенности развития Китая в Цинскую эпоху традиционно низводятся до утверждения, что эта страна почти три века находилась «под гнетом чужеземцев» [Бокщанин, 2002, с. 247]. В своей обобщающей монографии по истории Цинского Китая О.Е. Непомнин указывает, что эпоха Цин стала «весьма специфической частью четырехтысячелетней истории Китая» [Непомнин, 2019, с. 247], однако эту специфику он ограничил «очередным «варварским» завоеванием», еще одним воцарением «чужеземной династии» [Непомнин, 2005, с. 5]. В последней, изданной уже после смерти автора статье, «Политический строй Цинской империи», собственно Цинская империя ни разу не упоминается, а в работе лишь говорится о сохранении «китайской деспотии» к рубежу позднего европейского Средневековья и Нового времени [Непомнин, 2021].

В своей основе О.Е. Непомнин оставался на позициях советской историографии 1960—1970-х гг., отказавшись лишь от «марксистско-ленинских» шаблонов. А единственная в советской историографии академическая «Новая истории Китая» вышла в свет в 1972 г. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН Ю.В. Чудодеев в интервью, данном В.Ц. Головачеву в рамках проекта «Устная история», вспоминал: «Крупнейшим достижением под руководством Сергея Леонидовича Тихвинского я считаю создание «Новой истории Китая» (истории Китая периода правления династии Цин). Писалась она большим количеством людей — чуть ли не 40 человек было собрано... На это ушло примерно 10 лет. В итоге, в 1972 году «Новая история Китая» появилась. На уровне того развития нашей китаеведческой науки это, безусловно, был большой вклад и большое достижение. Сегодня можно по-разному оценивать те или иные выводы, которые были сделаны, тот мас-

сив материала, который был собран под эту работу» [Российское китаеведение..., 2018, т. 1].

Действительно, специфика цинского периода истории Китая в указанной работе в основном была ограничена следующей характеристикой: «Сложившийся в борьбе против китайского народа союз маньчжурских завоевателей с китайскими феодалами был классовой основой последующего маньчжурского владычества в Китае» [Новая..., 1972, с. 5]. В «Новой истории Китая» имелись «намеки» на специфику государства, но без разъяснений: «Считалось, что богдыхан является Сыном неба»; «Сложный феодально-бюрократический аппарат Цинской империи строился в основном по образцу государственных учреждений и ведомств, существовавших при династии Мин» [Новая, 1972, с. 31]. В целом, в данной работе история Цинского Китая до середины XIX в. представлена кратко, обзорно, введена в «марксистско-ленинские стандарты», а авторов интересовала, за исключением завоеваний, лишь «территория собственно Китая» [Новая, 1972, с. 32].

В работах О.Е. Непомнина, оставшегося на позициях маньчжурского завоевания как главного и практически единственного отличия Цинской империи от Минской, была выдвинута и оригинальная идея, он полагал, что история Цинского периода заканчивается в 70-х годах XIX в., после чего начинается, по его выражению, 80-летний «Тайпинский период» (1870—1949 гг.) истории Китая. В мировой науке отсутствует признание отдельного 80-летнего «Тайпинского периода» в истории Китая, и мы полагаем, что именно евразиация Китая, состоявшаяся в Цинский период, предотвратила появление «Тайпинского периода» в истории Китая.

Согласиться с утверждением о том, что Цинский период истории Китая отличался от всех предшествующих лишь наличием «чужеземной династии» в современной российской науке готовы не все, особенно те ученые, которые изучают не ханьские регионы Цинской империи. Как правило, в обобщающих работах по истории Азии создаётся своеобразная противоречивая картина истории. Составители академической многотомной «Истории Востока» дают главу «Китай в XVIII в.» после глав «Монголы в XVI—XVIII вв.» и «Тибет в XVI—XVIII вв.». Авторы-составители, среди которых указан О.Е. Непомнин, делают вывод, что Цинская империя после включения в свой состав Тибета стала «маньчжуро-китайской и одновременно маньчжуро-монгольской империей» [История, 2000, с. 581].

В последние годы несогласие с господствующей в историографии концепцией «неизменности Китая» приняло радикальные формы. Например, известный монголовед доктор исторических наук Л.С. Кузьмин выдвинул идею о том, что с приходом в Пекине к власти маньчжур Китай как государство перестал существовать. Эту идею поддержали и некоторые известные китаеведы. В совместной работе китаеведа С.В. Дмитриева и монголоведа С.Л. Кузьмина говорится: «Формирование, структура, социокультурные концепты, методы правления и национальная политика отличают империю Цин от Китая как государства, каковым являлась до нее империя Мин, а затем стали Китайская республика и КНР. Империя Цин не была Китаем» [Дмитриев, 2014, с. 15]. Трудно не согласиться с тем, что империя Цин отличалась от империи

Мин, но еще более трудно согласиться с тем, что Китайская Народная Республика является преемником Мин, не имея отношения к Цин. Более того, сами авторы по тексту опровергают свои выводы. Они пишут: «Но одна из важных черт империи, мультиэтничность, с самого начала получила аналогию в виде “республики пяти рас”. С тех пор идея “единого многонационального Китая”, последовательно управлявшегося разными династиями, используется как обоснование исторической преемственности Китайской республики и КНР от империи Цин» [Там же, с. 13].

В работе С.В. Дмитриева и С.Л. Кузьмина справедливо констатируется: «Итак, способы легитимации своей власти в отношении разных народов в империи Цин были различными» [Там же, с. 10]. Но трудно согласиться с утверждением, что «Это противоречило китайской мироустроительной модели, предполагавшей приобщение “варваров” к китайской культуре» [Там же]. Почему-то в качестве доказательства того, что цинская элита не была китайской, они приводят такой пример: «Следуя конфуцианству, они тем не менее имели официальных шаманов, но при этом были искренними буддистами» [Там же].

Без сомнения, авторы концепции «Империя Цин не была Китаем» по какой-то причине отказывают китайской культуре в гибкости, способности развиваться, успешно реагировать на сложные вызовы. Но мы можем предположить, что именно благодаря этому Китай с четырехтысячелетней историей сохранился до наших дней.

Говоря о непризнании современными востоковедами Цинской империи Китаем, следует отметить, что в России с первых дней установления прямых связей с Цинской империей это государство называли Китаем, или, например, Срединной империей, как в Буринском трактате 1727 г. И в российской науке, начиная со времени ее становления в XVIII в., всегда Цинская империя признавалась Китаем. Например, одна из первых опубликованных работ русских китаеведов по истории Цинской империи называлась «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне китайцев с зенгорцами» [Леонтьев, 1777]. Типичным для китаеведения XVIII—XIX вв. было указание «на общее и особенное» в Цинском Китае: «Китай одно из древнейших и многолюднейших государств на земном шаре... Манджуры... дали сей империи название Дай-Цин... Но имя Дай-Цин не будет вечно; оно пропадет, как скоро новая фамилия на престол вступит» [Бантыш-Каменский, 1882, с. 1]. Российские ученые, относя Цинскую империю к Китаю, не утверждали, что это ханьское государство: «Государство сие составляют три главных народа: Китайцы. Манджуры и Мунгалы»[Бантыш-Каменский, 1882, с. 2]. Глава последней в XVIII в. Духовной миссии в Пекине архимандрит Софроний в своей научной работе называл Цинскую империю «Китаем, ныне Манджуро-Китайским государством» [Грибовский, 1861]. Во всех сферах российского государства и общества не только Цинскую империю называли Китаем, но и Цинский Двор — Китайским, в трудах XVIII в. говорилось: «Как Сибирские пределы смежны с Китайскими, следовательно, Российский Двор более долженствует иметь сообщения с Китайским» [Чулков, 1785, с. 3].

Появление в стенах Института востоковедения РАН двух крайне противоположных взглядов на природу Цинского Китая при отсутствии какой-либо

публичной научной дискуссии, даже в ситуации масштабного академического проекта многотомной обобщающей истории Китая, произошло во многом потому, что исследователи избегали проблем трансформации Китая в эпоху Цин. Известные российские китаеведы не ставили проблему, хотя она явно проявлялась в их работах. В качестве примера можно привести китаеведа-энтузиаста А.Н. Хохлова (1929—2015) [Российское китаеведение, 2018, т. 3, с. 404]. В одной из лучших работ по истории Цинского Китая «Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая» Н.И. Тяпкиной [Тяпкина, 1984] проблема уникальности и особости Цинской эпохи не затрагивается, правда, и о преемственности от предыдущей династии в работе ничего не говорится.

Выдающийся синолог М.В. Крюков еще в советское время отметил, что «конфуцианским образованным верхам китайского общества» импонировал универсализм создателей династии Юань, но «монгольские властители Китая, однако не спешили перенимать его испытанную тысячелетиями политическую мудрость» [Крюков, 1987, с. 19]. Казалось бы, интересно, как решалась данная проблема в Цинском Китае, но применительно к династии Цин ведущие китаисты во главе М.В. Крюковым ограничиваются тезисом о «терпимости к китайской цивилизации»[Крюков, 1987, с. 28]. Ведущий московский историк-китаевед А.А. Бокщанин (1935—2014) так определял династию Цин: «Этнически она была маньчжурская, а по своему устройству — китайская» [Российское китаеведение, 2018, т. 1, с. 35]. Академик В.С. Мясников называет Цинский Китай «маньчжурская империя Цин» [Мясников, 1987, с. 5], однако он указывает: «Цинская империя вступала в связи лишь на основе китаецентристской модели» [Там же, с. 8]. В.С. Мясников приводит примеры политического симбиоза: «цинская дипломатия являлась по существу маньчжуро-китайской дипломатией: маньчжурской по целям и задачам, китайской в основном по формам, методам, средствам»[Мясников, 1987, с. 17], он придерживается такого подхода, что Цинская империя — это маньчжурское государство, выросшее за счет Китая и трансформировавшееся под влиянием Китая. Однако в интервью, данном В.Ц. Головачеву в рамках проекта «Устная история», В.С. Мясников назвал Цинскую империю «Китаем в период правления династии Цин» [Российское китаеведение, 2018, т. 1, с. 340].

Два крайне противоположных взгляда на природу Цинского Китая, представленные научными сотрудниками Института востоковедения РАН, по сути, являются рамками, внутри которых российское китаеведение ищет приемлемые и насколько возможно объективные оценки и характеристики Цинского Китая. При этом отечественные исследователи обращаются к первоисточникам и опыту китайских историков.

Российские ученые отмечали, что в эпоху Цин китайская элита при изучении своего государства отдавала приоритеты изучению «евразийской составляющей» своей страны. Ведущий специалист по китайской историографии Б.Г. Доронин отмечал: «под кистью придворных историографов события, развернувшиеся на окраине империи, в «варварской» периферии, заняли центральное место в китайской истории этого периода» [Доронин, 2002, с. 198]. Однако, с распространением европейской науки в Китае приоритеты

изменились, в китайской историографии утвердилась ханьцентричная модель истории Китая, в том числе и в цинский период.

С начала XX в. китайские ученые стали оказывать все большее влияние на российскую синологию. Сегодня нельзя утверждать, что китайское китаеведение (госюэ) является исключительно ханьцентричным, но русско-китайское взаимодействие в области китаеведения шло исключительно по линии ханьсюэ. Не случайно ведущий российский синолог А.В. Виноградов пишет: «Все развитие китайской цивилизации, на что справедливо указывали китайские мыслители начала XX века, протекало в замкнутой этно-культурной среде, где отсутствовали свойственные Европе миграции народов, борьба государств-наций и религий...» [Виноградов, 2008, т. 1, с. 102].

В последние годы, в силу ряда причин и факторов, на общественное мнение и научное китаеведческое сообщество России все большее влияние оказывает именно Китай, а не Запад, все больше переводится и издается китайской научной и научно-популярной литературы. Показательной является недавно вышедшая в Пекинском университете, а затем почти сразу изданная в Москве четырехтомная «История китайской цивилизации»[История китайской..., 2020]. Уже сами хронологические рамки выделенного китайскими историками в качестве целостного периода истории Китая — 1525—1911 гг., указывают на отказ признавать Цинский период истории Китая как особый и отличный от ханьцентричного Минского периода. Первый параграф в предисловии к четвертому тому называется «Новые модели и элементы развития традиционной цивилизации». Но в нем вся новизна ограничивается утверждением, что «Цинские власти немало сделали для дальнейшего укрепления связей между различными этносами в стране»[История китайской, 2020, с. 9], для чего был «подавлен мятеж трех князей», «отвоеван обратно Тайвань», «дан отпор царской России», «усмирены джунгары»... и т. д. Правда, далее китайские авторы пишут: «Цинская династия добилась значительных успехов в построении полиэтничного государства. Ее культурное богатство вобрало в себя не только достижения ханьского этноса, но также и культур соседних малых народов, которые, входя в большую единую семью и являясь неотъемлемой ее частью, развивались и вносили свой вклад в общую культуру Поднебесной»[История китайской, 2020, с. 257]. Тем не менее, речи о каких-либо особенностях политической организации Цинского Китая или изменениях в китайской культуре здесь не идет.

В последние годы большинство современных российских востоковедов указывают на недостаточную изученность и слабое внимание отечественного китаеведения к проблемам истории Цинской империи. Об этом в своих выступлениях на конференциях и семинарах в последние годы говорили Н.А. Самойлов, А.И. Кобзев, А.А. Маслов, М.Ю. Ульянов, А.В. Лукин, А.Г. Ларин, Д.В. Дубровская, А.Д. Воскресенский, С.Г. Лузянин, В.Ц. Головачев и многие другие. Все отечественное востоковедение испытывает потребность в новом обращении к проблемам цинской истории. Сибирские востоковеды пишут: «Многие аспекты научных трудов по российской синологии в период господства марксистской теоретической мысли в советский период истории не получали своего адекватного отражения, соответствующего научным раз-

работкам мирового китаеведения. Современной науке необходимо в полной мере дать анализ основных сфер, касающихся внешнеполитического и внутреннего устройства империи Цин, чтобы иметь полное представление о своем ближайшем стратегическом союзнике» [Дугаров, 2013, с. 189]. Здесь авторы не указывают, как «господство марксистской теоретической мысли» препятствовало изучению «внешнеполитического и внутреннего устройства империи Цин». Мы можем высказать некоторые предположения, опираясь, например, на материалы состоявшейся в 1982 г. второй Всесоюзной конференции китаеведов. Отчитывались тогда китаеведы о своей работе по изучению средневековой истории Китая, новой истории Китая или отдельных важных проблем, а из их отчета получалось, что Цин не попадала в средневековье, а проблемы новой истории — это уже XIX в.

В отличие от большинства российских китаеведов западные синологи озвучили новые взгляды в отношении Цинского Китая, более того, их подходы даже представлены в академических изданиях на русском языке. Например, известный бельгийский синолог из университета Гент Дессейн Барт Цинскую империю выделяет в особый период истории Китая, называя ее «вселенской империей». Он пишет: «Отношения между конфуцианской элитой и членами различных не-ханьских субкультур на их территории кардинально изменились с приходом к власти в Китае маньчжуров и основанием цинской династии в Пекине в 1644 г. Для маньчжуров было невозможно утверждать свою легитимность через происхождение от династии Хань, поэтому они основали свой авторитет на «добродетели» (дэ), определяемой в терминах политической стабильности и подтверждаемой управлением страной как «вселенской империей»» [Дессейн, 2012, с. 283].

Дальше всего отошли от идеи простой преемственности Цинской империи от Минской ведущие специалисты по истории Китая данного периода Б.Г. Доронин и В.Л. Ларин. В работах одного из лидеров Санкт-Петербургского китаеведения Б.Г. Доронина встречаются такие утверждения: «формировавшаяся в этот период маньчжурская государственность по свое природе коренным образом отличалась от «конфуцианской» монархии» [Доронин, 2002, с. 24]. Однако в его работах присутствовали и утверждения о том, что Цинская империя была создана путем реставрации «всей системы отношений, свойственных «конфуцианской» монархии» [Доронин, 2002, с. 23]. Г.В. Мелихов в интервью, данном В.Ц. Головачеву в рамках проекта «Устная история» назвал Цинскую империю «маньчжуро-китайской, цинской цивилизацией» [Российское китаеведение, 2018, т. 1, с. 317]. Глава владивостокской школы историков-китаеведов В.Л. Ларин уже давно высказал утверждение о решающем значении внешнего влияния на развитие Китая в Цинскую эпоху, он писал: «За эти века Китай подошел — более под внешним воздействием, чем следуя логике внутреннего развития» [Ларин, 1994, с. 248].

Таким образом, в отечественной историографии давно выдвинут тезис о преобладающем влиянии на Китай в XVII—XIX вв. именно внешнего воздействия, а не внутренней традиции. В последние годы историки-китаеведы, представляющие региональные школы на востоке России, поднимают новые проблемы истории Цинской империи. Представитель алтайской школы ки-

таеведения К.В. Хахалин поднял проблему необходимости изучения механизма сочетания «двух... с формально-логической точки зрения взаимоисключающих направлений деятельности» Цинской империи в сфере внешней политики и выдвинул тезис о том, что «экспансия Цинской империи на северо-западе Центральной Азии оказалась средством достижения стратегической цели маньчжурских правителей Китая — обеспечить его самоизоляцию в качестве основной внешнеполитической гарантии сохранения их господства в стране» [Хахалин, 1999, с. 38]. Новые и интересные идеи представлены в работах одного из самых активных и успешных современных российских китаистов П.А. Лапина, который работает в Пекине и постоянно обращается к первоисточникам по истории Цинского Китая. Говоря об императоре, он указывал: «без учёта родного маньчжурского языка император Цяньлун в разной степени мог изъясняться, читать или писать на пяти языках и диалектах народов, населявших северные и северо-западные рубежи Цинской империи» [Лапин, 2021, с. 59—60]. П.А. Лапин утверждает, что: «По мнению китайских придворных идеологов, народности, признавшие политическую зависимость от правящего дома, причислялись к категории «просвещённых», становились «одной семьёй» с правящим домом»[Там же, с. 64], т. е. все народы, вошедшие в состав Цинской империи, исключались из категории «варваров».

Наиболее остро ставят проблемы особости истории Китая в Цинский период представители владивостокской школы китаеведения. Как отмечалось выше, уже в начале 1990-х годов В.Л. Ларин указал на преобладающее влияние внешнего воздействия на Китай на протяжении всей истории Цинской империи. А.П. Голиков уже называет Цинский Китай «универсалистской империей» [Голиков, 2012, с. 57], вводит понятие «маньчжуро-ханьская диархия», исследует «процессы включения регионов в цинский imperium [Там же, с. 52]. В другой своей работе А.П. Голиков, опираясь на широкую источниковую базу, утверждает: «правители не только осознавали отличия культур, но и пытались адаптировать к ним идею универсальной власти» [Голиков, 2013, с. 281].

Известный синолог А.В. Виноградов предложил интересный подход к рассмотрению истории Китая последних двух столетий. Он рассмотрел реакцию Китая с 1840 г. на череду «вызовов» («вызов Запада», «вызов марксизма», «вызов СССР», «вызов традиции»)[Виноградов, 2008, с. 101—161]. Мы полагаем, что здесь можно было бы выделить «вызов Евразии», реакцией на который стала модернизация в XVII—XVIII вв., которую можно назвать евразиацией.

Мы также полагаем, что о попытке формирования евразийской модели большой Дальневосточной цивилизации с центром в Китае можно говорить применительно к эпохе Юань. Однако ханьцентричная модель развития показала на тот момент жизнеспособность, она не подверглась достаточной для нового синтеза эрозии, не впитала в себя евразийскость. В Минский период ханьцентричная модель Китая постепенно исчерпала свой потенциал развития. И в Цинский период начался процесс создания «государства пяти национальностей», происходивший в условиях противостояния различных внутриханьских этнокультурных групп. Это был период «великих трэков», таких как различные переселения западных монголов и чахар-монголов, переселение сибо из Маньчжурии в Синьцзян, отдельных ханьских сообществ с юга Китая

в Маньчжурию, и проч. Важным фактором евразиации Китая было утверждение маньчжурского и монгольского языков как государственных языков Цинской империи. При этом маньчжурский, монгольский и китайский языки на протяжении этого периода тесно взаимодействовали. Тогда же шло тесное взаимодействие тибетского и китайского буддизма, китайский император признал Далай-ламу в качестве своего наставника. Традиционная ханьцентричная легитимация власти в Цинской империи была не единственной, и, вероятно, не главной. В Цинской империи не только народы Евразии принимали ханьскую (танскую, минскую) модель политической организации, но и различные слои ханьского общества трансформировались, вписываясь в евразийскую, или, как минимум, маньчжурскую модель не только административно-политической, но и социально-экономической организации.

Потенциал современного российского китаеведения позволяет вывести на качественно новый уровень степень изученности Цинского Китая. И здесь большим подспорьем могут быть региональные центры российского китаеведения. В евразийских регионах России можно глубже проникнуть в проблемы евразийской составляющей Китая в различные периоды его истории.

Библиографический список

[Бантыш-Каменский] Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии Иностранных дел в 1792—1803 году Николаем Бантыш-Каменским. Казань: Типография Императорского Университета, 1882. 565 с.

[Грибовский] Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском государстве, сочиненное Архимандритом Софронием, начальником Русской Миссии в Китае в начале нынешнего столетия. М.: Университетская типография, 1861. 97 с.

Бокщанин А.А., Непомнин О.Е. Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М.: Вост. лит., 2002. 430 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Голиков А.П. Административные реформы на окраинах Цинской империи 1860—1880 гг. и система восьми знамён (к проблеме преемственности в истории Китая) // Известия Восточного института. 2012. № 2 (20). С. 50—59.

Голиков А.П. Власть и язык в политике Цинской империи // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 1 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 278—287.

Дессейн Барт. «Создавать государство в опоре на партию» (И дан цзянь го): политика Китайской Республики и ее значение для современного Китая // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синхайской революции: Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы (Москва, 19—21 октября 2011 г.). М.: ИДВ РАН, 2012. С. 280—296.

Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 1. С. 5—17.

Доронин Б.Г. Борис Григорьевич Доронин. Проект «Российское китаеведение — устная история». URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Interviu_s_Doroninym_Borisom_Grigorevichem.pdf (дата обращения: 03.11.2022).

Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII—XVIII вв. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. 288 с.

Дугаров В.Д., Гудеева Н.М. Монголия в составе империи цинов в отечественной монголистике в первой половине XIX в. (трансформация методологии исследований) // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 6 (45). С. 189—194.

История Востока Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI—XVIII вв. М.: Восточная литература, 2000. 696 с.

История китайской цивилизации: в 4 т. / гл. редколл. Юань Синпэй и др.; пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой. Т. 4.: Конец правления династии Мин и династия Цин (1525—1911). М.: Шанс, 2020. 695 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский. Т. VI. Династия Цин: 1644—1911. Отв. редактор — д.и.н. О.Е. Непомнин (Институт востоковедения РАН, г. Москва). М.: Наука; Вост. лит., 2014. 886 с.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1987. 309 с.

Лапин П.А. Изучение цинскими правителями языков народов империи и языков зарубежных государств (XVIII—XIX вв.) // Россия и АТР. 2021. № 3 (113). С. 55—69.

Ларин В.Л. Юго-Западный Китай во второй половине XVII — 70-х годах XIX в.// Проблемы региональной истории. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 335 с.

Мясников В.С. Империя Цин и русское государство в XVII в. 2-е изд. // Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 512 с.

Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.

Непомнин О.Е. Китай в контексте мировой истории // Восточный курьер. 2019. № 1—2. С. 62—76.

Непомнин О.Е. Политический строй Цинской империи // Восточный курьер. 2021. № 1—2. С. 46—60.

Новая история Китая / Отв. ред. и авт. предисл. чл.-кор. АН СССР С. Л. Тихвинский. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1972. 37 с.

Российское китаеведение — устная история: Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX—XXI вв.: в 3-х томах / отв. ред. В.Ц. Головачёв. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. 496 с.

Российское китаеведение — устная история: Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX—XXI вв.: в 3-х томах / отв. ред. В.Ц. Головачёв. Т 3. М.: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. 480 с.

Тяпкина Н.И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1984. 223 с.

Хахалин К.В. Китай в аспекте стадиальных особенностей существования Цинской империи // Известия Алтайского государственного университета. 1999. № 4 (14). С. 36—41.

References

[Bantysh-Kamenskiy]. (1882). Diplomaticheskoye sobraniye del mezhdu Rossiyskim i Kitayskim gosudarstvami s 1619 po 1792-y god. Sostavlennoye po dokumentam, khranyashchimsya v Moskovskom Arkhive Gosudarstvennoy Kollegii Inostrannykh del v 1792—1803 godu Nikolayem Bantysh-Kamenskim [Diplomatic collection of the affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792. Compiled according to documents stored in the Moscow Archive of the State

Collegium of Foreign Affairs in 1792—1803 by Nikolai Bantysh-Kamensky]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Universiteta. (In Russian).

Bokshchanin, A.A., Nepomnin O.E. (2002). Liki Sredinnogo tsarstva: Zanimatel'nyye i poznavatel'nyye syuzhety srednevekovoy istorii Kitaya [Faces of the Middle Kingdom: Entertaining and Informative Stories of the Medieval History of China]. M.: Vost. lit. (In Russian).

Desseyn, Bart. (2012). «Sozdavat' gosudarstvo v opore na partiyu» (I dan tszyan' go): politika Kitayskoy Respubliki i eye znacheniye dlya sovremennogo Kitaya // Vekovoy put' Kitaya k progressu i modernizatsii: K 100-letiyu Sinkhayskoy revolyutsii: Doklady XIX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Kitay, kitayskaya tsivilizatsiya i mir. Istoriya, sovremennost', perspektivy (Moskva, 19—21 oktyabrya 2011g.) ['Creating a State Based on the Party' (yi dan jian guo): the Policy of the Republic of China and its Significance for Modern China // China's Century-long Path to Progress and Modernization: On the 100th Anniversary of the Xinghai Revolution: Reports of the XIX International Scientific Conference "China, Chinese Civilization and the World. History, modernity, prospects (Moscow, October 19—21, 2011)]. M.: IDV RAN, S. 280—296. (In Russian).

Dmitriyev, S.V., Kuz'min S.L. Imperiya Tsin kak Kitay: anatomiya istoricheskogo mifa [The Qing Empire as China: Anatomy of a Historical Myth] // Vostok. Afro-Aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2014. № 1, S. 5—17. (In Russian).

Doronin, B.G. (2002). Istoriografiya imperatorskogo Kitaya XVII-XVIII vv. [Historiography of Imperial China in the 17th-18th centuries]. SPb.: Filol fak-t SPbGU. (In Russian).

Doronin, B.G. Boris Grigor'yevich Doronin, Proyekt «Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya» [Boris Grigorievich Doronin. 'Russian Sinology — Oral History' Project]. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Interviu_s_Doroninym_Borisom_Grigorevichem. pdf (accessed: 03.11.2022). (In Russian).

Dugarov, V.D., Gudeyeva N.M. Mongoliya v sostave imperii tsinov v otechestvennoy mongolistike v pervoy polovine XIX v. (transformatsiya metodologii issledovaniy) [Mongolia as part of the Qing Empire in Russian Mongolian studies in the first half of the 19th century (transformation of research methodology)]. Vestnik VSGUTU. 2013. № 6 (45), S.189—194. (In Russian).

Golikov, A.P. (2013). Vlast' i yazyk v politike Tsinskoy imperii // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye: T. XLIII, ch. 1 / Redkoll.: A.I. Kobzev i dr. [Power and Language in the Politics of the Qing Empire // Society and the State in China: Vol. 43, Part 1 / Editorial Board: A.I. Kobzev and others]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, S. 278—287. (In Russian).

Golikov, A.P. Administrativnyye reformy na okrainakh Tsinskoy imperii 1860—1880 gg. i sistema vos'mi znamen (k probleme preyemstvennosti v istorii Kitaya) [Administrative reforms on the outskirts of the Qing Empire 1860—1880 and the System of Eight Banners (to the problem of continuity in the history of China)]. Izvestiya Vostochnogo instituta. 2012. № 2 (20), S. 50—59. (In Russian).

[Gribovskiy] (1861). Izvestiye o Kitayskom, nyne Mandzhuro-Kitayskom gosudarstve, sochinennoye Arkhimandritom Sofroniyem, nachal'nikom Russkoy Missii v Kitaye v nachale nyneshnego stoletiya [News about the Chinese, now Manjuro-Chinese state, composed by Archimandrite Sophronius, head of the Russian Mission in China at the beginning of this century]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: V 10 t. (2014). / gl. red. akad. RAN S.L. Tikhvinskiy. T. VI. Dinastiya Tsin: 1644—1911. Otv. redaktor — O.E. Nepomnin (Institut vostokovedeniya RAN, g. Moskva) [History of China since the most ancient times till the beg. of 21st cent.: In 10 vol./ ch. ed. acad. of the RAS S.L. Tikhvinsky. Vol. VI. Qing Dynasty: 1644—1911). Editor — O.E. Nepominin (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)]. Moscow: Nauka. Vost. lit. (In Russian).

Istoriya kitayskoy tsivilizatsii: v 4 t. (2020). / gl. redkoll. Yuan' Sinpey i dr.; per. s kit. pod red. I.F. Popovoy. T. 4.: Konets pravleniya dinastii Min i dinastiya Tsin (1525—1911) [History of Chinese civilization: in 4 vol. Yuan Xingpei et al.; trans. from Ch. ed. I.F. Popova. Vol. 4: The End of the Ming Dynasty and the Qing Dynasty (1525—1911)]. Moscow: OOO Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans». (In Russian).

Istoriya Vostoka T. III. (2000). Vostok na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni. XVI—XVIII vv. [History of the East Vol. III. East at the Turn of the Middle Ages and Modern Times. 16th-18th centuries]. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. (In Russian).

Khakhalin, K.V. Kitay v aspekte stadial'nykh osobennostey sushchestvovaniya Tsinskoy imperii [China in the aspect of stage features of the existence of the Qing Empire]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 1999. № 4 (14), S. 36—41. (In Russian).

Kryukov, M.V., Maliavin V.V., Sofronov M.V. (1987). Etnicheskaya istoriya kitaytsev na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni [Ethnic history of the Chinese at the turn of the Middle Ages and modern times]. Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literature». (In Russian).

Lapin, P.A. Izucheniye tsinskimi pravitelyami yazykov narodov imperii i yazykov zarubezhnykh gosudarstv (XVIII—XIX vv.) [The study by the Qing rulers of the languages of the peoples of the empire and the languages of foreign states (18th—19th centuries)]. Rossiya i ATR. 2021. № 3 (113), S. 55—69. (In Russian).

Larin, V.L. (1994). Yugo-Zapadnyy Kitay vo vtoroy polovine XVII — 70-kh godakh XIX v. [Southwestern China in the second half of the 17th — 70s of the 19th centuries]. Problemy regional'noy istorii. Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura». (In Russian).

Myasnikov, V.S. (1987). Imperiya Tsin i russkoye gosudarstvo v XVII 2 izd., dop. Khabarovsk: Kn. izd-vo. (In Russian). [The Qing Empire and the Russian state in the 17th century: 2nd ed. add.]/ / Khabarovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1987. 512 s.

Nepomnin, O.E. (2005). Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. XVII — nachalo XX veka [History of China: The Qing Dynasty. 17th — beginning of the 20th century]. Moscow: Vost. lit. (In Russian).

Nepomnin, O.E. (2019). Kitay v kontekste mirovoy istorii [China in the context of world history]. Vostochnyy kur'yer. № 1—2, S. 62—76. (In Russian).

Nepomnin, O.E. (2021). Politicheskiy stroy Tsinskoy imperii [The political system of the Qing Empire] // Vostochnyy kur'yer. № 1—2. S. 46—60. (In Russian).

Novaya istoriya Kitaya (1972). Otv. red. i avt. predisl. chl.-kor. AN SSSR S. L. Tikhvinskiy [New History of China / Managing editor and the author of the foreword corr. memb. of Academy of Sciences of the Soviet Union S. L. Tikhvinsky]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury. (In Russian).

Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya: Sbornik interv'yu s vedushchimi rossiyskimi kitayevedami XX—XXI vv. : v 3-kh tomakh (2018). / otv. red. V.Ts. Golovachev. 2-e izd., ispr. i dop. T. 1. [Russian sinology — oral history: Collection of interviews with leading Russian sinologists of the 20th-21st centuries: in 3 volumes/ rev. ed. V. Ts. Golovachev. 2nd ed., ed. and enl., Vol. 1]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, MAKS Press. 496 s. (In Russian).

Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya: Sbornik interv'yu s vedushchimi rossiyskimi kitayevedami XX—XXI vv.: v 3-kh tomakh (2018). / otv. red. V.Ts. Golovachev. T. 3 [Russian sinology — oral history: Collection of interviews with leading Russian sinologists of the 20th-21st centuries: in 3 volumes/ rev. ed. V. Ts. Golovachev. Vol. 3]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, MAKS Press. 480 s. (In Russian).

Tyapkina, N.I. (1984). Derevnya i krest'yanstvo v sotsial'no-politicheskoy sisteme Kitaya [The Village and the Peasantry in the Socio-Political System of China]. Moscow: «Nauka». Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russian).

Vinogradov, A.V. (2008). Kitayskaya model' modernizatsii. Poiski novoy identichnosti. Izd. 2 [Chinese Model of Modernization. The Search for a New Identity. 2nd ed.]. Moscow: NOFMO. (In Russian).

DOI: 10.48647/ICCA.2022.31.92.010

Н.А. Самойлов

Канси и Петр Великий: китайский взгляд на двух императоров

Аннотация. В статье рассматриваются подходы и методы сравнительно-исторического изучения деятельности цинского императора Канси и российского императора Петра Великого, а также оценки их места и роли в истории, характерные для китайской исторической литературы и массового сознания. Современные китайские историки, рассматривая период правления трех цинских императоров (Канси — Юнчжэн — Цяньлун), именуют его Эпохой процветания. Они отмечают, что в то время имело место усиление государства, была расширена его территория и укреплены границы, наметился экономический подъем и увеличилось население Китая. В последнее время в КНР растет интерес к изучению всемирной истории и определению места Китая в мировом историческом процессе, развиваются сравнительно-исторические, компаративистские исследования. Китайских историков и широкую общественность привлекают знаковые фигуры мировой истории. В этом ряду особое место принадлежит российскому императору Петру Великому, чей образ получил широкое распространение в трудах китайских мыслителей еще в XIX веке. Именно тогда слава царя-реформатора — мудрого правителя огромной страны, закрепилась за Петром I надолго, и этот образ остается востребованным вплоть до настоящего времени. Петру I посвящены страницы в школьных учебниках и фундаментальные научные исследования, научно-популярные телевизионные фильмы и сетевая литература, его деятельность и черты характера обсуждаются в интернете. Для многих китайцев царь Петр олицетворяет Россию, ее военную мощь, науку, технику, культуру. Сравнивая двух императоров, многие китайские историки отмечают, что Канси существенно укрепил государство, расширил его территорию, разработал стратегию стабилизации Китая в конкретных исторических условиях и обеспечил длительное устойчивое развитие, а русский царь Петр не только укрепил государство и усилил армию, но и решился на проведение масштабных реформ, в результате чего Россия совершила рывок вперед в своем развитии.

Ключевые слова: Канси, Петр Великий, династия Цин, китайская историография, реформы, образ Петра Великого в Китае, компаративистика.

Автор: Самойлов Николай Анатольевич, д.и. н., профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация). ORCID ID: 0000-0003-1361-0847; E mail: n.samoylov@spbu.ru

Nikolay A. Samoylov

Kangxi and Peter the Great: Chinese View on the Two Emperors

Abstract. The article discusses approaches and methods of comparative historical study of the activities of the Qing Emperor Kangxi and the Russian Emperor Peter the Great, as well as considers assessments of their place and role in history, as re-

presented in Chinese historical studies and mass consciousness. Modern Chinese historians studying the period of the three Qing emperors (Kangxi — Yongzheng — Qianlong) give it a name of the Age of Prosperity. They insist that at the time of Kangxi the state power gained its strength, the territory of China enlarged and its borders expanded, an economic recovery began to loom, and the population of China increased. The recent years have been marked in China by a growing interest in China in studying the world history and determining China's place in the world historical processes. Comparative historical studies are being developed, with Chinese historians and the general public being attracted to iconic figures in world history. Among them, a special place belongs to the Russian Emperor Peter the Great, whose image became widespread in the works of Chinese thinkers as early as the 19th century. It was then that the glory of the tsar-reformer, the wise ruler of a vast country, stuck with Peter I for a long time, and this image remains in demand right up to the present time. Sections in school textbooks and fundamental historical research works, TV documentaries and network literature are devoted to Peter I, his activities and character traits are discussed on the Internet. For many Chinese people, Tsar Peter personifies Russia, symbolizes its military power, science, technology, and culture. Comparing the two emperors, many Chinese historians note that Kangxi significantly strengthened the state, expanded its territory, developed a strategy for stabilizing China in the specific historical conditions of the time and ensured long-term sustainable development, while the Russian Tsar Peter not only build up the state and the army but also was determined to initiate large-scale reforms, all of which resulted in Russia's making a leap forward in its development.

Keywords: Kangxi, Peter the Great, Qing dynasty, Chinese historiography, reforms, image of Peter the Great in China, Comparative studies.

Author: Samoylov Nikolay A., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of Theory of Asian and African Social Development, Saint Petersburg State University. ORCID: 0000—0003—1361—0847. E mail: n.samoylov@spbu.ru

Современные китайские историки, рассматривая период правления трех цинских императоров (Канси — Юнчжэн — Цяньлун), именуют его Эпохой процветания (康乾盛世 — «Эпоха процветания Канси и Цяньлуна»). Они отмечают, что в это время произошло усиление государства, была расширена его территория, укреплены границы, наметился экономический подъем и увеличилось население Китая. Отдельное внимание китайскими историками уделяется вопросам «сближения народностей Китая» и «укрепления многонационального единства» [Чжоу Вэньцзю, 2019].

При этом в данном ряду блестящих представителей династии Цин особо выделяется император Канси, который заложил основы Эпохи процветания. Многие авторы называют его мудрым правителем и великим стратегом, отмечают, что он разрабатывал планы восстановления и развития сельского хозяйства, уделял большое внимание ирригационным работам и освоению целинных земель, заботился о народе, сокращал расходы на содержание императорского двора [Yan Chongnian, 2008]. Он был хорошо образован и эрудирован, проявлял интерес к естественным и точным наукам. Китайские ученые отмечают наличие у него собственных взглядов и идей в сфере экономики, философии, политической мысли, науки и техники [Song Dexuan, 1990]. Канси с

уважением относился к конфуцианской элите, правда, только к тем ее представителям, которые были лояльны династии Цин.

К числу негативных сторон его правления китайские историки относят его непоследовательность в борьбе с коррупцией, излишний контроль в сфере культуры и общественной мысли, а также нерешительность и метания в вопросах выбора наследника престола. Отмечается, что Канси интересовался достижениями Запада и привлекал на службу миссионеров, но ничего не сделал для широкого распространения западных знаний в стране («единолично владел этими знаниями, не считая нужным делиться ими ни с кем» [Чжоу Вэньцзю, 2019, с. 38], что привело к отставанию Китая от других стран мира в научно-техническом развитии. В конце своего правления, предвидя вторжение западных держав в будущем, он стал придерживаться политики изоляции Китая, которая отгородила страну от остального мира и в значительной степени затормозила его развитие.

Из представителей западного китаеведения периодом Канси наиболее активно занимался профессор Йельского университета Джонатан Спенс [Spence, 1975; Spence, 2002]. Он высоко оценил роль императора Канси в истории Китая, отметив, что тот был очень изобретательным и гибким правителем, открытым для новых идей, постоянно искал и находил способных и талантливых людей, чтобы они помогали ему справиться с задачами управления. По мнению Дж. Спенса, Канси стремился разрушить стереотипное представление о правителях Китая, которые не думали о своих подданных и лишь пользовались богатствами страны, ничего не давая взамен. «И, что удивительно, возможно ему это удалось» [Spence, 2002, p.182].

В российской историографии нет значительных работ, посвященных изучению деятельности императора Канси. Наиболее подробно о периоде его правления писал в своей книге «История Китая: Эпоха Цин» О.Е. Непомнин. Он отмечал, что годы царствования этого императора «отмечены дальнейшей стабилизацией государственной власти и постепенным восстановлением экономики» [Непомнин О.Е., 2005, с.106], однако «ощущение всесилия внутри и вовне империи привело к дальнейшему усилению изоляции Китая от внешнего мира — к “закрытию” империи для “заморских варваров”» [Непомнин О.Е., 2005, с. 132].

Петр Великий в китайских сочинениях века

В последнее время в КНР возрос интерес к изучению всемирной истории и определению места Китая в мировом историческом процессе. Развиваются сравнительно-исторические, компаративистские исследования. Китайских историков и широкую общественность привлекают знаковые фигуры мировой истории. В этом ряду особое место принадлежит российскому императору Петру Великому, 350-летие со дня рождения которого отмечалось в этом году.

Петр Великий является одним из тех зарубежных исторических деятелей, имя которого известно практически каждому китайцу. Его образ получил широкое распространение в трудах китайских мыслителей еще в XIX веке, имен-

но тогда слава царя-реформатора — мудрого правителя огромной страны, закрепилась за Петром Первым надолго, и его образ остается востребованным вплоть до настоящего времени. Петру I посвящены фундаментальные научные исследования и страницы в школьных учебниках, научно-популярные телевизионные фильмы и сетевая литература, его деятельность и черты характера обсуждаются в интернете. Для многих китайцев царь Петр олицетворяет Россию, ее военную мощь, науку, технику, культуру, поэтому тысячи китайских туристов стремятся посетить Санкт-Петербург и его пригороды, чтобы увидеть места, связанные с жизнью Петра Великого [Подробнее см.: Образ Петра Великого в странах Восточной Азии, 2022].

В трудах китайских историков, научно-популярных изданиях и путеводителях постоянно подчеркивается, что император Канси и Петр Великий жили в одно и то же время и внесли огромный вклад в развитие и укрепление своих государств. Также отмечается, что опосредованно они находились в контакте, передавая друг другу послания и даря ценные подарки.

В данной связи показательны материалы о цинском посольстве, направленном в 1712—1715 гг. к калмыцкому хану Аюке, которое проехало через территорию России, посетило многие города, а один из его участников — Тулишэнь (1667—1741) составил подробное описание этого путешествия. Он стал первым подданным Цинской империи, поведавшим о Петре Великом и его деятельности. В своих записках Тулишэнь часто упоминал Петра I, в основном именуя его «Чагань-хан» («Белый царь»). Основные сведения о русском царе и его деяниях цинский посланник получал от тех официальных лиц, с которыми общался во время своей поездки по России [Подробнее см.: Самойлов Н.А., 2021].

Однако впервые Тулишэнь узнал о Петре раньше, когда получил наказ, сформулированный императором Канси для своих посланников. В наказе, который был оглашен членам посольства, говорилось, что если «российский Чагань-хань пожелает вас видеть и к вам людей своих пришлет, то вы немедленно к нему поезжайте или все вместе, или несколько из вас, смотря по его требованию» [Русско-китайские отношения, 1978, с. 440]. Таким образом, еще в Пекине Тулишэнь и его коллеги получили инструкции на случай, если им придется общаться с Петром Первым.

Судя по содержанию наказа, император Канси самым серьезным образом инструктировал своих представителей и даже давал конкретные рекомендации о том, какие темы можно обсуждать с Петром I и что отвечать на вопросы, которые мог задать русский царь: «И когда вы будете перед Чагань-ханом, и он спросит вас о том, что у нас выше всего почитают, то отвечайте: все наше высокопочитание или вера нашего государства состоит в верности к государю, в отдании послушания родителям, в чистой совести, в познании истины и правды и в содержании своего слова верно; сии добродетели содержим мы ненарушимо и как государство приводим в добропорядочное состояние ими, так равным образом и самих себя исправляем, и содержим оные добродетели с такою крепостию, что хотя бы нам случилось быть и в самых крайних бедах или напастях, однакож смерть нас не устрашает, которую принимаем мы без всякия боязни, не нарушая нашея веры ни малого члена» [Русско-китайские

отношения, 1978, с. 440]. Как видно из этого текста, император Канси предложил послам кратко изложить Петру суть принятого в Китае традиционного подхода к управлению государством и обществом, упомянув основные его принципы: «верность государю, послушание родителям, чистая совесть, познание правды и содержание своего слова верно».

Остается только сожалеть о том, что Петру Великому не удалось встретиться с цинскими посланниками, и беседа с ними так и не состоялась. Было бы очень интересно знать, как отреагировал бы Петр I на изложение принципов управления государством, принятых в Китае. Вполне вероятно, что хорошо образованный и обладавший широким кругозором цинский император, слышавший от иезуитов об учености Петра I, тем самым хотел завязать с ним своеобразный диалог. Сам Тулишэнь в беседе с сибирским губернатором М.П. Гагариным подчеркивал образованность императора Канси и его тягу к наукам: «...упражняется его величество в чтении всех древних книг, которыя славными и мудрыми мужами написаны, и в историях о разных государствах. Науки, астрономию, географию, музыку, геометрию, арифметику, знает все до основания...» [Русско-китайские отношения, 1978, с. 456].

Следует также отметить, что китайские реформаторы конца XIX века и, прежде всего, их лидер — Кан Ювэй, проявляли большой интерес к реформам Петра Великого и сравнивали его с древнекитайскими правителями [Подробнее см.: Самойлов, 2020].

К своему меморандуму, направленному в 1898 г. на имя императора Гуансюя, Кан Ювэй приложил специальную «Записку о реформах российского царя Петра Великого», в которой рекомендовал цинскому императору следовать по пути реформ.

Кан Ювэй, следуя духу конфуцианской традиции, свое обращение к личности Петра Первого и опыту его преобразований обосновал примерами из истории Древнего Китая. Поскольку основными качествами Петра I он считал его твердость, настойчивость в достижении цели и готовность трудиться на равных с простыми людьми, Кан Ювэй сравнивал его с правителями древности и китайскими государственными деятелями, прославившимися в истории именно этими качествами: с легендарным императором Шунем (舜), иньским правителем У-дином (殷武丁), Гоуцзянем (勾践) из царства Юэ и цзиньским Вэнь-гуном (晋文公) [Wuxu bianfa, 1953, с. 203].

Кан Ювэй писал, что «Гоуцзянь смог очень долго выжидать и настойчиво готовиться к тому, чтобы в конце концов сокрушить врага». Гоуцзянь был ваном из царства Юэ (правил в 496—465 годах до н.э.) и вошел в историю Китая как образцовый государственный деятель, упорно трудившийся для того, чтобы отомстить врагам и смыть позор своей страны. Поскольку в записке, переданной императору вместе с меморандумом, Кан Ювэй писал о том, что Петр I вначале потерпел поражение от шведов в 1700 г. под Нарвой, а затем долго и тщательно готовился к реваншу и накапливал силы, что в итоге завершилось победой России над Швецией, то вполне логично его сравнение с юэским Гоуцзянем.

Еще один исторический персонаж, которого Кан Ювэй упоминает в контексте с Петром — это цзиньский Вэнь-гун (636—628 год до н.э.). Став гуном,

он сделал царство Цзинь очень могущественным и одержал множество военных побед, разгромив в 662 году до н.э. войска царства Чу в битве при Чэнпу, что не позволило царству Чу распространить свое влияние к северу от реки Хуанхэ. За это он получил от чжоуского вана титул ба (гегемон), то есть стал главой союзных князей. В меморандуме Кан Ювэй упоминает, что перед этим «цзиньский Вэнь-гун 19 лет странствовал, чтобы познать жизнь народа». Здесь также прослеживается аналогия с тем, что Кан Ювэй писал о Петре I и его зарубежных поездках, в ходе которых царь набирался опыта, изучая достижения других народов, а накопив этот опыт, Петр сумел создать сильную армию и разбить шведов под Полтавой.

По утверждению Кан Ювэя, Петр Великий, подобно древним правителям Китая не гнушался физического труда, освоил множество наук и ремесел. Отсюда проистекало его сравнение с одним из первых легендарных китайских императоров Шунем, жившим, согласно преданиям, в XXIII веке до н.э., который, прежде чем стать совершенномудрым правителем, трудился как простолюдин, занимаясь землепашеством, гончарным делом и рыболовством. Таким же достойным историческим примером представлялся Кан Ювэю и иньский правитель У-дин (правил с 1250 г. до н. э по 1192 г. до н.э.), который до вступления на престол, жил среди обычных людей, а в дальнейшем более полувека управлял государством, и, как гласит китайская историческая традиция, годы его царствования стали временем экономического подъема страны и укрепления политического престижа государства. К тому же, он сумел присоединить целый ряд новых территорий.

Таким образом, традиция сравнивать Петра Великого с известными фигурами из китайской истории зародилась в Китае еще в конце XIX века. Однако в историографии КНР она приобрела иное звучание. Здесь дело, прежде всего, в стремлении сопоставить наиболее ярких представителей китайской истории с не менее яркими личностями из истории других стран мира.

Петр и Канси в китайской научной литературе

Вопрос о сравнении императора Канси и Петра Великого был впервые поднят известным китайским историком Лю Данянем в резонансной статье «О Канси», опубликованной в 1961 г. в ведущем историческом журнале «Лиши яньцзю». Эта статья положила начало предпринятому в историографии КНР пересмотру исторического значения цинского периода и роли первых маньчжурских императоров. Лю Данянь указывал, что в период их правления Китай был единым, государство расширилось и вступило в период процветания. Характеризуя время правления императора Канси, Лю Данянь писал: «Огромные территории, централизация страны — все это отвечало коренным интересам широких масс. Длительные экономические и культурные связи народов, населяющих Китай, получили дальнейшее политическое упрочение, и это было неизбежным результатом исторического развития... Совершенно очевидно, что в период правления Канси и ранних Цинов в целом объединение различных национальностей Китая под эгидой ханьской нации

в своем длительном развитии достигло нового этапа» [Лю Данянь, 1971, с. 263—264].

Именно в этой статье Лю Данянь впервые в исторической науке КНР поставил вопрос о сравнении периода правления Канси с правлением других крупных монархов в истории человечества, отметив, что этот император жил и правил в одно время с французским королем Людовиком XIV и российским императором Петром Великим.

При этом Лю Данянь посчитал, что попытки сравнения Канси с Людовиком XIV несостоятельны, а вот с Петром Первым у цинского императора было много общего, и в «содействии историческому прогрессу или в характере самой личности Канси подобен Петру» [Лю Данянь, 1971, с. 275]. Лю Данянь пришел к выводу, что оба императора сделали очень много для укрепления государства и уже в ранние годы проявили свой талант. Однако Петр предпринял попытку вывести Россию за рамки отсталости, а Канси не удалось это сделать, и в этом коренилась причина того, что со времени их царствования пути России и Китая разошлись на два века. Успешно развивая экономику и культуру и укрепляя единое государство, Канси не смог, подобно Петру, внести вклад в превращение Китая в «современное государство».

То, что Петру Первому удалось достичь большего, чем Канси, Лю Данянь объяснял тем, что они жили в различной социальной среде и социально-экономические условия петровской России и цинского Китая существенно различались. К тому же связи с Европой, откуда Петр черпал идеи и образцы преобразований, у России были более тесными. «Канси не стал Петром и уступает ему» [Лю Данянь, 1971, с. 277]. Таков был итог сравнительно-исторического анализа, предпринятого Лю Данянем.

В последние два десятилетия данная тема становится все более популярной в Китае, появляются книги, научные статьи, ведутся дискуссии в интернете.

В 2000 г. в Центральном партийном издательстве вышла книга «Император Канси и Петр Великий», авторами которой являются три китайских историка: Тянь Шитан, Пэй Хайянь и Ло Чжэнсин [Tian Shitang, Pei Haiyan, Luo Zhenxing, 2000]. В книге были поставлены под вопрос некоторые достижения императоров Канси и Цяньлуна и проведено сравнение их деятельности с реформами Петра Великого. Авторы использовали сравнительно-исторический метод, стремясь «поместить Канси в систему координат русского царя Петра», чтобы проанализировать влияние их идей и действий на Китай и Россию. В книге указывается, что в 1700 г. валовой национальный продукт Китая составлял 23,1 % от общемирового ВНП, а ВНП России — всего лишь 3,2 %. Однако при Петре ситуация стала меняться, поскольку направления развития были различны. Как отмечают авторы, в Эпоху Канси и Цяньлуна Китай пропустил промышленную революцию, что привело к тому, что Цинской империи не удалось отразить экспансию Запада, и под воздействием экспансии Запада Китай перешел из феодального состояния в полуколониальное и полуфеодальное, пережив столетие национального унижения, а ответственность за это лежит в том числе и на императоре Канси. Сравнивая личные качества двух императоров, авторы высказывают мнение о том, что, хотя Канси был

талантливее Петра Великого в управлении государством, он явно уступал Петру в изучении иностранного опыта, дальновидности внедрения новых технологий и восприятии передовых идей. В результате Китай затормозил развитие, и в конце концов великая страна оказалась ущемленной великими державами, пережившими промышленный переворот.

В 2006 г. увидела свет работа доктора наук Линь Фэна «Император Канси VS Петр Великий» [Lin Feng, 2006], который писал, что Канси и Петр I были величайшими монархами конца XVII — начала XVIII вв., и они оба внесли огромный вклад в историю своих стран. Канси всю свою жизнь посвятил поддержанию величия и достоинства Китая, но его восприятие достижений чужих культур было ограниченным и сводилось в основном к собственному совершенствованию. При этом посредством соприкосновения с иными культурами он осознавал различные недостатки, имевшие место в своей стране, но не предпринял решительных действий. Линь Фэн пишет, что император Канси и Петр I были одинаково велики, но их величие различно. Канси разработал стратегию стабилизации Китая в конкретных исторических условиях и обеспечил длительное устойчивое развитие, а русский царь Петр решился на проведение масштабных реформ, и Россия совершила рывок вперед.

Харбинский историк Чжао Лучэнь в специально посвященной данной теме статье, предпринял попытку сравнить методы управления государством, экономической и социальной жизнью, применявшиеся императорами Канси и Петром Великим [Zhao Luchen, 2006]. Он обратил внимание читателей на то, что прежде чем сравнивать этих двух выдающихся правителей и определять их место в истории, необходимо правильно понять суть петровских реформ и Эпохи процветания Канси, а для этого нужно объективно разобраться в той социально-политической обстановке, в которой действовали оба монарха. По мнению этого автора, некоторые из ошибок, которые совершил Канси, были связаны с ним самим и его действиями, а некоторые — с той ситуацией, в которой оказался Китай в его эпоху. Особо Чжао Лучэнь указывал на то обстоятельство, что империя Цин, расположенная на востоке Азии, была окружена со всех сторон горами, пустынями и морем (Цинхай-Тибетское нагорье, монгольские пустыни, Восточно-Китайское море), что сильно затрудняло контакты с внешним миром. Близлежащие к Китаю страны уступали ему по уровню социально-экономического развития, а передовые государства, пережившие буржуазные революции, находились далеко, и по этой причине контакты Китая с ними были ограничены. Поэтому все нововведения в Китае внедрялись позднее и медленнее. В свою очередь, петровская Россия располагалась в непосредственной близости от передовых европейских государств, и Петр I, осознав причины отставания России, отправился в Англию и Голландию учиться и заимствовать опыт. Со стремлением к расширению контактов с другими странами было связано желание Петра I добиться выхода России к морю.

Объективные причины помешали Канси расширить знания о внешнем мире и активно использовать прогрессивный опыт иных стран, и, по мнению Чжао Лучэня, в его эпоху «под покровом внешнего благополучия скрывалась ложная реальность, порождавшая глубокий социальный кризис». Таким об-

разом, в условиях стабилизации общества, достигнутой при Канси, что было положительно, отставание от Запада усиливалось, а это сыграло роль негативного фактора исторического развития Китая.

Отдельный вопрос, который был проанализирован Чжао Лучэнем — отношение Петра Великого к распространению образования. Автор отметил, что Петр, придавая большое значение просвещ+ению народа, создавал различные учебные заведения и основал первый в России музей в новой столице, масштаб и научно-просветительская ценность которого были сопоставимы с первоклассными музеями в Европе. Петр I проявил инициативу по созданию публичных библиотек, стимулировал развитие книгоиздательской деятельности, способствовал возникновению в России академического сообщества. В 1724 г. по его указу была создана Российская академия наук.

Император Канси также сделал многое для развития культуры в Китае. Однако в период его правления имели место «культурные репрессии», зародилась «литературная инквизиция». В школах доминировало изучение конфуцианского канона в интерпретации Чжу Си. Основной упор в образовании был сделан на подготовку к государственным экзаменам. В отношении политики, которую император Канси проводил в сфере культуры, Чжао Лучэнь использует термин «культурное самодержавие» (вэньхуа чжуаньчжи чжэнцэ 文化专制政策) [Zhao Luchen, 2006, p. 105]. Петр I боролся со старыми традициями и архаичными привычками своих подданных, внедряя в повседневную жизнь прогрессивные достижения и новые традиции, заимствованные у других стран и народов, а Канси культивировал все наиболее архаичное, включая бинтование ног у женщин. Безусловно, пишет Чжао Лучэнь, заслуги Канси перед страной велики, однако в целом период его правления, в отличие от петровской эпохи в истории России, не способствовал прогрессу Китая.

Еще один китайский историк Юэ Сяопин, сопоставив достижения Канси и Петра Великого в области развития науки, техники и культуры, более высоко, по сравнению с Чжао Лучэнем, оценил вклад цинского императора в развитие Китая. Он отметил большие заслуги Канси в распространении китайской культуры среди многонационального населения империи, указав, что император призывал маньчжуров изучать традиционную китайскую культуру, продвигая ее достижения, и тем самым «содействовал культурному обмену между различными народностями» [Yue Xiaoping, 2003, p. 39]. В период правления императора Канси в Китае появились новые ученые и мыслители, иностранные миссионеры принесли в Китай достижения западной науки и техники и даже начали их внедрять. Однако Юэ Сяопин признает, что успехи Петра Великого в этих сферах были все же значительнее.

Профессор Ляочэнского университета Сунь Чандэ, сравнивая в своей статье деятельность императоров Канси и Петра Великого, поставил ряд теоретических вопросов о роли личности в истории. Отметив, что в истории важна роль руководителей государства, он сделал следующий вывод: «Сравнительный анализ жизни и деятельности Канси и Петра I позволяет увидеть тенденции и перспективы развития Китая и России. Отдельные люди могут влиять на историю, но они не могут определять исторические тенденции. Есть надежда, что с помощью сравнения мы сможем углубить наше понима-

ние истории этого периода» [Сунь Чандэ, 2002, с. 49]. Анализируя основные события, происходившие во времена правления двух императоров, он отмечает, что Канси и Петр I были прагматичными правителями, проявившими блестящие способности в области государственного управления. Однако при этом, хотя Канси и имел большие достижения во внутренней и внешней политике, объективное историческое развитие не способствовало его деятельности, поскольку феодальное общество Китая не имело внутренних стимулов для развития, а император не осуществил коренных преобразований. В свою очередь, реформы Петра I хотя и не отменили феодально-крепостное право и не устранили коренные причины отсталости России, однако царь смог вывести Россию на путь современного развития и включил ее в число европейских держав. В этом Сунь Чандэ видит величайшее достижение Петра Первого.

Два императора в китайском интернете и телепередачах

В последнее время образ Петра Великого приобрел популярность даже в китайских интернет-сетях. Его реформы, внутренняя и внешняя политика не только становятся темой научных споров и дискуссий, но и активно обсуждаются рядовыми пользователями. Предметом для обсуждения также часто оказываются особенности личности и черты характера российского императора, он все чаще становится персонажем произведений сетевой литературы.

Тема сравнения исторической роли императора Канси и Петра Великого тоже нередко возникает на китайских интернет-сайтах. Тексты, появляющиеся в сети и посвященные данной проблематике, чаще всего написаны живым разговорным языком, что говорит о растущем интересе к этим вопросам со стороны рядовых пользователей. Одну из таких заметок, названную «Император Канси и Петр I были современниками, кто из них круче?», можно прочитать на сайте в поисковой системе Sohu [Kangxi dadi he Bide dadi juran shi tongshi shidai de ren: Tamen nage geng lihai].

Неизвестный автор этой небольшой статьи задается вопросом о том, можно ли называть Канси великим императором и ставить его в один ряд с Цинь Шихуаном, и предлагает сравнить цинского императора не с китайскими правителями, жившими за многие столетия до него, а с его современниками, царствовавшими в других странах. По мнению автора, во время правления Канси в мире было два поистине великих монарха: Петр Великий в России и Людовик XIV во Франции. Уделяя основное внимание Петру I, автор рассказывает о достигнутых им успехах в сфере внедрения передовых западных технологий и строительстве флота. Автор задается вопросом о том, чем же занимался Канси, когда Петр Великий проводил радикальные реформы и Россия большими шагами двигалась вперед. По утверждению автора, Канси в это время начал проводить «литературную инквизицию», «лихорадочно расправляясь с китайскими учеными». Он закрыл страну от внешнего мира, сжег все корабли вдоль побережья, чтобы «ни один парус не мог выйти в море», запрещал смешанные браки между маньчжурами и ханьцами и поощрял устарев-

шие традиции. «В этом разница между правлением императора Канси и Петра I», — заключает автор.

В другой интернет-публикации, появившейся на одном из сайтов в поисковой системе Baidu и названной «Император Канси и Петр I горячо любили науку, почему судьба их государств оказалась такой разной?» [Kangxi dadi he Bide dadi dou re ai kexue, weisheme guoyun que daxiang qingqing?], деятельность Канси в сфере науки и образования в целом оценивается положительно.

Автор называет его «блистательным императором», проводившим активную внутреннюю и внешнюю политику, добивавшимся впечатляющих военных побед и положившим начало Веку процветания. В тексте отмечается, что Канси известен как «самый любящий науку император» в истории Китая. Автор пишет о том, что в 2004 г. в Версальском дворце во Франции прошла выставка, организованная Дворцовым музеем Гугун. На ней были представлены приборы и инструменты, которыми пользовался император Канси, который, как пишет автор, «изучил всё: от астрономии и географии до физики, химии, высшей математики и западной музыки». Император интересовался западной медициной и анатомией, и «говорят, что он даже препарировал медведя». Однако при этом автор, ссылаясь на высказывания итальянского миссионера Маттео Рипа (по-китайски: Ма Госянь), приходит к выводу, что научные достижения Канси были преувеличены, и указывает на недостатки его деятельности: «Он не только не собирался развивать науку по всей стране, а, монополизировав научные знания, настрого запретил распространять научные книги среди простого народа». К тому же, когда Европа начала развивать морскую торговлю, династия Цин закрыла страну.

В свою очередь, Петр I, по словам этого автора, не просто любил науку, но и всячески совершенствовал свои знания на практике. Он отправился на верфи Амстердама, чтобы изучить технологию кораблестроения и трудился там как простой плотник. Он ездил в Англию, где посещал Монетный двор, Оксфордский университет, Гринвичскую обсерваторию, встречался со знаменитым ученым Ньютоном. Вернувшись на родину, Петр I не только привез с собой самые передовые по тем временам научные приборы, но и выписал из-за рубежа опытных корабелов, штурманов и инженеров. «Петр Великий провел комплексные реформы, направленные на вестернизацию страны, и превратил отсталое, дикое государство в передовую державу». В заключении автор делает вывод о том, что разные судьбы государств обусловлены разным подходом двух императоров к науке и передовым технологиям, и результаты деятельности Петра Великого в этом направлении оказались значительнее, чем у императора Канси.

На китайском телевидении сюжеты, в которых рассказывается о выдающихся исторических личностях, также пользуются большой популярностью. В последнее время в подобных программах появляется все больше материалов сравнительного характера.

Поскольку, как уже говорилось, Петр Великий стал в Китае одним из наиболее известных и узнаваемых исторических персонажей, Центральное телевидение Китая не осталось в стороне и обратилось к сопоставлению его роли в российской истории с ролью императора Канси в истории Китая. На

эту тему было прочитано несколько лекций и проведено обсуждение на сайте CCTV. Отношение к императору Канси в размещенных на сайте материалах представляется более типичным и традиционным, чем у рядовых пользователей интернета, и здесь ощущается подход профессиональных историков.

В материалах, размещенных на сайте CCTV [Kangxi huangdi PK Bide dadi], говорится, что на рубеже XVII и XVIII веков в России и Китае сложилась очень схожая ситуация, когда на историческую арену вышли два выдающихся императора — Канси и Петр Великий. Авторы называют их обоих «величественными и легендарными монархами»: один из них был императором Китая и сумел выработать стратегию управления огромной страной, стабилизировал общую ситуацию, расширил территорию государства; другой — русский царь, который был полон решимости реформировать свою страну. Они правили в одно время и обладали необычайными талантами.

По мнению авторов CCTV, оба императора упорно трудились, чтобы привести свои страны к расцвету: Канси помог Китаю выйти из кризиса и потрясений и стать самым сильным государством на Востоке, а Петр превратил Россию в державу, которой восхищалась вся Европа. На сайте CCTV их называют «кормчими двух огромных кораблей».

Однако авторы этих заметок находят и различия в характерах и конкретной деятельности двух императоров. Канси они сравнивают с великой горой Тайшань, где богатая культурная почва уложена слоями, а Петр, по их мнению, больше похож на гигантское дерево, которое свободно и одиноко растет на безбрежных просторах России. Канси здесь предстает носителем и защитником китайской конфуцианской традиции, а Петр представляется почти «революционером», стремившимся порвать со своими традициями. Канси был более спокойным и осторожным, а Петр — необычайно решительным, и двигались они в исторической перспективе в противоположных направлениях: Петр быстро вывел Россию на путь модернизации, в то время как Канси не смог изменить феодальную сущность китайского общества.

По мнению авторов сайта CCTV, при сравнении двух императоров отчетливо выявляются принципиальные различия в их характерах. Канси был доброжелателен и заботился о людях, а Петр очень сурово правил страной. Канси утвердил конфуцианскую мораль, а Петр был жесток и прагматичен. Однако Россия при этом «взлетела ввысь», а Китай остался на месте.

По утверждению авторов материалов CCTV, Канси унаследовал древнюю истину конфуцианской культуры о том, что управлять большой страной нужно, продумывая каждый шаг. Он действовал осторожно, но Китай при этом постепенно приближался к застою, в то время как реформы Петра охватили почти всю Россию. Царь подписал более 3000 законов и указов, реформировал административные органы и армию, создал военную промышленность, основал множество школ и Академию наук, отправил несколько групп молодых людей учиться за границей. В результате его бурной деятельности Россия вырвалась из отсталости, наука победила невежество, меркантилизм восторжествовал, начал развиваться капитализм, и Россия практически догнала передовые страны.

Оценки Петра I китайскими историками

В Китае в последнее время появилось немало работ, посвященных непосредственно Петру Великому и его реформам. Однако, следует заметить, что в своих публикациях китайские ученые в основном опираются на исследования дореволюционных и современных российских историков.

В этом плане показательна одна из последних монографий на эту тему, вышедшая в 2018 году в издательстве Пекинского педагогического университета. Эта книга, написанная доцентом кафедры всемирной истории исторического факультета Нанькайского университета У Хэ, называется «Реформы Петра Великого» [Wu He, 2018]. Являясь выпускницей факультета русского языка и литературы Нанькайского университета, У Хэ в 2008 г. защитила докторскую диссертацию по исторической специальности, и в настоящее время сферой ее научных интересов стали история России и русско-китайских культурных связей.

Выбор предмета для своего исследования У Хэ объясняет тем, что петровские реформы открыли новую эпоху в истории России и увенчались грандиозными достижениями. По мнению У Хэ, во многом для России Петр Великий был первым. Он стал первым царем в истории России, который отправился в Европу перенимать передовой опыт, согласившись «быть в учениках»; «он был первым царем, который непосредственно вникал во все вопросы правления, подавал личный пример и постепенно продвигался по военной службе, получая соответствующее жалованье; был первым царем, который добился высокого авторитета для своего государства; первым царем, который всеми силами старался создать общегосударственную систему образования» [Wu He, 2018, p. 2].

В монографии представлен комплексный анализ реформаторской деятельности Петра I. Источниковую базу этой работы составили опубликованные в России документы XVII — XVIII вв., среди которых имеются личные письма и бумаги Петра Великого, полное собрание законов Российской империи и т. д. Однако в основном автор опирается на труды крупнейших русских историков прошлого (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский) и исследования советских ученых, опубликованные в 1970—1980-х годах. Западная историография петровских реформ в книге У Хэ практически не представлена.

Автор много внимания уделяет характеристике личности самого Петра Великого. Отмечается его небывалая работоспособность и постоянное стремление учиться. У Хэ особо подчеркивает склонность русского государя к самостоятельности в освоении научных знаний и ремесел. При этом самой выдающейся особенностью характера Петра I, повлиявшей на успешность всей реформаторской деятельности, У Хэ считает его железную волю, которая помогала разрешать ему самые непростые проблемы и даже после неудач, несмотря ни на что, двигаться вперед. В своей монографии У Хэ постоянно подчеркивает, что Петр I служил прекрасным примером для подражания своим современникам и потомкам.

В целом, реформы Петра Великого получили в этой монографии высокую оценку. Именно благодаря им, по мнению У Хэ, Россия встала на путь модер-

низации и в итоге обрела статус мировой державы, а успех реформаторской деятельности Петра Великого оказал большое влияние на многие поколения. Китайский историк также полагает, что наибольшую выгоду из проведенных преобразований извлекло среднее и мелкое дворянство, которое горячо поддерживало реформы и стало опорой власти Петра. В то же время У Хэ обращает внимание на негативную реакцию по отношению к церковной реформе Петра Великого и на сопротивление знати, защищавшей старые порядки и традиции.

Обращает на себя то, что в монографии образ Петра Великого несколько идеализирован и в чем-то созвучен традиционным представлениям китайцев об идеальном правителе, которые, как видно из рассмотренных выше публикаций, оставаясь одним из важных аспектов политической культуры Китая, влияют на оценки как прошлого, так и настоящего.

Современные китайские авторы также обращают внимание на многие изменения в общественной жизни России, произошедшие в эпоху Петра I. Подробно обсуждается, как Петр Великий приказал своим подданным сбрить бороды, отказаться от старомодной одежды и переодеться во все европейское, повелел женщинам посещать балы, ассамблеи и чаще выходить из дома [Zhao Luchen, 2006]. Все это занимает китайских историков, об этом упоминается и в школьных учебниках, так как подобные действия подчеркивали открытость петровской России внешнему миру, чего не было в цинском Китае в эпоху Канси.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что современные китайские историки, да и массовый читатель, хорошо осознают масштаб личностей императора Канси и Петра Великого и их воздействие на многие сферы китайской и российской жизни: от политики до духовной и материальной культуры. Сопоставление их деятельности, столь популярное в настоящее время, обусловлено, с одной стороны, проникновением в китайскую историческую науку современных научных направлений и методов, таких как сравнительно-исторические исследования, а с другой стороны — востребованностью подобной проблематики в общественно-политическом дискурсе. Следует обратить внимание на то, что в этих дискуссиях о месте двух императоров в истории своих стран они оба выступают скорее как знаки-символы. Отсюда проистекает идеализация многих сторон их деятельности. Поскольку о Канси китайцы знают гораздо больше, чем о Петре Великом, то и изображение Петра оказывается у них несколько более условным и во многом идеализированным, когда на первый план выходят успехи его реформаторской деятельности без конкретной детализации. На восприятие образа Петра Великого в Китае, безусловно, накладываются и специфические моменты, проистекающие из особенностей китайской духовной культуры и устоявшихся трактовок традиционной историографии.

Сегодня в КНР растет интерес к сравнительно-историческим исследованиям. В настоящее время этот интерес охватил не только профессиональных

историков, но также китайские СМИ и даже пользователей интернета. Оценки роли и значения некоторых известных исторических личностей меняются, и появляется все больше сопоставлений событий истории Китая с тем, что происходило в других странах мира. Началось осмысление места китайских исторических личностей во всемирной истории.

Сравнивая Канси и Петра Великого, китайские историки отмечают, что Канси существенно укрепил государство, расширил его территорию, разработал стратегию стабилизации Китая в конкретных исторических условиях и обеспечил длительное устойчивое развитие, а русский царь Петр не только укрепил государство и усилил армию, но и решился на проведение масштабных реформ, в результате чего Россия совершила рывок вперед в своем развитии. Рассмотрение успехов Петра I в проведении реформ позволяет китайским историкам не только выявить общее и особенное в истории Китая и России, но также более отчетливо и рельефно понять специфику эры правления императора Канси.

Библиографический список

Лю Данянь. О Канси // Историческая наука в КНР [Сборник статей] / отв. ред. Р.В. Вяткин, Н.П. Свистунова. М.: Наука, 1971. С. 261—279.

Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.

Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / под ред. Н.А. Самойлова. М.: Весь Мир, 2022. 432 с.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1: 1700—1725 / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. 703 с.

Самойлов Н.А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 107—114. DOI: 10.15393/uchz.art. 2020.489.

Самойлов Н.А. Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэня // Клио. 2021. № 5 (173). С. 33—42.

Сунь Чандэ. Роль личности в истории (на примере Канси и Петра I) // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 1. С. 46—50.

Чжоу Вэньцзю. От Канси до Цяньлуна: эпоха процветания / пер. с кит. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2019. 207 с.

References

Kangxi dadi he Bide dadi dou re ai kexue, weisheme guoyun que daxiang qingqing? 康熙大帝和彼得大帝都热爱科学, 为什么国运却大相径庭? [Both Emperor Kangxi and Peter the Great loved science, but why are the fortunes of their countries so different?]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677067700097424755&wfr=spider&for=pc (accessed: 30 November, 2022).

Kangxi dadi he Bide dadi juran shi tongshi shidai de ren: Tamen nage geng lihai 康熙大帝和彼得大帝居然是同时代的人：他们哪个更厉害 [Emperor Kangxi and Peter the Great were actually contemporaries: Who of them is stronger]. URL: https://www. sohu.com/a/477829179_121126503 (accessed: 30 November, 2022).

Kangxi huangdi PK Bide dadi 康熙皇帝PK彼得大帝 [Emperor Kangxi PK Peter the Great]. URL: http://news.cctv.com/special/kangxibidepk/01/index.shtml (accessed: 30 November, 2022).

Lin Feng 林枫 (2006). Kangxi dadi VS Bide dadi 康熙大帝VS彼得大帝 [Emperor Kangxi VS Peter the Great]. Beijing: Xinxing chubanshe, 2006. 140 p.

Liu Danian (1971). O Kansi [On Kangxi]. In: Historical science in the PRC [Collected articles]. Ed. by R.V. Vyatkin and N.P. Svistunova. Moscow: Nauka, pp. 261—279. (In Russian).

Nepominin O.E. Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. [History of China: The Qing Period]. Moscow: Vost. lit., 2005. 712 p.

Obraz Petra Velikogo v Stranah Vostochnoy Azii [The Image of Peter the Great in the Countries of East Asia] (2022). Ed. by N.A. Samoylov. Moskow: VES MIR PH. 432 p. (In Russian).

Russko-kitajskie otnoshenija v XVIII veke. Materialy i dokumenty [Russian-Chinese Relations in the 19th century. Documents and materials] (1978). Vol. 1: 1700—1725. Ed. by S.L. Tihvinsky. Moscow: Nauka. 703 p. (In Russian)

Samoylov N.A. (2020). Obraz Petra Velikogo i ideologija reformatorskogo dvizhenija v Kitae v konce XIX veka [Image of Peter the Great and ideology of the Reform Movement in China at the end of the XIX century] // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, Vol. 42, No. 4, S. 107—114. (In Russian) DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489.

Samoylov N.A. (2021). Obraz Petra Pervogo v «Zapiskakh» tsinskogo poslannika Tulishenya [Image of Peter I in the "Records" written by the Qing Dynasty diplomat Tulisen]. Klio, 2021, no. 5 (173), pp.33—42. (In Russian)

Song, Dexuan 宋德宣 (1990). Kangxi sixiang yanjiu 康熙思想研究 [Study on Kangxi Thought]. Taiyuan: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1990. 411 p.

Spence, Jonathan (1975). Emperor of China: Self Portrait of K'ang Xi. New York: Vintage Books. 256 p.

Spence, Jonathan (2002). The K'ang Xi Reign, in Cambridge History of China, Vol. 9, Part 1: The Ch'ing Dynasty to 1800. Cambridge, England: Cambridge University Press, pp. 120—182.

Sun, Changde (2022). Rol' lichnosti v istorii (na primere Kansi i Petra I) [The Role of a Person in History (On the Example of Kangxi and Peter I)]. History and Nodern Perspectives. 2022. Vol. 4. № 1. P. 46—50. (In Russian)

Tian, Shitang; Pei, Haiyan; Luo, Zhenxing 田時塘, 裴海燕, 羅振興 (2000). Kangxi huangdi yu Bide dadi: Kang Qian shengshi beihou de yihan 康熙皇帝與彼得大帝: 康乾盛世背後的遺憾 [Emperor Kangxi and Peter the Great: Regrets behind the Prosperous Age of Kangxi and Qianlong]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2000. 225 p.

Wu He 吴贺 (2018). Bide yishi gaige 彼得一世改革 [Peter the First' Reforms]. Beijing: Beijing shifan daxue chubanshe, 2018. 333 p.

Wuxu bianfa 戊戌变法 [Hundred Days' Reform] (1953). Vol. 2. Shanghai: Shenzhou guoguang she, 1953.

Yan, Chongnian 阎崇年 (2008). Kangxi dadi 康熙大帝 [Emperor Kangxi]. Beijing: Zhonghua shuju, 2008. 306 p.

Yue, Xiaoping 岳晓萍 (2003) 康熙与彼得大帝之比较 Kangxi yu Bide dadi zhi bijiao [Comparison of Kangxi and Peter the Great]. Daqing gaodeng zhuanke xuexiao xuebao. Vol. 23, No 3, 2003, pp. 38—39.

Zhao, Luchen 赵鲁臣 (2006). 康熙大帝与彼得大帝施政对比分析 Kangxi dadi yu Bide dadi shizheng duibi fenxi [Comparison on Governance of Emperor Kangxi and Peter the Great]. Heilongjiang jiaoyu xueyuan xuebao. Vol. 25, No 3, 2006, pp. 104—106.

Zhou Wenjiu. (2019). Ot Kansi do Tsyan'luna: epokha protsvetaniya [From Kangxi to Qianlong: Age of Prosperity]. Moscow: International publishing company "Chance", 2019. 207 p. (In Russian).

DOI: 10.48647/ICCA.2022.42.87.011

В.В. Башкеев

Развитие политического процесса в империи Западная Хань во II—I вв. до н.э.: этапы противостояния старых и новых элит

Аннотация. В статье рассматривается политический процесс в первой долговременной империи Восточной Азии — империи Западная Хань во II—I вв. до н.э. Акцент исследования сделан на политической борьбе между «старыми» и «новыми» политическими элитами, представленными, с одной стороны, правящей династией Лю, а с другой — выходцами из царства Ци. Данные элиты отстаивали различное видение дальнейшего политического и общественного развития в пределах китайской ойкумены после распада империи Цинь и основания империи Хань. Политическая борьба между ними подразделяется нами на пять фаз, каждая из которых включала в себя этапы преобразований и реакции.

Ключевые слова: история Китая, политический процесс, политическая борьба, империя Западная Хань, политические элиты, династия Лю, царство Ци.

Автор: Башкеев Виктор Викторович, научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: bashkeev@iccaras.ru

Viktor V. Bashkeev

The Development of the Political Process in the Western Han Empire in II—I centuries B.C.: Stages of Confrontation between the Old and New Elites

Abstract. The article deals with the political process in the first long-term empire of Eastern Asia — Western Han Empire in II-I centuries B.C. The research is focused on the political struggle between “old” and “new” political elites, represented, on the one hand, by the ruling Liu dynasty and, on the other hand, by the natives of the Qi Kingdom. These elites advocated different visions of further political and social development within the Chinese oikoumene after the collapse of the Qin Empire and the foundation of the Han Empire. We divide the political struggle between them into five phases, each of which included stages of transformation and reaction.

Keywords: Chinese history, political process, political struggle, Western Han Empire, political elites, Liu dynasty, Qi kingdom.

Author: Bashkeev Victor V., Researcher, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences. E-mail: bashkeev@iccaras.ru

Данная статья продолжает цикл публикаций, исследующих политический процесс в империи Западная Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.). Ряд наших предшествующих работ был посвящен составляющим политического процесса —

политической борьбе и управлению в ранний период истории первой долговременной империи Восточной Азии [Башкеев, 2012, 2013, 2014, 2019, 2020]. Здесь мы рассмотрим политический процесс во II—I веках до н.э. как борьбу элит, имевших различное видение исторического процесса и рисовавших «прогрессивную» и «реакционную» картину империи. Эта борьба будет представлена нами в поэтапном развитии от возникновения империи Хань при Лю Бане 劉邦 (императоре Гао-цзу 高祖 202—195 гг. до н.э.) до ее вхождения в переходный кризисный период при фактическом управлении империей Хо Гуаном 霍光 при Лю Фулине 劉弗陵 и Лю Бин-и 劉病已 (императорах Чжао-ди 昭帝 87—74 гг. до н.э. и Сюань-ди 宣帝 74—48 гг. до н.э.) и последующего фактического перехода контроля над империей к роду Ван 王 при Лю Ши 劉奭 (императоре Юань-ди 元帝 48—33 гг. до н.э.).

Само возникновение империи Хань было закономерным итогом глобального исторического процесса китайской древности — постепенного освоения ключевых «аграрных очагов» ойкумены, соответствующей этому экспансии и последующего столкновения интересов политий, расположенных в той или иной «историко-культурной зоне». Наиболее значительными акторами были политии, занимавшие историко-культурные зоны на реке Янцзы (царство Чу) и в районе Шаньдуна (царство Ци), а также на Великой равнине (царство Цзинь и его наследники)[1].

Великая китайская равнина выступала не только ареной, но и основным объектом этого столкновения. Ее богатейшие ресурсы являли собой «главный приз» в вооруженной борьбе между всеми политиями древней Восточной Азии на протяжении нескольких столетий эпохи Восточное Чжоу (V—III в.). С окончанием периода Чжаньго и победой государства Цинь эта борьба не завершилась, а лишь затихла на полтора десятилетия. С новой силой она возобновилась в 209—202 гг. до н.э. А в 202 г. до н.э. с основанием империи Хань приняла принципиально новые («огосудрствленные» империей) формы[2]. Кажущийся ситуативным компромисс политических элит ойкумены, приведший к власти Лю Бана, основателя новой правящей династии Лю, на деле был выражением объективной исторической необходимости политического и экономического управления всей империей как единым целым.

Эта необходимость правителями Хань была воспринята, а задачи с ней связанные — в целом решены. Так, в период правления первых трех монархов династии Лю: Лю Бана (императора Гао-цзу 202—195 гг. до н.э.), его второго сына Лю Ина 劉盈 (императора Хуй-ди 惠帝 195—188 гг. до н.э.) и его четвертого сына Лю Хэна 劉恆 (императора Вэнь-ди 文帝 180—157 гг. до н.э.) в империи Хань были заложены основы политического устройства и отрегулированы основные институты управления[3].

При этом в политической плоскости новая империя столкнулась с исторической инерцией предшествующего периода Чуньцю-Чжаньго-Цинь

[1] Подробнее см.: [Деопик, Ульянов 2016, с. 155, Бань Гу, 2021, с. 71].

[2] Поэтому весь этот период мы вслед за М.Ю. Ульяновым, склонны объединять как «Чуньцю-Чжаньго-Цинь» (VIII—III вв. до н.э.).

[3] Подробнее см.: [Башкеев, 2021, с. 365—383].

(VIII—III вв. до н.э.), что выразилось в противостоянии новой правящей династии Лю, происходившей с северных границ бывшего царства Чу, со «старыми» политическими элитами из владений Ци, Чжао, Вэй и Хань. Уроженцы бывших царств эпохи Чжаньго (ставших в молодой империи соответствующими владениями, но и не утратившими своих исторических корней и местных особенностей), стремились сохранить прежний контроль над Великой равниной, пусть и в новых общеимперских условиях.

Это противостояние между «старыми» и «новыми» элитами, имевшими разное видение перспектив разворачивающегося исторического процесса, стало определяющим фактором развития империи Западная Хань, практически на всем протяжении ее истории, принимая различные формы и различаясь по степени ожесточенности. В соответствии с этим развитие противостояния можно разбить на несколько фаз, всякий раз включающих в себя этапы прогрессивных преобразований империи с одной противоборствующей стороны и реакции на них с другой[1].

I фаза: 202—180 гг. до н.э:

1. 202—195 гг. до н.э. Преобразования (правление Гао-цзу).
2. 195—180 гг. до н.э. Реакция (правление Хуй-ди и регентство Люй-тайхоу).

II фаза: 180—140 гг. до н.э.:

1. 180—155 гг. до н.э. Преобразования (правления Вэнь-ди и Цзин-ди).
2. 155—140 гг. до н.э. Реакция (правления Цзин-ди и У-ди).

III фаза: 140—87 гг. до н.э.:

1. 140—113 гг. до н.э. Преобразования (правление У-ди).
2. 113—87 гг. до н.э. Реакция (правление У-ди).

IV фаза: 87—68 гг. до н.э.:

1. 87—74 гг. до н.э. Преобразования (правление Чжао-ди и регентство Хо Гуана).
2. 74—68 гг. до н.э. Реакция (Правление Сюань-ди и регентство Хо Гуана).

V фаза: 68—33 гг. до н.э.:

1. 68—48 гг. до н.э. Преобразования (правление Сюань-ди).
2. 48—33 гг. до н.э. Реакция (правление Юань-ди и усиление рода Ван).

Как видно из приведенного списка, в ряде случаев фазы преобразований и реакции сменяются в течение одного правления — это правления императоров Цзин-ди, У-ди и Сюань-ди. Всякий раз это указывает на высокую степень напряжения политической борьбы для монарха. В ходе нее он либо оказывается способен перейти к преобразованиям после реакции, либо, наоборот, оказывается вынужден уступить (иногда временно) силам старых элит.

Первая фаза, длившаяся с 202 по 180 гг. до н.э., носила наиболее острый характер. Эта острота выразилась в стремлении «старой» родовой наследственной знати отодвинуть от власти «компромиссную фигуру» Лю Бана, проявившего неожиданную для них самостоятельность, и существовать в рамках доимперской конфигурации под эгидой правления рода его жены — импера-

[1] Выделенные фазы коррелируют с определенной нами ранее периодизацией политической истории Восточной Азии в эпоху Западная Хань [Башкеев, Ульянов, 2021, с. 354—364].

рицы Люй Чжи 呂雉, происходившей из царства Ци, из местности Шаньфу [Бань Гу, 1962, с.3937].

Представители рода Люй, имея прямой доступ к императорскому двору, вступили в непримиримое противостояние с новыми властными группировками, возглавляемыми Лю Баном и его сыновьями. В 195 г. до н.э., де-факто доведя основателя правящей династии до смерти, Люй перешли к открытой конфронтации, принуждая сыновей Лю Бана к подчинению и планируя постепенно полностью заместить одну правящую династию другой [Бань Гу, 2021, с.156—157, 164]. Победа в этой смертельной политической борьбе, длившейся с 202 по 180 г. до н.э., далась династии Лю непросто, потребовалось практически полностью уничтожить род Люй [Бань Гу, 2021, с. 168—171]. Это, однако, позволило сконцентрироваться на реализации принципиальных для жизни империи преобразований. Впереди, впрочем, правящую династию ждало много трудностей в противостоянии со старой знатью эпохи Чуньцю-Чжаньго-Цинь.

Новый «имперский» путь развития подразумевал совершенно иной масштаб и объем политических, экономических и социокультурных задач. Ханьское государство встретилось с целым рядом ранее не виданных китайским обществом вызовов, требовавших смелых решений и принципиальных реформ. Активная реализация этих реформ в правление Лю Хэна (императора Вэнь-ди 180—157 гг. до н.э.) вызвала новый этап реакции. Эта реакция, в свою очередь, вылилась в очередную попытку реванша коренных «старых» элит все того же царства Ци. Только теперь главными антагонистами выступали не Люй, а потомки коренного циского рода Тянь 田.

Наиболее явным поводом для обострения противостояния был раздел территорий все того же владения Ци в 165—164 гг. до н.э [Бань Гу, 1962, с. 400—402]. Формально раздел произошел вследствие смерти брата императора, Ци-вана Лю Фэя 劉肥 — самого старшего сына Лю Бана, не оставившего наследника, и имевшего при этом множество сыновей. Однако де-факто это было реализацией классической политики «разделяй и властвуй», так или иначе напрямую затрагивающей интересы сразу нескольких социальных групп на ключевой территории Великой равнины: и третьего поколения правящего рода Лю, надеявшихся получить ее в кормление целиком, и старой родовой наследственной знати циского происхождения — потомков Тяней из рода Ван. Ситуация, таким образом, представала максимально комплексной и трудноразрешимой. С одной стороны, скрытая политическая борьба за контроль над ресурсами равнины не прекращалась и в условиях империи, так что с позиции центрального двора мера была вполне логичной; однако же с того момента, как Лю Бан назначил ваном владения Ци своего старшего сына как своего представителя и гаранта отправления высшей власти, минуло всего одно поколение, и внуки первого императора, еще помнившие деда, имели понятные претензии на полновластное распоряжение владением Ци. Реформа 165—164 гг. до н.э., в результате которой Ци было поделено на владения Цзычуань, Цзынань, Цзяоси и Цзяодун, задела амбиции каждого из них, ибо несмотря на наделение самостоятельными уделами и формально равный статус, многочисленные сыновья Лю Фэя, соответственно, Лю Сянь 劉賢, Лю Бигуан

劉辟光 Лю Ан 劉卬 и Лю Сюнцюй 劉雄渠, де-факто оказались лишены статуса единовластного вана разделенного владения Ци, утратив львиную долю авторитета отца в ряду ванов других владений — бывших царств эпохи Чжаньго.

Это дало старым элитам важнейший козырь для провоцирования конфликта внутри самого рода Лю и открыло двери во вторую фазу противостояния, ознаменовавшую новый этап в жизни империи. На этот раз ситуация была сложнее, так как ранее правящий род сохранял известное внутреннее единство и выступал на «стороне прогресса», олицетворяемого Лю Баном. Теперь же борьба развернулась среди внуков Лю Бана, т. е. уже к третьему поколению правящий род это единство утратил.

Так, сын Лю Хэна — Лю Ци 劉啟 (император Цзин-ди 157—141 гг. до н.э.) уже в самом начале правления столкнулся с масштабным выступлением своих братьев против центрального двора [Бань Гу, 2021, с. 200]. Это событие 154 г. до н.э., известное как «смута семи владений», объединило правителей южных владений У и Чу, северного владения Чжао и четырех владений на территории бывшего Ци[1]. Формальным предводителем мятежа был ван южного владения У Лю Пи 劉濞; однако в одиночку правитель отдаленных от центра страны земель не мог сыграть решающей роли. Поэтому важной движущей силой стали правители бывших царств Чу (как самого мощного) и Ци (как средоточия противостояния между «старыми» и «новыми» элитами)[2].

Личные амбиции сыновей Лю Фэя, по всей видимости, активно испирируемые коренной циской элитой из родов Ван и Тянь, на наш взгляд, и были ключевым катализатором выступления. Оно показало, насколько зыбкими были границы нового пути развития, заданного Лю Баном, и насколько велико было влияние старых элит Великой равнины. Об их серьезнейшей силе свидетельствует то, что уже после успешного подавления «смуты» политическая борьба между элитами не снизила накал, а лишь сменила место — переместилась в императорский гарем.

Гарем и ранее был важнейшей площадкой борьбы, но теперь она обострилась до предела. До начала «смуты» титул императрицы принадлежал женщине из рода Бо, дальней родственнице «наложницы Бо» (薄姬) — матери Лю Хэна и бабки Лю Ци, при интронизации последнего получившей титул Великой вдовствующей императрицы [Бань Гу, 2021, с. 196]. Императрица-бабка была важнейшей фигурой в политической борьбе и сохраняла огромный вес в начале правления императора Цзин-ди, так как именно благодаря представленному ей роду Бо, происходившему с юга, из местности Куайцзи, Лю Бан смог получить поддержку в противостоянии первому натиску циских элит. Она сыграла огромную роль на первом этапе кризиса, вырастив Лю Хэна, перенявшего в итоге власть над Поднебесной. Бабка буквально олицетворяла преемственность прогрессивного курса мужа и сына в империи.

[1] Отметим, что, на наш взгляд, исторически корректнее было бы назвать событие «смутой четырех владений», так как это дает более ясную картину масштаба вовлеченности бывших царств эпохи Чжаньго — два южных, одно северное и «расчлененное» Ци.

[2] Традиционная китайская историография придает лидерству Лю Пи особый вес, что уводит внимание в сторону от основной, на наш взгляд, причины — расчленения владения Ци [Бань Гу, 2021, с. 154].

В первые годы правления внука влияние бабки распространялось везде, в том числе в гареме — девушка ее рода была выбрана ею наложницей наследника еще при жизни сына и в 157 г. до н.э. получила титул императрицы [Бань Гу, 1962, с. 3945]. Но уже в 155 г. до н.э. императрица-бабка умирает [Бань Гу, 2021, с. 199]. С ее смертью уходит целая эпоха и заканчивается этап преобразований во второй фазе политической борьбы, длившийся почти четверть века — начало ему своими реформами положил еще Лю Хэн, отодвинувший от власти первую итерацию циских элит — род Люй.

Как только умирает императрица Бо, цисцы тут же наносят удар, разворачивая этап реакции во второй фазе противостояния элит. Спровоцировав «смуту семи владений», но не сумев добиться результата прямой конфронтацией, «старая» циская знать задействовала иной канал влияния — гарем. Воспользовавшись бездетностью императрицы Бо как предлогом, род Ван сумел продвинуть туда свою представительницу[1]. В 151 г. до н.э. императрицей становится наложница Ван Чжи 王姬 [Бань Гу, 2021, с. 201]. Ее мать Цзан Эр приходилась внучкой одному из соперников Лю Бана на северном контуре империи — вану владения Янь Цзан Ту; в то же время она имела братьев матери от другого отца из рода Тянь, что делало принадлежность ее дочери к циским элитам несомненной [Бань Гу, 1962, с. 3945—3946].

Вместе с пожалованием титула императрицы Ван Чжи наследником становится ее пятилетний сын, Лю Чэ 劉徹 (будущий император У-ди 武帝 141—87 гг. до н.э.)[2]. Характерно, что на место наследника Лю Чэ был переведен из одного из «осколков» Ци, владения Цзяодун — цисцы уже тогда видели в нем свою, управляемую фигуру. Благодаря такой контролируемой связке мать—сын, циские элиты в лице родов Ван и Тянь одержали важнейшую победу, после которой логично было ожидать значительных реакционных проявлений в стране — гарем под контролем, будущий император происходит от «своего» человека, значимых противоборствующих сил на горизонте нет.

Реакция действительно началась и продолжалась до конца правления Лю Ци, сохранившись и в начале правления Лю Чэ. Интронизационные действия молодого императора говорят сами за себя: помимо членов двора знатными титулами в 141 г. до н.э. были наделены дядья Лю Чэ по матери из рода Тянь, при этом Тяни контролировали и высшую военную бюрократию тоже, — Тянь Фэнь был военным министром [Бань Гу, 2021, с. 209].

Ситуация кардинально изменилась в следующем, 140 г. до н.э., когда началась третья фаза противостояния. Ее парадоксальным образом инициировали сами Ваны, вознамерившиеся окончательно подчинить себе молодого императора. Их последней преградой на пути к полному контролю над ним была бабка Лю Чэ, жена Лю Хэна — великая вдовствующая императрица Доу, явно выступавшая на стороне рода Лю против реакционных тенденций рода Ван. В условиях доминирования последних при дворе она все же смогла наладить собственный канал бюрократического влияния, который одновременно

[1] Подробнее о борьбе за наследование в этот период см.: [Башкеев, 2014, с. 471—472].

[2] Предыдущий наследник Лю Жун был переведен на правление владением Линьцзян [Бань Гу, 2021, с. 201].

был способом помочь внуку — все ходатайства трону, приходившие императору, переправлялись ей. Естественно, такая ситуация совершенно не устраивала Ванов. Однако за пятнадцать лет своего доминирования при дворе они явно утратили всякое чувство опасности, и способ выбранный ими, оказался прекрасным поводом для жесткого ответа со стороны императора. Когда аффилированный с родом Ван главный цензор Чжао Вань и непосредственный представитель рода Ван начальник внутренней стражи дворца Ван Цзан подали прошение трону, где напрямую запрашивалось запретить передавать ходатайства трону императрице-бабке, это дало Лю Чэ прекрасный предлог для активных действий против Ванов и Тяней [Бань Гу, 2021, с. 211].

В итоге занимавший пост военного министра Тянь Фэнь был смещён, Чжао Вань и Ван Цзан покончили с собой в тюрьме[1]. Вместе с этим начиная со 135 г. до н.э. император, понимая необходимость привлечения новых кадров для замещения формирующегося «бюрократического вакуума» постепенно создает для себя совершенно новую социальную опору — чиновничий аппарат среднего звена, массово отбирая и продвигая образованных книжников с конфуцианским образованием [Бань Гу, 2021, с. 212—213].

Помимо устранения влияния цисцев в высшей бюрократии Лю Чэ взялся также и за гарем. В 130 г. до н.э. он отстранил императрицу из рода Чэнь, навязанную ему в результате прошлых интриг старой знати [Бань Гу, 2021, с. 215]. Решение о том, кого сделать императрицей и на какой новый во власти «внешний» род опереться, Лю Чэ принимал долго и обстоятельно. Наложницу Вэй Цзыфу он приметил давно, объявить ее императрицей решился только в 128 г. до н.э [Бань Гу, 2021, с. 218]. Тогда было сложно предугадать, какую трагическую, но переломную роль сыграет Вэй Цзыфу в борьбе элит.

На тот момент выгоды этого решения были очевидны — после прихода в гарем наложницы Вэй император сразу получил мощную поддержку со стороны ее рода. Это позволило Лю Чэ начать действовать самостоятельно, без оглядки на род Ван, особенно это упростилось после смерти в 126 г. до н.э. его матери Ван Чжи [Бань Гу, 2021, с. 220]. В сфере внешней политики, где ранее императора также сковывали Ваны, их «выдавливание» также продолжилось, так как еще остававшиеся в бюрократическом аппарате «на внешнем контуре» цисцы саботировали проведение эффективных военных кампаний против сюнну. Так, глава ведомства по делам инородцев Ван Хуэй был брошен в тюрьму (где и умер) после того, как лично (в качестве командующего) провалил масштабную кампанию 133 г. до н.э. на севере, в которую было втянуто пять крупных подразделений [Бань Гу, 2021, с. 214]. Теперь же реализацию военных походов против степняков император возложил на родичей Вэй Цзыфу: ее младшего брата Вэй Цина и молодого племянника Хо Цюйбина [Бань Гу, 2021, с. 215—216].

Первое время этап преобразований проходил успешно с т.з. политической борьбы: военные кампании полностью перенастроили казну на военный

[1] Гуманный вид казни — в этом случае казненный как бы лишает себя жизни добровольно, без принуждения, сохраняя лицо. Кроме того, сохраняется целостность тела, а значит души покойного не рассеиваются после смерти.

лад и позволили Лю Чэ превратить должность первого министра в расстрельную, де-факто выведя главного человека в бюрократической иерархии за рамки политического противостояния[1]. На фоне успешных кампаний против сюнну, 121—120 гг. до н.э., возглавляемых Вэй Цином и Хо Цюйбином [Бань Гу, 2021, с. 224—225], основное влияние при дворе перешло к роду Вэй. Кроме того, постепенно формируемая группа чиновников среднего звена обеспечивала относительный контроль чиновничьего аппарата.

Однако, несмотря на все усилия Лю Чэ, полноценно решать задачи управления империей в условиях постоянного напряжения казны и связанного с этим возрастающего придворного давления было тяжело даже в условиях относительной лояльности окружения[2]. К тому же из этого окружения постепенно уходили самые доверенные лица: Хо Цюйбин, дослужившийся до высшей военной должности военного министра, умер в 117 г. до н.э.

На фоне буксования экономики в конечном итоге император был вынужден отказаться от формата быстрой смены чиновников в системе высшей бюрократии и вернуться к отлаженному механизму ее ротации, созданному великим дедом Лю Чэ, Лю Хэном. В строгом соответствии с этим механизмом в 115 г. до н.э. наставник наследника Ши Цин становится сначала главным цензором, а затем, в 112 г. до н.э. — первым министром[3]. На этой должности Ши Цин пробудет значительно дольше своих предшественников, до 103 г. до н.э.

Ему на смену придет Гунсунь Хэ, прямо связанный с императрицей Вэй Цзыфу по линии его жены Вэй Цзюньжу, приходившейся императрице старшей сестрой [Бань Гу, 1962, с. 2877]. Практически для носителя высшей власти такая замена означала передачу поста первого министра под контроль рода Вэй. В сложившейся обстановке это скорее несло монарху негативные последствия — он устранялся от управления. Впрочем, процесс этот начался на десятилетие раньше, еще при назначении первым министром Ши Цина. К этому времени император де-факто свел свое личное участие в управлении страной к отправлению жреческих функций. Резкое увеличение жертвоприношений ко 113 г. до н.э. четко отграничивает первую половину его правления от второй[4].

Отход императора от управления страной и начавшийся в связи с этим этап реакции в третьей фазе политического процесса во II—I вв. до н.э., во многом носили вынужденный характер. Они, в отличие от предыдущих, не были вызваны борьбой с цисцами, а возникли внутри ранее лояльных друг другу группировок.

---

[1] Ход этот был вынужденный, так как изначально первый министр мыслился помощником императора и гарантом реализации управления, однако к текущему моменту де-факто превратился в инструмент давления на монарха. Подробнее см.: [Башкеев, 2021, с. 365—383].

[2] Подробнее о проблемах напряжения казны и связанных с этим трудностях в экономической сфере см.: [Башкеев, 2022, с. 38—41].

[3] Подробнее о важности этого механизма см.: [Башкеев, 2021, с. 365—383].

[4] Подробнее о разделении правления У-ди на две половины в 113 г. до н.э. см.: [Башкеев, 2014]. Об интесификации жертвоприношений во второй половине правления см.: [Башкеев, 2012, 2020].

Виной всему — удивительное долголетие монарха. К 113 г. до н.э. его наследнику Лю Цзюю 劉據, сыну Вэй Цзыфу, было уже пятнадцать (родился он в год объявления матери императрицей). Сам У-ди в этом возрасте уже стал императором и не мог не понимать, чего подспудно ждут его сын и жена. Ожидание интронизации наследника давило на всех, и с каждым годом это давление становилось все более невыносимым, делая нервозными обе стороны, а главное — создавая между ними невольную оппозицию. Здесь против Лю Чэ играло время; никто не знал, сколько еще проживет император, а годы шли. Он старел, но и не думал умирать. Одно десятилетие, два... в итоге ко времени роковой развязки, 91 г. до н.э. наследник и мать находились в напряженном ожидании уже более 35(!) лет — возраст, когда иные правители уже умирали. К этому моменту сам Лю Чэ состарился (ему исполнилось 65, возраст для того времени почтеннейший) и, по понятным причинам, начал вести себя крайне подозрительно, часто уезжая из дворца в Чанъани в резиденцию в местности Ганьцюань, отделенную от столицы горным хребтом. В последние годы он мог отсутствовать в Чанъани до шести месяцев, всячески избегая появляться в лабиринтах темных коридоров столичных дворцов.

Атмосфера при дворе становилась все более мрачной. Начиная со 113 г. до н.э. император посвятил почти все свое время укреплению созданного им религиозного института «официальных культов», включавшего обряды из разных частей страны[1]. На этом фоне он стал крайне чувствительно относиться к неофициальному отправлению каких-либо культов. Вкупе с его усиленной подозрительностью из-за политического психологического давления к 92 г. до н.э. это привело к возникновению ряда дел о «колдовстве с ядами» (угу). «Колдовство» представляло собой шаманское жертвоприношение по обочинам дорог вне специально оборудованных мест с использованием различных магических идолов. По официальным обвинениям в нем оказались замешаны придворные принцессы Чжуи и Янши, брошенные по этому поводу в тюрьму и там умершие [Бань Гу, 2021, с. 243].

Подобные обстоятельства подготовили прекрасную почву для заговора Вэй Цзыфу и Лю Цзюя. Немудрено, что мать с сыном были сильно запуганы: от обвинений (в том числе и огульных) не были застрахованы никакие, даже самые высокие придворные особы[2], а куклы-идолы, являвшиеся основным доказательством сопричастности, можно было легко подбросить кому угодно.

Все это предсказуемо вылилось интригу, в центре которой находился персонально некий Цзян Чун, однако и присутствие рядом с его персоной цисцев тоже исключать нельзя, так как первое его имя — Цзян Ци. Цзян Чун руководил расследованиями дел о колдовстве. В 91 г. до н.э. он подбросил во дворец императрицы идолы, не оставляя матери и сыну иного выбора, кроме

[1] Это были и культ жертвоприношений на алтарях Пяти императоров-первопредков (*учжи*), и культ жертвоприношений на алтарях Великого Единого (*тайчжи*) и культ приношений Владычице-земле (*хоуту*), а также традиционные приношения на алтарях Земли и злаков (*шэцзи*).

[2] Ранее, еще в 136 г. до н.э. императрица Чэнь таже была смещена после обвинений в «колдовстве с ядами» [Бань Гу, 2021, с. 215].

как попытаться сместить императора и выжить. Они убили Цзян Чуна и подняли мятеж [Бань Гу, 2021, с. 243—244]. Психологическая готовность к такому табуированному действию, как покушение на сакральную фигуру монарха, у них, видимо, уже и так зрела — десятилетия ожидания интронизации не могли не сказаться.

По итогам бесславной и бессмысленной попытки мятежа (императора в это время не было в столице, а на сторону Вэй Цзыфу перешел только гарнизон ее дворца) императрица была уничтожена [Бань Гу, 2021, с. 244]. Сделано это было явно вынужденно, просто потому, что иначе поступить было нельзя. Сохранились свидетельства того, что император, узнав об интригах Цзян Чуна, был весьма опечален, понимая, что мятежники стали врагами поневоле. Монарху не позавидуешь — ведь род Вэй долгое время был его основной придворной опорой в борьбе против цисцев и теперь он оказался ее лишён.

Поэтому неудивительно, что император даже дал бывшему наследнику уйти и некоторое время побыть «в бегах». Решение это было судьбоносным, так как в результате Лю Цзюй смог породить потомство от которого в дальнейшем произошел Лю Бин-и, будущий император Сюань-ди [Бань Гу, 1962, с. 235].

Однако это было делом будущего, а непосредственно после мятежа на самом склоне лет престарелый Лю Чэ был вынужден срочно искать в своем гареме наследника. Это непростое мероприятие увенчалось успехом — Лю Фулин (будущий император Чжао-ди), рожденный от одной из наложниц в 94 г. до н.э., был назначен наследником перед самой смертью Лю Чэ [Бань Гу, 2021, с. 246]. В 87 г. до н.э., после его кончины на седьмом десятке лет закончилась третья фаза противостояния элит в Западной Хань и началась четвертая, самая запутанная, полная скрытых интриг.

Молодой восьмилетний император Лю Фулин (император Чжао-ди 87—74 гг. до н.э.) явно не был готов погружаться в пучину неминуемого кризиса, грядущего после сверхдлительного правления Лю Чэ и нуждался в серьезном прикрытии. Понимая это, его отец решил передать опеку над сыном (а де-факто — бразды правления целой империей) все тому же роду Вэй, точнее представителям его «крыла» из рода Хо. Хо очень вовремя показали себя с лучшей стороны — вместе с родом Шангуань задавив попытку мятежа в самом конце правления Лю Чэ, продемонстрировав таким образом свою полную лояльность ханьскому двору [Бань Гу, 2021, с. 245].

В результате максимальную полноту власти при молодом императоре получил младший брат Хо Цюйбина Хо Гуан, к тому времени длительное время служивший при дворе. Началось сложное время после сверхдлительной реакции, в течение которого род Лю в лице Лю Фулина предпринимал попытки выйти обратно на «трек преобразований». Нельзя сказать, что эти попытки были бесплодными — в частности, в 81 г. до н.э. была проведена знаменитая «Дискуссия о соли и железе» (Янь те лунь). В ней на политической арене опять возникли цисцы. Один из участников дискуссии был никто иной как главный цензор Цяньцю из рода Тянь, выступавший за либерализацию контроля государства над добычей соли [Башкеев, 2007]. Дискуссия явно несла в

себе след возобновившейся скрытой борьбы с цискими элитами, бывшими известными частными владельцами множества соляных копей.

Однако происходили эти попытки преобразований на фоне фактического надзора властного Хо Гуана, который вел свою борьбу — взаимная кооперация родов Хо и Шангуань вскоре сменилась борьбой, так как Шангуани сумели продвинуться в гарем и резко увеличили свой вес при дворе, на что Хо Гуан не мог не отреагировать. Все это очень тормозило движение вперед, возвращая политический процесс к классическому «гаремному противостоянию».

Так или иначе к 74 г. до н.э., когда Лю Фулин умер, так и не оставив наследника, ключевым вопросом политической борьбы для династии Лю было не глобальное противостояние с цисцами, а вопрос поиска отпрыска имперской крови — род действительно рисковал прерваться, так как подходящих кандидатов в гареме не нашлось. И вот тут на сцену вышел Лю Бин-и, прямой потомок мятежного Лю Цзюя (будущий император Сюань-ди 74—48 гг. до н.э.) [Бань Гу, 1962, с. 238].

Ситуация с наследованием была особо пикантной не только потому, что кандидат происходил от «мятежной» ветки правящей династии Лю, но еще и потому, что выдвинул его непосредственно Хо Гуан. Судя по всему, могущественный регент всерьез рассчитывал, что представитель ветки династии Лю со сложной историей не сможет вести себя при нем самостоятельно и будет во всем подчиняться. В то же самое время Хо будут только укреплять свои позиции, де-факто двигаясь к реакции, но для виду продолжая продвигать «прогрессивную» повестку борьбы со «старыми» элитами — для этого Хо Гуан не забывал «поддавливать» цисцев: так, в 73 г. до н.э. совершил самоубийство в тюрьме по обвинению в преступлении министр сельского хозяйства (обратим внимание — выходцы из Ци продолжали управлять экономикой!) Янчэн-хоу Тянь Яньнянь [Бань Гу, 1962, с. 242]. В целом такой подход оправдался, но работал он аккурат до смерти самого Хо Гуана. После его смерти в 68 г. до н.э. четвертая фаза политического процесса завершилась [Башкеев, Ульянов, 2021, с. 358].

С этого момента Лю Бин-и развернул мощную кампанию против остальных Хо, де-факто тем самым начав следующую, пятую фазу преобразований, длившуюся до конца его правления в 48 г. до н.э. Он не мог не понимать, что в своем нынешнем виде они неизбежно становились реакционной силой, стремящийся законсервировать ситуацию. Император же явно был настроен на развитие — у него не было иного способа легитимации себя в ряду правителей династии кроме как путем максимального увеличения потенциала всей империи [Башкеев, Ульянов, 2021, с. 358—359].

Тогда он еще не знал, что проводимые им преобразования уже в следующем правлении при его сыне Лю Ши (императоре Юань-ди 48—33 гг. до н.э.) закончатся самой комплексной реакцией за всю историю империи Западная Хань. В итоге это приведет к ее гибели и формальному основанию нового государства под властью все тех же циских элит из рода Ван [Башкеев, Ульянов, 2021, с. 360]. Очередной «рейд» Ванов в гарем на этот раз увенчается полным успехом. Женой императора Лю Ши станет будущая императрица Ван

Чжэнцзюнь 王政君. Весь период правления Лю Ши Ваны будут поступательно увеличивать свое влияние при дворе, и, в конце концов, в лице Ван Мана 王莽 приведут цисцев к глобальному реваншу в борьбе за Поднебесную [Башкеев, Ульянов, 2021, с. 360—361].

На фоне ослабления последних правителей Западной Хань империя придет к необходимости полной «перезагрузки», которую и совершит Ван Ман, тем самым осуществив давнюю мечту циских элит — полновластное управление всей Поднебесной с основанием собственного нового государства. Символично, что даже само название империи — Синь («Новая») будет это явно подчеркивать. У Ван Мана явно были большие исторические планы по развитию империи своего, циского образца, с совершенно особым подходом к ключевым вопросам управления страной, прежде всего, в бюрократии и экономике [Башкеев, Ульянов, 2021, с. 361—362].

Вполне вероятно, что если бы не ряд обстоятельств, в том числе, природного свойства (смена русла) Хуанхэ Ваны смогли бы основать правящую династию, история сделала бы элегантный крюк, вчерашние «реакционеры» Ваны стали бы «реформаторами», а сам Ван Ман стал бы в один ряд с Лю Баном. Однако, история распорядилась иначе, и реакция на этот раз смела самого Ван Мана, задевшего слишком много ключевых интересов множества знатных родов [Башкеев, Ульянов, 2021, с. 363].

После свержения Ванов на историческую сцену вернулся род Лю и в ожесточенной борьбе за императорский трон победил Лю Сю 劉秀 — потомок исконной династической ветки, восходящей к Лю Ци (императору Цзин-ди) [Башкеев, Ульянов, 2021, с. 363—364].

Лю Сю (император Гуан-У-ди 光武帝) перенес столицу Хань восточнее на Великую равнину, в г. Лоян, подобно Лю Бану, который начал это судьбоносное (и исторически неизбежное) движение столицы Хань на восток на двести лет раньше. Империя Хань, воссозданная династией Лю в первой четверти I в. н.э., таким образом, теперь стала Восточной. Круг противостояния «старых» и «новых» элит замкнулся, совершив полный цикл, чтобы вновь повторяться уже в средневековье в несколько иных формах[1].

Библиографический список

Бань Гу. Хань шу («История Хань»). В 8 т. / пер. с китайского В.В. Башкеева под ред. М.Ю. Ульянова; коммент., вступит. ст. и приложение В.В. Башкеева и М.Ю. Ульянова. (Памятники письменности Востока. CLVI, 1 / редкол.: А.Б. Куделин (пред.) и др.). Т. 1. Ди цзи («Хроники [правления] императоров»). Главы 1—6. М.: ИДВ РАН Вост. лит., 2021.

Башкеев В.В. Две «эпохи» в правление западноханьского У-ди (141—87 гг. до н.э.): деятельность императора в сакральной сфере как инструмент политической борьбы // В пути за китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. Выпуск 12. М., 2014. С. 467—487.

[1] Это, безусловно, тема для отдельного исследования, которое должно быть проведено учеными-медиевистами с учетом всех особенностей исторического процесса поздней древности.

Башкеев В.В. Интенсификация жертвоприношений в правление У-ди (Западная Хань, 141—87 гг. до н.э.) как один из признаков протекания политической борьбы // XLII научная конференция «Общество и государство в Китае». Выпуск 6, часть I. М., 2012. С. 157—160.

Башкеев В.В. О структуре изложения в разделе дицзи Хань шу. (На материале главы Гао-ди цзи ся) // 49-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2019. С. 87—107.

Башкеев В.В. О формировании структуры высшего гражданского чиновничества в Западной Хань в период с 202 по 87 г. до н.э.: первый министр (чэнсян) и главный цензор (юйши дафу) // Хань шу («История Хань». Бань Гу, перевод с китайского. Сер. «Памятники письменности Востока» Российская академия наук Институт Дальнего Востока. М., 2021. С. 365—383.

Башкеев В.В. Повторяющиеся действия императора У-ди в сакральной сфере в период 141—87 гг. до н.э. // Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика. Тезисы докладов научной конференции. Утверждено к печати Ученым советом ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. 2020. С. 82—85.

Башкеев В.В. Правление западноханьского императора Вэнь-ди: анализ важнейших политических процессов (на основе данных Ханьшу) // XLIII научная конференция «Общество и государство в Китае», часть II, выпуск 8. М., 2013. С. 34—65.

Башкеев В.В. Эволюция монетного обращения в империи Западная Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.) // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2022. Т. 1. № 10. С. 26—49.

Башкеев В.В. Янь те лунь («Дискуссия о соли и железе»): приемы выявления исторической информации// 2007, История Китая: Материалы китаеведческих конференций ИСАА при МГУ (май 2005 — май 2006) М., 2007. С. 85—99.

Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. — 25 г. н.э.) // Хань шу («История Хань»). Бань Гу, перевод с китайского. Сер. «Памятники письменности Востока». Российская академия наук. Институт Дальнего Востока. М., 2021. С. 318—364.

Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. Часть III. Неолит (IX — середина III тыс. до н.э.) // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). М., 2016. С. 151—362.

References

Ban, Gu (2021). Han shu 漢書 [History of Han). V 8 t. / per. s kitayskogo V.V. Bashkeyeva pod red. M.Yu. Ul'yanova; komment., vstupit. st. i prilozheniye V.V. Bashkeyeva i M.Yu. Ul'yanova. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. CLVI, 1 / redkol.: A.B. Kudelin (pred.) i dr.). T. 1. Di tszi («Khroniki [pravleniya] imperatorov»). Glavy 1—6 [In 8 volumes / translated from Chinese V.V. Bashkeev, ed. by M.Yu. Ulyanov; commentary, introductory article and appendix by V.V. Bashkeev and M. Yu. Monuments of the written language of the East. CLVI, 1 / ed. by A.B. Kudelin (predecessor) and others). Vol. 1. Di ji (The Chronicles [of the reign] of Emperors). Chapters 1—6]. Moscow, IFES RAS, Eastern Literature. (In Russian).

Ban, Gu 班固 (1962). Han shu 漢書 [History of the Han]. Beijing: Zhonghua shuju.

Bashkeev, V.V. (2007). Yan' te lun' («Diskussiya o soli i zheleze»): priyemy vyyavleniya istoricheskoy informatsii [Yan te lun (Discussion of Salt and Iron) Methods of Identification of Historical Information]. History of China: Proceedings of Chinese Studies Conferences at IAAS Moscow State University (May 2005 — May 2006). Moscow, S.85—99. (In Russian).

Bashkeev, V. V. (2012). Intensifikatsiya zhertvoprinosheniy v pravleniye U-di (Zapadnaya Khan', 141—87 gg. do n.e.) kak odin iz priznakov protekaniya politicheskoy bor'by // XLII

nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye» [The intensification of sacrifices during the reign of Wu-di (Western Han, 141—87 B.C.) as one of the signs of the ongoing political struggle // XLII Scientific Conference "Society and State in China"]. Part I, Issue 6. Moscow, S.157—160. (In Russian).

Bashkeev, V. V. (2013). Pravleniye zapadnokhan'skogo imperatora Ven'-di: analiz vazhneyshikh politicheskikh protsessov (na osnove dannykh Khan'sh·ch) [The reign of the Western Han emperor Wen-di: analysis of the most important political processes (based on Hanshu data)]. XLIII Scientific Conference "Society and State in China"]. Part II, Issue 8. Moscow, S. 34—65. (In Russian).

Bashkeev, V. V. (2014). Dve «epokhi» v pravleniye zapadnokhan'skogo U-di (141—87 gg. do n.e.): deyatel'nost' imperatora v sakral'noy sfere kak instrument politicheskoy bor'by // V puti za kitayskuyu stenu. K 60-letiyu A.I. Kobzeva [Two "epochs" in the reign of Western Han Wu-di (141—87 B.C.): Emperor's activity in sacral sphere as a tool of political struggle // On the way beyond the Chinese wall. To the 60th Anniversary of A. I. Kobzev]. Issue 12. Moscow, S. 467—487. (In Russian).

Bashkeev, V. V. (2019). O strukture izlozheniya v razdele ditszi Khan' sh·ch. (Na materiale glavy Gao-di tszi sya) // 49-ya nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye» [On the structure of exposition in the Han shu diji section. (On the material of the chapter Gao-ji xia) // 49th Scientific Conference "Society and State in China"]. Moscow, S. 87—107. (In Russian).

Bashkeev, V. V. (2020). Povtoryayushchiyesya deystviya imperatora U-di v sakral'noy sfere v period 141—87 gg. do n.e. // Lomonosovskiye chteniya. Vostokovedeniye i Afrikanistika. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii. Utverzhdeno k pechati Uchenym sovetom ISAA MGU imeni M.V. Lomonosova [Repetitive actions of Emperor Wu-di in the sacral sphere in the period 141—87B.C. // Lomonosov Readings. Orientalism and African Studies. Theses of scientific conference reports. Approved for print by the Academic Council of the Lomonosov Moscow State University]. 2020. S. 82—85. (In Russian).

Bashkeev, V. V. (2021). O formirovanii vysshego grazhdanskogo chinovnichestva v Zapadnoy Khan' s 202 po 87 g. do n.e.: pervyy ministr (Chensyan) i glavnyy tsenzor (Yushi Dafu) // Khan' sh·ch ("Istoriya Khan'"). Ban Gu. perevedeno s kitayskogo. ser. "Pamyatniki pis'mennosti Vostoka" [On the Formation of Higher Civil Official Structure in Western Han from 202 to 87 B.C.: First Minister (Chengxiang) and Chief Censor (Yushi Dafu) // Han shu ("History of Han"). Ban Gu. translated from Chinese. Ser. "Monuments of the Writings of the East"]. IFES RAN. Moscow, S. 365—383. (In Russian).

Bashkeev, V. V. (2022). Bashkeyev V.V. Evolyutsiya monetnogo obrashcheniya v imperii Zapadnaya Khan' (202 g. do n.e. — 8 g. n.e.) [The Evolution of Coinage in the Western Han Empire (202 BC — 8 AD)]. Vol. 1. No 10. S.26—49. (In Russian).

Bashkeev, V.V., Ulyanov M.Y. (2021). Periodizatsiya kak instrument i kak rezul'tat issledovaniya politicheskogo protsessa: na primere istorii Kitaya pozdney drevnosti (221 g. do n.e. — 25 g. n.e.) // Khan' sh·ch ("Istoriya Khan'"). Ban' Gu, perevod s kitayskogo. Ser. "Pamyatniki pis'mennosti Vostoka" [Periodization as a tool and as a result of the study of the political process: on the example of Chinese history of late antiquity (221 BC — 25 AD) // Han shu ("History of Han"). Ban Gu. translated from Chinese. Ser. "Monuments of the Writings of the East"]. IFES RAN. Moscow, S. 318—364. (In Russian).

Deopik, D.V., Ulyanov M.Y (2016). Chast' III. Neolit (IX — seredina III tys. do n.e.) // Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka. Tom 1. Drevneyshaya i drevnyaya istoriya (po arkheologicheskim dannym) [Part III. Neolithic (IX — the middle of III mill. BC) // History of China from the most ancient times to the beginning of the XXI century. Vol. 1. The most ancient and ancient history (according to archaeological data)]. Moscow, S.151—362. (In Russian).

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ ОБЩЕСТВА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ, ПОСВЯЩЕННОМ 73-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

И.И. Мельников
Первый заместитель Председателя Государственной Думы ФС РФ

30 сентября в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное 73-й годовщине образования КНР, установления дипломатических отношений между Россией и КНР и создания Общества китайско-российской дружбы.

Собрание открыл и выступил председатель Общества российско-китайской дружбы, первый заместитель Председателя Государственной Думы ФС РФ Иван Мельников:

«Уважаемый Посол Чжан Ханьхуэй!

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Сегодня очень насыщенный день: я только что приехал из Кремля с важного исторического мероприятия, о котором вы хорошо знаете. Но наша повестка в силе. И я рад приветствовать всех вас на торжественном собрании, посвященном трем знаковым октябрьским датам.

Во-первых, 73-й годовщине образования Китайской Народной Республики. Этот праздник наши китайские друзья будут отмечать завтра, 1 октября. Во-вторых, уже 2 октября, 73 года исполнится установлению российско-китайских дипломатических отношений. А 5 октября 73-летие создания отмечают наши товарищи и партнеры из Общества китайско-российской дружбы.

Перечисляя эти три даты в таком порядке, каждый раз мы снова и снова обращаем внимание на то, что вместе с рождением Китайской Народной Республики сразу же, безотлагательно, на всех уровнях родились институты развития наших связей и укрепления нашей дружбы.

Советский Союз был первым, кто уже на следующий день после провозглашения Мао Цзедуном создания Китайской Народной Республики установил с КНР дипломатические отношения.

А основанное через несколько дней Общество китайско-советской дружбы уже очень скоро стало самой широкой массовой организацией в Китае.

Это было свидетельство глубокого дружеского чувства китайского народа к советскому народу, который оказывал Китаю помощь и поддержку все годы борьбы против внешней и внутренней реакции.

По доброй традиции три октябрьских годовщины объединяют всех активистов российско-китайских отношений.

Как вы знаете, два последних года пандемия не позволяла нам собраться в эти дни. Мы проводили содержательные встречи «онлайн», но, конечно, все очень ждали возвращения возможности для такого собрания, как сегодня — когда мы вместе в одном зале.

А сегодняшний зал имеет известную долю символизма. Совсем рядом, всего в трехстах метрах от нас, находится Министерство иностранных дел Российской Федерации. Символично и то, что в этом зале вместе с нами авторитетный дипломат Андрей Иванович Денисов, который почти десять лет возглавлял Посольство России в Китае, внес по-настоящему большой вклад в развитие российско-китайских дипломатических отношений и, несмотря на завершение своей высокой миссии, продолжит ответственную работу уже как первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам и заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы. Давайте пожелаем ему успехов!

Уважаемые коллеги!

Поздравляя наших китайских друзей с очередной годовщиной образования КНР, мы можем отметить, что Китай уверенно идет к достижению своих целей: в основном осуществить социалистическую модернизацию к 2035 году и превратить Китай в модернизированную социалистическую державу к 2049 году.

На этом пути прорывных успехов китайский народ достигает в деле социального строительства, в построении среднезажиточного общества.

Успешная социальная политика обеспечивается растущей экономикой: в 2021 году она достигла рекордного показателя ВВП в 114 трлн юаней. Все больше внимания уделяется научно-техническим инновациям и передовым технологиям.

Мы не раз говорили об этом в год столетия КПК, нужно подчеркнуть и сегодня: подобные достижения были бы невозможны без прочной и стабильной системы управления. Такой, какой она сложилась в Китае и постоянно совершенствуется.

В этом контексте хотел бы от имени Общества российско-китайской дружбы пожелать успехов руководству КНР и всему китайскому народу в проведении исторического XX Съезда КПК, который откроется 16 октября и определит цели, задачи и политику партии и страны на ближайшие пять лет и более длительный период.

Этот год для Китая особенный не только в связи с предстоящим Съездом. Это год — громко звучащего голоса КНР на международной арене. Мы хорошо помним о блестяще организованных Зимних Олимпийских играх в Пекине. А если говорить о крупных вопросах международной повестки, то Китай не поддался мощнейшему внешнему прессингу. Ни в вопросе с украинским кризисом, где Соединенные Штаты хотели заставить всю планету выполнять свои команды. Ни в вопросе, прямо связанном с национальными интересами КНР, когда спикер Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси совершила провокационный визит на Тайвань.

Взвешенность и сбалансированность, твердость и принципиальность подходов КНР укрепили авторитет голоса Китая в мире.

И мы хорошо понимаем, насколько это важно сегодня в той острой обстановке, которая сложилась на международной арене. Насколько определяющим в этом плане является российско-китайское дипломатическое взаимодействие.

Как верно отметил на недавнем Саммите Шанхайской организации сотрудничества Президент России Владимир Путин: «Внешнеполитический тандем Москвы и Пекина играет ключевую роль в обеспечении глобальной и региональной безопасности. Мы совместно выступаем за формирование справедливого, демократического и многополярного миропорядка, базирующегося на международном праве и центральной роли ООН».

В свою очередь лидер КНР Си Цзиньпин очень точно сказал о целях нашего взаимодействия. О том, что перед лицом колоссальных перемен Китай вместе с Россией готов «показать пример ответственной мировой державы» и сыграть роль, чтобы «вывести быстро меняющийся мир на траекторию устойчивого и позитивного развития».

Небывалый интерес многих государств и народов к прошедшему в Самарканде Саммиту ШОС подтверждает привлекательность этих формул для всех, кто устал от проблем, порождаемых однополярным миром. Приятно и то, что для нас это не просто формулы, они реализуются в актуальной публичной политике и подкрепляются ежедневным делом.

Россия решительно подчеркнула свою приверженность принципу «Одного Китая». Китай жестко парировал авантюрные спекуляции о возможности лишения России статуса члена Совбеза ООН.

Между нашими странами растет товарооборот, и даже в трудные восемь месяцев нынешнего года он вырос почти на 30 %. Уже до 27 % выросла доля расчетов в национальных валютах. Фактически незамедлительно после Самарканда в закрытом режиме состоялся 17-й раунд российско-китайских консультаций по стратегической безопасности.

Уважаемые коллеги!

Наше Общество дружбы, как и наши китайские партнеры, не решают крупных глобальных вопросов. Но мы не можем подождать, пока ситуация в мире нормализуется, сказать: давайте остановимся, пока не стало «попроще». И от наших коллег, и от нас требуется продолжать делать свое дело. Создавать новые проекты и форматы для развития и расширения социальной базы российско-китайской дружбы.

Это та почва, которая просто необходима для подпитки межгосударственных взаимодействий, для обеспечения их глубины и будущего.

Завершая выступление, хотел бы напомнить, что уже через месяц мы будем встречать юбилейную веху: 65-летие Общества российско-китайской дружбы. Будет серия крупных мероприятий, на которых мы увидимся вновь».

Чжан Ханьхуэй
Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики
в Российской Федерации

张汉晖大使在庆祝中华人民共和国成立
暨中俄建交73周年招待会上的讲话

Уважаемый Иван Иванович,
Уважаемый Андрей Иванович,
Дамы и господа,
Дорогие друзья,
Добрый день!

Я очень рад возможности встретиться с вами и вместе отметить 73-ю годовщину со дня основания Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, а также 65-летие Общества российско-китайской дружбы.

Прошедший год ознаменовался выдающимися достижениями в государственном строительстве. Под сильным руководством ЦК КПК, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин, Китай успешно завершил всестороннее построение среднезажиточного общества и искоренил абсолютную бедность. Достигнув цели, приуроченной к столетию основания КПК, наша страна теперь уверенно движется к достижению цели, приуроченной к столетию образования КНР. В 2021 году ВВП Китая достиг 114,4 трлн юаней, что составило 18,5 % мировой экономики и внесло 30 % вклада в рост мировой экономики. Китай с полным успехом провел Зимнюю Олимпиаду в Пекине, демонстрировал облик уверенной, инклюзивной и открытой мировой державы, вступающей в новую эпоху. Мы торжественно отпраздновали 25-летие со дня «возвращения Сянгана в лоно Родины». Преисполненные уверенностью в прекрасном будущем, мы стали свидетелями успешного проведения политики «Сянганом управляют сянганцы в условиях высокой степени автономии на основе принципа «Одно государство, два строя»». Успешный полет космического корабля «Шэньчжоу-14» в космическое пространство, запуск экспериментального модуля «Вэньтянь», создание китайской космической станции, это уверенные шаги продолжительного открытия необъятного космоса. Мы настаивали на координации борьбы с эпидемиями и социально-экономического развития, в максимально возможной степени защитили жизнь и здоровье народа, обеспечили основные условия для социального и экономического развития.

С начала текущего года активизируются двусторонние контакты между Китаем и Россией на высшем и высоком уровнях, наши отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху, выходят на новую ступень. После февральской встречи на площадке Зимней Олимпиады Председатель КНР Си Цзиньпин и Президент РФ В.В. Путин провели очередную очную встречу в Самарканде, в ходе которой лидеры двух стран наметили четкие векторы дальнейшего развития двусторонних отношений. Совсем недавно председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Чжаньшу совершил успешный визит в Россию и принял участие в Пленарном заседании 7-го Восточного экономического фору-

ма. Тесные контакты поддерживаются и по линии руководителей других уровней и профилей. Наши страны последовательно оказывают друг другу твердую поддержку по вопросам, затрагивающим основные интересы двух стран, продолжают плотное взаимодействие в международных делах. В этой связи позвольте выразить российским друзьям особую благодарность за справедливую позицию и ценную поддержку по ряду вопросов, связанных с Тайванем, Сянганом и Синьцзяном. Несмотря на западные санкции со всеми вытекающими негативными последствиями, плодотворная и целенаправленная совместная работа позволила нам обеспечить поступательное развитие практического сотрудничества, которое показывает беспрецедентную динамику. С января по август текущего года общий объем двусторонней торговли составил 117,2 млрд долларов, увеличившись на 31,4 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Есть все основания предположить, что по итогам текущего года двусторонний товарооборот установит новый рекорд. Успешно был введен в эксплуатацию автомобильный мост Хэйхэ — Благовещенск, что придало мощный импульс укреплению транспортных связей между нашими странами. Наибольшую долю китайского рынка энергоносителей занимают именно поставки из России. Согласно статистике российской стороны, по итогам первого квартала доля взаиморасчетов в национальных валютах в двусторонней торговле увеличилась до 27,5 %, более удобными стали платежные и расчетные операции между нашими странами.

Уважаемые коллеги, друзья!

Через пару недель состоится XX съезд Коммунистической партии Китая. В этот ответственный момент, когда Китай вступает на новый путь всестороннего построения современного социалистического государства и осуществления цели, приуроченной к столетию образования КНР, XX съезд, как важнейшее в текущем году событие в политической жизни страны, будет иметь ключевое значение для развития Китая и откроет новые возможности для углубления китайско-российских отношений. В условиях эпохальных и исторических перемен в мировом масштабе Китай и Россия будут продолжать углублять политическое взаимодоверие и стратегическое взаимодействие, расширять деловое сотрудничество, укреплять традиционную дружбу и твердо поддерживать друг друга по вопросам, касающимся основных интересов наших стран, демонстрировать роль великих держав, прилагать совместные усилия к тому, чтобы китайско-российская связка стала надежной опорой для обеспечения мира и развития во всем мире.

В заключение хочу от имени Посольства Китая в России искренне поздравить руководство и всех сотрудников Общества российско-китайской дружбы с 65-летием Общества, выражаю вам благодарность за ваш весомый вклад в развитие китайско-российского сотрудничества и укрепление дружбы между нашими народами. Хотел бы также поблагодарить Общество российско-китайской дружбы, исследовательский Институт Китая и современной Азии Российской академии наук за ваш труд и прекрасную организацию сегодняшнего мероприятия. Посольство готово вместе с российскими друзьями реализовать договоренности между главами наших государств в интересах непрерывного развития китайско-российских отношений.

Пусть процветают великий Китай и великая Россия! Пусть длится навеки дружба наших народов!

Спасибо!

А.И. Денисов
к.э.н., первый заместитель председателя Комитета по международным делам
Совета Федерации Федерального Собрания РФ

Россия и Китай: добрые соседи и близкие партнёры (заметки дипломата)

Победа китайской революции или, как говорят в Китае, «Освобождение страны» (解放 (цзефан) — такой термин принят в Китае) и образование Китайской Народной Республики — это, бесспорно, одно из крупнейших политических событий не только бурного и богатого на события XX века, но и в целом мировой истории. Я думаю, можно сказать об этом уже вполне определенно. Ведь смена политической модели в крупнейшей стране мира по численности населения переформатировала весь расклад сил в глобальном масштабе.

Мировой социализм на сложнейшем этапе начала «холодной войны» вскоре после опустошительной войны «горячей» был в непростом положении, и даже, может быть, был на грани выживания. Он смог выжить и окрепнуть не в последнюю очередь благодаря пополнению социалистического лагеря новым государством в лице Китая. Сам факт вступления огромной, соседней для нас страны на путь социалистического развития оказал глубокое духовно-эмоциональное воздействие на наше общественное сознание. Появилось достаточное стойкое ощущение, что мы не одни в этом мире. Характерно, что сегодня, спустя три четверти века, в совершенно иных исторических условиях и совершенно по другому поводу, у России есть основание испытывать очень схожее ощущение по поводу Китая.

Географически Китай времен всех императорских династий и обширные пространства Евразии, ставшие со временем исторической Россией, всегда соседствовали. Но контакты между теми, кто их населял, по меркам мировой истории, а в особенности по меркам тысячелетней истории китайской государственности, являются не столь протяженными по времени.

Когда начались контакты между нашими народами — трудно сказать. Существуют апокрифические сведения о том, что русские «стражники» состояли на службе в охранных войсках во времена династии Юань (1271—1368 гг.). Встречаются сведения о том, что в составе императорской гвардии существовал полк (团) или рота (连) охранников, стражников — возможно, выходцев из России. Для той эпохи это было нормальным явлением — вспомним, что в тот же период в Куликовской битве 1380 г. участвовали, помимо собственно русских и татар, и генуэзцы, и литовцы. Весьма вероятно, что участие русских стражников в гвардии императоров Юань стало первым колышком на большом пути российско-китайских отношений.

Первая российская дипломатическая миссия, с известной долей условности, была направлена в Китай в 1618 г. Казачий полковник Иван Петлин в составе торгового каравана прибыл в Китай с определенными поручениями дипломатического характера. Миссия его, впрочем, не удалась, как спустя полтора века не удалась миссия в Китай британского лорда Макартни (1792—1794 гг.). Из-за разного рода протокольных церемоний встречи с императором не произошло,

император не принял Петлина, однако караван выполнил свою миссию: товары были доставлены, обменены и увезены, так что торгово-экономическая часть визита получила определенное развитие. Так бывало и позже, когда между политикой и торгово-экономическими отношениями России и Китая образовывался некоторый разрыв.

Интересная роль в наших двусторонних отношениях принадлежит такой группе, как албазинцы, — её история протянулась из 1685 г. до наших дней. Группа российских казаков, плененных при осаде Албазина и привезенных в 1685 г. в Пекин с семьями, а также со священником отцом Максимом и иконой Николая Чудотворца, была зачислена, как и при династии Юань, в императорскую гвардию уже империи Цин. Их поселили в одном из углов города, возле Восточных ворот Дунчжимэнь, где и сейчас находится российское посольство. Функция священника состояла в окормлении казаков и их потомков. С тех пор албазинцы жили в Китае, и по сей день многие в КНР считают, что люди, носящие фамилию Ду (杜), являются потомками российских казаков. Уже в начале XVIII столетия императорский двор дал согласие на основание православной духовной миссии по письменной просьбе российского царя Петра I. Пётр, как известно, был не только императором, но и после синодальной реформы — официальным главой Русской православной церкви. Миссия прибыла в Пекин в 1715 г.

О духовной миссии нужно вспомнить в связи с одним обстоятельством: она выполняла важнейшую просветительскую миссию. Мы с полным основанием говорим о том, что именно там зародилось и получило определенное развитие российское китаеведение. Ведь первые переводчики были членами миссий, направленных в конце XVIII века в Китай для изучения китайского языка. Они были небольшими по размеру: 5—7 монашествующих, вряд ли больше 10. К ней были прикомандированы так называемые студенты. Это были в основном учащиеся церковных учебных заведений, направленные в Китай для изучения языка. К сожалению, следует отметить, что многие из них не очень нашли себе применение по возвращению в Москву и Санкт-Петербург: критическая масса российско-китайского взаимодействия еще не накопилась, отношения еще не приняли того характера, который требовал бы регулярной работы профессиональных переводчиков. Однако уже деятельность выдающегося отечественного китаеведа Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) (1777—1853), оказалась весьма востребованной в России. После многолетнего пребывания в Китае он, вернувшись в столицу, активно трудился как китаевед и член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Судьба его была непростой: на родине он был предан суду и провёл несколько лет в ссылке. Для нас Бичурин навсегда останется основателем отечественного китаеведения.

В 1861 г. наступил новый, формально-дипломатический этап, межгосударственный этап развития отношений России и Китая. Было учреждено первое посольство. К тому времени было всего около десятка стран, в основном государств Европы, установивших официальные дипломатические отношения с Китаем. Последний царский посланник князь Н.А. Кудашев завершил свою миссию в 1920 году. А с 1924 года были установлены советско-китайские отношения на уровне посольств, в Пекине работал первый советский посол Л.М. Карахан — большевик старой школы, соратник В.И. Ленина, фигура, весьма известная в советской истории.

Малоизвестный факт: до этого в течение двух лет в Пекине действовало посольство Дальневосточной Республики. Там работали трое дипломатов, они проживали в одном из корпусов сохранившейся до сих пор гостиницы «Пекин». В составе миссии ДВР работал переводчик Марк Исаакович Казанин — человек очень яркой и одновременно трагической судьбы, оставивший интереснейшие воспоминания о том периоде, когда Китай ещё не был готов к установлению отношений с Советской Россией. Интересная новация с созданием Дальневосточной Республики, принадлежавшая лично В.И. Ленину, сработала и на китайском направлении: был перекинут своеобразный мост от царского посольства к советскому.

В 1924 г. в наших двусторонних отношениях начался этап, который продолжается и по сей день, вот уже почти век. Это особый, ни на что не похожий тип отношений, имеющий глубокую внутреннюю специфику и динамику. Первая четверть века этого столетия была отмечена определённой двойственностью. Параллельно строились связи как по государственной и дипломатической линии с правящей партией Гоминьдан, так и с фактически противостоящей ей силой Гунчаньдан — Коммунистической партией Китая. Отношения между ними часто и резко менялись: от первого единого фронта в 1921—1925 гг. к белому террору в отношении КПК в 1925—1927 гг., к вооруженной борьбе до середины 1930-х годов и затем второму единому фронту после Сианьского инцидента (1936 г.), возобновившего сотрудничество между КПК и Гоминьданом на почве войны с Японией вплоть до 1945 г. Затем началась гражданская война, завершившаяся в 1949 г. созданием КНР.

И на всех этих виражах истории, в чрезвычайно специфической историко-политической обстановке тех лет, не только в Евразии, не только между Россией и Китаем, Москва сохраняла корректные отношения с правящим режимом Китая, который позиционировал себя как один из победителей во Второй мировой войне и получил место в Совете Безопасности ООН. При этом, разумеется, отношения с оппозицией в лице Компартии Китая и духовно, и политически были ближе и глубже. Хотя в августе 1945 между Китайской Республикой и Советским Союзом был подписан Договор о дружбе и союзе, все же отношения носили несколько формальный характер. А отношения с КПК приобрели особенно тесный характер с 1947 г., с начала Гражданской войны, которая и привела к диалектическому снятию двойственности в советско-китайских отношениях, которые после этого строились в едином русле и следовали всем изгибам этого русла.

1950-е годы часто называют «медовым месяцем» в советско-китайских отношениях. В Китае в 1959 г. при подведении итогов первого десятилетия этих отношений его назвали «великим десятилетием» (伟大的十年). Оно и вправду было великим десятилетием с точки зрения советско-китайского сотрудничества. Даже оставив в стороне политическую, экономическую, торговую сферы взаимодействия, важно отметить чисто человеческое измерение, восприятие Китая в СССР. В самом конце 50-х и начале 60-х годов мои родители жили в коммунальной квартире, и нашими соседями была семья советских специалистов, вернувшихся из Китая. В коридоре в углу стояли коробки с вещами, привезёнными оттуда, и я с интересом перерисовывал иероглифы как красивые, необычные картинки.

1960-е годы были бурными, тяжелыми прежде всего для самого Китая, но и для наших отношений, тем более что в 1969 г. дело дошло до вооруженных столкновений на границе. Это печальная страница нашей истории. А вот 1970-е годы можно назвать временем «негативной стабилизации». Отношения сохраняли знак «минус», но в целом имели стабильный характер. Для китаеведов СССР и китаеведческих организаций — таких, как Институт Дальнего Востока, Институт востоковедения АН СССР, эти годы были достаточно активными. Издавались книги, в Обществе дружбы регулярно проводились вечера, мы праздновали все китайские праздники, обязательно собирались на Праздник Весны, обязательно проводили собрания, посвященные Дню образования КНР 1 октября. В СССР выходили многочисленные книги по Китаю, причем самые разные, например, ставшая для меня в годы учёбы в аспирантуре «библией» книга «Проблемы и противоречия индустриального развития КНР» Л.И. Молодцовой (Кондрашовой), главы из которой я носил тогда с собой и читал везде, где мог. Жизнь и изучение Китая продолжались.

В 1973 г., то есть уже почти полвека назад, попав в Китай на практику в торгпредство и затем приехав туда еще раз на работу в 1978 г., я вновь убедился в том, что у нас была налажена нормальная, регулярная работа. Мы ездили в компании, вели переговоры, подписывали контракты, следили за их выполнением. Это был действительно стабильный период, хоть и со знаком «минус».

Откуда следует отсчитывать начало процесса нормализации советско-китайских отношений? Полагаю, что с ноября 1982 г., когда в качестве гостя посла КНР в Москву прибыл заведующий отделом СССР и Восточной Европы Юй Хунлян. Важнейшим событием с духовно-эмоциональной точки зрения стал визит в Китай в 1984 г. И.В. Архипова, который в 1950-е годы возглавлял коллектив советских специалистов в Китае, пользовался там огромным уважением. Память о нём и сегодня живет в сердцах наших китайских друзей, и многие вспоминают сцену из того визита 1984 г., когда три ветерана — Бо Ибо, Чэнь Юнь и И.В. Архипов — стояли обнявшись и плакали от радости встречи.

Были и другие события. Выступление М.С. Горбачева во Владивостоке в сентябре 1986 г., когда впервые было сказано, что границы должны идти по середине реки, чем был ускорен процесс переговоров о границе. Значительно позже, уже в годы президентства В.В. Путина, эти переговоры привели к успеху — и это уникальный случай в мировой практике.

Окончательная нормализация отношений произошла в 1989 г. в результате визита М.С. Горбачёва в КНР. Правда, вскоре произошёл распад Советского Союза, который в Китае был воспринят с большой озабоченностью и большими сомнениями. Однако уже в декабре 1992 г. состоялся первый визит в Китай президента РФ Б.Н. Ельцина. Этому визиту предшествовала серьезная полемика в Москве. Высказывались мнения, что визит нецелесообразен, что России нужно смотреть скорее в сторону Запада, но победил разум, победили донесения из Пекина посла РФ И.А. Рогачева — учителя многих российских китаеведов, лидера отечественного практического китаеведения, и дальше отношения развивались достаточно ровно и стабильно. Приехав в 2013 г. в Пекин, я получил хорошее наследство, заложенное Игорем Алексеевичем и продвинутое его преемником и моим предшественником в качестве посла в КНР С.С. Разовым. Строго говоря, И.А. Рогачёв не был первым послом РФ, ведь до него последним послом

СССР и первым послом РФ был Н.Н. Соловьев, но его каденция была совсем небольшой, полтора года, и в основном это было советское время.

Вспоминая 1990-е годы, хотел бы сказать, что мы начали очень быстро набирать обороты, возобновлять сотрудничество в тех сферах, где его не было с 1950-х: военное и военно-техническое сотрудничество, взаимодействие в области атомной энергетики, космоса. Выдающуюся роль на этом этапе сыграли прежде всего посол И.А. Рогачев и работавший тогда в Пекине глубокий китаевед — учёный и практик С.Н. Гончаров. Так что дальше главное для нас — продвигать хорошее наследство, и на протяжении 10 лет своей работы в Китае я старался как минимум сохранить его.

Очень благодарен своим китайским коллегам — уважаемому господину послу Чжан Ханьхуэю, с которым мы знакомы уже много лет, его предшественнику послу Ли Хуэю, с которым я познакомился в 1988 г. в Москве, и другим китайским дипломатам.

Сегодняшние российско-китайские отношения — это не данное нам свыше, это результат целенаправленных усилий российских и китайских дипломатов, практиков, учёных в самых различных областях сотрудничества. Пожалуй, нет области, в которой у нас не было бы тех или иных контактов, не было бы сотрудничества. И наша общая задача — содействовать их дальнейшему развитию.

Нынешняя весьма серьезная обстановка и события сегодняшнего дня, которые, видимо, откроют новую главу в современной истории, безусловно, влияют на наши отношения. Но важно обратить внимание, что еще 8 лет назад, в 2014 г., анализируя события того времени, китайские коллеги предложили формулу 偶然中有必然, которую можно перевести так: «в любой случайности есть элемент предопределённости». Тогда же было сказано, что события, происходящие между Россией и Украиной, имеют исторические корни и политическую подоплеку, и Китаю они хорошо понятны. Мне кажется, что это понимание — чрезвычайно важный момент в наших отношениях с Китаем.

Впервые я попал в Китай вскоре после X съезда КПК. Выступая с рабочим докладом на этом съезде, премьер Чжоу Эньлай, который любил и хорошо знал классическую китайскую литературу, характеризуя международную обстановку, привел слова: 山雨欲来风满楼 «Собирается ливень в горах, и весь терем продувается ветром». Прошло полвека, и описывая сегодняшнюю картину мира, вполне уместно употребить те же самые классические китайские стихи.

А.В. Лукин

Памяти профессора Эзры Вогеля (1930—2020)

В 2020 на 91-м году жизни скончался выдающийся американский востоковед, специалист по Китаю, Японии и Корее Эзра Вогель. В последние годы жизни он был почетным профессором общественных наук им. Генри Форда II Гарвардского университета.

Будущий востоковед родился в семье еврейских эмигрантов в городке Делавэр штата Огайо в 1930 г. Рабочую карьеру он начал помощником своего отца в магазине одежды. В 1950 г. он окончил Уэслианский университет Огайо, затем был призван в армию и прослужил в ней два года, однако в боевых действиях Корейской войны не участвовал, работал в психиатрическом отделении военного госпиталя. После демобилизации писал диссертацию в Гарварде под руководством всемирно известного социолога Т. Парсонса, которую защитил в 1958 году. Затем на два года был направлен на исследовательскую работу в Японию, а после этого в 1960—1961 гг. работал преподавателем в Йельском университете. Вернувшись в Гарвард постодоком, занимался китайским языком и историей Китая. В 1964 получил должность лектора, а затем — штатного профессора, которым и оставался до ухода на пенсию.

В 1972 гг. профессор Вогель стал вторым после Джона Фэрбэнка директором Центра исследований Восточной Азии Гарвардского университета, которым оставался до 1977 г., а затем был его почетным директором. В 1977—1980 он работал председателем университетского Совета по восточноазиатским исследованиям, затем — директором исследовательской программы по американо-японским отношениям гарвардского Центра международных отношений (1980—1987), а с 1987 года был ее почетным директором.

В 1993 году был привлечен на госслужбу в Вашингтон, где стал сотрудником национальной разведки по Восточной Азии, но задержался там всего на два года. В 1995—1999 гг. он занимал должность директора Центра китайских исследований им. Дж. Фэрбэнка, а в 1997—1999 — первым директором Центра азиатских исследований. Профессор Вогель читал курсы по китайскому обществу, японскому обществу и промышленности Восточной Азии.

За свою долгую научную жизнь Эзра Вогель стал автором и редактором более двадцати монографий и сборников, десятков научных статей. Его первая книга, «Новый средний класс Японии», была издана в 1963 г. Она была основана на интервью, которые он со своей женой Сюзанной брали у жителей пригорода Токио с 1950 по 1960 г. Это новаторское исследование анализировало жизнь новой группы населения, так называемых саларимен, которая появилась и выросла в послевоенные годы. Его следующее исследование было посвящено Китаю, а точнее — южной китайской провинции Гуандун и ее центру — городу Гуанчжоу (Кантон), и было также основано на интервью и письменных источниках. Его результаты увидели свет в 1969 в виде книги «Кантон при коммунистической власти», в которой детально описывалась система местного управления в провинции.

Пожалуй, наибольшую известность приобрела его книга «Япония как номер один: уроки для Америки» (Japan as Number One: Lessons for America), вышедшая в 1979. Ее японское издание остается самым популярным бестселлером западного автора в Японии в области нехудожественной литературы. В ней автор связывал быстрый экономической рост послевоенной японской экономики с некоторыми аспектами ее традиционной культуры и общественного устройства, благодаря которым в стране выработалась уникальная трудовая этика. И хотя не все, предсказанное Вогелем, сбылось, и японская экономика, вместо того чтобы занять первое место в мире, погрузилась в длительный застой, эта книга вызвала бурную дискуссию и обсуждается до сих пор.

Официально выйдя на пенсию в 2000 году, он до последних дней продолжал активно заниматься исследованиями Восточной Азии. Его более поздние работы, получившие широкую известность, — книги «Дэн Сяопин и преобразование Китая» (2011), а также «Китай и Япония: перед лицом истории» (2019), посвященная долгой и сложной истории двусторонних отношений.

Так случилось, что сначала мой отец, В.П. Лукин, а затем и я сам тесно сотрудничали с профессором Вогелем, который весьма позитивно относился к России и всегда с большим энтузиазмом подключался к сотрудничеству с российскими востоковедами. Поэтому совершенно естественно, что после его смерти гарвардские коллеги и ученики Вогеля попросили нас поделиться воспоминаниями. В этом номере «Российского китаеведения» публикуются небольшие воспоминания о профессоре Вогеле и его связях с нашей страной, ранее включенные в вышедшей в 2022 г. в США сборник «Вспоминая Эзру Вогеля». В нем собраны многочисленные воспоминания о профессоре Вогеле его друзей и коллег как из США, так и из других стран мира, содержащие оценки значения его работ и его вклада в мировое востоковедение. Среди авторов — многие известные ученые и политики: профессор Колумбийского университета А.Натан, бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, бывший постоянный секретарь МИД Сингапура, ученый и дипломат К. Махбубани, бывший премьер-министр Австралии К. Рад, почетный декан Яньцзинской академии Пекинского университета Юань Мин и др.

DOI: 10.48647/ICCA.2022.85.78.012

А.В. Лукин

Эзра Вогель, Россия и наша семья[1]

Профессор Вогель не был специалистом по России, но всегда интересовался нашей страной и был большим энтузиастом сотрудничества с российскими востоковедами. Он был не только одним из столпов американского востоковедения, но и важнейшим связующим звеном советских (российских) и американских коллег, что было особенно важно как в самые тяжелые времена американо-советской конфронтации, так и в последнее время, когда отношения между

[1] Впервые опубликовано на англ. яз. в кн.: Remembering Ezra Vogel, Ed.by Martin K. Whyte and Mary C. Brinton (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2022). При участии В.П. Лукина. С. 292—294. На русском языке публикуется впервые.

нашими странами вновь ухудшились. А для нашей семьи — еще и старшим товарищем и образцом научной объективности и прекрасных личных качеств.

Эзра познакомился с моим отцом, В.П. Лукиным, в 1981 г., когда в самый разгар советского коммунистического «застоя» приехал в СССР по приглашению Е.М. Примакова в группе американских экспертов по Азии, которую возглавлял известный японист Роберт Скалапино. Об этом Эзра сам написал в небольшой заметке, опубликованной в 2018 г. в книге, посвященной 80-летию моего отца, которого он назвал «российским коллегой и другом», что было большой честью. Будущий министр иностранных дел и премьер Примаков в то время был директором Института востоковедения РАН и, несмотря на сложную обстановку в конце правления Л.И. Брежнева, организовал конференцию для обсуждения проблем Азии с американцами. Затем участники поехали в Ташкент на другую конференцию, посвященную Восточной Азии.

Имя Вогеля, конечно, в то время было знакомо российским экспертам. Несмотря на цензуру и невозможность для обычных людей покупать книги, изданные за границей, специалисты имели возможность знакомиться с профессиональной литературой либо в специальных отделах библиотек, либо получая ее в подарок от коллег во время личных встреч, происходящих на подобных конференциях. Изданная в 1979 году книга Вогеля «Япония — номер один: уроки для Америки» широко обсуждалась во всем мире, в том числе и в России. С тех самых пор она стоит на полке у нас дома.

В годы перестройки отец стал политиком, был избран в российский Верховный Совет на первых свободных выборах, а 1992 году, сразу после распада СССР, президент Б.Н. Ельцин отправил его послом в США. Задача первого посла демократической России была сложной, нужно было менять советский имидж «мистера нет» на образ нормального человека. И старые связи с коллегами-учеными, такими, как Эзра, очень помогли. Вогель в то время переехал в Вашингтон и некоторое время также работал на государственной службе сотрудником национальной разведки по Восточной Азии. Но, как писал он сам, они встречались тогда с отцом «больше как друзья, чем как представители правительств».

Впоследствии я перехватил инициативу дружбы с Эзрой. Мы встречались, когда я был в Гарварде в 1997—98 гг., работая в качестве постдока в Школе государственного управления им. Кеннеди. С тех пор мы находились в постоянном контакте. В мае 2004 г. я пригласил его в Москву принять участие в Конвенте Российской ассоциации международных исследований, который проходил в МГИМО, где он выступил на секции по АТР с докладом об отношениях в треугольнике США—Китай—Япония. Тогда мы с отцом организовали ужин в китайском ресторане в Москве для гостей из разных стран и с удовольствием пообщались с Эзрой втроем в неформальной обстановке.

Он дважды приглашал меня выступить на руководимых им семинарах в Центре китайских исследований им. Дж. Фэрбэнка Гарвардского университета. В первый раз, зимой 2016 г. после выступления мы зашли к нему домой, потом гуляли по кампусу. Помню, что тогда все было завалено снегом, и университетский Кембридж выглядел почти как Москва. Но во второй раз, в марте 2020 поездка сорвалась из-за эпидемии коронавируса, выступать и общаться пришлось несколько позже онлайн. А в апреле 2020 я пригласил его выступить на первом заседании Евразийского онлайн семинара, который мы организовали в Высшей

школе экономике, чтобы продолжать общение с выдающимися международниками в условиях эпидемии, когда личные встречи стали невозможными. Тогда Эзра рассказал о своих исследованиях истории и перспектив китайско-японских отношений[1]. Ничто не предвещало беды, несмотря на почтенный возраст, Эзра был очень активен до последних дней, постоянно путешествовал и выступал. В последний раз мы «встретились» онлайн 1 декабря во время заседания Пекинского сяншаньского форума — влиятельной конференции, организуемой китайскими военными, на которой Вогель, как всегда, призвал обе страны пойти на взаимные компромиссы и улучшить отношения. И вскоре пришла скорбная весть о его смерти.

Уход Эзры — большая потеря для мировой науки и для нас лично. Профессор Вогель был выдающимся ученым-востоковедом, прекрасно знавшим две важнейшие страны Азии — Китай и Японию. Его книги надолго останутся важнейшими в этой отрасли науки. Он был популярен во многих странах. В Китае его называют китайским именем Фу Гаои, его биография Дэн Сяопина была переведена на китайский язык и ее знает каждый образованный китаец. В Японии он тоже был известным человеком, в России его книги читали студенты-востоковеды. Но сейчас, когда вспоминаешь его, думаешь, что все эти достижения важны, но не это главное. Главное то, что он был прекрасным человеком, добрым, отзывчивым, всегда готовым помочь, подсказать что-то любому, даже самому молодому коллеге. В своем весьма пожилом возрасте он сохранил оптимизм и какую-то удивительную веру в человека, в его добрые качества, в то, что люди во всем — от личной жизни до политики и международных отношений — стремятся к лучшему и это стремление в конечном счете улучшит и всю нашу жизнь.

[1] Интернет-сайт Евразийского онлайн семинара. URL: https://we.hse.ru/ml/online_seminar (дата обращения: 15.11.2022).

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

В.П. Васильев[1]

Китайский прогресс

Азия — эта самая огромная часть земного шара, считаемая колыбелью человеческого рода, центром древнего просвещения и рассадником всех религий, при своем огромном народонаселении, при неистощимых дарах природы — никогда не приходила в такой упадок, как в последние 25—30 лет. Мы видим ее униженной, поверженной к ногам Европы; с потерей самостоятельности большей ее части в ней остановилось всякое развитие: города не расцветают, промышленность падает, торговля в чужих руках, образование не прививается. Всюду запустение, гнет, резня. Вот в главных чертах ее положение до последнего времени. Если где еще для сердца представляется отрадное явление, так это в той части Азии, в которой пришлось действовать нам, русским. Мы покончили с набегами кавказских горцев, умиротворили киргизскую степь, водворяем в ней оседлость, строим города и селения и тем соединяем в одно сплоченное русское тело лежащие за ними Туркестан, Кокан[д] — эти Эльзас и Лотарингия, которые достались нам почти без кровопролития и за удержание которых нам нечего бояться. Прошло всего 25 лет, как мы возвратили себе Амур, явились нежданно-негаданно даже соседями Кореи, и сколько городов и селений уже возникло в этом заброшенном и диком до того крае. От океана до океана раздается русская речь.

Наконец, кто бы за четыре года перед этим поверил, что на юго-вост. от Каспийского моря мы начнем строить железную дорогу, гарантирующую нам беспрепятственное воздействие на Азию, хоть внутри собственных своих пределов!

---

[1] Васильев Василий Павлович (1818—1900) — русский востоковед, синолог, буддолог, санскритолог. Член-корреспондент (1866), академик (1886) Петербургской Академии наук. Декан Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1878—1893). Данная статья представляет собой письменный текст актовой речи В.П.Васильева в Санкт-Петербургском университете 1883 г. Первоначально издана как: Васильев В.П. Современное положение Азии — китайский прогресс. Санкт-Петербург, тип. М.М. Стасюлевича, 1883. Печатается по изданию: В.П.Васильев. Открытие Китая и др. ст. академика В.П. Васильева. Санкт-Петербург: журн. «Вестник всемирной истории», 1900. С. 139 —164.

Материал для данной публикации взят из фонда редких печатных изданий Отдела ББО ИНИОН РАН при ИКСА РАН (Синологической библиотеки).

Но Россия, оживляя свои приобретения, вместе с тем, можно выразиться, и похищает их у Азии. Вся остальная часть хотя и находится под надзором, гнетом и управлением Европы, остается все-таки, и утратив свою самостоятельность, принадлежащей азиатцам. Одни мы могли в ней дать перевес не только моральному, но и численному превосходству. В нашей Азии русских теперь более, чем азиатцев. Давно ли мы приобрели Туркестан, а в нем русских, конечно, более, чем в Индии англичан, двухвековых ее управителей. И если Европа не хочет усыновить подносимых ей нами даров, не хочет признавать русской Европы, то Россия останется все-таки Россией, этой справедливо называемой шестой частью света, вновь возникшей на земном шаре и, может быть, еще не достигшей полного своего роста.

Мы дети не востока или запада, мы дети севера, на котором только усиленный труд, неимоверное терпение и могли поддерживать существование человека. Русский в Азии не свой, но и не чужой; он явился в тех местах, которые до него обегали цивилизованные народы юга, востока и запада — персы, греки, римляне, индусы и китайцы. Даже неприхотливые номады и те брезговали большей частью нынешних русских земель.

Являясь в Азию, мы не походим на европейцев, уничтоживших в Америке коренное народонаселение, мы являемся к туземцам помочь им в эксплуатации природы, которой они без нас не одолели бы, мы делимся с ними своими средствами, добытыми тяжким трудом. Мы можем гордиться тем, что пришли в эти края не как завоеватели, а как освободители от тирании, междоусобия и бессилия. Некогда мы сами призывали иноземцев водворять у нас порядок. Теперь другие народы воссылают к нам свои мольбы прийти к ним на помощь. Небывалый в истории человечества и, кажется, не вполне оцененный самими нами факт представляет это современное движение дунган из пределов Кульджи, которую мы возвратили Китаю. Кульджинский край находился под нашим управлением с небольшим десять лет, и вот когда мы передаем его прежнему правительству, исконные его деятели, горожане и земледельцы бегут вслед за нами, оставляя насиженный, обработанный их потом и кровью край, бегут от тех благодеяний, которыми будто богдыхан осыпает своих подданных. Пойдут ли индусы вслед за англичанами, если им придется когда-нибудь оставить страну, которую они облагодетельствовывают не хуже богдыхана!

У нас много идеалистов, которые осуждают на все лады наше расширение в Азии; не служат ли приведенные факты ясным опровержением их односторонних взглядов; не было ли бы скорее нашим преступлением пред человечеством, если б мы отказались от предписываемых им священных обязанностей не отказывать помогать обиженным.

Что же представляет нам остальная, существенная часть Азии, более богатая и населенная, чем та, которая досталась России? История Турции за последнее время хорошо известна, чтобы говорить о ней. Мы присутствуем при ее разложении и падении: добыча европейских интриг, она трагической смертью Абдуль-Азиса[1] показывает ясно, до чего доводит это подчинение интри-

[1] Абдул-Азиз (1830—1876) — 32-й Султан османской империи. Был свергнут с престола и позднее убит (Прим. ред.).

гам чужих, хотя и европейских дворов. Персия как будто и не существует с тех пор, как вслед за окончанием восточной (крымской) войны на нее наложили тяжелую руку англичане, отнявшие у нее свободу даже распоряжаться в Персидском заливе. Голос ее заглушается сыпучими песками, налегающими отовсюду на эту некогда цветущую страну. Еще крепче против прежнего держит в своих руках Англия Индию: она уничтожила владения сильных и опасных раджей, не оставила и тени самостоятельности у остальных.

Далее на востоке Франция готовится поставить Кохинхину[1] в такую же от себя зависимость, в какую так недавно привела Тунис.

Но торжество европейского превосходства нигде не выразилось с таким блеском и эффектом, как в Китае; эта последняя и самая великая держава в Азии, оплот ее, была смята и унижена горстью европейских солдат.

Считая тысячелетиями свое мировое значение, презирая все остальное человечество, как не могущее проникнуться его великими принципами, Китай вдруг выбит был из своей проторенной колеи. Не по доброй воле вступил он в сношения с другими народами, открыл иностранцам свободный доступ в свои гавани; скрепя сердце увидел он себя поставленным в необходимость учиться у тех, которых он считал такими невеждами.

Мне невозможно здесь вдаваться в подробности о том влиянии, которое проявлял в прежнее время Китай в Азии. Во все века из всех стран приходили в него посольства, изъявлявшие покорность и умолявшие о доступе. Китайские войска и владения не раз доходили до Каспийского моря — в Персии и Индии не раз распоряжались китайские уполномоченные. Но я нахожу здесь нелишним высказать, хотя в кратких словах, свое мнение о том замаскированном и потому непонятом, кажется, нашим ученым влиянии Китая, которое выразилось в так называемом движении народов, разрушивших Римскую империю. Мы все думаем, что хотя бы это движение и началось от подножия Великой стены, но самих китайцев не было в этих толпах и ордах; мы все думаем, что варвары не имели ничего общего с Китаем, как постоянные враги его. Но мы забываем, что вражда эта ознаменовалась непрерывными вторжениями, сопровождавшимися уводом в плен десятков и сотен тысяч китайцев, что сотни тысяч не раз уходили и сами за Великую стену. Наконец, нельзя еще утверждать, что самые гунны, давшие толчок движению, не были те же переродившиеся в степях Монголии китайцы, потому что коренная их родина была в северном Китае. Монголия никогда не могла сделаться сама по себе кузницей человеческого рода; мы знаем, что номады не способны распложаться; потому понятно, какая кровь течет в той расе, которую мы называем так неправильно монгольской, какая текла в отдаленное время в пришельцах на западе.

Языки маньчжурский, монгольский и турецкий содержат в себе замаскированные корни китайского. Не могли номады, жившие подле Китая, ничего от него не заимствовать; скорее они не могли ничего создать сами, и всё, начиная от воззрений, учреждений до костюмов, домашнего скарба, вырабатывалось и созидалось для них более развитым оседлым соседом. Приведу для

[1] Кохинхина (фр. *Cochinchine*) — юго-восточная часть полуострова Индокитай (Прим. ред.).

примера самые известные факты. Путешественники времен Чингисханидов передают как исключительный монгольский обычай, чтобы вступающий в юрту не наступал на порог. А между тем это предписание встречается в самых древних китайских книгах. Ученые много толкуют об уйгурском цикле из 12 и 60 лет, а этот цикл находится в китайской летописи, начавшейся за 721 год до Р.Х. Нам говорят о шаманах, волхвах, вызывающих духов, об языческих тризнах на могилах предков, о жертвоприношениях керметям для получения урожая — все это было известно в Китае еще до рождения Конфуция. Даже самый варварский обычай класть в могилу с покойным его верных слуг воспевается в первой конфуцианской книге. И мне сдается, что если мы изучим хорошенько костюмы наших инородцев: чуваш, черемисов, мордвы и проч. — с их вычурными узорами, так, может быть, найдем, что это остатки старинных китайских мод, так как об этом заимствовании инородцев упоминается в китайской истории.

Инородцы не раз властвовали над Китаем по частям и в целом его составе, но ошибочно было бы думать, что они успевали в этом собственными силами. Их руководили и проводили сами китайцы, они шли, указывали слабые стороны своего отечества, наполняли войска. Так монголы совершили завоевание всего Китая сначала с помощью окитаившихся киданей, потом пополняли свои ряды уже из среды жителей занимаемого края. Нынешние повелители маньчжуры никогда не были бы в силах осуществить такое завоевание, если бы к ним в Маньчжурию не перебежали китайские войска.

И что всего замечательнее, покорители не только не вводили собственных законов, но старались перещеголять природные правительства в покровительстве китайской учености, в защите китайского миросозерцания; можно сказать, они воспламенялись китайскими идеями сильнее, чем сами китайцы.

Может быть, это последнее обстоятельство и было причиной двухвекового с половиной застоя Китая. Предшествовавшая маньчжурам туземная династия не выказывала такого игнорирования европейских усовершенствований, не была так недоступна иностранцам. Маньчжуры захотели — конечно, тут была и политика — сохранить Китай в его неприкосновенности и чистоте. Новые богдыханы почли своей обязанностью выказать пред нацией, которой они стали управлять, что они поддерживают ее достоинство в глазах всего света, что их империя действительно есть вся та вселенная, которую знали китайцы при начале своей письменности. Не было пределов высокомерию маньчжурского правительства, не было наглости, которой они не позволяли бы себе в отношении иностранных государей и их народов. Все цари — их подданные и иначе не могли называть себя в своих письмах; если бы они лично явились к пекинскому дворцу, так должны были бы пасть ниц; все народы, если и существуют, так только по великодушию богдыхана, который милует и скотов!!! И все вдруг переменилось. Горсть европейцев явилась пред Пекином, разрушила загородный дворец, и азиатец показал, кто он такой. Из высокомерного нахала он превратился в пресмыкающегося раба!..

Унижение Китая в это время стало полное, а с тем вместе, значит, и вся Азия лишилась и последней тени самостоятельности. Можно сказать, что если бы Россия и Англия руководились в отношении Азии общими интереса-

ми, то без их разрешения на всей этой обширной территории не осмелился бы раздаться даже пистолетный выстрел.

Азия под опекой Европы! Но как это, по-видимому, ни противоестественно, однако ж, некоторые факты возбуждают мысль, не поздно ли даже пришла эта опека! Много кричали про жестокую расправу англичан в Индии с возмутившимися сипаями, но что значит все количество жертв этого кратковременного бунта в сравнении с той резней, которую чинил в продолжение 30 лет предоставленный сам себе азиатец. Я говорю об инсуррекции в Китае. Мне неоднократно приходилось выслушивать выражение сомнения насчет высказанных мной печатно предположений, что междоусобица Китая стоила ему не десятков, а по крайней мере доброй сотни миллионов народу. Я опираюсь в своих заключениях на данные. Когда утомленный резней Китай успокоился, то губернаторы провинций стали доносить пекинскому двору, что города разрушены, земель некому обрабатывать, потому что из десяти человек осталось не более двух. Г [енерал]-губернатор северо-западных провинций Шэньси и Ганьсу представлял, что трудно провести войска в западный край, потому что в Ганьсу на пространстве 500 верст не только нельзя найти провианта и перевязочных средств, но даже и жителей; позднейшее путешествие г. Сосновского[1] подтвердило это донесение; по свидетельству пекинской газеты, в одном городе Нинся магометанами было вырезано 300 000 китайцев. В провинции Чжэцзян еще в 1814 году считалось 30 миллионов жителей, а за три года назад губернатор доносил, что тщательная ревизия сосчитала всего с небольшим 11 миллионов душ. Если за 60 лет перед этим в Китае считалось более 400 миллионов жителей, то по этим данным можно судить, до какой степени приближается к правде мой расчет.

О Востоке нельзя судить по нашим нравам и понятиям, там не дорожат жизнью. Мы знаем из истории Китая, что в древние времена из 30—40 миллионов жителей оставалось не раз менее десяти. Монголы вырезали целые города с миллионами укрывавшихся за их стенами городских и сельских обывателей. В прошлом столетии маньчжуры вырезали поголовно всех цзюнгар[2], мужчин, женщин и детей. Азиатец изнежен и труслив, но, когда он одержит верх, он будет плавать в крови. И если бы когда-нибудь Китай сделался так силен, что его войска появились в Европе или Америке, они потешились бы вдоволь!

Но мыслитель не может не задуматься, что Европе приходится разыгрывать в Азии роль полицейского комиссара. Что же это за человеческий, так восхваляемый прогресс, строй, при котором и люди не дышат свободно, и земля не развивает своих сил. Ужели европейское развитие, так высоко стоящая цивилизация, эти великие успехи и открытия наук имеют своим результатом только задержку развития неразвитых и служат орудием порабощения одних другими. Ужели остаются впереди еще тысячелетия, когда во всем мире воцарятся свобода и просвещение!

[1] Имеется в виду путешествие в Китай экспедиции под руководством полковника генерального штаба Ю.А. Сосновского в 1874—1875 гг. (Прим. ред.)

[2] Джунгар (Прим. ред).

И вот, именно вследствие напряженного донельзя давления западной цивилизации в самом отдаленном уголке Азии зарождается новая жизнь. Япония доказывает воочию, что может сделать азиатская держава, когда она поймет несостоятельность той политической и умственной жизни, которой она руководилась; она опровергает ту ложную теорию, которая распределяет силу умственных способностей по расам. В продолжение каких-нибудь 20 лет японцы почти переродились; они не только сбросили с себя прежние халаты, завели телеграф, железные дороги, строят пароходы, но и признали европейские науки своими науками. Многие провидят даже, что в будущности на Востоке явится не менее влиятельная островская держава, как теперь на Западе!

Но Япония пока еще самая незначительная и отдаленная часть Азии; она пока еще не так сильна и богата, чтоб играть значительную роль в жизни всего мира. Невольно обращаются от нее взоры к Китаю. И он тоже начинает просыпаться. По некоторым [признакам. — *Ред.*], он уже совсем проснулся... так было говорено, по крайней мере, когда у нас из-за кульджинского вопроса вышла с ним размолвка; тогда в Европе начали пугать нас миллионными армиями, им поддакивали и наши пессимисты. Теперь некого стращать, и на поверку выходит, что все пробуждение Китая заключается в том, что и китайцы имеют некоторые войска, обученные и вооруженные по-европейски, что они заказывают в Европе и пушки и броненосцы, хотя и завели у себя адмиралтейство, держат дипломатические миссии, руководясь своим, выработанным тысячелетиями правилом дружиться с отдаленными, чтоб с двух сторон напасть на ближайших. Если прибавить к этому, что китайцы на днях согласились допустить у себя постановку телеграфных столбов, но не для себя, и будто подумывают о постройке железных дорог, хотя еще недавно сняли рельсы с крошечной линии, построенной для опыта, то из всех этих начинаний еще нельзя вывести заключений о судьбе китайского прогресса в будущности, и я уверен, что если бы Китай оставили в покое, отказались от того давления, которым выбили его из прежней привычной колеи политической жизни, так он мог бы и теперь точно так же, по-прежнему заснуть сном праведника!

Китайцы являются отставшими в образовании, они игнорировали те науки, которые доставили другим народам такое превосходство, они отстали в промышленности, в искусстве, в военном деле. Во всем этом они должны если не опередить другие народы, так по крайней мере сравняться с ними.

Однако ж, не принимая в расчет этого сна, мы, конечно, должны задаться вопросом, в чем же должен заключаться самый прогресс. Некоторые потребуют, конечно, чтобы китайцы совершенно отреклись от своей самобытности, всецело усвоили себе европейское образование. Некоторые усумнятся даже, чтобы для китайцев был возможен прогресс и при исполнении этих условий; им покажется даже мало, если они будут только изучать классические языки, римское право, философские системы Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Конта, им покажется мало даже парламентаризма и конституции; только реформация и французская революция создали, по их мнению, превосходство Европы, всякая нация, не участвовавшая в этих великих двигателях прогресса, никогда не дойдет до данного ими европейскому просвещению превосходства.

Но это значило бы не знать китайской истории, чтоб заявлять к Китаю такие запоздалые и излишние требования, частные факты возводить в обязательные законы для жизни всего человечества.

Китай во время тысячелетий своей жизни прошел сквозь более значительные революции и реформации, а все-таки теперь оказался и отсталым и непросвещенным. Он до Р.Х. был знаком с учением о коммуне, о непризнании собственности, он не раз испытывал полную анархию, у него были свои нигилисты и террористы, в самых первых школьных книжках сохранились у них республиканские антимонархические идеи. Но все сгладилось.

Надобно знать китайскую литературу, чтобы видеть, как много китайцы разработали общечеловеческие вопросы, углублялись в смысл каждой буквы тех книг, которые их затрагивают. Гуманность, правда, порядок, развитие умственных сил, честность — вот самые существенные вопросы китайских теорий.

Если бы дело заключалось только в принципах, то Китай мог бы преспокойно игнорировать западное просвещение, потому что имел в своем распоряжении более двух тысяч лет, в которые свободно на просторе обдумывал, что ему пригодно и что основано на правах человеческих, на требованиях здравого смысла. Правда, некоторые принципы находят осуждение у иных западных мыслителей: таков, например, вопрос о почтительности к родителям, легший в основание всей китайской организации, начиная от семьи и восходя до общества и государства; мне кажется, что не вышло бы для Китая большой беды, если бы он остался при этом принципе, несмотря на протест всех будущих его просветителей...

По-моему, беда в том, что Китай чересчур много занимается разработкой своих принципов, носясь в заоблачных пространствах и не желая спуститься на землю, чтоб осмотреться с действительными потребностями. Витая в космополитических идеях, так как он долго воображал себя единственной просвещенной нацией, он забыл, что у него есть народ, к которому заявляют требования другие народы.

Что может быть, например, правильнее и возвышеннее китайских взглядов на науку! Во всем остальном мире нет в принципе такого глубокого к ней уважения. По китайским понятиям, только одной наукой и должно управляться государство. И действительно, мы знаем, что в Китае ни аристократическое происхождение, ни капитал, ни общественное положение и влияние не дают права на занятие государственных правительственных должностей. Только докторская степень по строгому экзамену открывает путь к занятию самой первой, низшей ступени в иерархической лестнице чинов. Но и эти экзамены совсем не то, что наши; у нас нужно только знать данные предметы; в Китае не редкость, что на провинциальные экзамены, которые еще не дают докторской степени, являются до 15 тысяч экзаменующихся; все они могут твердо и хорошо знать все, что требуется знать; но этого еще недостаточно, только одна, две сотни, определенное заранее по штату количество, получают степень провинциального бакалавра, с которой он может уже явиться в столицу для получения докторской степени. Тут опять та же процедура, из 20 000 экзаменующихся выбирают всего только сотни. Следовательно, все эти пра-

вительственные чиновники — цвет учености, ученые из ученых. И Боже мой, какими обширными знаниями могли бы они обладать! Ведь на экзамены в Китай являются даже 80- и 90-летние старики; средний возраст получающих докторскую степень едва ли не будет свыше 35 лет; следовательно, чего-чего не мог бы изучить до этого времени готовящийся! Ведь если правительство и теперь считает каждого из своих чиновников-докторов способным разбирать уголовные и гражданские дела, заведовать финансами, постройками, проведением каналов, командовать войсками, то они могли бы на деле усвоить все эти нужные знания, как мы их понимаем, в каком состоянии они находятся у нас. Китаец не откажется учиться чему бы то ни было, только была бы цель, а занимать государственную должность там считается высшим почетом и целью всей жизни.

Между тем в чем же заключается у китайцев эта высокочтимая наука? Правда, в классических книгах, которые одни и изучаются всеми и одни требуются на экзаменах, можно найти побольше житейских и государственных вопросов, чем в Ведах, Коране или абидармах; с виду они как будто и не имеют сходства со священными писаниями других народов, но раз они стали предметом долгого тысячелетнего изучения, они стали непреложным кодексом китайского миросозерцания. И из китайского ученого выходит не практический деятель, а отвлеченный мыслитель и моралист.

Не надобно думать, чтоб на экзаменах столичных требовалось знание каких-нибудь новых предметов, отличных от провинциальных, а на этих — от департаментских. Нет, на всех экзаменах фигурируют одни и те же классические книги.

Немного нужно потратить слов, чтоб охарактеризовать эти книги, это так называемые: Четверокнижие и пять цзинов, или канонов. Четверокнижие состоит из: 1) *Да се* — великого учения, или учения для взрослых; это маленький неоконченный трактат о том, как государь проявляет свои доблести в управлении народом, в привлечении иностранцев, в доведении мира до высочайшего совершенства; 2) *Чжун-юн* — сосредоточенность — также небольшой трактат, туманно объясняющий, как учение руководит природой, полученной от неба; 3) *Лунь-юй* — сентенции, приписываемые Конфуцию и его ученикам; 4) *Мэн-цзы* — порицатель непоследующих его конфуцианским идеям.

Во главе канонических книг стоит: 1) *И-цзин* — гадательная книга, в которой к фигурам, составленным из линий, приставлены бессвязные фразы; и из них-то ученые умудрились вывести все метафизические, физические и моральные законы; 2) *Шу-цзин* — разговоры и прокламации древних, еще до Конфуция живших государей об управлении государством; 3) *Ши-цзин* — стихотворения, основанные на народных песнях, оды, гимны; 4) *Чунь-цю* — коротенькая бессвязная летопись, в которой отыскали мистический смысл, осуждение и одобрение государственных деятелей. Наконец, 5) *Ли-цзи* — заметки о церемониях. Вот и все. Все это было составлено до Р.Х. Ни в одной книге нет даже внутренней связи, и китайцы приступают к изучению прямо без всякого конспекта или катехизиса, который бы облегчил им изучение. Но именно только в преодолении трудностей, заключающихся в разбросанности и бессвязности изучаемых книг, видят лучшее средство к развитию талантов,

мало этого — полагают, что такое изучение воспитывает характер и сердце. Экзамены состоят в составлении наизусть без всяких пособий сочинений на заданные темы из текста классических книг. Экзаменующийся, конечно, погиб, если он не только не припомнит этого текста, но и обязательных для знания на него комментариев. Это, конечно, дело памяти, равно как делом памяти будет и безошибочное письмо. Но правильность и красота слога, удовлетворение обязательным размерам сочинения: чтобы оно не было ни очень коротко, ни очень многословно — это уже показывает будто степень нравственного воспитания, присутствия гения. Действительно, экзаменующиеся отправляются перед экзаменами молиться богу хрий, и сочинения первых докторов, читаемые нарасхват по всей империи, считаются чуть не наравне с вдохновенным откровением. И выходит, что эти китайские гении не только не изучали арифметики (куда уж до алгебры и геометрии!), физики, естественной истории, но они не знают систематически даже собственной истории, географии и литературы своего языка.

Что же, и теперь, когда правительство видит собственную слабость, народные бедствия, думаете ли вы, что оно сознаёт необходимость изменить свои взгляды на науку? Напротив, оно твердо уверено, что все зло заключается в том, что ныне развращенные нравы, отсутствие морали, а упадок морали произошел оттого, что ныне не так усиленно учатся, и потому все заботы прилагает к увеличению экзаменационных строгостей!

Не думаю, чтобы и западный мир обязан своим просвещением одним богословам, философам или даже юристам. Но подите убедите вы китайцев, что истинное образование заключается именно в изучении материального мира, что все эти машины, железные дороги, свет и сила электричества и прочие открытия не дело случайности, а продукт опытных реальных наук! Они никак не могут даже вообразить себе, что на свете могут быть доктора таких специальностей, как физика, химия, механика. Все это, по их мнению, не больше как фокусничество. И этих взглядов держится вся нация, а не одна интеллигенция; мы говорили уже выше, как велико число являющихся на провинциальные экзамены, но еще больше учащихся, чтобы получить первую ученую степень на департаментском экзамене. Нет семьи, в которой бы не учились, и все уверены, что наука заключается и должна заключаться в том, чему учатся и учат. Кто же осмелится поднять голос, что это не наука — в один голос поднимется весь Китай и воскликнет: как, разве мы до сих пор были невежды?!

Это будет уже деспотизм нации, той народной воли, которой в других странах хотят подчинить правительства.

Я почитаю это одним из главных препятствий к достижению Китаем истинного прогресса.

Объясняют застой, отсталость и невежество государств и народов их образом правления. Не знаю, почему-то принято считать китайскую форму управления за самую деспотическую. Это представление фиктивное, ни на чем не основанное на деле. Напротив, по принципам, китайское правление едва ли не самое образцовое. Сейчас я говорил, что в правители выбираются самые даровитые, самые образованные личности; может ли в народе явиться протест против такого порядка? Никому и никогда не приходило в голову сомневать-

ся в справедливости такой аксиомы, а это великое дело, когда народ и правительство сходятся во взглядах; это порождает доверие в одних, уверенность в других. Вследствие этого нигде, как в Китае, правительство не выступает с такой откровенностью перед народом и со своей стороны нигде правительство так не доступно народу. Чуть обиженный считает себя неудовлетворенным в провинции, он спешит в столицу, и нет прошения, которое богдыхан не велел бы разобрать, о чем и публикуется во всеуслышание. В Китае нет цензуры, и все повременные издания, памфлеты и книги издаются без всякого просмотра; в прошлом столетии был такой факт: появилось сочинение, направленное против владычества маньчжуров, — сам богдыхан ответил на книгу книгой, заключавшей в себе опровержения и оправдания.

В Китае, конечно, нет конституции, как понимают это слово в других странах, но едва ли не все китайские законы подтверждают эту конституцию на деле; всякому служащему, а в важных случаях и всякому подданному дано право обращаться к богдыхану с представлениями о тех мерах, которые ему кажутся полезными для государства. Еще недавно в пекинской газете было напечатано рассуждение какого-то студента о том, как устроить и содержать армию. Богдыхан всегда отдает такие представления на рассмотрение высших чинов; как самый проект, так и ответ на него всегда печатаются. Редко, и то если представление было уже чересчур вздорно, богдыхан прикажет бросить автору его бумагу-проект в лицо — но другого наказания не полагается.

Мы знаем, что в Китае существует обширный контроль, который наблюдает за правильностью действий всех министерств и учреждений. Не одни только цензоры, но и другие должностные лица могут возражать против распоряжений правительства, доносить дошедшие до них слухи о проделках и злоупотреблениях кого бы то ни было. Мало того, они могут вмешиваться в жизнь самого богдыхана. Известно, что когда у Даугуана[1] одна наложница, побитая им палкой, бросилась в пруд, то один министр вошел с представлением, чтобы богдыхан поменьше занимался серальными делами. Когда покойному Тунчжи[2] во время его малолетства назначили учителя, то цензор сейчас указал, что этот ученый — льстец. Наконец, не далее как в прошлом году один академик представлял, что императрица-регентша стала мало заниматься государственными делами. Богдыхан никогда не считает себя скомпрометированным, если он утвердил меру, оказавшуюся вредной, — отвечают советники. Богдыхан не задумается предать суду провинившегося родственника. И все это делается гласно, ничто не скрывается от публики.

Вот как понимают в Китае принцип сближения народа с троном! И что же? Ни народ, ни правительство при таких принципах не находят что сказать друг другу дельного и путного! Таково влияние абстрактных наук.

Что мудреного, что Китай дошел в свое время до полного унижения. Правительство теснило два с половиной века тот народ, который и после этого

[1] Айсиньгёро Мяньнин — восьмой император династии Цин, правил под девизом «Даогуан» (Прим. ред.).

[2] Айсиньгёро Цзайчунь — десятый император династии Цин, правил под девизом ыз«Тунчжи» (Прим. ред.).

продолжительного застоя может все-таки вынести его на плечах. Оно принимало все меры держать его и себя в неведении о том прогрессе, который совершался в материальной обстановке других стран. Оно не позволяло своим подданным отправляться в чужие страны и для этого запретило даже изменять форму своих допотопных судов; у него были обширные незаселенные местности: Маньчжурия, Монголия, Туркестан, Тибет, — а жителей собственного Китая, при возрастающем в страшной пропорции населении, заставляли умирать с голоду на однажды ограниченном им пространстве: это переселение и расселение считалось не неизбежным злом, а прямым преступлением — китаец, оставивший родину, не смел уже в нее возвратиться, и его вывозили как раба вместо негров на плантации, в Америке. Вот где кроется тайна китайского застоя.

И вот, под давлением европейского превосходства китайское правительство должно было отказаться от своей вековой политики, но оно, кажется, еще не вполне помирилось со своими уступками; оно, может быть, еще затаило мысль возвратиться к старым порядкам, мстить своим притеснителям. Так, оно игнорирует еще европейские науки, так, большинство его войск все еще вооружены луками и стрелами. Когда опасались неприязненных действий со стороны России, то в Маньчжурии набрали 10 000 волонтеров и вооружили их пиками и заржавленными саблями. Итак, правительство, кажется, не пришло еще к убеждению, что самое лучшее мщение наступит тогда, когда оно вполне развяжет руки своему народу.

Теперь еще невозможно судить о степени того прогресса, до которого может достигнуть китайская нация. Не прошло еще и десяти лет с полного замирения Китая, еще менее со времени восстановления владычества пекинского двора во всех принадлежавших ему землях — я разумею Туркестан и Цзюнгарию[1], — но посмотрите, что сделано уже и за это время. Европейцы приневолили Китай открыть доступ торговле с ними по всем приморским гаваням, они проникли даже в центр Китая — в Ханькоу; но китайцы успели уже за это время захватить в свои руки торговлю европейскими товарами; в самих европейских конторах сидят уже приказчиками китайцы. Китайцы не новички в торговых оборотах, они привыкли к ним с начала своего исторического быта; о скаредном купце Лаосире[2] уже воспевается в классических книгах. И, может быть, недалеко уже то время, когда Китай не будет нуждаться в европейских товарах, как он сократил и ввоз английского опиума, добывая его у себя. Европейские товары проникли в Китай благодаря дешевизне машинного производства; но кто же станет отрицать возможность китайцев завести у себя фабрики и заводы? У них множество капиталистов, ворочающих миллионами, у них небывалая дешевизна рук, а народ готов всем заняться, оказывается ко всему способным. Европейцы думали сначала, что они со своими пароходами

[1] Джунгарию (Прим. ред.)

[2] По всей видимости «лаосиэр» (老西儿) — не имя, а наименование выходца из провинции Шаньси. Жадный купец лаосиэр упоминается, например, в романе писателя позднецинского времени У Цзяньжэня (У Вояо) (1866—1910) «Странные события, увиденные собственными глазами за двадцать лет».

завладеют всеми водными путями; китайцы сами завели свои пароходы, управляемые туземными механиками, и отбили уже хлеб у европейцев. Великое дело, это дешевизна рук и способности народа! Китайцам легко завести у себя самое машинное производство, строить железные дороги, и все это будет у них дешевле и лучше, чем в других странах. И вынужденная сначала торговля с европейцами приведет, может быть, к тому, что те же товары, которые ввозятся теперь в Китай, пойдут обратно из него к иностранцам; ведь прежде вывозили же из Китая бумажные материи, которые теперь навязали ему.

Может проявиться конкуренция и с другой стороны. В Китае нет такой неимоверной разницы в оплате труда, какая встречается у нас, смотря по достоинству труда. Что бы ни говорили, а ведь и он имеет свои артистические вкусы; он уважает также живопись, скульптуру, пение, музыку, театральные представления. Все это, по-нашему, грубо, дико, а китаец восторгается, и восторгается потому, что в этих непонятных нам искусствах видит преодоление трудностей. И они даются не даром китайским артистам, они достигают этого своего условного совершенства тоже долгим усидчивым трудом и упражнением; они, может быть, положили труда даже больше, чем наши артисты, потому что там больше конкуренции. И что же? Там самый лучший лекарь получает за визит не более нашего ассигнационного рубля, лучший живописец готов работать у вас за эту цену целый день; портной шьет за столько же целый китайский костюм; фокусник, музыкант, певец не выработают в сутки более цирюльника или оператора, который вымоет вам ноги и обрежет мозоли и ногти. На весь Китай был в свое время знаменит актер Чжан Эркуй[1], а и ему платили не более двух рублей за целые сутки. Упомяну кстати, что и учителя там недороги; недавно правительство восстановило школу для принадлежащих к царской крови; каждому учащемуся, попавшему в штат, оно положило выдавать на содержание по 3, а учителям по 5 лан.

И мнится мне, что когда китайцы узнают, какие у нас получают деньги Патти, Сара Бернар, Коклэны и прочие артисты, так они скорее лопнут, а не перестанут учиться, чтобы сравняться с ними!

Во всяком случае, несомненно то, что для европейской торговли нет обеспеченного сбыта. Китайская жизнь и обстановка совсем другие, чем в Европе, китаец и ест и пьет совсем не то, что мы. Не думаем, чтобы когда-нибудь ему пришла фантазия уподобиться европейцам и по неприложимому по климату образу жизни. Может быть, когда разовьется внешняя торговля, ему понадобится выписывать сырые материалы из-за границы, но для собственного обихода у него достаточно и хлопка и шерсти. Первый и прежде вывозился из Туркестана; степные и горные владения лежат в тех градусах широты, которые благоприятны для тонкорунного овцеводства. Известно, как высоко ценятся на Западе так называемые тибетские меха, но никому не известно, кажется, что в свое время в Нинся, неподалеку от гор Алашаньских, через которые проходил и г. Пржевальский, выделывались чрезвычайно дешевые материи из козьего пуха и тибетские караваны запасались ими на возвратном

[1] Чжан Эркуй (1814—1864) — знаменитый актер Пекинской оперы в амплуа шэн (старика). (Прим. ред.)

пути из Китая для отправки в Индию. Неизвестно, вероятно, также, что бывший г[енерал-]губернатор Цзо Цзунтан понял значение шерсти и уже основал первую суконную фабрику в Китае.

Не надобно забывать также, что во всем свете не добывалось столько шелку, как в Китае; простые ткани в свое время продавались в нем немногим дороже бумажных и если в настоящее время не дошли до прежней ценности, так только потому, что пока не восстановлены вполне те плантации шелковицы, которые были истреблены инсургентами.

Итак, Китай может обойтись без иностранного привоза, может освободиться от него, но большая часть света не может обойтись без китайских произведений. Вот почему, когда Китай не знал страха и другие боялись помериться с ним силами, все державы заискивали благосклонности пекинского двора. Переносили не только унижения, но даже оскорбления; известно, что еще при прежней династии португальский посланник получил пощечину от китайского пристава за то, что не вышел к нему на крыльцо и не встал перед ним на колени.

Можно, пожалуй, обойтись без китайского шелка, корицы, фарфора и прочего, но можно ли будет обойтись без чая? Вот предмет, который будет долго еще господствовать на всемирном рынке и который не заменят все плантации Ас[с]ама и Бразилии. Китайскому правительству рано еще, конечно, поднимать чайный вопрос, но оно не может не понимать его значения. В 20-х годах настоящего столетия западные границы собственного Китая подвергались постоянным нападениям со стороны тибетских горцев, китайские войска были неоднократно разбиваемы и не осмеливались забираться в горы. Какие же меры приняло правительство? Тогдашний губернатор (Наяньчен[1]) расставил во всех пограничных проходах довольно сильные отряды, чтоб защитить их от нападения, и запретил отпускать чай, без которого не могли обойтись привыкшие к нему тибетцы. Не прошло нескольких месяцев, как они смирились, выслали аманатов, признали власть постановленных над ними сотников и тысячников.

Конечно, для такой меры против иностранцев, приезжающих со стороны моря, надобно иметь большую силу. Но когда эта сила явится, что тогда будет? Не воротятся ли к прежним преданиям, что богдыхан есть та неподвижная звезда, около которой вращаются прочие светила! Не забудем, что никакая в свете держава не имеет таких превосходных данных для создания первой в свете армии. Там не к чему производить насильственные или обязательные наборы; там только бы открылась вакансия, на одну явятся несколько охотников, которые заранее приготовлялись и обучались всем военным артикулам. Конечно, экзаменационные требования были до сих пор смешны, но кто же мешает изменить эти требования? Не надобно забывать, что кроме 800-тысячной армии, набираемой из простых китайцев, у правительства есть еще 24 гвардейских корпуса, в которых числятся все потомки помогавших ему в завоевании Китая маньчжуров, монголов и предавшихся прежде китайцев. К этим корпу-

[1] Наяньчэн (1764—1833) — крупный сановник цинского времени.

сам принадлежат и потомки императорского дома, которых теперь насчитывают до 100 000.

Говорят, китайцы — трусы, да как же не быть трусом, когда встречаешь неприятеля, вооруженного дальнобойным оружием, с луками и стрелами! И здесь еще является вопрос, сознало ли китайское правительство, что ему нужно оставаться еще при своем миросозерцании, но, мало того чтобы запасаться по частям европейским оружием, заказывать за границей миллионные мониторы, должно у себя водворить со своей стороны вполне военную науку, как она изучается на Западе. И какой отличный компромисс представляется ему уладить со своим традиционным взглядом на старую науку. Пусть мирные граждане продолжают наслаждаться изучением своих моральных авторов, а реальные, технические науки предоставлены будут на долю этих материалистов военных. Этого требовала даже и политика. Мы сейчас упомянули о количестве гвардейских корпусов; это единственно верный оплот маньчжурского правительства, потому что с ним тесно связаны их интересы и судьба. Изменись династия, все они не только останутся без куска хлеба, но едва ли сохранят и жизнь. Дав им новое образование, оно дало бы им возможность увеличить средства к жизни.

Надобно заметить, однако, что главным препятствием к увеличению боевых средств в Китае служит недостаточность бюджета, и эта недостаточность возведена тоже в своего рода принцип. Запрещено, например, добывать и разрабатывать серебряные и золотые руды. В Тибете, Туркестане, Монголии, Маньчжурии — всюду и теперь, по самым поверхностным данным, можно указать наверное, где они находятся. Но правительство при всем своем недостатке пока упорно игнорирует эти естественные богатства, потому что высшие мыслители его выразились некогда, что не в презренном металле заключается истинное богатство, а в труде и в добрых нравах. В Китае существует строгий закон, чтобы никто не осмеливался входить к правительству с представлением мер, могущих увеличить государственные доходы; там и понятия не имеют о таких налогах, которые практикуются в других странах; там ни купцы, ни лавки не платят ни гильдейских повинностей, ни торговых свидетельств. Там нет акциза на вино, табак, сахар, чай и пр. С какой стати, говорят, оплачивать снова то, что получено из земли, за которую взят уже налог. Домохозяева всей столицы не вносят ничего на городское устройство; полиция не имеет права приступить к хозяину дома, чтоб он поправил разрушившийся от дождей забор, починил тротуар, выставлял дворника. «Поправляй, чини сама», — скажет он ей, — если тебе это нужно». Все это может быть хорошо и правильно; однако с тем ограниченным бюджетом (80 миллионов в полном размере, который никогда не поступает вполне) трудно справиться с издержками, жертвуемыми другими государствами на военную часть. Правительство могло бы увеличить ввозные и вывозные пошлины, но оно связано иностранными договорами, а чтоб освободить себя от них, нужна сила. Так и выходит, что одно связано с другим. Однако же нельзя не упомянуть, что Китай едва ли не единственная в мире блаженная страна, которая не обременена еще ни внутренними, ни иностранными долгами.

Европейцы принуждали Китай силой открыть в свою страну доступ иностранцам — правительство их не сгонит, но они недолго удержатся и в тех местах, в которых поселились, потому что китайцы начали отбивать у них хлеб. Между тем, вследствие тех же насильственных договоров, заставив китайское правительство снять запрещение своим подданным выезжать из Китая, теперь сами договаривавшиеся, открыв в свои владения доступ китайцам, не знают уже, как от них отделаться. Прежде, как мы видели, китайская раса, преображенная в варваров-номадов, двигалась на запад; теперь она, сняв маску, устремилась на восток и юго-восток, чтобы наполнить острова Восточного океана и западные берега Америки. Я не думаю, чтоб гонение на китайцев могло долго продолжаться вследствие экономических и политических причин. Притом китайцы так терпеливы и вкрадчивы, что сумеют сделать себя необходимыми. Мне кажется чрезвычайно странным и неестественным это отступление образованных наций от выработанных ими же экономических условий. За что гонять китайцев? За то, что они предлагают в чужой стране, нуждающейся в руках, дешевый труд. Это не евреи, которые неспособны производить, китаец готов приняться за всякую работу: трудиться ли в рудниках, прорывать тоннели и каналы, строить дома и железные дороги; он оказывается отличным мастеровым, швеею, даже прачкой. И во всех этих работах он берет цену вдвое, втрое меньше против существующей в данной местности. Какой же от того вред, какой вред от того, что он, сколотив своими мускулистыми руками несколько десятков рублей, увезет их на родину, оставив на вечное время плоды своей деятельности? Это гонение может представить отличный случай к заступничеству и вмешательству китайского правительства. Уже и теперь достаточно китайцев на островах Восточного океана, чтоб при сильном флоте сделать его Китайским морем. Недавнее участие пекинского двора в делах Кореи показывает, с другой стороны, что оно не только может со временем отыскать своих подданных, где бы они ни жили, но что оно стремится возвратить свои права и на другие вассальные земли: Кохинхину, Сиам, Бирман, Непал и Ладак. И какая действительно всемирная империя может представиться в будущности от Алтая до Новой Голландии включительно!

Нам кажется, что другие правительства не умеют справляться с приходящими к ним китайцами так, как справлялись с ними в древности обитатели нынешней Монголии. Им надо стараться их ассимилировать. Китаец ныне держит себя изолированно в чужой земле и тем сохраняет свою национальность, потому что туземцы его чуждаются и отталкивают от себя. Он потому и думает о возврате на родину, что в чужой земле нет у него под ногами твердой почвы. Он от природы земледелец, дайте ему клочок земли, и он может сделаться сыном новой родины. С какой радостью будет он посылать своих детей в туземную школу, за какую честь почтет он для себя право служить. Это большая ошибка думать, что китаец неспособен превратиться в туземца; он и на родине готов был превратиться в маньчжура, принял уже маньчжурский костюм, стал было учиться маньчжурскому языку.

Превращая китайцев в туземцев, можно только отпарировать будущую опасность со стороны собственного Китая; с помощью этих перерожденцев можно ослабить его и политическое и производительное влияние.

Итак, из всего сказанного можно вывести только одно. Пред нами показалась пока еще только заря китайского прогресса, но настанет ли после нее ясный рассвет, будет ли безоблачный день для Китая и очень бурный для остального мира — это вопрос будущности. Мы видим, что все будет зависеть от китайского правительства, а ему представляется немало затруднений, и мы не можем еще утверждать, что оно твердо решилось идти по пути необходимых реформ.

Можно положительно утверждать, что Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне. Китайская ученость старого времени хотя и неудовлетворительна, но она приучила их к критике, к глубокой тщательной разработке предмета. Тысячелетнее существование нации, устраивавшей всю жизненную обстановку собственными средствами, собственным соображением, придумыванием, обещает, что и новейшие открытия других народов по физическим предметам найдут в них усердных продолжателей и изобретателей.

Китайцы могут отличиться и в артистическом и художественном отношении. Далее, нет ремесла, нет промысла, нет ни одной торговой ветви, в которой за китайца можно бы бояться, что он отстанет от других. И так как все это будет сделано тщательно и дешево, то мир может быть завален китайскими товарами. Может дойти дело даже до того, что китаец захватит все рынки и промыслы всего света.

Рука об руку или даже идя впереди этого движения, может возрасти до неимоверной степени и политическое могущество Китая. Довольно сначала заселить все находящиеся и теперь уже под властью Китая земли, как явится обширная империя с миллиардом народа, развитого и деятельного. Захватив богатейшие в мире острова Восточного океана, Китай в одно и то же время может угрожать России и Индии, Америке и Западной Европе. При силе у него достигнет бессердечия вырезать всех непокорных, хоть весь мир. Весь мир будет населен одними только китайцами — вот до чего может разыграться фантазия будущего возможного, которое теперь называется невозможным.

Но не надобно забывать, мало ли что может быть впереди, а мы знаем, что есть один прогресс, в котором сомневаться уже нечего, которым действительно китайцы удивили и перещеголяли весь мир. Это невообразимый прогресс опиумокурения. Прежде курили немногие, и то только в некоторых приморских городах, ныне курят не только во всем Китае, но даже в Монголии и Маньчжурии; прежде курили тайком, ныне гостю вместо обычной чашки чаю предлагают опиумную трубку. Прежде курили опиум, продаваемый одними англичанами, ныне разводят его не только по всем провинциям, начиная от Бирмана до полуострова Шаньдуна, но и за Великой стеной. Когда нельзя подкупить начальство, которому предписывается истреблять опиумные посевы, то сеют, чтоб не заметили, между другими хлебами. И есть ли надежда,

что это опиумокурение можно не только прекратить совсем, но хотя бы не дать ему распространиться? Пробовали же народы и правительства бороться в свое время с распространением табака и оказались бессильны. Не дошло ли уже и теперь опиумокурение до тех размеров, которых достиг в Китае табак. Там курят не только мужчины, но и женщины, там к табаку привыкают с малолетства, потому что матери часто суют детям, как заплачут, вместо соски в рот трубку. Но, конечно, если опиум и не распространился еще теперь до размера табака, то он со временем превзойдет его. От табака еще можно отвыкнуть, от опиума отстают только со смертью, которая от него неизбежна. Можно жить с потребителями табака и не привыкнуть; поживши несколько в опиумной атмосфере, у самого является охота и позыв. Известно, что в доме, в котором живет опиумокур, не только он сам совсем опускается пред наступлением позыва, но даже кошка, птица в клетке и те опускают голову, мышь перестает скрести под полом. И только показался дым от закуренной трубки, как все оживает — и кошка глядит весело, птица издает радостные трели, а сам опиумокур наслаждается блаженными минутами упоения.

Выше я говорил, какие огромные жертвы унесла с собой китайская инсургенция, но не будет ли опиумокурение истребительнее и продолжительнее самой кровавой междоусобной резни? И невольно приходит на ум, что не лучше ли уж предоставить азиатцам резаться, чем развивать в них переходящую из поколения в поколение смертоносную страсть. Ведь опиумокурение водворилось тоже под давлением европейской державы, нашло себе покровительство в пушечных выстрелах высокопросвещенной и гуманной нации.

Который же из двух китайских прогрессов восторжествует?

РЕЦЕНЗИИ, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.48647/ICCA.2022.71.27.013

И.Е. Денисов

Диаспоральная политика КНР на весах истории и политологии

Рец.: Афонасьева А.В. Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление. М.: ИДВ РАН, 2022. 336 с.

Аннотация. Рецензируется монография А.В. Афонасьевой «Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление». Подчёркивается, что исследования диаспоры и диаспоральной политики приобретают особую актуальность в связи с концепцией возрождения китайской нации, которая заняла центральное место во внешней и внутренней политике при Си Цзиньпине. Отмечается большой вклад автора монографии в разработку понятийного аппарата, связанного с исследованиями диаспоральной политики. Рецензент также констатирует, что структура работы позволяет раскрыть тему логично и в достаточной полноте. Положительно оценивается провёденный анализ политики китайского государства на различных исторических этапах. Между тем рецензент предлагает скорректировать предложенную в монографии систему периодизации, для чего следует посмотреть на происходящие в отношениях государства и диаспоры процессы с точки зрения политологии. В рецензии отмечаются отдельные опечатки и неточности, встречающиеся в тексте, в то же время указывается, что исследование базируется на репрезентативных историографической и источниковой базах, что позволило сделать достоверные выводы.

Ключевые слова: КНР, диаспора, диаспоральная политика, зарубежные китайцы, периодизация.

Автор: Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: iedenisov@mail.ru

Ye. Denisov

PRC Diaspora Policy on the Scales of History and Political Science

Review: Afonaseva, A.V. (2022). Diasporal'naya politika KNR: sotsial'no-ekonomicheskoye napravleniye [PRC Diaspora Policy: Socio-Economic Dimension]. Moscow: IFES RAS. (In Russian).

Abstract. A.V. Afonasyeva's monograph 'PRC Diaspora Policy: Socio-Economic Dimension' is reviewed. It is noted that the study of diaspora and diaspora policy becomes particularly relevant in the context of the concept of rejuvenation of the Chinese nation, which has taken a central position in the foreign and domestic policy under Xi Jinping. The author's contribution to the development of the conceptual apparatus associated with diaspora policy research is highly noteworthy. The reviewer also points out that the book's structure makes it possible to present the topic logically and sufficiently comprehensively. The author's analysis of Chinese state policy at different historical stages is highly appreciated. Meanwhile, the reviewer notes the need to improve the system of periodization proposed in the monograph. To this end, it is suggested to look at the processes taking place in the relations between the state and the diaspora from the perspective of political science. Some misprints and inaccuracies in the text are noted, at the same time, it is stated that the study is based on a representative source base, which allows to draw reliable conclusions.

Keywords: PRC, diaspora, diaspora policy, overseas Chinese, periodization.

Author: Igor Denisov Ye., Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E mail: iedenisov@mail.ru

Традиционный академический этикет, который по-прежнему практикуется в КНР, предписывает именовать научные работы коллег и учителей 大作 (дацзо, великий труд), называя собственные произведения 拙作 (чжоцзо, неуклюжее сочинение), преуменьшая тем самым из скромности свой вклад в науку. В заглавии рецензируемой монографии А.В. Афонасьевой [2022] скромно указано, что в ней рассматривается социально-экономическое направление диаспоральной политики КНР, хотя на самом деле автору удалось осветить не только обозначенный узкий аспект, но и написать глубокую, интригующую и многомерную историю одного из ключевых направлений китайской политики. С этой точки зрения, и безо всякой скидки на церемонии и условности, эту работу по праву можно назвать дацзо в сфере исследований китайской эмиграции.

Взаимоотношения китайского национального государства и китайцев за рубежом, важные во все исторические периоды, приобретают ещё больший вес сегодня в контексте реализации идеи о великом возрождении китайской нации, которая находится в центре внутренней и внешней политики Си Цзиньпина. Систематизация и расширение наших знаний о работе Пекина с зарубежными китайцами — задача столь же актуальная, сколь и сложная, особенно если речь идёт о широком историческом контексте. В рецензируемом издании рассматривается длительный период с 1930-х годов по настоящее время, что само по себе говорит о масштабе решаемых автором задач. Монография включает шесть глав, из которых первая носит общетеоретический характер, вторая — пятая главы посвящены различным историческим периодам развития отношений с диаспорой, а в шестой, заключительной главе рассматривается организационная структура диаспоральной политики КНР.

Такое построение работы позволяет раскрыть тему логично и в достаточной полноте. В первой главе монографии детально анализируется терминоло-

гия и понятийный аппарат исследования. На внушительном комплексе источников автор прослеживает эволюцию толкования термина хуацяо (зарубежные китайцы) в официальном дискурсе. Столь же основательно и скрупулёзно автор обобщает доступные нам по китайским документам толкования таких понятий, как вайцзи хуажэнь (этнические китайцы с иностранным гражданством), гуйцяо (реэмигранты) и цяоцзюань (родственники эмигрантов, этнических китайцев с иностранным гражданством и реэмигрантов). С уверенностью можно сказать, что к этому основополагающему разделу, а также к богатому справочному материалу, собранному в приложениях, будут обращаться все вдумчивые русскоязычные исследователи, которым предстоит заниматься китайской диаспорой. На наш взгляд, читатели были бы безмерно благодарны, если бы автор включил в издание столь же подробный и аналитически глубокий материал о концепции Единого фронта, которая лежит в основе диаспоральной политики КПК. Упоминания о Едином фронте распределены по всему тексту монографии, однако, как представляется рецензенту, методически правильно было бы посвятить этому понятию, специфическому для китайской партийно-государственной системы, отдельную главу или параграф.

После вводной части с анализом понятийного аппарата автор последовательно рассматривает эволюцию подходов КПК к проблеме отношений государства и диаспоры. Начинается исторический экскурс не с образования КНР, а с истории формирования диаспоральной политики компартии в период до 1949 г. Период борьбы КПК за власть часто игнорируется исследователями диаспоры, между тем, как убедительно показывает А.В. Афонасьева, к моменту провозглашения КНР 1 октября 1949 г. компартия «уже имела опыт работы с китайскими эмигрантами (хуацяо) и их сообществами за рубежом, полученный в жесткой конкуренции с партией Гоминьдан (ГМД)» [Афонасьева, 2022, с. 30]. В период, предшествующий победе в гражданской войне, КПК выпустила первые официальные документы, касающиеся китайских эмигрантов, которые проанализированы автором во второй главе. Затем в монографии рассматривается развитие отношений с диаспорой после образования Нового Китая (гл. 3—5). При этом отдельная глава посвящена взлётам и трагическим поворотам диаспоральной политики в эпоху Мао Цзэдуна, в качестве антитезы в следующей главе раскрывается решающая роль реформ Дэн Сяопина в изменении отношения к зарубежным китайцам. Как отмечает автор, в этот период «руководству КНР удалось полностью восстановить работу с китайской диаспорой на внешнем и внутреннем направлениях. Власти смогли «загладить вину» перед хуацяо-хуажэнь и гуйцяо-цяоцзюань за несправедливые притеснения в годы «культурной революции», вписать зарубежных китайцев, реэмигрантов и родственников в план стратегического развития страны на десятилетия вперед» [Там же, с.98]. Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин, которым как раз и пришлось реализовывать стратегическое ви́дение Дэн Сяопина, объединены в монографии в один период, соответственно этому посвящена одна глава, хотя справедливо было бы рассмотреть период после 2012 г. отдельно. Не умаляя достоинств проведённой А.В. Афонасьевой огромной работы, попробуем в порядке научной дискуссии

обосновать, почему вопрос о периодизации диаспоральной политики нуждается в дальнейшем уточнении.

Как нам кажется, созданная автором трёхзвенная периодизация событий после 1949 г. — (1) Мао (2) Дэн (3) период после 1993 г. (Цзян, Ху и Си) — нуждается в корректировке, поскольку не отражает новации, которые произошли в работе с зарубежными китайцами после прихода к власти Си Цзиньпина. В свою очередь, тезис о том, что правление этого руководителя ещё длится, поэтому «эпоха Си» не может быть выделена в отдельный период [Там же, с. 30], противоречит критерию периодизации, предложенному самим автором — наличие ключевого изменения в диаспоральной политике.

Нельзя полностью разделить вывод А.В. Афонасьевой о том, что с 1993 г. диаспоральная политика «продолжала развиваться по основным ключевым направлениям, намеченным еще при Дэн Сяопине, изменялся лишь инструментарий развития этих направлений» [Там же, с. 29]. Во-первых, из вышеприведённой цитаты и более широкого контекста не совсем понятно, какое изменение «инструментария» может считаться качественным скачком, и возможны ли вообще такие скачки. Во-вторых, в монографии отдельно не поясняется, что имеется в виду под инструментарием, подробно отдельные инструменты также не выделены. В-третьих, задачи современного этапа (вероятно, это и есть те самые «ключевые направления»), на решение которых ориентирован «инструментарий», сформулированы в столь общем виде [Там же, с. 112—119], что вряд ли могут быть положены в основу периодизации, поскольку некоторые задачи являются вневременными либо сохраняющими длительную актуальность. Скажем, «участие хуацяо-хуажэнь в деле воссоединения Родины» было востребованным и в 1950-е годы, на что обращает внимание сама автор монографии [Там же, с. 45].

Как отмечал В.Я. Гросул, «периодизация невозможна без четко выделенных критериев и требует предельной объективности, построенной на той или иной методологии» [Гросул, с. 26]. С этой точки зрения противопоставление политики и инструментария (политика не меняется, меняется инструментарий) нам кажется несколько натянутым, нелогичным и методологически ошибочным, поскольку инструменты — это безусловная часть политики. Весь вопрос в том, не следует ли прежде всего разложить диаспоральную политику на «составляющие», и посмотреть, какие из них могут быть положены в основу периодизации. Для этого необходимо сменить ракурс и посмотреть на эволюцию отношений государства и диаспоры с точки зрения политологии.

Поскольку отношения власти и диаспоры — это часть сферы государственного управления, можно полагать, что в определении содержательных и чётких критериев периодизации диаспоральной политики не обойтись без использования подходов, наработанных в политической науке. В частности, важным представляется выделение трёх плоскостей (проекций) власти — символической власти, структурной власти и инструментальной власти, то есть отношений «господства и подчинения», «контроля и влияния» и «управления и давления» [Дегтярев]. Если руководствоваться этим разделением, то при Си Цзиньпине произошли качественные изменения во всех проекциях как с точки зрения ценностей, устанавливающих легитимный порядок (кон-

цепция «китайской мечты» всё-таки существенным образом отличает идеологическую основу диаспоральной политики Си Цзиньпина от других периодов), так и с точки зрения распределения ответственности между звеньями политической системы (умаление роли правительственных органов и абсолютизация роли партийных органов). Весьма характерный индикатор нового качественного скачка — передача функций Канцелярии по делам эмигрантов при Госсовете КНР в ведение Отдела Единого фронта ЦК КПК. Этот шаг не кажется формальным обновлением «инструментария», он отражает тенденции кардинального изменения партийно-государственной системы после прихода Си Цзиньпина к власти.

Что касается плоскости «управления и давления», то, к сожалению, представленный в монографии материал при детальной проработанности позиции субъекта политики не позволяет судить о том, а что же за период с 1949 г. происходило с объектом, то есть непосредственно с китайской эмиграцией. Голос её большей частью отсутствует, кроме отдельных ссылок на работы, созданные учёными китайского происхождения, проживающими за рубежом. По всей видимости, рассмотрение позиции диаспоры на репрезентативной выборке может быть темой отдельного исследования, однако без объективного анализа «внешнего контура» будет сложно не только решить вопрос о периодизации, но и в целом судить об эффективности диаспоральной политики.

Завершая наши короткие рассуждения о периодизации и стоящих здесь задачах, уместно привести мнение К. Ясперса, который писал: «Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям, однако эти упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» [Ясперс, с. 45]. С этой точки зрения работа А.В. Афонасьевой, проанализировавшей обширный исторический материал и предложившей свою периодизацию, без сомнения, станет ступенькой для дальнейшего углубления нашего познания всё более сложной китайской действительности.

Было бы удивительно, если бы такой значительный труд оказался полностью свободен от неточностей, опечаток и шероховатостей. Обратим внимание на некоторые из них. Верховный народный суд КНР в ряде мест назван Верховным судом КНР, что, видимо, допустимо в тексте как сокращённый вариант (хотя это стоит оговаривать дополнительно), но вряд ли приемлемо в библиографических ссылках на документы, где в китайской части название судебного органа воспроизведено полностью Цзуйгао жэньминь фаюань [Афонасьева, 2022, с. 172, 220, 288]. В последнем случае на с. 288 два разных варианта названия встречаются буквально подряд. Председатель ЦК партии Чжигундан Вань Ган (万钢) ошибочно назван Ван Ганом [Там же, 189]. Общепринятое в отечественной академической литературе, официальных российских документах и русскоязычных СМИ КНР наименование «Министерство науки и технологий» заменено в работе на «Министерство науки и техники» [Там же, с. 120, 189]. В первой главе дважды упоминается Канцелярия по делам китайских эмигрантов [Там же, с. 21, 22], хотя очевидно, что речь идёт о Канцелярии по делам эмигрантов при Госсовете КНР (этот вариант встреча-

ется в других частях работы, в том числе в Главе 6 «Структура аппарата КНР по работе с китайской диаспорой» и в Приложении 2 «Список китайских терминов»). Проблемным нам представляется используемое в монографии название структурного подразделения аппарата ЦК — Департамент Единого фронта. Возражения вызывает слово «департамент». В русскоязычной китаеведной литературе устоялось при переводе названий функциональных подразделений аппарата ЦК уровня 部 (бу) использовать слово «Отдел» (Отдел пропаганды; Отдел международных связей). Такой перевод зафиксирован и в фундаментальных китайско-русских словарях, в том числе в изданном в 2009 г. в Шанхае Большом китайско-русском словаре. Кстати, в монографии используется сокращённое наименование Организационного отдела — Орготдел ЦК КПК [Там же, с. 85], и при наличии консенсусного академического перевода вряд ли следовало изобретать что-то новое и называть отдел департаментом в других местах.

Отмеченные неточности не могут снизить весомый вклад А.В. Афонасьевой в изучение отношений китайского государства и диаспоры, её изыскания являются продолжением лучших традиций отечественного китаеведения. В изданном в 1940 г. томе под редакцией акад. В.М. Алексеева, Л.И. Думана и А.А. Петрова о вкладе зарубежных китайцев в экономику написал яркий китаевед и практик, работавший одно время финансовым советником Чан Кайши, В.М. Штейн. Лишь один любопытный факт, на который обратил внимание Штейн. В 1938 г. сумма переводов эмигрантов достигла фантастической для того времени суммы 600 млн долларов, из которых 120 млн было переведено национальному правительству [Штейн, с.105]. В монографии А.В. Афонасьевой приведено немало доказательств того, что современное китайское государство видит в позитивных отношениях с диаспорой один из драйверов внутреннего развития.

Нитью, связывающей рецензируемую работу с научным вкладом старшего поколения, стало имя одного из рецензентов монографии — Александра Георгиевича Ларина, несравненного знатока Китая, человека скромного и обаятельного, настоящего подвижника, под руководством которого Алина Владиславовна начинала в своё время исследования диаспоры и диаспоральной политики [Ларин, с. 42, 48—49].

Алина Владиславовна Афонасьева, признанный специалист по китайской эмиграции, публикует научные труды по этой теме уже более десяти лет. В новой монографии, как и в предыдущей крупной работе об экономической деятельности зарубежных китайцев и реэмигрантов в годы реформ [Афонасьева, 2013], она основывает свои выводы на репрезентативных историографической и источниковой базах, что стало одним из факторов, определивших успех данного исследования. Остаётся поздравить коллегу с дацзо.

Библиографический список

Афонасьева А.В. Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление: монография. М.: ИДВ РАН, 2022. 336 с.

Афонасьева А.В. Зарубежные китайцы — бизнес в КНР: экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979 — 2010 гг.). М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.

Гросул В.Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Труды Института российской истории. Выпуск 8 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н.Сахаров, сост. Е.Н. Рудая. М.: Наука, 2009. С. 26—69.

Дегтярев А. А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. Политические исследования, 1996. № . 3. С. 108—120.

Ларин А. Г. Ларин Александр Георгиевич. Проект «Российское китаеведение — устная история», URL: https://ooh.ivran.ru/sites/74/files/Interviu_s_Larinym_Aleksandrom_Georgievichem.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

Штейн В. М. Экономический очерк Китая // Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Издательство Академии наук СССР. Москва—Ленинград, 1940. С. 63—106.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

References

Afonaseva, A.V. (2022). Diasporal'naya politika KNR: sotsial'no-ekonomicheskoye napravleniye [PRC Diaspora Policy: Socio-Economic Dimension]. Moscow: IFES RAS. (In Russian).

Afonaseva, A.V. (2013). Zarubezhnyye kitaytsy — biznes v KNR: ekonomicheskaya deyatel'nost' zarubezhnykh kitaytsev i reemigrantov v KNR v khode reform (1979—2010 gg.) [Overseas Chinese — Business in the PRC: Overseas Chinese and Re-emigrants Economic Activity in the PRC since Reform Period (1979—2010]. Moscow: IFES RAS. (In Russian).

Grosul, V. Ya. (2009). O periodizatsii vsemirnoy i otechestvennoy istorii [On the periodization of world and national history]. Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN, (8), S. 26—69. (In Russian).

Degtyarev, A. A. (1996). Politicheskaya vlast' kak regulyativnyy mekhanizm sotsial'nogo obshcheniya. [Political Power as a Regulatory Mechanism of Social Communication]. Polis. Politicheskiye issledovaniya, (3), S.108—120. (In Russian).

Larin, A.G. (2020) Larin Aleksandr Georgiyevich. Proyekt «Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya» [Alexander G, Larin. 'Russian Sinology — Oral History' Project], URL: https://ooh.ivran.ru/sites/74/files/Interviu_s_Larinym_Aleksandrom_Georgievichem.pdf (accessed: 25 November 2022) (In Russian).

Shteyn,V. M.(1940) Ekonomicheskiy ocherk Kitaya [Economic Outline of China].In Kitay. Istoriya, ekonomika, kul'tura, geroicheskaya bor'ba za natsional'nuyu nezavisimost'[China. History, economy, culture, heroic struggle for national independence]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. (In Russian).

Jaspers, K. (1991) Smysl i naznacheniye istorii [The Origin and Goal of History]. Transl. from German. Moscow: Politizdat. (In Russian).

DOI: 10.48647/ICCA.2022.75.22.014

Л.В. Стеженская

Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция): К выходу русского перевода А. Ю. Блажкиной

Рец.: Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А.Ю. Блажкиной. М.: ИКСА РАН, 2022. 318 с.

Аннотация. Дается обзор книги А. Ю. Блажкиной, которая включает первый полный европейский и первый полный русский перевод древнекитайского письменного памятника «Речи школы Конфуция» («Кун-цзы цзя юй»), составление которого приписывается Ван Су (195—256), каноноведу из царства Вэй. Книга также включает вводные разделы, посвященные истории текста памятника, который долгое время считался поддельным. Результаты исследования А. Ю. Блажкиной философских тем «Кун-цзы цзя юй» составляет отдельный раздел книги. Рецензент приходит к выводу, что перевод имеет философскую направленность и в этом качестве окажется востребованным для исследований не только древнего конфуцианства, но и неоконфуцианства. Делаются некоторые дополнения и уточнения сведений по изучению и переводу этого памятника в Европе и России. Указываются некоторые перспективные темы по изучению конфуцианства, отмеченные автором в исследовательской части. Приведены сведения о «Жу цзя чжэ янь» («Словеса конфуцианцев»), древнекитайском прототипе переведенного памятника.

Ключевые слова: «Кун-цзы цзя юй», «Жу цзя чжэ янь», Ван Су (195—256), Блажкина А.Ю., конфуцианство, перевод.

Автор: Стеженская Лидия Владимировна, к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, РФ. Тел.: +7 (919) 999-84-22. E-mail: liuxie@mail.ru

Lidiya V. Stezhenskaya

Kong-zi jia yu (Speeches of the Confucius School): On the Russian translation by A. Yu. Blazhkina

Review: Kong-zi jia yu (Rechi shkoly Konfutsiya) (2022). Per. s kit., issled. i primech. A. Yu. Blazhkinoy. Moscow: IKSA RAN. 318 pp.

Abstract: The book by A. Yu. Blazhkina includes the first complete European and the first complete Russian translation of the ancient Chinese Speeches of the School of Confucius (Kong-zi jia yu). Its compilation is attributed to a Confucian scholar Wang Su (195—256). The book also includes introductory sections on the history of the text of the monument, which has long been considered fake. The results of A. Yu. Blazhkina's research on the philosophical topics of Kong-zi jia yu make up a separate section of the book. The reviewer comes to the conclusion that the translation has a philosophical orientation and as such will be in demand for research not only of ancient Confucianism, but also of Neo-Confucianism. Some additions

and clarifications on the study and translations of this monument in Europe and Russia are provided, perspectives of Confucianism studies proposed by the author are highlighted. Ru jia zhe yan (Confucian Wordings) as Kong-zi jia yu prototype's character and nature are specified.

Keywords: Kong-zi jia yu, Ru jia zhe yan, Wang Su (195—256), A. Yu. Blazhkina, Confucianism, translation.

Author: Lidiya V. Stezhenskaya, PhD (Philology), Assistant Professor of HSE University, Institute for Oriental and Classical Studies; Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: liuxie@mail.ru

Рецензируемая книга — достаточно новое явление в нашем классическом китаеведении и, как всякое новое явление, вызывает одобрение, сомнение и вопросы. Бесспорно только то, что перевод А.Ю. Блажкиной расширяет поле научных поисков по истории конфуцианства и, надеемся, «спровоцирует» дальнейшие научные дискуссии по этой теме. Данная рецензия призвана помочь началу таких дискуссий, но, как того требует жанр рецензии, прежде следует представить саму книгу.

Для перевода и исследования автор выбрала сочинение, которое только недавно получило признание специалистов в качестве важного источника по истории «древнего конфуцианства» [Блажкина, 2022, с. 5]. Как следует из замечания автора, древним она именует раннее конфуцианство, под которым «понимается конфуцианство до Дун Чжуншу (179—104 гг. до н.э.), с которого началось становление конфуцианства как официальной имперской идеологии», включая в него, по китайской терминологии, «доциньское конфуцианство.., т. е. конфуцианство, исторически предшествовавшее объединению страны Цинь Шихуаном в 221 г. до н.э.» [Там же, с. 8]. Понятно, что нижним пределом такого «древнего конфуцианства» должно выступать время жизни Конфуция (551—479 гг. до н.э.).

Большую часть книги составляет перевод древнекитайского сочинения или, как его неоднократно определяет автор, трактата «Речи школы Конфуция» [Там же, с. 57—304]. Текст оригинала состоит из 44 глав. В переводе они обозначены римскими числами, названия глав даны в русском переводе. Так, глава I озаглавлена «Советник в царстве Лу». Названия глав, отмечает переводчица, «даны не по первым двум иероглифам (как, например, в случае с «Лунь юй»), а отражают самую суть главы» [Там же, с. 5]. Поэтому главу XLIII в своем переводе она называет «Цзы Ся спросил», оговорив в примечании, что фраза «Цзы Гун спросил» (заметим, наряду с упоминанием вопросов других учеников Конфуция), использованная для названия в оригинале, реже встречается в тексте этой главы, и ссылается на прецеденты такой замены в некоторых современных китайских публикациях. Внутри главы текст перевода разбит на смысловые параграфы, пронумерованные арабскими числами. Это, несомненно, в дальнейшем сделает ссылки на текст более простыми и адресными. Наиболее полные китайские публикации «Речей школы Конфуция» включают также «послесловие» или «после послесловия» (хоу сюй) предпола-

гаемого первого составителя этого сочинения Кун Аньго (156—74 до н.э.) и «предисловие» или «послесловие» (сюй) Ван Су (195—256), который позднее «упорядочил» «Речи...» и написал к ним комментарий. В переводе эти тексты не представлены, как и отсутствуют комментарии Ван Су. Все комментарии к тексту перевода выполнены А.Ю. Блажкиной, они приводятся как постраничные примечания наряду со ссылками на источники или литературу. При повторных упоминаниях исторического лица или других сведений комментарий уже не дается, но всё это можно уточнить по Библиографии [Там же, с. 305—309], Указателю имен [Там же, с. 310—314] и Указателю географических названий [Там же, с. 315].

Такая композиция текста перевода, как мы понимаем, определяется текстом древнекитайского оригинала. В этом качестве А.Ю. Блажкина взяла электронный текст на сайте Проекта оцифровки китайских философских книг (URL: https://ctext.org/kongzi-jiayu) [Там же, с. 5]. Там текст «Речей...» дан именно в таком виде без послесловий и комментариев и с такой же разбивкой глав на параграфы. Надо уточнить, что имеется в виду распознанный текст. В принципе, переводчик волен решать, какое издание ему взять, тем более что указанный сайт пользуется заслуженной популярностью у специалистов. Но, как и в случае с любым другим бумажным текстом, оптическое распознавание неизбежно приводит к ошибкам, подменам иероглифов и поэтому требует сверки с авторитетным традиционным текстом. В Библиографии (в разделе не источников, а литературы) на странице 308 имеются сведения о двух современных изданиях «Кун-цзы цзя юй» 2011 и 2014 годов. Проводилась ли по ним сверка текста или таковая была выполнена по отсканированным (без распознавания) старым изданиям на сайте Проекта оцифровки, переводчица не уточняет. Замечаний о возможных вариантах перевода в комментарии не встречается.

Помимо перевода книга включает вводную часть [Там же, с. 5—54], озаглавленную «“Кун-цзы цзя юй” — выдающийся памятник древнего конфуцианства». Вводной ее можно, пожалуй, назвать только по первым двум разделам «Вводные замечания» [Там же, с. 5—7] и «История изучения трактата “Кун-цзы цзя юй”» [Там же, с. 7—12]. А.Ю. Блажкина признает, «что для широкого круга наших читателей «[Кун-цзы] цзя юй» остается практически неизведанным текстом», тогда как «и в Китае, и за его пределами» интерес к нему «неуклонно растет». При этом в качестве первого вопроса для исследования называется задача определить, «записан ли “Цзя юй” кем-то из учеников самого Кун-цзы и отражает взгляды основателя конфуцианства или же перед нами более позднее произведение, плод творчества каноноведа [III в. н.э.] Ван Су». Содержание этого сочинения представлено как истории из жизни Конфуция, беседы философской тематики, «касающиеся важнейших онтологических, этических, эстетических и эпистемологических вопросов», которые ведутся с учениками и политическими деятелями того времени. В отличие от трактатов «Сяо цзин», «Чжун юн» «Да сюэ», этих конфуцианских канонов малой формы, «Цзя юй» не «узконаправленный тематический текст», а «довольно сложное и разноплановое сочинение». В этом оно сходно с «Бесе-

дами и суждениями» («Лунь юй») Конфуция, но по объему почти в четыре раза превосходит этот «знаменитый конфуцианский памятник».

В разделе «История изучения трактата “Кун-цзы цзя юй”» вопрос бытования собственно текста сочинения обозначен кратко, но вполне в достаточном объеме, с выделением исторических вех его составления Кун Аньго и описания в «Истории Хань» (I в. н.э.), редакции текста и введения в оборот Ван Су варианта из 27 цзюаней (свитков), бытования в составе из 10 цзюаней к VII веку и начавшаяся с династии Сун (960—1279) полемика вокруг вопроса поддельности «Речей...». И здесь А.Ю. Блажкина повторяет, что «вопрос об аутентичности “Кун-цзы цзя юй” можно считать ключевым, так как если трактат признается подлинным, то его содержание, по всей вероятности, характеризует мысли самого Кун-цзы и его ближайших учеников» [Там же, с. 11]. Автор отмечает, что «некоторые из глав “Кун-цзы цзя юй” практически полностью совпадают с эпизодами из “Ши цзи”» [Там же, с. 7], но забывает здесь же отметить, что это в равной степени относится к немалому числу совпадений по тексту с другими известными конфуцианскими сочинениями. Далее в комментариях к текстам глав перевода некоторые подобные замечания она все-таки делает. Главный аргумент противников подлинности «Речей...», как отмечает сама автор, состоял в том, что эта книга представляла собой всего лишь «разнообразные выдержки» из канонических и классических книг [Там же, с. 9]. Среди противников подлинности «Цзя юй» назван сунский Ван Бо (1197—1274), ряд цинских каноноведов XVII—XVIII веков и Гу Цзеган (1893—1980) как крупнейшая фигура в научном течении «сомнения в древности». Сторонниками подлинности сочинения названы Чжу Си (1130—1200) и Чэнь Шикэ (1748—1796), а также Дж. Легг и Р. Вильгельм. Среди западных исследований как важнейшая совершенно справедливо названа работа Р.П. Крамерса (1920 — 2002) с результатами его исследования текста и переводом первых 10 глав. Он склонялся к мнению о двусоставности текста: «оригинальный ранний текст переплетается с более поздними добавлениями, сделанными Ван Су». Стоит добавить, что Р. Крамерс сомневался, что возможно было намеренно создать подделку такого масштаба. Эту мысль в свое время в отношении других «сомнительных» древнекитайских памятников выражал и Дж. Легг. Автор упоминает А.Б. Хатчинсона (A.B. Hutchinson, 1841—1918), английского протестантского миссионера в Японии, который первым перевел предисловие, послесловие и первые 10 глав «Цзя юй», опубликовав их в миссионерском журнале в Шанхае в 1878—1880 годах. Другой предшественник Крамерса, бельгийский профессор-востоковед и католический прелат Шарль де Арле (Charles de Harlez, 1832—1899), не упомянут. Однако именно его можно назвать первым европейским переводчиком почти всего текста «Кун-цзы цзя юй». В 1893—1896 годах в ряде номеров журнала «Вавилонский и восточный отчет» он издал английский перевод всего текста, кроме глав XXVII и XXVIII, перевод которых оказался утерян ко времени печати очередного выпуска. Добавим, что Хатчинсон поддерживал Дж. Легга и считал «Цзя юй» подлинным текстом. Де Арле воздержался от определенного суждения, но считал маловероятным существование неизменным текста на протяжении многих веков до его записи в редакции Ван Су в III в. Он старался использо-

вать комментарии, отличавшиеся от комментариев из переводов Легга китайской классики.

В разделе «Вводные замечания» А.Ю. Блажкина весьма вежливо высказывается относительно бытования «Речей...» в российском китаеведении, когда говорит, что «в отечественном китаеведении сравнительно мало работ, посвященных комплексному исследованию непосредственно» этого сочинения [Там же, с. 7]. По факту, кроме статей самой А.Ю. Блажкиной, их просто не было. Однако если упоминать С.М. Георгиевского, который в 1888 году «не раз обращается к "Кун-цзы цзя юй" как к важному источнику, а в ряде случаев даже дает перевод отдельных отрывков данного текста» [Там же, с. 7], то надо вспомнить и переводы В.В. Малявина отрывков из этого сочинения в популярном издании 2018 года. Здесь они приводятся как «Семейные предания о Конфуции» и включают переводы глав III и V, а также другие отрывки в разделе «Разные фрагменты» [Семейные предания..., 2018, с. 149—172]. Кроме того, к моменту подготовки своей книги автор не могла знать, что совсем скоро (2021 г.) выйдет статья Г.С. Поповой, в которой ставится задача изучения «Кун-цзы цзя юй» и содержится перевод первых двух глав [Попова, 2021, с. 901—928]. Так что А.Ю. Блажкина совершенно верно предположила (и своими статьями предопределила) растущее внимание к этому памятнику.

Вопрос поддельности «Кун-цзы цзя юй», указывает автор, во многом решился археологическими находками в 70-х годах XX века динчжоуских (датированы сер. I в. до н.э.) и фуянских (сер. II в. до н.э.) текстов на бамбуковых планках «Жу цзя чжэ янь» («Конфуцианские словеса»), которые оказались по своему содержанию «чрезвычайно близки» либо «во многом совпадают» с «Цзя юй» [Блажкина, 2022, с. 10]. А.Ю. Блажкина признает, что вопрос подлинности памятника чрезвычайно сложен, так как название и специфика содержания книги доказывают ее древность, но в то же время очевидно, что текст "Кун-цзы цзя юй" многократно редактировался и переписывался» [Там же, с. 10]. Однако ссылки на авторитетные мнения китайских ученых предполагают, а выход рецензируемой книги и доказывает, что автор соглашается с отнесением памятника «к раннеконфуцианской философской традиции», а возможно, и разделяет мнение профессора Ян Чаомина, одного из наиболее активных участников восстановления авторитета «Речей...», что это «первая книга для изучения Кун-цзы». Именно на его издание «Кун-цзы цзя юй» в 2013 году обратил внимание Председатель КНР Си Цзиньпин и выразил намерение эту книгу «изучать самым серьезным образом» [Там же, с. 12—13].

Раздел 3 «Основные темы трактата "Кун-цзы цзя юй"» представляет первые результаты исследования А.Ю. Блажкиной. Он же, как нам кажется, дает ключ к пониманию причин появления перевода, его направленности и организации. Автор выделяет несколько тематических блоков в содержании «Речей...»: гармонизация Поднебесной путем добродетельного управления, ритуальная практика, концепция индивидуального синхронного опыта, взаимоотношения Конфуция с Лао-цзы, сведения о Конфуции и его учениках. Более подробно и развернуто философские вопросы «Речей...» обсуждаются в подразделах третьего раздела. Первый из них, «Этика и эстетика: учение о ритуале», посвящен различным аспектам конфуцианского понимания ритуа-

ла (выводы на с. 28). Нам представляется перспективным вопрос, вынесенный здесь в заглавие подраздела. Действительно, ритуал должен был обладать «эстетическим и этическим содержанием (ритуал и прекрасен, и добродетелен одновременно)», поэтому вполне закономерна его связь с музыкой [Там же, с. 26]. Но также можно предположить истоки в ритуале эстетических понятий китайской литературы, искусства, другой творческой деятельности. Подраздел 3.2 «Социально-политическая философия: роль наказаний и феномен суицида», скорее всего, удивит читателя столь ранним вниманием конфуцианцев к проблеме закона, так как всегда считалось, что это произошло позже под влиянием легистов. Да и сама фигура Конфуция-управленца предстает здесь менее однозначной, хотя заметно стремление автора оправдать его действия сложностью конфуцианской доктрины. В подразделе 3.3 «Философия времени: концепция индивидуального синхронного опыта» автор отмечает близость понятия времени в «Речах...» и в годяньских рукописях (датируются периодом до III в. до н.э.). Для ранних конфуцианцев, говорит автор, «время представляет собой категорию не физическую, а метафизическую, трансцендентную, она относится главным образом не к области натурфилософии, а скорее к области этики» [Там же, с. 44). Упрощая до предела это понятие, как мы понимаем, конфуцианец должен был быть готовым и «ловить момент». Поэтому, говорит автор, конфуцианство «хотя и настаивало на неукоснительном следовании ритуальным нормам, всегда оставляло место личной свободе, которая должна быть основана на анализе специфики каждой конкретной ситуации, а не на слепом повторении четко предписанных правил поведения» [Там же, с. 45]. В этом подразделе ведется подробная дискуссия по важным понятиям конфуцианства, таким как Небо, судьба, единство Неба и Человека и так далее, делаются отсылки к положениям доктрины Сюнь-цзы (313—238 до н.э.). Так, на наш взгляд, появляется возможность для сравнений с возобладавшей позднее доктриной Мэн-цзы. На временном аспекте понятия Неба сделал акцент И.И. Семененко в недавнем своем переводе «Мэнцзы».

Как видим, направление научных интересов А.Ю. Блажкиной полностью лежит в области истории философии раннего конфуцианства. Ее предыдущие исследования доциньских годяньских конфуцианских текстов на бамбуковых планках должны были подготовить именно такое нынешнее исследование. А задачи этого исследования (приведенного в Разделе 3), как нам представляется, определили форму подачи перевода, которая, конечно, не могла охватить весь спектр представления «Речей школы Конфуция» в качестве исторического памятника. Нетрудно заметить, что примерно четверть текста перевода никак не использована в исследовательской части книги. Философский перевод вполне отвечает своим целям и, надеемся, вызовет должный интерес у специалистов. С этой точки зрения в переводе все понятно, читается он легко и не вызывает вопросов по содержанию. Недостающие сведения, например, по параллельным текстам в других памятниках, доступны хотя бы на том же сайте Проекта оцифровки. Как и всякий большой перевод, «Речи школы Конфуция» не лишены некоторых ошибок и упущений, однако в большинстве случаев они не сказываются на философском понимании текста.

Вопросы к переводу лежат в несколько иной плоскости. Мы уже привыкли, что древний период конфуцианской мысли у нас освещается по канонической конфуцианской литературе. И даже из наиболее обширного конфуцианского «Тринадцатиканония» для этих целей берутся лишь некоторые сочинения, которые чаще всего и переводились (надеемся, и будут переводиться) на русский язык. Наиболее наглядный пример — неоднократные переводы «Суждений и бесед» («Лунь юй») Конфуция. «Речи школы Конфуция» не являются канонической книгой и в этом смысле представляют новый для нашего китаеведения тип источника. Первые библиографические сведения о нем относятся к I веку. Текст, представленный в III веке вэйским каноноведом Ван Су (195—256), вызывал сомнения в своей аутентичности, а к VII веку уже были сомнения в том, что имевший тогда хождения вариант был идентичен тексту Ван Су. Существующий же ныне текст «Речей...» восходит к ксилографическим изданиям минского времени не ранее конца XV — начала XVI веков. Правда, в некоторых из них утверждается, что за основу гравировки текста бралось раннее издание, но и в этом случае называлось какое-то сунское издание или рукописный текст, т. е. условно вариант периода 960—1279 гг. Насколько этот текст соответствует тому, что был в VII веке, тоже сказать трудно. Два рукописных фрагмента дотанского и танского периода (до и после 619 года) Дуньхуанских фондов Британского музея и Института восточных рукописей Российской академии наук имеют соответствия в нынешних главах, но и заметно отличаются по тексту — современная версия оказывается более обширной, т. е. нельзя с уверенностью сказать, что текст условно VII века не был «дополнен» до современного его варианта. Все исторические версии «Кун-цзы цзя юй» автор, по сути, признает «текстом Ван Су». Даже если это так, то безоговорочное заявление, что он «характеризует мысли самого Кун-цзы и его ближайших учеников» (которые, отметим, жили примерно за 700 лет до Ван Су), принять трудно.

Отдельно надо остановиться на динчжоуских бамбуковых «Конфуцианских словесах» («Жу цзя чжэ янь») из могилы середины I века до н.э. Как такового, этого сочинения не существует. Название условно и дано учеными, проводившими консервацию и разборку планок. Как правило, четыре-пять поврежденных планок в подборах действительно имеют некоторые совпадения по тексту с отдельными кусочками из глав «Кун-цзы цзя юй», не более того. Единственная публикация таких текстов в журнале «Вэнь у» в 1981 году занимает всего семь страниц, и не все соответствия относятся именно к «Речам...». Среди фуянских планок (сер. II в. до н.э.) текстов вообще нет, есть лишь некоторые совпадения с «Цзя юй» названий глав в одном из перечней текстов. Таково по факту подтверждение текста «Кун-цзы цзя юй».

Как отмечает сама А.Ю. Блажкина, имеющийся сейчас текст многократно переписывался и, следовательно, до какой-то степени видоизменялся. При этом в аннотации «Сы ку цюань шу» говорится, что с ростом уверенности в его поддельности только росло число его изданий и распространение в Китае. С другой стороны, самую первую критику в совсем небольшом сочинении Ван Бо вызвал факт привлечения Чжу Си «Кун-цзы цзя юй» для комментирования «Чжун юн». Можно предположить, что рост популярности неоконфу-

цианства как-то подпитывал все больший интерес к «Речам...». Наличие разных изданий «Кун-цзы цзя юй», множество параллельных с другими сочинениями текстов, их вариативность дают не менее ценный материал для исследования истории конфуцианства. Только в этом случае это будет не раннее конфуцианство, а, наоборот, позднее, то есть неоконфуцианство. Русский перевод А.Ю. Блажкиной может иметь и эту научную перспективу.

Библиографический список

Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А.Ю. Блажкиной. М.: ИКСА РАН, 2022. 318 с.

Попова Г.С. Введение в изучение Кун-цзы цзя-юй («Школьные беседы Конфуция») // Ориенталистика. 2021; 4(4). С. 901—928. URL: https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-4-901-928

Семейные предания о Конфуции / Пер. В. Малявина // Конфуций. Великое учение: с комментариями и объяснениями / Конфуций; пер. с китайского В. Малявина, И. Канаева; сост., предисл. В. Малявина; коммент. Е. Ямбурга, И. Канаева. Москва: Издательство АСТ, 2018. (Философия на пальцах). С. 149—172.

References

Kun-tszy tszya yuy (Rechi shkoly Konfutsiya) [Kung Tzu Jia Yu (Speech of the School of Confucius)] (2022). Transl. from Chinese, research. and note. A.Yu. Blazhkina. M.: IKSA RAN, 2022. 318 s. (In Russian).

Semeynyye predaniya o Konfutsii [Family traditions about Confucius] (2018). Transl. from Chinese by V. Maliavin, I. Kanaev; comp., foreword V. Maliavin; comments E. Yamburg, I. Kanaev. Moscow: AST Publishing House. S. 149—172. (In Russian).

Popova, G.S. (2021). Vvedeniye v izucheniye Kun-tszy tszya-yuy («Shkol'nyye besedy Konfutsiya») [Introduction to the study of Kung Tzu Jia Yu ("Confucius School Talks")]. Orientalistics. 2021; 4(4). S. 901—928. (In Russian).

А.В. Лукин

Письмо Главному редактору журнала «China International Strategy Review» профессору Ван Цзисы[1]

Уважаемый профессор Ван Цзисы!

Я с большим интересом читаю одно из лучших китайских изданий по внешней политике «China International Strategy Review». Естественно, я с особым вниманием изучил статью моего старого знакомого и коллеги, известного китайского специалиста по России Гуан Гуйхая, посвященную актуальной теме российско-китайских отношений [Guan Guihai, 2022, pp. 21—38]. К сожалению, с большим удивлением и разочарованием я обнаружил там некоторые рассуждения о моих статьях, которые полностью извращают их содержание.

Так, по поводу моей статьи «Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху»[Лукин, 2020, с. 222—233] автор пишет, что я отношусь к «некоторым силам в России, что примечательно, ранее считавшихся прокитайскими», которые «в последнее время высказали серию неконструктивных замечаний и шагов в связи с реакцией на пандемию и усилившуюся стратегическую игру между Китаем и США». Кем я считался прокитайским, я точно не знаю. Однако я всегда считал себя объективным исследователем, стремящимся к беспристрастному изложению и анализу ситуации, а не к поддержке какого-либо правительства или организации. Но пусть это останется его личным мнением, на которое он имеет право.

В то же время никто не имеет право извращать факты. Например, в моей статье нет ничего про то, что Китай вел или ведет какую-то стратегическую игру с США. Там как раз, наоборот, сказано, что, если до начала Д.Трампом экономической войны с Китаем, многие в Китае надеялись на разумность США и возможность договориться с Вашингтоном, то теперь «возобладало мнение, что конфликт принял затяжной характер и нужно готовиться к худшему. Пекин не отказывается от переговоров и надеется заключить с Вашингтоном сделку, которая, по крайней мере, даст передышку для перестройки экономики в сторону меньшей зависимости от экспорта в США и союзные им государства и от их технологий» [Лукин, 2020, с. 223]. Относительно же пандемии я лишь отметил, что китайские методы борьбы с ней свидетельствуют о новой самоуверенности Китая, убежденности в том, что он многое может сделать собственным путем, не опираясь на опыт других стран, и сделал вывод, что такой подход «вряд ли смогут понять в других странах» [Лукин,

[1] Данное письмо было направлено в журнал «China International Strategy Review» 21 августа 2022 г., однако в его публикации было отказано.

2020, с. 229]. Это просто констатация факта, никаких выводов об эффективности или неэффективности китайских методов борьбы с пандемией я не делал, да их еще было рано делать в период написания статьи.

Что касается второй статьи, написанной с моим коллегой А.Д. Дикаревым и посвященной российскому подходу к территориальному спору в Южно-Китайском море [Дикарев, Лукин, 2021, С. 5—15], то автор вообще подвергает нас критике в довольно неакадемическом стиле, утверждая, что мы якобы «резко осуждаем китайскую позицию как пример “двойных стандартов” и даже относя ее к одной категорией с “доктриной Монро”» [Guan Guihai, 2022]. Обращу внимание лишь на фактическое передергивание и подтасовку. Так, термин «двойные стандарты» в нашей статье вообще не употребляется. Однако в ней сказано, что «подавляющее большинство аналитиков государств ЮВА, Индии, США и других стран отмечает двойственность позиции Пекина по проблеме территориального суверенитета в ЮКМ». То есть в двойственности позиции Китай обвиняют не авторы статьи, они лишь приводят мнения экспертов стран, занимающих враждебную Китаю позицию [Guan Guihai, 2022, p. 11].

По поводу «доктрины Монро» Гуань Гуйхай производит такую же подмену. В нашей статье сказано, что китайская политика в регионе «вызывает у некоторых экспертов ассоциации с “доктриной Монро” и дается ссылка на статью профессора Свободного университета Брюсселя Э. Франкса (Erik Franckx) [Guan Guihai, 2022], то есть Гуань Гуйхай мнение иностранного специалиста по международному праву вновь выдает за мнение авторов статьи. В более общем плане могу сказать, что ни в этой, ни в других своих научных статьях я никогда никого ни «резко осуждал», ни «решительно поддерживал». Оценки и шумное выражение эмоций — признаки не научной работы, а политической публицистики. Ученые никого не должны поддерживать или осуждать, их дело — объективно анализировать и давать советы на основе этого строго научного и объективного анализа.

Это, конечно, не значит, что они не могут ошибаться. Я люблю критику и всегда прошу всех коллег побольше критиковать мои работы. В них вполне могут быть ошибки и недочеты. Приветствую ее и на страницах Вашего журнала в будущем. Но среди академических исследователей критика все же должна быть, во-первых, обоснованной и опираться на факты, а не на их искажение, и, во-вторых, сохранять академический и дружеский характер. В противном случае она превращается в бессмысленную и резкую идеологическую полемику, которую наши страны уже пережили один раз в XX веке и к которой вряд ли следует возвращаться. Ее возобновление вряд ли может способствовать развитию дружбы и взаимопонимания, которые так нам необходимы в нынешней крайне сложной международной обстановке.

С глубоким уважением и надеждой на плодотворное сотрудничество,
А.В. Лукин, и.о. научного руководителя Института Китая и современной Азии РАН, профессор НИУ ВШЭ, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России

Библиографический список

Лукин А.В. Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 3. С. 222—233.

Дикарев А.Д., Лукин А.В. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 2. С. 5—15.

References

Guan, Guihai (2022). Thirty years of China—Russia strategic relations: achievements, characteristics and prospects// China International Strategy Review, 4, pp. 21—38. https://doi.org/10.1007/s42533-022-00101-6

Lukin, A.V. (2020). Pik minoval? Rossiyskaya strategiya v otnoshenii Kitaya v novuyu epokhu [Has the peak passed? Russian strategy towards China in the new era]. Rossiya v global'noy politike. Vol. 18. № 3. S. 222—233. (In Russian).

Dikarev, A.D.; Lukin, A.V. (2021). Podkhod KNR k territorial'nym sporam v Yuzhno-Kitayskom more i vneshnyaya politika Rossii [China's Approach to Territorial Disputes in the South China Sea and Russia's Foreign Policy]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. Vol. 65. № 2. S. 5—15. (In Russian).

2022 ГОД В РОССИЙСКОМ КИТАЕВЕДЕНИИ

В 2022 году в российском китаеведении произошёл целый ряд значимых событий. Среди них как научные конференции и выпуск новых периодических изданий, так и организационные моменты, связанные с развитием китаеведения как отдельной отрасли гуманитарных наук.

Новости организаций

В марте 2022 года по инициативе ведущих российских центров международных исследований — МГИМО МИД РФ, НИУ ВШЭ и ИДВ РАН был создан Координационный совет по Китаю и странам Восточной и Юго-Восточной Азии. Цель новой площадки — создание условий для взаимодействия крупнейших отечественных специалистов по современному Китаю и странам Восточной и Юго-Восточной Азии с внешнеполитическим руководством страны с целью выработки политической и внешнеэкономической линии России в отношении КНР и стран региона. 19 апреля состоялось первое организационное заседание Координационного совета.

10 июля 2022 года Институт Дальнего Востока РАН был переименован в Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). Новое название Института отражает фокус внимания этого крупнейшего российского исследовательского центра на изучении Китая как главного стратегического и торгового партнёра России. 13 сентября в МИА «Россия сегодня» прошла презентация ИКСА РАН. Мероприятие было приурочено к Саммиту Шанхайской организации сотрудничества в Самарканде.

25 августа 2022 года в НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург) на базе Департамента востоковедения и африканистики, бакалаврской и магистерской программ по востоковедению, а также Центра азиатских и африканских исследований, был создан Институт востоковедения и африканистики. В состав нового Института вошли четыре кафедры, в том числе и Кафедра исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии.

29 октября Обществу российско-китайской дружбы (ОРКД) исполнилось 65 лет. Президент России Владимир Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин по этому случаю направили в адрес ОРКД поздравительные письма. Российский лидер подчеркнул, что в России уделяется серьезное внимание привлечению российской молодежи к изучению китайского языка, истории и культуры КНР. Его китайский коллега отметил, что в течение 65 лет с момента своего основания ОРКД всегда придерживалось концепции дружбы с Китаем и внесло важный вклад в укрепление взаимопонимания, дружбы и доверия между народами двух стран. В честь юбилея ОРКД в Колонном зале Дома

Союзов в Москве состоялся торжественный концерт, где свою программу представил Академический ансамбль песни и пляски Российской армии им. А.В. Александрова.

Конференции

Январь

28 января 2022 года во Владивостоке на базе Восточного института Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Изучение и преподавание китайского языка и литературы». Мероприятие было проведено совместно с Ассоциацией преподавателей китайского языка.

Февраль

2 февраля 2022 года в онлайн-формате состоялась Международная научная конференция «Российско-китайское сотрудничество — основа для формирования многополярного мира», организованная Институтом Востоковедения РАН (ИВ РАН) и Российским университетом дружбы народов (РУДН).

Март

3—4 марта 2022 года в Санкт-Петербурге прошла VII всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи», организованная Институтом восточных рукописей РАН (ИВР РАН) совместно с Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). По итогам конференции был издан сборник материалов.

16—18 марта 2022 года в ИКСА РАН (на тот момент ИДВ РАН) состоялась Всероссийская научная конференция «Современное китайское государство», организованная совместно с ИВ РАН.

29 марта 2022 года состоялась II совместная научная конференция Российской академии наук и Китайской академии общественных наук «Россия и Китай: совместное развитие и модернизация», посвящённая 25-летию Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития. Мероприятие прошло в очно-заочном формате в Москве и Пекине.

Апрель

14—22 апреля 2022 года в Москве на базе Московского государственного университета прошли «Ломоносовские чтения», в рамках которых была проведена секция «Востоковедение и африканистика». По итогам мероприятия издан сборник материалов.

22 апреля 2022 года в Чите на базе Забайкальского государственного университета состоялась XX международная научно-практическая конференция «Россия—Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке».

26 апреля 2022 года в МГИМО МИД России прошел III международный молодежный форум «Россия и Китай: взгляд в будущее».

Май

12 мая 2022 года в Красноярске на базе Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (КГПУ) прошла международная научно-практическая конференция «Китайский язык и культура в современном мире», посвященная 70-летию образования Педагогического университета Внутренней Монголии, организованная при поддержке указанного китайского вуза.

18—19 мая 2022 года в Томске на базе Томского государственного университета была проведена научно-практическая конференция «Большое евразийское партнёрство: взгляд с востока». Соорганизаторами мероприятия стали Российский совет по международным делам (РСМД) и Экспертный клуб «Сибирь—Евразия», г. Новосибирск. В рамках конференции состоялась секция «Китай и Большое евразийское партнёрство».

18—20 мая 2022 года в Москве состоялась LII научная конференция «Общество и государство в Китае», организованная ИВ РАН — старейшая российская синологическая конференция, охватывающая все аспекты китаеведения. По итогам конференции издан сборник материалов.

26—27 мая 2022 года в Благовещенске прошла XII международная научно-практическая конференция «Россия—Китай: история и перспективы сотрудничества». Мероприятие организовано Благовещенским государственным педагогическим университетом и Университетом Хэйхэ (КНР) при участии Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова.

Июнь

1—2 июня 2022 года РСМД и Китайская академия общественных наук (КАОН) провели VII международную конференцию «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху». Мероприятие прошло в очно-заочном формате в Москве и Пекине. На пленарном заседании конференции с приветственными словами выступили министры иностранных дел двух стран С.В. Лавров и Ван И, президент РСМД И.В. Иванов, президент КАОН Ши Тайфэн, посол России в КНР А.И. Денисов и посол КНР в России Чжан Ханьхуэй.

14 июня 2022 года в МИА «Россия сегодня» состоялся круглый стол «Россия — Китай: диалог вопреки внешним вызовам». В ходе мероприятия был представлен восьмой ежегодный доклад РСМД, ИКСА РАН (на тот момент ИДВ РАН) и Института международных исследований Фуданьского университета (КНР) «Российско-китайский диалог: модель 2022».

28—30 июня 2022 года в Москве прошла научная конференция «Восток в искусстве и искусство Востока», которую организовали ИВ РАН, Государственный музей Востока и Государственный академический университет гуманитарных наук. В мероприятии приняли участия эксперты по истории культуры, искусства, археологии и музеологии Китая.

30 июня—2 июля 2022 года в Санкт-Петербурге на базе Восточного института СПбГУ состоялась X международная научная конференция «Проблемы литератур Дальнего Востока», посвященная 1250-летию со дня рождения выдающегося китайского литератора Бо Цзюйи (772—846). Мероприятие было организовано при поддержке Нанкинского университета (КНР).

Июль

11—13 июля 2022 года в Улан-Удэ на базе Бурятского государственного университета им. Д. Базарова (БГУ) состоялась II международная научная конференция «Синология в XXI веке», посвящена 90-летнему юбилею БГУ, 30-летию Восточного института, а также кафедр филологии стран Дальнего Востока, истории и регионоведения стран Азии и 15-летию Института Конфуция указанного вуза.

Сентябрь

5 сентября 2022 года во Владивостоке на полях Восточного экономического форума состоялась Международная научная конференция «Преподавание истории в странах Востока», к ходе которой активно обсуждались вопросы интерпретации истории российско-китайских отношений. Организатором мероприятия выступило Российское историческое общество при поддержке фонда «История Отечества».

Октябрь

13—15 октября 2022 года МГИМО МИД России провёл XIV конвент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), в рамках которого на нескольких секциях активно обсуждались вопросы российско-китайского сотрудничества и китайского-американского противостояния.

21—22 октября 2022 года Школа востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики ВШЭ провела I международную научную конференцию «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века», в ходе которой состоялись круглые столы «Проблемы исторического взаимодействия России, Китая и Монголии» и «Китаеведение и бизнес: новые подходы к образовательным программам».

27—28 октября 2022 года в Москве прошла научная конференция «История, язык и культура Китая», организованная ИВ РАН совместно с Международной издательской компанией «Шанс».

27—29 октября 2022 года в Красноярске на базе КГПУ прошёл Фестиваль китайского кино, сопровождавшийся проведением лекций и семинаров по современной китайской культуре.

Отдельные мероприятия, приуроченные к проведению XX съезда Коммунистической партии Китая (16—22 октября):

- 7 октября 2022 года кафедра востоковедения МГИМО МИД России провела круглый стол «Внешняя политика КНР накануне XX съезда Коммунистической партии Китая».
- 14 октября 2022 года Центр комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России провёл круглый стол China's Historical Moment and Its Implications for the World Order.
- 24 октября 2022 года на базе МИА «Россия сегодня» прошёл круглый стол «Итоги XX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений». Организатором мероприятия стал Российский совет по международным делам.

Ноябрь

9 ноября 2022 года прошла международная видеоконференция «Иркутск—Шэньян: встреча российских и китайских студентов», приуроченная к 30-летию установления побратимских отношений между двумя городами и организованная Иркутским государственным университетом.

10—11 ноября 2022 года в Новосибирске прошла VI международная научно-практическая конференция «Российско-китайское сотрудничество: на пути к глобальному устойчивому развитию». Мероприятие организовано Новосибирским государственным техническим университетом совместно с ИКСА РАН и Даляньским университетом иностранных языков (КНР).

10—12 ноября 2022 года в Казани на базе Казанского (Приволжского) федерального университета прошел III международный форум «Россия и Китай в меняющемся мире». В этом году форум объединил юбилейную XV международную научно-практическую конференция «Россия — Китай», III всероссийскую конференцию «Актуальные вопросы преподавания китайского языка в XXI веке» и заключительный этап II международного студенческого онлайн конкурса научных работ «Россия—Китай: история и современность».

10—12 ноября 2022 года в Санкт-Петербурге на базе СПбГУ прошел I Петербургский конгресс исследователей международных отношений. Темой мероприятия стали «Глобальные и региональные вызовы в меняющемся мире». В рамках конгресса состоялись секции, посвящённые изучению Китая: «Дискурсивная сила КНР: нарративы и каналы распространения», «Глобальная конкуренция КНР и США и контуры новой биполярности», «Треугольник США—Китай—Россия».

14—15 ноября 2022 года в Новосибирске прошла VII международная научно-практическая конференция «Великий Шелковый путь: традиции и современность», посвященная 90-летию профессора М.В. Крюкова и 60-летию гуманитарного образования в Новосибирском государственном университете (НГУ). Мероприятие организовано кафедрой востоковедения НГУ, Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, при поддержке Синьцзянского университета (КНР).

14—15 ноября 2022 года в Екатеринбурге на базе Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина прошла международная научная конференция «Пути и страны: цивилизации Востока в исторической динамике», в ходе которой, помимо ряда выступлений по истории Китая на отдельных секциях, при поддержке РСМД состоялся круглый стол «Российско-китайское сотрудничество в области высшего образования: возможности для углубления и направления развития». Избранные доклады планируется опубликовать в научном журнале «Уральское востоковедение».

14—18 ноября 2022 года в МГИМО МИД России прошла «Неделя Китая», организованная «Китайским клубом» Научного студенческого общества. В рамках этого мероприятия состоялась Международная научная конференция «Китай в многополярном мире: вызовы и перспективы».

24—25 ноября 2022 года в Благовещенске прошла IV международная научно-практическая конференция «Современные проблемы развития экономики

России и Китая». Мероприятие организовано Амурским государственным университетом совместно с Университетом Хэйхэ (КНР).

24—25 ноября 2022 года в Москве на базе Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН прошла Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: торгово-экономическое сотрудничество, сфера миграции, рынок труда». Мероприятие организовано совместно с Шанхайским институтом международных исследований (КНР) и Институтом исследования зарубежных китайцев Университета Вэньчжоу (КНР).

24—25 ноября 2022 года в Москве на базе ИКСА РАН состоялась X международная научная конференции молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее».

25—26 ноября 2022 года в Санкт-Петербурге на базе СПбГУ прошла VI международная студенческая конференция востоковедов и африканистов Ex Oriente Lux, в которой приняли активное участие студенты-китаисты.

Декабрь

1—2 декабря 2022 года в Москве на базе ВШЭ прошла IV международная научная конференция «Мировое большинство в современных международных реалиях: от фрагментации к новой институциональности», в ходе которой состоялись секции «Китай в эпоху Си Цзиньпина» и «Северо-Восточная Азия и перспективы азиатского века».

6—8 декабря 2022 года в Иркутске состоялись VI «Готлибовские чтения», ставящие своей целью развитие научного наследия выдающегося отечественного китаеведа О.М. Готлиба. Мероприятие было организовано кафедрой востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета.

14—15 декабря 2022 года в ИВ РАН прошла X всероссийская конференция «История востоковедения: традиции и современность».

Защиты диссертаций

В течение 2022 года было защищено несколько диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, посвящённых различным аспектам китаеведения.

В частности, защитились: Е.С. Скрыпник («Правление императрицы У Цзэ-тянь (624—705) в нормативной историографии»), А.В. Татаринова («Образ России в Японии, Китае и Юго-Восточной Азии»), Э.Ш. Аликберов («Взаимоотношения Китая и Индии на рубеже XX — начала XXI века: сотрудничество и конкуренция»), М.Л. Лепнева («Минско-цинское возрождение китайского буддизма (вторая половина XVI — конец XVIII вв.)»), А.А. Гарин («Фактор Китайской Народной Республики во внешней политике Австралийского Союза (1972—2020)»), Д.Б. Зарудный («История формирования спецслужб Китайской Народной Республики (20-е гг. XX в. — 2017 г.)»), Н.Н. Горячев («Политика Перу в отношении КНР (1990—2010-е гг.): историческая динамика и основные проблемы»).

Новости периодических изданий

В первой половине 2022 года запущено два новых журнала, ориентированных в том числе на популяризацию китаеведных знаний:

- «Digital Orientalia — Цифровое востоковедение», журнал издаётся Институтом востоковедения РАН, главный редактор: академик РАН В.В. Наумкин;
- «Дальневосточный филологический журнал», журнал издаётся Дальневосточным федеральным университетом, главный редактор: Г.И. Модина.

Кроме того, в течение 2022 года три профильных китаеведных журнала повысили свой статус:

- «Современные востоковедческие исследования» (издаётся Казанским (Приволжским) федеральным университетом, главный редактор: Д.Е. Мартынов) вошёл в перечень ВАК по шести специальностям;
- «Российско-китайские исследования» (издаётся Байкальским государственным университетом, г. Иркутск, главный редактор: И.В. Цвигун) вошёл в перечень ВАК по четырём специальностям;
- «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (издаётся Благовещенским государственным педагогическим университетом, главный редактор: А.В. Друзяка), ранее издававшийся как сборник материалов конференции, получил Международный стандартный номер сериального издания (ISSN) и вошёл в перечень ВАК по специальности «Социальные и гуманитарные науки».

Также в конце 2022 года запущен журнал «Российское китаеведение», первый номер которого Вы держите в руках.

Хронику составили И.Ю. Зуенко, А.А. Перминова

Уважаемые читатели!
Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения в России и мире на электронный адрес редакции:
journal@iccaras.ru